

*ПОСВЯЩАЕТСЯ
200-ЛЕТИЮ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
(1818-2018)*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**СТРАНЫ АЗИИ И АФРИКИ В ХХІ ВЕКЕ:
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС**

К 90-ЛЕТИЮ
ВИКТОРА ГЕОРГИЕВИЧА РАСТЯННИКОВА

Москва
ИВ РАН
2018

УДК 330.34
ББК 65.2/4
С83

Рецензенты: к.э.н. А.О. Филоник, к.и.н. Т.Л. Шаумян

Ответственные редакторы
д.э.н. А.В. Акимов, к.э.н. И.В. Дерюгина

Составитель: к.э.н. Е.В. Растянникова

С83 Страны Азии и Африки в XXI веке: экономическое развитие и научно-технический прогресс. К 90-летию Виктора Георгиевича Растянникова / Отв. ред. А.В. Акимов, И.В. Дерюгина / Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2018. – 382 с.

ISBN 978–5–89282–812–3

В юбилейном сборнике, посвященном 90-летию выдающегося ученого-востоковеда В.Г. Растянникова, представлены научные статьи по трем наиболее актуальным для экономики стран Востока темам. Во-первых, определено влияние новых производительных сил на экономический рост в странах Азии и Африки в XXI в. Дана характеристика категориальной парадигмы «Индустрия 4.0», «Четвертая промышленная революция», оценены направления технологических преобразований. Во-вторых, исследованы социальные, экономические и экологические проблемы аграрной экономики, с которыми страны Азии и Африки столкнулись в начале XXI в. Наибольшее внимание уделено сельскому хозяйству Индии, Афганистана, Мьянмы, Нигерии, региона Тропической Африки. В-третьих, рассмотрен экономический рост в отдельных отраслях народного хозяйства Индии и других стран Южной и Центральной Азии.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей, интересующихся современными проблемами экономики стран Востока, а также преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов, обучающихся по специальности Мировая экономика.

ISBN 978–5–89282–812–3

© Коллектив авторов, 2018
© Институт востоковедения РАН, 2018
© Растянникова Е.В., дизайн обложки, 2018

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

**ASIAN AND AFRICAN COUNTRIES
IN THE XXI CENTURY:
ECONOMIC DEVELOPMENT AND
SCIENTIFIC PROGRESS**

TO THE 90th ANNIVERSARY OF
VICTOR G. RASTYANNIKOV

Moscow
IOS RAS
2018

UDC 330.34

Reviewers: Dr. A.O. Filonik, Dr. T.L. Shaumyan,

Edited by
D.Sc. A.V. Akimov, Dr. I.V. Deryugina

Compiler-editor: Dr. E.V. Rastyannikova

Asian and African countries in the XXI century: economic development and scientific progress. To the 90th anniversary of Victor G. Rastyannikov / Ed. by A.V. Akimov, I.V. Deryugina / Institute of Oriental Studies RAS. – M.: IOS RAS, 2018. – 382 p.

ISBN 978–5–89282–812–3

The anniversary collection of articles, devoted to the 90th anniversary of the famous scientist-orientalist Victor G. Rastyannikov, presents scientific articles on the three most relevant topics for the economy of the Eastern countries. First, to determine the impact of new productive forces in economic growth in the countries of Asia and Africa in the XXI century, the characteristic of the categorical paradigm of Industry 4.0 or the Fourth Industrial Revolution, the estimated direction of technological change. Secondly, the social, economic and environmental problems of the agricultural economy, which the countries of Asia and Africa faced at the beginning of the XXI century, are investigated. Most attention is paid to agriculture in India, Afghanistan, Myanmar, Nigeria, the Tropical Africa region. Third, economic growth in selected industries in India and other countries of South and Central Asia is considered.

The book will be interesting for many readers dealing with the modern economy of the Eastern countries, as well as teachers, students, undergraduates, postgraduates studying the World economy.

ISBN 978–5–89282–812–3

© Group of authors, 2018

© Institute of Oriental Studies RAS, 2018

© Rastyannikova E.V., design cover art, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
РАЗДЕЛ I. К 90-ЛЕТИЮ ВИКТОРА ГЕОРГИЕВИЧА РАСТЯННИКОВА..	12
Дерюгина И.В. Виктор Георгиевич Растянников и его роль в изучении социально-экономических процессов в странах Востока	12
Белокреницкий В.Я. Вклад Виктора Георгиевича Растянникова в изучение экономики Пакистана	23
Растянников В.Г. НТР и проблемы стадий капиталистической эволюции в развивающихся странах Востока	27
РАЗДЕЛ II. НОВЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ	93
Акимов А.В. Четвертая промышленная революция и формирование новой системы производительных сил: концепции и интерпретации.....	93
Мельянцев В.А. Догоняющее и перегоняющее развитие стран Востока и Юга: масштабы, факторы, проблемы и перспективы	102
Юрлов Ф.Н. Центр экономического развития мира перемещается с Запада в Азию	113
Тимонина И.Л. Преобразование производственной структуры Японии в условиях четвертой промышленной революции.....	129
Лебедева И.П. Изменения на японском рынке труда: экономические аспекты	140
Авдаков И.Ю. Инновационное развитие железнодорожного транспорта Японии.....	150
Цветкова Н. Н. Страны Востока: экспорт компьютерных услуг и производство добавленной стоимости.....	163

Растянкикова Е.В. Четвертая промышленная революция и производительность труда	175
Борисов М.Г. Новая энергетика в странах Востока	182
Кандалинцев В.Г. Экономический рост и ПИИ в странах Азии и Африки	207
Немчинов В.М. Альтернативные контуры экономики домохозяйств в XXI веке	217
РАЗДЕЛ III. АГРАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ В XXI ВЕКЕ	
Муранова А.П. Аграрные проблемы Мьянмы	228
Дерюгина И.В. Сельское хозяйство Индии: от импортозамещения к экспортоориентированной модели	236
Окимбеков У.В. Проблемы использования водных и земельных ресурсов в Афганистане	244
Смирнова Г.И. Потенциал сельскохозяйственного развития Республики Судан	255
Гаврилова Н.Г. Современные аграрные проблемы Нигерии	258
Сугаков Г.К., Фирова А.А. Протекционизм как инструмент решения аграрных проблем в современной Тропической Африке	269
РАЗДЕЛ IV. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС В ИНДИИ, СТРАНАХ ЮЖНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	
Ульченко Н.Ю. Турция: проблема смены парадигмы экономического роста	276
Матюнина Л.Х. Особенности теневой банковской деятельности в Индии (2011-2017 гг.)	284
Бойцов В.В. Экономический рост в современной Малайзии: факторы и эффективность.	298

Лукоянов А.К. Транспортное обеспечение иранского Прикаспия	309
Серебров С.Н. Экономические аспекты йеменского кризиса.....	320
Панфиленко Э.Н. Влияние энергетики на развитие экономики Египта.....	327
Соловьева З.А. Проблемы экономического развития и роль зеленой экономики в странах Магриба.	332
Замараева Н.А. Специальные экономические зоны в проекте Китайско-пакистанского экономического коридора	342
Имамкулиева Э.Э. Рост населения в арабских странах: вызовы или новые возможности?	350
Ганжа Н.С. Влияние родоплеменных связей (асабийя) на систему хозяйствования в Ливии при Муаммаре Каддафи....	354
Матросов В.А. Экономика юга Ливии: актуальное состояние, потенциалы, риски	361
Захаров А.И. Условия ведения бизнеса в Индии: закономерный прогресс?.....	369
Рабей С.Л. Регулирование виртуальных валют в Индии.....	372
SUMMARY	380

ПРЕДИСЛОВИЕ

В феврале 2018 г. выдающемуся ученому-востоковеду Виктору Георгиевичу Растянникову исполнилось бы 90 лет. Научное наследие В.Г. Растяникова настолько многообразно, что, задумав юбилейный сборник статей, мы предложили его участникам ограничиться обсуждением трех основных тем.

Первое – дискуссия о развитии новых производительных сил в странах Азии и Африки в XXI веке. В этом разделе были решены две задачи: во-первых, был определен категориальный аппарат и общие подходы к исследованию Четвертой промышленной революции, и, во-вторых, были изучены направления распространения инновационных технологий в Японии, Китае, Индии. На основании изучения существующих в научном мире альтернативных подходов к описанию современного этапа научно-технического прогресса было выделено три категориальных системы: Четвертая промышленная революция, Индустрия 4.0 (Германия), Цифровая экономика (Россия). С одной стороны, они описывают одно и то же явление – распространение инновационных технологий и современного научно-технического прогресса, с другой – несут различное экономическое значение. Новизной отличаются следующие направления: исследование производительности труда как системообразующей категории для оценки распространения инновационных технологий Четвертой промышленной революции, изучение трудосберегающих технологий в странах с избыточными трудовыми ресурсами, оценка новых форм занятости и изменений на рынке труда в ходе научно-технического прогресса. Большой интерес представляют вопросы догоняющего и перегоняющего развития стран Востока и доказательства перемещения центров экономического роста из стран Запада в страны Азии.

Второе – обсуждение аграрных проблем, остро влияющих на социально-экономическую жизнь стран Азии и Африки в начале XXI века. В этом разделе на примере Индии, Мьянмы,

Афганистана, Судана, Нигерии и стран Тропической Африки были изучены такие вопросы, как воздействие экспортной ориентации сельского хозяйства на социальные параметры развития в деревне стран Востока, ресурсный потенциал аграрного производства и влияние на него экологической составляющей, продовольственная ситуация в сельском хозяйстве наиболее отсталых стран Азии и Африки и возможные пути преодоления аграрного кризиса в странах Тропической Африки.

Третье – анализ экономического прогресса в Индии и странах Южной и Центральной Азии. В этом разделе было исследовано влияние инновационных технологий, присущих Четвертой промышленной революции, на экономический рост в различных отраслях народного хозяйства стран Востока. Наибольшее внимание было уделено смене трендов экономического роста в Турции, Малайзии, Ливии, Йемене, странах Магриба и некоторых других арабских странах. Статьи в этом разделе включали анализ распространения инновационных технологий в таких отраслях экономики Индии, стран Южной и Центральной Азии, как финансы, транспорт, управление бизнесом.

В первом разделе сборника отмечен вклад В.Г. Растянникова в исследование социально-экономических процессов в странах Востока. Мы сочли возможным включить репринтное издание статьи по проблемам НТР, написанной В.Г. Растянниковым в начале 1990-х годов, что позволило проследить изменение подходов, которые складывались в Институте востоковедения к исследованию НТР, а также изучить категориальный аппарат, который применялся для исследования зарождавшегося тогда феномена Четвертой промышленной революцией, и который за прошедшие четверть века претерпел колоссальные изменения.

*Александр Акимов
Ирина Дерюгина*

РАЗДЕЛ I.
К 90-летию Виктора Георгиевича Растянникова

Дерюгина И.В.
**Виктор Георгиевич Растянников и его роль в изучении
социально-экономических процессов в странах Востока**

К.э.н., Ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Отдел экономических исследований
irina-vd@mail.ru

Виктор Георгиевич Растянников (1928–2015) более 60 лет проработал в Институте востоковедения РАН, был крупнейшим специалистом в области аграрно-крестьянских проблем Востока и продовольственной безопасности стран Востока. На его счету около 150 научных работ, в том числе 30 книг, которые он подготовил как автор и/или ответственный редактор. Многие его труды в переводе на английский, индийские и другие языки изданы в Великобритании, США, Индии, Японии.

Вся научная жизнь Виктора Георгиевича Растянникова была связана с Институтом востоковедения РАН (АН СССР). Окончив в 1950 г. Московский институт востоковедения, он поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР, по завершению которой защитил кандидатскую диссертацию и был принят на работу в Институт востоковедения, где проработал с 1955 г. до 2015 г.

Начало научной деятельности В.Г. Растянникова было определено кандидатской диссертацией «Аграрные отношения в Пенджабе (1900–1947 гг.)». В период 1955–1971 гг. В.Г. Растянников работал в Отделе Индии, Пакистана, Цейлона и Непала. Центральным объектом его исследований в этот период были институты земельной собственности, тенденции развития капитализма в сельском хозяйстве Индии, а также аграрная реформа в странах Востока. Углубление противоречий между

становлением новых капиталистических отношений и соответствующей производственной организацией в сельском хозяйстве Пакистана и Индии, с одной стороны, и старым феодально-помещичьим землевладением, с другой, В.Г. Растянников считал основным препятствием создания высокоэффективного хозяйства нового типа. Эти взгляды нашли отражение в книгах В.Г. Растяникова: «Проблемы экономики Пакистана» (1958, соавтор С.А. Кузьмин) и «Развитие капитализма в сельском хозяйстве Индии (социально-экономические изменения в пореформенной деревне)» (1965, соавтор М.А. Максимов).

Начало его известности как ученого-аграрника мирового класса положило исследование многоукладности в Индии, которое стало основой его докторской диссертации «Проблемы аграрной эволюции в многоукладной экономике (Опыт независимой Индии)», защищенной в 1971 г., и опубликованной в 1973 г. монографии «Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии». В 1981 г. книга была переведена на английский язык и издана в Великобритании. Впоследствии работа «Agrarian Evolution in Multiform Structure Society. Experience of Independent India» стала учебником для студентов-индологов во всем мире.

В 1971 г. В.Г. Растянников перешел в Отдел Общих проблем развития стран Азии и Северной Африки, где сначала был заместителем руководителя, а с 1973 г. – руководителем Группы Аграрно-крестьянских проблем. В период 1974–1986 гг. он заведовал Сектором Аграрно-крестьянских проблем и с 1986 г. по 1990 г. руководил Межинститутской группой по изучению проблем капитализма в Азии, функционировавшей на базе Отдела Общих проблем развития стран Азии и Северной Африки.

Период работы Виктора Георгиевича в Отделе Общих проблем связан с организацией крупных коллективных монографий по аграрным и продовольственным проблемам. Е.М. Примаков, бывший в это время директором Института востоковедения, вывел изучение экономических, социальных и политических проблем в странах Востока на новый уровень. Он задействовал все научные ресурсы Института для создания комплексных трудов, охватывающих многообразные аспекты

бытия стран Востока. Под руководством В.Г. Растянникова и при непосредственном его участии были опубликованы такие комплексные исследования, как «Развивающиеся страны и “зеленая революция”» (1974), «Аграрные структуры стран Востока: генезис, эволюция, социальные преобразования» (1977), «Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки» (1980), «Зарубежный Восток и современность. Том 2. Раздел 3» (1980), «Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки» (1982), «Восток: продовольствие и развитие» (1986), впоследствии эта книга была издана в Индии под названием «Economic Development and Food Problem. A study of the Eastern Countries» (1993). Научная деятельность В.Г. Растянникова широка и многообразна, но я постараюсь акцентировать внимание на главных образующих ядро его исследований темах.

Несмотря на то, что В.Г. Растянников работал в парадигме марксистских понятий, которые уже в те годы из-за своей ограниченности искажали процесс познания, он смог точно и выпукло показать реальный процесс в аграрной сфере Индии. Например, изучая процесс зарождения сельской буржуазии и класса наемных рабочих, он отмечал не классовые противоречия, а показывал пропорции разложения ранее единого крестьянства, выделял особые экономические черты новых групп крестьянства, стимулы их деятельности и движители экономического прогресса в аграрном развитии.

Изучение «зеленой революции» в научной деятельности В.Г. Растянникова занимало особое место. Впервые он озвучил свое видение данного феномена на конференции в Колумбийском университете в 1970 г. в докладе «The Green Revolution», который был опубликован в книге «The Widening gap. Development in the 1970's» (ed. by Barbara Ward, 1971). Взяв за основу технологические преобразования и становление индустриальных производительных сил в ходе «зеленой революции», Виктор Георгиевич показал ее роль в формировании нового типа производителя и выделил его социально-экономические черты. Он писал, что «зеленая революция» выступала как процесс капиталистического развития, но развития особого рода: она детерминировалась усилением не стоимостных, свободно-

рыночных отношений, а отношений внестоимостных вследствие того, что она не была естественным результатом социально-экономической эволюции деревни. Переход к «зеленой революции» в странах Востока был вызван необходимостью ослабить возникшие к середине 1960-х гг. диспропорции и восстановить целостность воспроизводственного механизма в первую очередь в сфере продовольственного обеспечения¹. В.Г. Растянников подчеркивал, что под влиянием «зеленой революции» формировалась дуалистическая структура аграрного общества и усиливалась дифференциация в странах Востока.

Изучение продовольственной проблемы стало важной вехой в научной жизни В.Г. Растяникова. Он первым в российском востоковедении подошел к исследованию этого вопроса как к проблеме глобального масштаба. Особое внимание он уделял тому, как усиление интернационализации мирового хозяйства способствовало возникновению продовольственных кризисов и появлению социально-экономических диспропорций в сельском хозяйстве стран Востока. Виктор Георгиевич считал, что диспропорции в сфере продовольственного обеспечения органически связаны с многоукладной экономикой в аграрном секторе. В то время как количественные и качественные потребности в продовольствии формировались под воздействием демонстрационного эффекта потребления, распространявшегося из развитых стран, аграрный сектор, призванный удовлетворять эти потребности, в значительной своей части был представлен традиционным полунатуральным производством².

Сегодня, когда прошло более 30 лет с момента написания этих строк, можно отметить, что данные диспропорции не только не сгладились, но еще больше увеличились. Расширение глобализации (или интернационализации, или регионализации – как этот феномен ни назови) привело к исчезновению некоторых частей воспроизводственного механизма в аграрном хозяйстве стран Востока (примером может служить сельское хозяйство Малайзии, использующее более 70% площадей для производства

¹ Зарубежный Восток и современность. Том 2. М.: ГРВЛ. 1980. С.73-80.

² Восток: продовольствие и развитие. Отв. ред. В.Г. Растянников. М.: ГРВЛ. 1986. С. 22.

экспортных товаров), усилению дифференциации хозяйств, причем уже не на уровне регионов, а внутри самого хозяйства (современные его структуры под контролем ТНК работают на мировой рынок, а традиционные – на натуральное продовольственное потребление). В результате это проявилось в создании, как говорил В.Г. Растяльников, «расщепленного» уклада в аграрном воспроизводстве³.

Еще одна вопиющая проблема, которую подчеркивал в своих работах В.Г. Растяльников, – сохранявшиеся масштабы пауперизма в странах Южной Азии⁴. Тот факт, что в 2015 г. во многих штатах Индии (Асам, Бихар, Орисса, Мадхья-Прадеш, Уттар-Прадеш) более трети населения считалось голодающим, а в среднем по Индии недоедало 15,2%, (в Пакистане – 22%) всей численности населения, – говорит в пользу сделанного 30 лет назад заключения В.Г. Растяникова.

Что отличало научный подход В.Г. Растяникова – это способность увидеть особенные черты и выделить социально-экономические цели исследования. Как отмечал Л.Б. Алаев, В.Г. Растяников дал объемную картину аграрных отношений в Индии после реформ; особенно важно то, что он, будучи экономистом, показал значение социальных факторов (касты, семьи и пр.) в экономических процессах⁵. Например, Виктор Георгиевич не единственный, кто рассматривал влияние аграрной реформы на становление индустриального типа хозяйства в аграрном секторе стран Востока, но именно он сконцентрировался на изучении аграрной реформы как институте освобождения от внеэкономических форм эксплуатации и феодальных пережитков, в частности издольной аренды⁶. Именно поэтому он неоднократно подчеркивал важность ликвидации заминдаров и прочих посредников-рентополучателей для становления современного

³ Растяников В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М.: ИВ РАН. 2004. С. 273.

⁴ Продовольственная проблема в развивающихся странах Азии и Северной Африки. Отв. ред. В.Г. Растяников. М.: ГРВЛ «Наука». 1982.

⁵ Алаев Л.Б. Историография истории Индии. М.: ИВРАН. 2013. С. 243.

⁶ Растяников В.Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М.: ГРВЛ. 1973. С. 136-168, 221.

аграрного хозяйства⁷.

Крупным направлением его научных интересов были теоретические аспекты становления капитализма в странах Востока во второй половине XX века, в первую очередь – выявление специфических черт генезиса капитализма в развивающихся странах региона. Этому направлению была посвящена книга, вышедшая под его редакцией (совместно с Г.К. Широковым) «Капитализм на Востоке во второй половине XX в.». Книге принадлежит особое место в теоретическом осмыслении проблем социально-экономического развития на периферии мирового капитализма. Задуманная еще в период до распада СССР, монография свободна от узости традиционного советского взгляда на предмет исследования. Написанные Виктором Георгиевичем разделы носили новаторский в теоретическом плане характер. Он был одним из первых ученых, который не просто реабилитировал забытое в советское время теоретическое наследие А.В. Чаянова, а привел доказательство его значимости для аграрного хозяйства стран Востока. Я бы назвала В.Г. Растянникова научным «предсказателем» – он предугадал в начале 90-х многие теоретические направления развития научно-технической революции, которую мы только сейчас начинаем комплексно изучать как Четвертую промышленную революцию. Творческое восприятие помогло В.Г. Растянникову с интересом и уважением относиться к вкладу в теорию восточной многоукладности, который внесли, помимо него, А.П. Колонтаев, В.В. Крылов, А.И. Левковский⁸.

Не могу не вспомнить работу Виктора Георгиевича над серией прогнозов. В 1980 г. Институт востоковедения под руководством Е.М. Примакова активно включился в работу над Комплексным прогнозом социально-экономического развития стран Азии и Северной Африки. Прогнозы в области сельского хозяйства выполнялись под руководством В.Г. Растянникова. Тогда были выполнены прогнозы до 2000 г. и 2010 г.

⁷ Растянников В.Г. Земельная реформа в Индии // Индия сегодня. Справочно-аналитическое издание. М. 2005. С. 314-320.

⁸ Капитализм на Востоке во второй половине XX века. Отв. ред. В.Г. Растянников, Г.К. Широков. М.: «Восточная литература». 1995. Главы 5, 6, 7.

Ретроспективно оценивая точность сельскохозяйственных прогнозов до 2010 г., могу отметить всего лишь десятипроцентное превышение расчетных прогнозных показателей над реальными значениями 2010 года.

В 1990 г. В.Г. Растянников перешел в Центр индийских исследований. В этот период В.Г. Растянников, уже будучи очень известным ученым, смог открыть в себе новые грани ученого-экономиста. За двадцать пять лет работы в Центре он опубликовал 10 книг и 30 крупных статей, в том числе в международных журналах. В этот период были опубликованы такие монографии как «Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии в XX в.» (1996), «Аграрная экономика Узбекистана на пути к рынку» (1997, Институт экономики Азии, Токио), «"Большие циклы" в агросфере. XX век» (1997, соавтор И.В. Дерюгина), «Сельскохозяйственная динамика. XX век» (1999, соавтор И.В. Дерюгина), «Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан» (2004, соавтор И.В. Дерюгина), «Урожайность хлебов в России: 1795–2007» (2009, соавтор И.В. Дерюгина), «Аграрная Индия. Парадоксы экономического роста: вторая половина XX в. – начало XXI в.» (2010).

С развалом СССР впервые появилась возможность свободного научного познания. Научные интересы В.Г. Растяникова на протяжении всей его научной жизни были сосредоточены на развитии капитализма в аграрном обществе Индии, но подходы и методы исследования постоянно трансформировались, и главное здесь не смена парадигмы понятий, произошедшая в российской науке в начале 1990-х гг., а живой механизм социально-экономической жизни стран Азии. 1990-е годы позволили совсем иначе подойти к исследованию экономических процессов в странах Востока. Освободившись от рамок псевдомарксистской идеологии, Виктор Георгиевич расширил направления своих исследований.

Особый интерес В.Г. Растяникова в постсоветский период его исследований вызывали проблемы гетерогенности капитализма, развивающиеся под воздействием НТР, и изменения в многоукладной аграрной системе, происходящие под влиянием мирового рынка. Он доказал, что именно НТР вывела

«стадиальную эволюцию капитализма на общепланетарную авансцену, превращая данный тип развития в универсальный процесс мирового порядка». Капитализм в многоукладном аграрном обществе, как доказал В.Г. Растянников, приобретает форму доминантного уклада (депрессивного), при котором экономические отношения в аграрном хозяйстве реализуются часто через внеэкономическое принуждение, как внутренне присущее восточным обществам, так и привнесенное извне в виде «политического» насилия⁹.

Большое место в научном творчестве В.Г. Растяникова, начиная с конца 1990-х годов, занимают проблемы исследования циклической неравномерности сельскохозяйственного роста в странах центра и периферии мирового хозяйства (с позиции «длинных волн» Н.Д. Кондратьева). Он доказал, что существует единая циклическая волна сельскохозяйственного роста для стран, включенных в мировое хозяйство, причем синхронность или фазовое отставание начала нового цикла для стран периферии от центра зависит от степени включенности сельского хозяйства страны в мировое хозяйство. Речь при этом идет не только о влиянии фактора мирового рынка, но, главным образом, явления более глобального порядка, такого, как НТР¹⁰.

Несколько книг В.Г. Растяникова в 2000-х годах были посвящены исследованию типологии экономических процессов в сельском хозяйстве стран Востока и сравнительному анализу моделей экономического роста в сельском хозяйстве Востока и Запада. Наиболее всеобъемлющей работой стала монография «Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан», где ретроспективно охарактеризованы процессы смены исторических ступеней развития аграрных секторов – традиционной, мануфактурной, индустриальной, информационной, а также выявлены качественные особенности и этапы движения аграрных секторов данных стран к рынку.

⁹ Капитализм на Востоке во второй половине XX века. Отв.ред. В.Г. Растянников, Г.К. Широков. М.: «Восточная литература». 1995.

¹⁰ Растянников В.Г., Дерюгина И.В. «Большие циклы» в агросфере. XX век». М.: ИВРАН. 1997.

Помимо описанных выше в рамки его интересов попадали такие вопросы, как:

а) влияние земельно-демографического комплекса на экономический рост в плотнонаселенных странах Востока. Виктор Георгиевич исследовал процессы деградации (и прямого разрушения) цепи взаимосвязанных звеньев аграрно-экономической деятельности под воздействием усиливающегося давления на природные ресурсы из-за роста народонаселения¹¹;

б) парадоксы экономического роста в псевдосоциалистической экономике в республиках Средней Азии в период их существования в составе СССР¹²;

в) условия становления рыночной экономики в сельском хозяйстве России в период НЭПа и разрушения звеньев воспроизводства в период коллективизации¹³;

г) ретроспективный анализ динамики урожайности зерновых культур в отдельных странах мира с конца XVIII в. до начала XXI в.¹⁴;

д) сравнительный анализ социально-экономических моделей в сельском хозяйстве стран Востока и Запада на примере США, России, Казахстана, Узбекистана, Индии и Японии¹⁵.

¹¹ Растянников В.Г. Аграрная Индия. Парадоксы экономического роста: вторая половина XX в. – начало XXI в. М.: ИВ РАН. 2010; Становление современного аграрного хозяйства в Индии // Земельный вопрос. М.: «Колос». 1999. С. 439-469.

¹² Растянников В.Г. Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии в XX в. М.: ИВ РАН. 1996.

¹³ Растянников В.Г. Из истории распределения продукта сельского хозяйства в России, СССР (20–30-е годы XX в.) // Русский исторический журнал. 2001. Т. IV. С. 200-236; Растянников В.Г. Индустриализация и динамика заработной платы в агросфере: СССР, Россия в контексте международных сравнительно-исторических сопоставлений // Вопросы статистики. 1996. № 2. С. 43-49; Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Экономический рост в аграрном секторе России. Проблемы XX века. М.: ИИЦ «Статистика России». 2005.

¹⁴ Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Долгосрочные изменения в урожайности сельскохозяйственных культур: середина XIX — конец XX века (Опыт реконструкции непрерывных временных рядов статистических данных) // Вопросы статистики. 1998. № 9. С.31-45.

¹⁵ Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Сельскохозяйственная динамика. XX век. Опыт сравнительно-исторического исследования. М.: ИВ РАН. 1999; Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М.: ИВ РАН. 2004.

Логическим завершением научных подходов В.Г. Растяникова к изучению моделей сельскохозяйственного роста стала разработка теории «Двух технологических способов производства» в сельском хозяйстве стран Востока и Запада. Данной теории посвящена его последняя книга «Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства», опубликованная посмертно в 2017 г. В книге разработана концепция двух технологических способов производства в сельском хозяйстве – землесберегающего для сельского хозяйства стран Востока и трудосберегающего для сельского хозяйства стран Запада¹⁶. Еще в древности условия формирования аграрного хозяйства настолько прочно определили путь эволюции, что никакая страна не может сойти со своей «колеи». Землесберегающий технологический способ производства сложился в сельском хозяйстве Азии. Он отражал организацию производства, при которой не экономия труда, а сбережение земли и повышение ее плодородия было главным условием производства. Трудосберегающий технологический способ производства базировался на средствах производства, экономящих труд, и использовании большой хозяйственной площади, позволяющей получать эффект от экономии масштаба. Изначально он сформировался в сельском хозяйстве стран Запада, сначала естественным путем в странах Европы и впоследствии распространился в условиях внешней и внутренней колонизации в страны Северной Америки, Австралию, Россию, Казахстан. Помимо чисто теоретических изысканий книга отвечает на практический вопрос – сольются ли в будущем направления эволюции сельского хозяйства стран Востока и Запада. Оценив перспективы развития сельского хозяйства до середины XXI века, сделан вывод, что векторы эволюции землесберегающего и трудосберегающего технологического способа производства в ближайшие полвека не пересекутся, каждый будет идти по своей «колее».

Завершая описание научных взглядов, надо сказать, что Виктор Георгиевич сочетал в себе черты великолепного

¹⁶ Растяников В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М.: ИВ РАН. 2017.

исследователя и прекрасного преподавателя. Читал курсы лекций по различным аспектам экономики и политэкономии сельского хозяйства стран Востока в ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Российском университете дружбы народов. Под его научным руководством были защищены десять кандидатских диссертаций. На протяжении многих десятилетий он был заместителем председателя, а затем председателем Диссертационного совета по экономическим наукам Института востоковедения РАН, неоднократно избирался в Ученый совет Института. Был награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За трудовую доблесть», «Золотой медалью И.Ю. Крачковского», Юбилейными медалями в честь Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. и др.

Представленные в настоящей книге статьи акцентируют внимание на тех аспектах научного наследия В.Г. Растянникова, которые сегодня являются наиболее актуальными в экономическом востоковедении.

Белокреницкий В.Я.
Вклад Виктора Георгиевича Растянникова в изучение
пакистанской экономики.

Д.и.н., к.э.н., Профессор,
Заведующий Центром изучения стран БСВ
Институт востоковедения РАН
enitsky@yandex.ru

Большинство из тех, кто слышал о творчестве В.Г. Растянникова считает, что он был крупнейшим у нас экономистом-аграрником. специалистом по аграрным проблемам Индии. Но если исходить из совокупности его научных трудов и последовательной смены этапов его деятельности, то необходимо подчеркнуть, что он начинал с изучения аграрного вопроса в колониальной Индии, а затем посвятил немало времени и усилий на изучение экономики Пакистана.

Мне не известно, как возник его интерес к аграрным проблемам в Индии, но он был, видимо, изначально очень сильным. Тема его кандидатской диссертации, защищенной в 1954 г., формулировалась так: «Аграрные отношения в Пенджабе (1900-1947 гг.)». Работая в свое время над проблемами развития капитализма в Пакистане, я внимательно ознакомился с этой объемной, состоящей из двух томов диссертацией. Основной фактический и статистический материал, который использовал В.Г. Растянников относился в равной мере к Восточному Пенджабу (после 1947 г. индийскому штату Пенджаб) и к Западному Пенджабу, который после 1947 г. стал пакистанской провинцией Западный Панджаб, а потом просто Панджаб. Названия Пенджаб и Панджаб, как и соответствующие им на английском языке Panjab и Punjab, имеют равное право на употребление. Основным источником для В.Г. Растянникова служили обследования деревень Пенджаба, которые проводили английские колониальные власти. Материалы обследований издавались в виде отдельных монографий небольшого формата, часть которых хранилась и хранится до сих пор в библиотеке нашего Института, точнее отделении библиотеки ИНИОН, работающей в нашем помещении. Так что при желании можно в

какой-то мере повторить диссертационное исследование В.Г. Растяникова, которое, к сожалению, не было издано в качестве отдельной монографии.

Основная задача обследований деревень состояла в том, чтобы выяснить глубину задолженности крестьянства, степень их эксплуатации со стороны ростовщиков и помещиков. Причем большинство крестьян-землепашцев, владельцев и арендаторов земли, в западной и центральной части Панджаба были мусульмане, а ростовщики в абсолютном большинстве состояли из индусов (индуистов). Значительная часть помещиков-абсентеистов, владевших землей, но проживавших в городах и управлявших имениями с помощью посредников, состояла из сикхов, которые были и предпринимателями, и ростовщиками, и скупщиками, торговцами-оптовиками. Наиболее ценная с точки зрения тогдашней советской науки черта этих обследований и обобщений английских чиновников, некоторые из которых выступали одновременно и в роли исследователей аграрного вопроса, заключалась в выводах о растущем угнетении крестьянства, его обезземеливании и обнищании, тупике капиталистической эволюции.

Все это нашло отражение в диссертации В.Г. Растяникова, который по окончании аспирантуры стал работать в Отделе Индии, Пакистана, Непала и Цейлона, занимаясь в основном экономикой Пакистана. Такой выбор был обусловлен, по всей видимости, тем, что панджабские районы стали основой сельскохозяйственного сектора западной части страны, занимая в ней ведущее экономическое и политическое положение. К тому же отношение к Индии и Пакистану на первых порах было в Москве довольно ровным. Руководство СССР при Сталине долгое время не испытывало особого расположения к Индии, а Пакистан до 1954 г., то есть, до заключения Договора с США о взаимопомощи в обороне, воспринимался как мусульманская страна, способная усилить позиции советской дипломатии на Ближнем Востоке.

В 1958 г. Издательство восточной литературы выпускает в свет книгу В.Г. Растяникова и С.А. Кузьмина «Проблемы экономики Пакистана». Первая глава, написанная В.Г. Растяниковым, посвящена проблемам развития сельского хозяйства, системам землевладения и землепользования,

аграрным реформам, ограничению помещичьего землевладения и продовольственной проблеме. В этой главе автор продолжает диссертацию, хотя ни разу не ссылается на проведенное им до этого исследование. Написанная им вторая глава не имеет отношения к аграрным вопросам. Она посвящена развитию промышленности и особенностям формирования промышленной буржуазии. В главе подводятся итоги промышленного развития за первое десятилетие, анализируется такое явление как государственный капитализм. При этом созданная в 1952 г. государственная Корпорация промышленного развития названа им *строительно-подрядной организацией*, служащей интересам крупного частного капитала, (с. 87). Еще одна важная составляющая главы – это формирование промышленной буржуазии. В.Г. Растянников характеризует зарождение различных групп крупной буржуазии и укрепление их позиций. Во многом его анализ предвосхищает работу, которую в дальнейшем успешно продолжил на примере Пакистана С.Ф. Левин, а на материалах Восточного Пакистана – С.С. Баранов. Выделяемые В.Г. Растянниковым группы (Испакхани, Аминов, Дада, Адамджи и др.) долгое время входили в ядро торгово-промышленной буржуазии, а некоторые не потеряли своих позиций до сих пор.

Интересно, что, работая над первой главой, В.Г. Растянников широко использует доклад об условиях труда в аграрном секторе, который по заказу пакистанского правительства подготовили эксперты во главе с бывшим видным чиновником колониального Панджаба и автором многих трудов М. Дарлингом, а также брошюры на урду, издаваемые аграрным комитетом Коммунистической партии Пакистана. Аутентичность работы В.Г. Растяникова не вызывает сомнений, также как и глубина убеждений автора в том, что осуществляемый им анализ является безусловно правильным и единственно возможным.

Любопытно и то, что, насколько я могу судить, набор проблем, которые подвергались анализу в советской науке по Пакистану и Индии того времени был довольно ограниченным. Едва ли не главный интерес вызывал аграрный вопрос, видимо, потому что от него, как полагали в Москве, зависит степень революционности крестьянства и, следовательно, перспективы левого, коммунистического движения. Большого внимания

удостаивалась тема формирования промышленной буржуазии, поскольку ее сила и влияние, как полагали, обуславливают реакционность внутренней политики правящих кругов и проимпериалистическую направленность внешнеполитического курса. Третий вопрос – это обратное воздействие империализма на освободившиеся страны и вопрос о сохраняющихся там позициях иностранного капитала. Именно этому посвящена третья глава книги, написанная С.А. Кузьминым «Позиция иностранного капитала и империалистические противоречия в Пакистане». Характерен для того времени акцент на межимпериалистических противоречиях как на противоречиях между «старым» английским империалистическим капиталом и «новым» американским частным капиталом и экономической экспансией США, особенно под видом американской «помощи».

Возвращаясь к месту Пакистана в трудах В.Г. Растяникова нужно признать, что оно во многом исчерпывается этой совместной с С.А. Кузьминым монографией. Еще одна специальная его работа, посвященная Пакистану, была опубликована в сборнике статей под редакцией А.М. Дьякова «Пакистан. История и экономика». Она вышла в свет в том же 1958 г. и называлась «Техническая база сельского хозяйства Пакистана». Основное внимание в ней уделялось начавшейся в 1950-е годы механизации сельскохозяйственного труда, импорту тракторов и других машин и использованию их главным образом в Западном Пакистане. Остальные статьи конца 1950-х годов развивают сюжеты диссертации и касаются различных сторон аграрной экономики колониального Пенджаба. После некоторого перерыва в 1965 г. издается новая монография В.Г. Растяникова «Развитие капитализма в сельском хозяйстве современной Индии», написанная им совместно с М.А. Максимовым.

Растянников В.Г.
**НТР и проблемы стадий капиталистической эволюции в
развивающихся странах Востока¹**

Комментарии от составителя. Написанная в начале 1990-х гг., статья приобрела в настоящее время новое звучание. Она свидетельствует о том, что за последние 25 лет в чем-то изменились, а в чем-то остались прежними теоретические подходы к исследованию научно-технической революции (НТР). Работа дает возможность изучить категориальный аппарат, который применялся для исследования зарождавшейся в те годы Четвертой промышленной революции. Сегодня ученые-экономисты достаточно редко при характеристике НТР обращаются к изучению формационных составляющих развития общества, а в конце XX в. значительное внимание уделялось политико- и социально-экономическим проблемам становления новой стадии развития производительных сил.

Несмотря на то, что статья написана в парадигме марксистских понятий, В.Г. Растянников предугадал процессы развития производительных сил и формирование на их основе новых форм организации труда на постиндустриальной стадии. Попробуем выделить основные теоретические идеи, на которые опиралась данная статья и которые сохраняют свою актуальность сегодня.

Важным аспектом современного развития научно-технического прогресса (НТП) в странах Востока стала идея не постепенного движения от более низкой к более высокой стадии производства, а «перепрыгивание» через одну или несколько стадий. И как необходимое условие такого скачка – государственная поддержка («внеэкономические костыли»). Программные документы экономического развития Индии, представленные Национальным институтом трансформации

¹ Репринтное издание пятой главы, написанной В.Г. Растянниковым и опубликованной в кн.: Капитализм на Востоке во второй половине XX века. Отв.ред. В.Г. Растянников, Г.К. Широков. М.: «Восточная литература». 1995. С.265-303.

Индии, могут служить подтверждением данного постулата.

Сущность инновационных технологий состоит в том, что на смену «трехзвенной системе машин» эпохи индустриальных производительных сил (ПС), в которую работник был включен как непосредственный исполнитель, на постиндустриальной стадии ПС приходит «четырёхзвенная система», при которой работник превращается в контролера производственного процесса, а на информационной стадии ПС данная функция работника также механизмуется (а точнее – компьютеризируется), и контроль переходит к компьютерным системам.

При этом с внедрением инновационных ПС происходит сокращение числа операций при создании продукта. Сегодня данный процесс, в частности, находит свое воплощение в 3D печати. С экономической точки зрения это означает, что выпадают звенья технического разделения труда.

С другой стороны, появляются новые формы общественного разделения труда, например, расширяются звенья, действующие на международном уровне. Причем уровень информационных технологий позволяет осуществлять международное разделение труда в тех сферах, которые ранее были возможны в рамках одного структурного подразделения. Так, появилась возможность контроля и управления производственными операциями с помощью высокоточных роботов по всему миру. Хорошо известный аутсорсинг также является новой формой международного разделения труда. При этом центры управления находятся в промышленно развитых странах. Сокращение форм технического и расширение форм общественного разделения труда является имманентным признаком Четвертой промышленной революции.

В статье В.Г. Растянникова подчеркнуто, что НТП вызывает расширение роли ТНК, в частности, через них осуществляется диффузия технологий из стран – центров мирового хозяйства в развивающиеся страны. В процессе НТР выделяются центры НТП и страны периферии НТП, при этом Четвертая промышленная революция резко усиливает такую дифференциацию, действуя в том числе через процесс реофшоринга.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что эффективность капиталовложений в инновации определяется в настоящее время не рыночными механизмами («невидимой рукой рынка»), а новыми критериями оценок и рисков, утверждаются новые приоритеты в конкурентной борьбе инноваций и капиталов. Увеличивается временной лаг между технологическим выбором и рыночной выгодой. Ярким событием 2018 г. стал запуск к Марсу сверхтяжелой ракеты Falcon Heavy – это первая ракета, созданная в частной компании Space X (владелец Илон Маск), и безусловно рыночная составляющая не являлась приоритетом ее разработки.

В инновационной экономике появляется новый показатель эффективности капиталовложений – конкурентоспособность, которая зависит не только от прибыли, но и от множества иных факторов.

Здесь можно вспомнить, что перемещение капитала из стран – центров мирового хозяйства в периферийные страны было обусловлено, в первую очередь, перепадом цены рабочей силы. Но в эпоху НТП сравнительные преимущества дешевой рабочей силы начинают терять свое значение и тормозят инновационный рост. Но, с другой стороны, применение машин экономически целесообразно «лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой рабочей силы». Поэтому в странах с избыточной рабочей силой переход к новым ПС определяется не выгодой, а дополнительными бонусами, в частности, экологией, безопасностью труда, точностью операций, которая в современных технологиях измеряется долями нанометра. Например, в Китае в угледобывающей промышленности именно государство инициирует применение трудосберегающей техники, свойственной Четвертой промышленной революции, а в производстве электронных приборов для робототехнических систем необходимое качество и конкурентоспособность может быть обеспечена только при полной автоматизации, исключая человека.

Особенностью организации современного инновационного производства в периферийных странах часто служит дихотомия между внешними высокотехнологичными блоками и внутренними производственными структурами. Внешние блоки

технологически не соприкасаются с местным производством. Такой подход охватывает различные отрасли в странах Юго-Восточной Азии: дихотомию можно наблюдать и при производстве электроники (бытовые приборы vs высокотехнологичное оборудование), и в сельском хозяйстве (производство плантационных культур на экспорт vs зерновые культуры).

И, наконец, обязательно надо обратить внимание на пространственную неравномерность развития НТП. Несмотря на то, что НИСы первой волны (Республика Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг), частично Китай и Индия в некоторых отраслях вышли на роль равноправных партнеров с промышленно развитыми странами, Четвертая промышленная революция усугубила отрыв стран – лидеров НТП даже от этой небольшой группы развивающихся стран.

Елизавета Растяжникова

Происходящая в современном мире смена господствующих систем производительных сил закономерно выдвигает на передний план формационного изучения человеческого общества, помимо прочих, проблемы стадийного хода развития капитализма на периферии мирового капиталистического хозяйства (МКХ). Такое изучение позволяет не только полнее понять направление динамики многоукладности «третьемирских» обществ, но и выявить ряд существенных качественных (формационных) характеристик эволюции капитализма как мировой системы. И поскольку эту смену осуществляет ныне все более ускоряющийся процесс научно-технической революции, поэтому именно в актив НТР, по-разному затрагивающей центры и периферию МКХ, должно быть отнесено формирование новых базисных (т.е. детерминированных природой данной системы производительных сил) параметров стадийности «третьемирского» («восточного», в частности) капитализма.

При этом без всякой натяжки можно утверждать, что как собственно опыт полистадийного капиталистического развития, приобретенный обществами стран Востока, так и, в частности, механизм их приобщения к новым системам производительных сил, строящийся на гибком сочетании действий рыночных и

внерыночных факторов, закономерно образуют (может быть, точнее — должны образовать) объект самого пристального внимания со стороны исследователей стран СНГ, стран, еще только вступающих в рыночное хозяйство и пока остановившихся перед формированием его определяющей предпосылки — создания частной собственности, не как «скромного довеска» к государственной собственности, а как фундаментальной основы самой жизнедеятельности хозяйства данного типа. Результаты же опыта такого приобщения существенно разнятся по различным группам стран «третьемирского» Востока.

Теория стадий развития капитализма была, как известно, детально разработана в русле марксистского направления научной мысли. Создатель этой теории К.Маркс, исследуя материал эпохи раннего промышленного капитализма — эпохи первой промышленной революции, обосновал фундаментальный вывод о трехстадиальной форме развития капитализма, он же выделил и три основные ступени повышения производительности труда на базе капитала (простая кооперация — кооперация, основанная на мануфактурном разделении труда с характерным для него частичным работником, — система машин). Впоследствии многие исследователи данного направления научной мысли (В.И.Ленин, М.И.Туган-Барановский, В.Зомбарт, Р.Гильфердинг и др.) дали свои интерпретации взглядов К.Маркса на стадии капитализма, включая их оценку на уровне прикладного исследования, например применительно к России конца XIX в. (В.И.Ленин), странам Западной Европы конца XIX — первых десятилетий XX в. (В.Зомбарт)². Думается, что, как бы далеко ни отстояла эпоха рождения и последующих дополнений к теории стадийности капитализма от эпохи НТР, мы найдем в этой теории весьма важные ориентиры (в особенности, касающиеся способа видения процесса, его оценок), позволяющие продолжить поиски ответа на вопрос, как проявляется стадийный ход капиталистической эволюции на периферии МКХ под влиянием НТР.

² См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России. — Полное собрание сочинений. Т.3; Зомбарт В. Современный капитализм. Т.3. Второй полутом. М.-Л., 1930.

В советском «третьемироведении» было установлено, что в бывших колониальных и зависимых странах, впоследствии — развивающихся, стадийность в развитии капитализма представлена более сложной формой, чем отраженная в «классической» схеме, типичной для центров МКХ.

Так, к числу наиболее примечательных особенностей периферийного капиталистического развития относится то, что исторически фабричная стадия капитализма здесь возникала не как результат предшествующего развития его мануфактурной стадии, а как явление, привнесенное извне (колонизаторами); отсюда — разорванность «непосредственной связи между последовательными формами промышленности» (такая связь «встречалась лишь как редкое исключение»)³. В такой разорванности и проявлялось «перепрыгивание» через мануфактурную стадию производства⁴. При этом фабрика утверждалась в социально-

³ См.: Павлов В.И. Формирование индийской буржуазии. М., 1958, с.285.

⁴ Л.И.Рейснер подвергает сомнению как безусловный тезис о «перепрыгивании» фабричным капитализмом через мануфактурный этап развития на периферии МКХ в колониальный период, доказывая, хотя и на ограниченном локальном материале, что возникшая еще в конце XIX в. индийская фабрика в ряде случаев использовала в своем развитии связи, созданные стадийно предшествовавшей ей мануфактурной организацией труда (см.: Рейснер Л.И. Роль мануфактуры в развитии некоторых отраслей фабричной промышленности Соединенных провинций Индии в конце XIX в. и в первой четверти XX в. — Индия. Очерки экономической истории. М., 1958, с.72—94). Эта точка зрения Л.И. Рейснера имеет, по-видимому, и определенные исторические основания. Так, некоторые индологи «примитивные» формы мануфактурного разделения труда обнаруживали даже в Индии рубежа XVIII—XIX вв., относя их, в соответствии с традицией марксистских воззрений того времени (50-е годы XX в.), к «зачаткам капиталистической мануфактуры» (см.: Комаров Э.Н., Граше В.Я. Некоторые данные об общественном разделении труда и экономической организации ремесла в Индии на рубеже XVIII и XIX веков. — Краткие сообщения Института востоковедения. М., 1955, N 15, с.17, 18). Но само по себе установление наличия детального разделения труда внутри мастерской, причем за пределами традиционной общины, в условиях восточной деспотии (!), — факт большого значения, свидетельствующий об универсальности закономерностей складывания в недрах традиционных обществ «технических» (т.е. детерминируемых процессами разделения труда) предпосылок формирования действительно капиталистической мануфактуры. Заблокировала реализацию этих предпосылок всеобщая несвобода личности, «поголовное рабство» (К.Маркс), составлявшее типологическую черту традиционных восточных обществ.

экономической среде колоний лишь благодаря тому, что она широко опиралась на внеэкономические «костыли» (многообразное использование института государственной власти, традиционных отношений господства и подчинения)⁵. Однако последующее, ориентированное на внутринациональные потребности развитие давало в ряде случаев толчок такому разделению труда внутри обществ, при котором, хотя и со значительными социальными издержками, постепенно восстанавливался «нормальный» ход стадияльной эволюции капитализма, или, если сказать точнее, фабрика, «насажденная» в одном пункте, сообщала импульс «нормальному» ходу стадияльного развития капитализма в другом.

Нормальным в этом развитии было, в частности, и то, что фабрика по мере своего утверждения «обрастала» (особенно за несколько последних десятилетий) стадияльно более низкими формами экономической организации труда (отдельная мастерская, мануфактура), но она воспроизводила их преимущественно как свои функциональные придатки, нередко связанные с нею единством производственного цикла, венчающегося созданием потребительной стоимости конечного спроса. «Ненормальным» здесь является разве только то, что вся совокупность депрессоров, действующих в периферийных зонах МКХ (о некоторых из них будет сказано ниже), на больших участках экономического пространства обществ развивающихся стран тормозит, замедляет изживание предшествующих (ранних) стадий капитализма, надолго «замораживая» их самостоятельное существование, в то время как динамика мировых производительных сил, их частичный перенос на периферию МКХ (либо воспроизведение «кусочков» их аналогов здесь на самостоятельной основе) вызывают к жизни становление все новых, более совершенных систем их капиталистической организации (например, полуавтоматизированная фабрика). На этой основе возрастает

⁵ Подробнее см.: Проблемы развития капитализма на Востоке. Доклад на межинститутской конференции [авторы: Котова Е.В., Растянников В.Г., Широков Г.К. и др.]. М., Институт востоковедения АН СССР, 1987, с. 11, 12, 14, 15, 28, 29.

полистадиальность капитализма, развивающегося на периферии МКХ⁶.

*Характер технологического переворота
и образование мировых отраслевых фабричных систем*

Научно-техническая революция вносит заметные коррективы в стадиальный ход эволюции мирового капитализма (и капитализма в развивающемся мире, в частности). Она выводит эту эволюцию как органичный процесс на общепланетарную авансцену (в противоположность локально-страновым ее вариантам). По каким же направлениям НТР изменяет фундаментальные условия стадиальной эволюции капитализма, т.е. условия, формируемые самой динамикой производительных сил? Прежде всего, она осуществляет глубочайший, задающий принципиально новые параметры экономической деятельности переворот в предметно-вещественных производительных силах. Суть этого переворота состоит в том, что на смену нынешней стадии индустриальных производительных сил с ее господством трехзвенной системы машин (машина — двигатель, передаточный механизм, рабочая машина) или ее усовершенствованного варианта — с выпавшим средним звеном (передаточным механизмом) — приходит качественно иная технологическая организация производственного процесса, основанная на четырехзвенной (или соответственно трехзвенной) системе машин, при которой контрольно-управляющая функция переходит от человека к машине. Если на фабрике индустриального типа, получившей широкое распространение в странах «третьего мира», рабочий является придатком машины — в том именно смысле, что не рабочий, по словам К.Маркса, «потребляет их (средства производства. — В.Р.) как вещественные элементы своей производительной деятельности, а они потребляют его как фермент их собственного жизненного процесса»⁷, то с переходом

⁶ Подробнее см.: Крылов В.В. Капиталистически ориентированная форма общественного развития освободившихся стран. — Рабочий класс и современный мир. 1983, N 2, с.28—31.

⁷ Маркс К. Капитал. Т.I. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.23, с.320.

к постиндустриальной стадии развития положение принципиально меняется. На этой стадии происходят освобождение работника от выполнения непосредственного труда в процессе производства и превращение его в «контролера и регулировщика» этого процесса. Если сказать здесь словами К.Маркса, «вместо того, чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним»⁸. (Нужно, однако, подчеркнуть, что такое превращение работника К.Маркс связывал с преодолением капитализма и становлением технологического способа производства, имманентного коммунистической формации. Действительность оказалась иной.) Современный этап НТР обеспечивает и адекватные (машинные) средства для осуществления человеком такой контрольно-управляющей деятельности.

Формирующаяся постфабричная стадия организации материального производства характеризуется становлением качественно нового типа автоматизации трудового процесса. Современная автоматизация, отвечающая сущности происходящего переворота в мировых производительных силах, в соответствии с четкой постановкой этой проблемы А.М. Кулькиным «начинается там, где происходит опредмечивание умственных функций трудовой деятельности человека»⁹. И поскольку именно системное использование электронных устройств (и прежде всего их массового вида — микроэлектроники) является ключевым звеном свершающейся новой промышленной революции¹⁰ и определяющим техническим элементом нового технологического способа производства¹¹, электронные отрасли промышленности оказы-

⁸ Маркс К. Экономические рукописи 1857—1859 годов. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.46, 4.П, с.213.

⁹ Кулькин А.М. Капитализм, наука, политика. М., 1987, с.25.

¹⁰ Например, именно так рассматривается совокупность тех изменений и собственно производственной и интеллектуальной деятельности человека, которые вызываются к жизни в результате внедрения в эту деятельность основанных на микроэлектронике информационных технологий, в одном из докладов Римскому клубу начала 80-х годов (см., например: King A. Introduction: A New Industrial Revolution or Just Another Technology? — *Microelectronics and Society. A Report to the Club of Rome*. Oxf., 1982, с.1—36).

¹¹ Группа философов бывшего СССР (В.Г.Марахов, И.Ф.Кефели и др.) называет такой технологический способ производства (ТСП) «системно-автоматизированным» (см.: Научно-технический прогресс и материальное

ваются ныне в центре внимания у всякого государства, стремящегося утвердить наукоемкую стадию с присущим ей господством системно-автоматизированного материального производства в качестве универсальной для общества стадии развития мировых производительных сил¹². Внутреннее противоречие этой стадии состоит в том, что, пока «четырёхзвенная система машин не имеет собственного технического базиса, она (данная система. — *В.Р.*) производится с помощью трехзвенной системы» (или даже, если несколько расширить эту мысль А.М. Кулькина, посредством массированного применения ручного труда, организованного как мануфактура, что столь типично как раз для многих периферийных районов мира). «Всеобщий промышленный переворот» еще впереди¹³. Поэтому-то системно-автоматизированная стадия в системе мировых предметно-вещественных производительных сил образует пока скорее их верхний эшелон, во-

производство при социализме. Л., 1986, с.7, 14, 15, 17 и др.). Информационная технология как основа нового ТСП обстоятельно проанализирована группой ученых бывшей ГДР (В.Хюбнер, Е.-М.Ланген и др.) (см.: Микроэлектроника — ключевая технология. М., 1987, гл. II, §3, 4, 5).

¹²«Природа технологии, основанной на микроэлектронике, такова, что такая технология может быть использована в самых необычных формах во многих видах деятельности: в обрабатывающей промышленности, в секторе услуг, в коммерции и социальной сфере. Сдерживающим фактором ее применения являются скорее пределы творческой фантазии разработчика, чем ограничения технического характера» (Lalor S.E. Overview of the Microelectronics Industry in Selected Developing Countries. — Industry and Development (UNIDO). Vienna, 1986, N 16, с.28). И в развитии такой технологии нельзя отстать, ибо, как авторитетно свидетельствует Консультативный совет по вопросам прикладных НИОКР Великобритании, если какая-либо страна, относящаяся даже к группе промышленно развитых государств, не овладеет технологией производства и применения полупроводников, этой сердцевиной электронной технологии, она вскоре «пополнит ряды слаборазвитых стран» (цит. по: Rada J.F. A Third World Perspective. — Microelectronics and Society, с.222). Это закономерно, так как именно технологическое превосходство, базирующееся на использовании электроники, обеспечивает выживаемость в конкурентной борьбе даже крупнейшим транснациональным корпорациям. Как подчеркивает один из их представителей, «там, где мы особенно сильны в технологии, мы испытываем наибольшую уверенность в успехе при проникновении на рынки» (цит. по: Ernst D. Recent Developments in the Semiconductor Industry: Implications for International Restructuring and Global Patterns of Technological Dominance and Dependence. — Industry and Development. 1984, N 11, с.34).

¹³ Кулькин А.М. Капитализм, наука, политика, с. 19.

площающий всеобщее направление их эволюции, но остающийся еще связанным с постоянно модернизирующейся фабрикой индустриального типа достаточно прочной, хотя и все более утончающейся, пуповиной.

Процесс перехода современной фабрики к постиндустриальной стадии бытия предметно-вещественных производительных сил (знаменующий исчезновение самой фабрики в точном значении этого слова) наблюдается в странах центров МКХ — лидерах НТП. Но он не исключает (что, казалось бы, естественным), а, напротив, предполагает интенсивное втягивание ресурсов «третьего мира» (в форме рабочей силы и интеллектуального потенциала, капитала и вещества природы) в общемировое хозяйственное движение, вызывая к жизни в периферийных районах МКХ разнотипные формы капиталистической организации труда.

Действительно, НТР порождает такой феномен, как массовое «расползание» фабричной системы (собственно фабрики, вступающей в наукоемкую стадию развития, вместе со всеми ее дофабричными придатками) за пределы границ промышленно развитых стран, ее диффузию в поры развивающегося мира. И речь здесь должна идти не только о межотраслевом перемещении фабричного производства на периферийную почву (мысль о выносе в развивающиеся страны «грубых», экологически опасных отраслей воспроизводится как рефрен едва ли не в каждом исследовании, посвященном периферийному промышленному росту в 70—80-х годах), но и о внутриотраслевом расширении экономического пространства, занятого фабричной системой, за счет прежде всего освоения последней такового пространства в «третьем мире», т.е. речь идет о такой экспансии фабричной системы, о таком рассеянии ее цеховых звеньев, которое становится нормой ее внутренней организации. Подобные цеховые звенья, выполняющие частичные работы (либо те или иные комплексы частичных работ), могут быть представлены и самостоятельными производственными единицами, и соответственно полноправными субъектами товарного обмена (в этом случае мы имеем дело с классической формой общественного разделения труда), и псевдосамостоятельными производственными единицами, в

отношении которых ценовые пропорции обмена регулируются «извне», применительно к условиям реализации конечного продукта (так бывает, например, при организации технологически единого цикла работ на рассеянных по миру предприятиях ТНК, когда результаты каждой отдельной частичной работы поступают во внутрифирменный обмен как товар, но при этом цена этого товара никоим образом не связана с действительными издержками его изготовления: в зависимости от конкретных обстоятельств она может быть и много выше, и много ниже этих издержек; регулирование ценовых пропорций обмена мы наблюдаем и при осуществлении частичных работ на субконтрактных началах).

Особенно примечательно то, что диапазон (спектр) стадийальных форм, присущих такой фабричной системе, как бы растягивается. Ведь переход «головных цехов» системы, контролирующих весь цикл технологического процесса, в центрах МКХ к системно-автоматизированной стадии развития отнюдь не обязательно и не одновременно влечет за собой подтягивание на следующую ступень технологического бытия периферийных цехов — на всем пространстве, охватываемом каждой данной фабричной системой. Ряд из них еще не переступает даже порога фабрики в собственном смысле этого слова, пребывая на стадии, усовершенствованной технологически, но по-прежнему основанной на ручном труде мануфактуры (с этими вопросами мы ознакомимся ниже). Иначе говоря, развивающаяся как мировая, каждая данная отраслевая фабричная система, втягивая в свою орбиту промышленные производства «третьего мира», находящиеся на разных ступенях социальной организации (либо основывая здесь новые), оказывается в высшей степени гетерогенной по своей внутренней структуре. Сама же эта гетерогенность находится в состоянии динамичных изменений, стимулируемых влиянием НТР.

Действительно, НТР дает импульсы становлению такого типа материального производства, при котором по сравнению с предшествующей ступенью развития фабрики резко сокращается количество частичных работ в созидании продукта, удовлетворяющего одну и ту же общественную потребность. Такое сокращение может проявляться в существенном уменьшении числа обособленных операций в производстве какого-либо продукта в

пределах фабрики в собственном смысле этого понятия (т.е. в техническом разделении труда)¹⁴; но в равной степени применение новой, высокоточной технологии может приводить к исключению из сферы экономической деятельности обширных блоков самостоятельных производственных единиц (т.е. блоков, воплощающих общественное разделение труда)¹⁵. Конечно, одновременно с такими преобразованиями НТР вызывает к жизни все новые процессы общественного разделения труда, выводя их на качественно новый виток спирали развития. Таким образом, сохраняют свое значение закономерности, установленные К.Марксом применительно к разделению труда, присущему поколениям фабрик, предшествовавшим эпохе НТР, а именно: «Капиталистическое производство, а стало быть, регламентирование разделения труда внутри фабрики непосредственно увеличивает свободное разделение труда внутри общества»¹⁶, при этом «оба типа разделения труда развиваются равномерно друг с другом и порождают друг друга посредством взаимодействия»¹⁷. Но НТР катализирует оба эти процесса, при этом существенный момент, который НТР вносит в них, состоит в следующем: в массовых, невиданных ранее масштабах, с неизвестной прежде миру быстротечностью овладевший ее достижениями капитал производит сброс изживших себя звеньев разделения труда — и в пределах фабрики, преобразуя ее самое, и в пределах общества и мировой системы разделения труда¹⁸. И чем круче виток НТР, тем

¹⁴ Например, с введением новых технологий всего за 10 лет число компонентов в телевизионных установках в странах ОЭСР сократилось с 1400 до 400 штук (Industry and Development. 1984, N 11, с.4, note).

¹⁵ Так, к середине 80-х годов в странах — электронных лидерах в МКХ наметился переход от автоматизации отдельных сборочных операций к системной автоматизации сборки в области производства интегральных схем. В свою очередь, такая автоматизация становится лишь техническим звеном единой цепи автоматизированного процесса (Transnational Corporation in the International Semiconductor Industry. N.Y., 1986, с.98, 99). Развитие системной автоматизации может полностью лишить многочисленные электронные сборочные цеха развивающегося мира каких-либо надежд на дальнейшее существование в их нынешнем виде.

¹⁶ Маркс К. Экономическая рукопись 1861-1863 годов. Процесс производства капитала. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.47, с.346.

¹⁷ Там же, с.349.

¹⁸ Свертывание изживших себя форм общественного разделения труда может

интенсивнее хозяйство освобождается от ставших ненужными прежних форм организации труда, включенных в общественную связь.

При классическом варианте изменений в техническом строении функционирующего капитала именно «невидимая рука» рынка «проверяла на прочность» данный конкретный капитал, непосредственно побуждала предпринимателя к внедрению более производительных средств производства, позволявших на данном отрезке времени сократить издержки производства, понизить индивидуальную стоимость произведенного товара по сравнению с общественной и присвоить в дополнение к средней добавочную прибыль — предмет вождения владельца капитала. НТР вносит новый элемент в механизм таких изменений. Не непосредственная обратная связь от стихии рынка к мозгу дельца, принимающего решения об обновлении основного капитала, а разработка нового технологического процесса вне непосредственного контроля со стороны рыночного механизма и предполагаемых им стоимостных критериев оценок — такова принципиальной важности метаморфоза в соподчинении факторов,двигающих прогресс производительных сил при НТР¹⁹. Или, если сказать иначе, нормой развития капитала становится временной лаг (нередко весьма длительный, измеряющийся одним-двумя десятками лет), отделяющий технологический выбор (включая все стадии разработки новой технологии) от того момента, когда в его

проявляться даже в частичном выталкивании отдельных групп стран с узкой товарной специализацией и чрезмерно высокими издержками производства из сложившегося международного разделения труда (подробнее см.: Широков Г.К. Развивающиеся страны в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1987, с.224-226).

¹⁹ «Характер технологий и процесс непрерывного обновления производства прямо указывают на то, что решение о выпуске определенной продукции должно приниматься задолго до ее появления на рынке» (Активизация развития, экономического роста и международной торговли. Доклад секретаря ЮНКТАД на ее 7-й сессии. Женева, 9—31 июля 1987 г. Нью-Йорк, 1987, с.232) «Технологии (высокие. — *В.Р.*) должны быть объектом планирования задолго до того, как они дадут ощутимый экономический эффект... У экономических сил (стихийно-рыночных регуляторов. — *В.Р.*) просто нет достаточного времени, чтобы двигать создание новых технологий» (King A. Introduction: A New Industrial Revolution or Just Another Technology?, с.17).

проверку «равноправной составляющей» включается рыночный механизм. А это значит, что сфера НИОКР как «автономная сила в промышленном и экономическом развитии»²⁰ задает, в конечном счете, не только направление технологических изменений, вызывая соответствующие преобразования и в экономической организации производства, но и темп этих изменений, их последовательность по звеньям как технического, так и общественного разделения труда.

Но у сферы НИОКР свои законы развития. Появление каждой результативной технологии сопровождается большим числом неудач, отрицательных результатов, «лишних» (с точки зрения капиталиста), но тем не менее абсолютно нормальных (с точки зрения закономерностей процесса научного творчества) затрат; резко возрастает цена предпринимательского риска при организации современной фабрики²¹. При этом действует закономерность: «чем большей радикальностью отличается инновация, тем выше степень неопределенности как в части ее технического осуществления, так и в части ее рыночной оценки»²². С развитием инновационного процесса все прочнее утверждаются новые (информационные) приоритеты в конкурентной борьбе различных капиталов²³.

Все это предопределяет «рваный ритм» технологического прогресса, временную неравномерность технологических преобразований, при которой даже в рамках одной отрасли

²⁰ Там же, с. 16.

²¹ Академик В.А.Легасов, например, оценивал степень риска в своих инновационных работах в 50—70% (см.: Правда. 20.05.1988). Английский исследователь А.Дж.Хэкинг свидетельствует, что в современной фармацевтической промышленности исследуется и испытывается до 3 тыс. соединений-дублеров, прежде чем будет найдено одно-единственное эффективно действующее лекарство (Hacking A.G. Economic Aspects of Biotechnology. Cambridge, 1986, с.43)

²² Phillips D.A. Technological Innovation and Social Cost Benefit Analysis in Developing Countries. — Industry and Development. 1985, N 13, с.68.

²³ Так, теперь «для плановиков (ТНК. — В.Р.) проблема состоит не столько в том, чтобы предсказать коммерческие результаты от внедрения инноваций, сколько в том, чтобы угадать априори, в каких именно отраслях производства можно ожидать инноваций» (Phillips D.A. Technological Innovation and Social Cost Benefit Analysis, с.68).

экономики технологически качественно обновившееся производственное звено оказывается органически связанным (в рамках единого производственного процесса) с пока застывшим в своем прежнем техническом облике другим производственным звеном. (О существовании такого рода разрывов в межотраслевом разделении труда и говорить не приходится.)

Неравномерность, свойственная процессу технологических инноваций, отражается и на стадийной эволюции капитала. Чем масштабнее внедряемая инновация, тем сильнее и объемнее проявляется ее качество «сравнительного преимущества» (формирование качественно новой основы роста производительности труда и соответственно присвоения добавочной прибыли), тем больше пространство, на которое распространяются импульсы к изменению форм экономической организации различных звеньев данной капиталистической фабричной системы (возникновение либо, напротив, исчезновение мануфактурных придатков фабрики, разделение труда между производствами с автоматическими линиями и производствами, основанными на применении машин в сочетании с использованием обширных масс живого труда, и т.д.).

Инновация, выдержавшая проверку рынком, и есть тот мотор, работа которого вызывает замещение блоков общественного разделения труда техническим; техническое же разделение труда, обусловленное реализацией инновации, зачастую дает толчок новой волне общественного разделения труда, проявляющегося, в частности, в широких территориальных перемещениях взаимосвязанных производств (например, цехов отраслевой фабричной системы).

Все эти процессы корректируются обратной связью. «Сравнительные преимущества», стабильно принадлежащие развивающимся странам, и, в частности дешевизна рабочей силы, выступают как факторы ужесточения отбора инновационных технологий. Здесь, на периферии МКХ, в первозданном виде проявляет свою силу сформулированный К.Марксом закон: «... для него (капитала. — *B.P.*) применение машины целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью

замещаемой ею рабочей силы»²⁴, или, если сказать применительно к производственным комплексам, формируемым НТР, в пределах разности между совокупными издержками на инновационную технологию, которые несет непосредственно капиталист, и издержками на рабочую силу, которую эта технология призвана заместить. Хотя даже в собственно индустриальных производствах поле проявления этого закона относительно все более сужается: ведь в ряде звеньев фабричной системы использование живого труда в качестве придатка машины уже просто технологически оказывается ненужным, а создаваемый посредством применения такой технологии продукт вообще не может быть произведен с помощью ручного труда (и соответственно классическая постановка вопроса о «вытеснении живого труда машиной» отпадает).

В итоге в рамках каждой данной фабричной системы технологические изменения в ее различных производственных звеньях и соответственно в экономической организации труда (т.е. в конечном счете изменения в стадияльных формах капитала) предстают как результат взаимодействия разнонаправленно влияющих «сравнительных преимуществ», используемых капиталом в конкурентной борьбе²⁵, но в общем и целом — и это в данном случае главное — на долю менее развитых стран и территорий выпадает осуществление в рамках единой цепи производственного процесса именно той части частичных работ, при которой применение машин (в том числе даже представленных высокоавтоматизированными линиями) оказывается для капитала либо пока вообще экономически невыгодным, либо выгодным лишь частично (например, в сочетании с использованием больших масс живого труда). При этом в полной мере учитываются такие

²⁴ Маркс К. Капитал. Т.I, с.404.

²⁵ Характерно, однако, что, по оценке ЮНКТАД, «значение издержек на рабочую силу и различных природных ресурсов — единственного преимущества этих (развивающихся. — *В.Р.*) стран — значительно снижается». Даже в тех странах, которым «удавалось выстоять благодаря сочетанию новой технологии с низкими издержками на рабочую силу или опираясь на базу природных ресурсов, эти преимущества также постепенно подрываются в результате быстрого роста технических достижений, которые по-прежнему снижают трудоемкость конечной продукции» (Активизация развития, экономического роста и международной торговли, с.233).

внешне случайные обстоятельства, как возникшие исторически и подвергающиеся постоянным изменениям под влиянием современных процессов локальные различия в степени дешевизны периферийного труда. Трудоемкий «цех» каждой конкретной фабричной системы выносится именно туда, где на данном отрезке времени цена рабочей силы столь низка, что позволяет в наибольшей степени реализовать «сравнительное преимущество», вытекающее из дешевизны труда (это я затрону подробнее ниже).

Таким образом, из двух способов производства добавочной прибыли — путем удешевления в ходе НТР элементов применяемого капитала, в частности основного капитала, либо путей понижения или реализации уже существующей низкой цены рабочей силы — во многих развивающихся странах именно последний источник доставляет капиталистам центров МКХ наибольшую массу такой прибыли. О том, насколько глубоким может быть разрыв между ценой рабочей силы в периферийных зонах МКХ и таковой ценой в его центрах, свидетельствует тот факт, что даже в «новых индустриальных странах» ставки заработной платы промышленных рабочих в 80-х годах были в 5—10 раз ниже, чем в технологически наиболее далеко продвинувшихся странах центров МКХ. Так, часовая ставка заработной платы на промышленных предприятиях в 1986 г. в Японии составляла 10,42 долл., в США — 9,52, а, например, в Сингапуре — лишь 2,03, на Тайване — 1,60, в Южной Корее — 1,29, в Мексике — 1,08 долл.²⁶. Контрасты же между странами центров МКХ и странами «массовой периферии» еще значительнее²⁷.

²⁶ Industry and Development. Global Report 1987. Vienna. UNIDO. 1987, с.17.

²⁷ Например, в 1980 г. часовые ставки заработной платы (вместе с льготными надбавками) в полупроводниковой отрасли промышленности составляли на предприятиях в США 8,06 долл., а на их зарубежных филиалах в «новых индустриальных странах» — в Южной Корее — 2,0 долл., в Сингапуре — 1,25, в Гонконге — 1,2, на Тайване — 0,8 долл., на филиалах же в странах «массовой периферии» они достигали лишь 0,6 долл. — в Малайзии, 0,5 — на Филиппинах, 0,35 долл. — в Индонезии (Transnational Corporations in the International Semiconductor Industry, с.376). Но уже в 1987 г. соответствующие ставки (для операторов на предприятиях данной отрасли) составляли: в США — 10,7 долл., в Сингапуре — 3,0, в Южной Корее — 2,5, в Гонконге — 2,5, на Тайване — 2,0 и лишь 1,25 долл. в Таиланде, 0,8 — в Малайзии, 0,6 долл. на Филиппинах и в Индии (Industry and Development. Global Report 1989/90. UNIDO. Vienna. 1989,

Именно в этом «перепаде» цен рабочей силы заключается «вечный двигатель», перемещающий капитал стран центров МКХ (а теперь нередко и периферийный национальный капитал) в экономическом пространстве, занятом мировыми отраслевыми фабричными системами. Существование такого «мотора» как всеобщего (общемирового) явления предопределяет универсальность процесса непосредственного подчинения больших масс периферийного труда капиталом центров МКХ. Хотя происходящие в МКХ процессы экономической интеграции²⁸ дали некоторый толчок сглаживанию различий между локальными ценами рабочей силы (в частности, в связи с формированием новых детерминант стоимости рабочей силы, например, под влиянием общемирового процесса универсализации систем потребностей человека; в результате становления на периферии МКХ новых производств, требующих работников качественно иного типа, чем при прежнем хозяйстве, и т.д.), все же базисные условия для существования и поддержания разрыва между локальными ценами рабочей силы продолжают воспроизводиться, причем нередко в нарастающих масштабах. Особенно значимы следующие два момента.

Первое. Экспансия в периферийные зоны МКХ отраслевых фабричных систем, прежде всего в форме мануфактурных при- датков современной высокоавтоматизированной фабрики²⁹, влечет за собой втягивание все новых ресурсов местной рабочей силы

с.164).

²⁸ На протяжении 60—70-х годов национальные экономики объединялись друг с другом и с мировым рынком... доля экспорта в ВВП по всем странам мира в целом почти удвоилась и достигла 20%...» (Активизация развития экономического роста и международной торговли, с.28).

²⁹ «Согласно последнему обследованию, проведенному министерством труда Японии, 26% японских компаний, занятых в обрабатывающей промышленности, с числом служащих 1 тыс. и более уже перенесли часть своей производственной базы за рубеж. Всего же 52% таких компаний планирует организовать обрабатывающие предприятия за рубежом в недалеком будущем... Высокая цена японской валюты побуждает многих японских предпринимателей искать за рубежом (в развивающихся странах. — *В.Р.*) более дешевые источники поставок узлов и деталей для своих предприятий, производящих готовую продукцию... Недавний их рывок к таким источникам знаменует поэтому окончание старой эры (обеспечение узлами и деталями своих предприятий на внутринациональной основе. — *В.Р.*)» (Industry and Development. Global Report 1987, с.13).

в процесс контролируемого отраслевым капиталом производства. При этом в сфере сельского хозяйства на такие мануфактурные подразделения системы в ряде случаев приходится даже большее количество «освоенных» капиталом новых работников, чем в промышленности (весьма типичен здесь «контрактный фарминг»). Особенностью такого «освоения» является то, что, хотя новые контингенты трудящихся оказываются включенными в, как правило, более эффективное производство, ориентированное на общемировые стандарты потребления, цена их рабочей силы в еще большей степени регулируется факторами традиционной среды их бытия, с которой они остаются связанными прочнейшими узами. Здесь сказывается, в частности, недоразвитость морального и исторического элементов стоимости рабочей силы (по сравнению с их западноевропейскими, американскими, а ныне и японскими аналогами).

Второе. Несоответствие оплаты вовлеченного в производство труда эффективности этого производства вызвано и тем, что местные рынки труда испытывают, как правило, сильное давление со стороны «избыточной» рабочей силы. Постоянная конкуренция между рабочими, отряды которых обильно пополняются выходцами из деревни (а мануфактурный тип современного производства предполагает лишь номинальную подготовку частичного работника), закрепляет тенденцию к удержанию цены местной рабочей силы на стабильно низком уровне — в любом случае на уровне ниже идеального среднемирового стандарта и тем более стандарта, характерного для промышленно развитых стран.

Отсюда — и столь значительные различия в издержках производства на единицу однородной продукции, произведенной в одинаковых (или близких) технологических условиях. Об этом свидетельствует следующий пример, заимствованный из области производства электронных интегральных схем (долл. за одно изделие, 1982 г.)³⁰:

³⁰ Различаются эти системы по технологическим параметрам: на одной из самых трудоемких операций (прикрепление проводков к пластинам интегральных схем) при автоматической системе один оператор работает сразу на шести паяльных машинах, при этом технологический процесс полностью контролируется электронными средствами (микропроцессорами); при полуавтоматической

	Гонконг	США
Система, основанная на ручном труде	0,0248	0,0753
Полуавтоматическая система	0,0183	0,0293
Автоматическая система	0,0163	0,0178

Только переход к автоматическим линиям устраняет такие различия. При этом, естественно, капитал в развитой стране выигрывает куда больше, чем капитал в развивающейся (ибо чем ниже цена рабочей силы, тем выше сопротивляемость ручного труда наступлению автоматизации и тем меньше выгода, которая достается предпринимателю в результате внедрения средств, заменяющих ручной труд; приведенные цифры — это ярко доказывают).

Неисчерпаемость, практическая безграничность на периферии МКХ ее главных ресурсов — ресурсов дешевой рабочей силы — включает в себе возможности широкого втягивания их в процессы капиталистической эксплуатации как во временных (продолжительность процесса), так и в пространственных (мас-совость процесса) границах. И «осваиваться» капиталом экономически более развитых стран эта рабочая сила может прежде всего на основе развития мануфактурных форм организации труда, предполагающих даже использование машин в сочетании с применением труда частичных работников³¹.

Последующая эволюция таких периферийных подразделений мировых отраслевых фабричных систем идет в двух направлениях: во-первых, в направлении расширения фронта производства, обеспечивающего добавочную прибыль главным образом экстенсивным путем (вовлечение в процессы

системе такая операция выполняется вручную рабочим при помощи его индивидуального инструмента, снабженного средствами электронного контроля. Переход от ручной к полностью автоматизированной сборке увеличивает производительность труда оператора в 40 раз (см.: Transnational Corporations in the International Semiconductor Industry, с.97—99).

³¹ Такой тип мануфактуры особо выделял К.Маркс уже применительно к самостоятельной стадии бытия мануфактурного производства (см.: Маркс К. Экономическая рукопись 1861 —1863 годов. — Т.47, с.330).

эксплуатации массы живого труда при низкой, порою чрезмерно низкой цене рабочей силы); во-вторых, — в более редких случаях — в направлении самостоятельного (т.е. основанного на национальных приоритетах) развития технологически становящейся все более сложной модели производства, при которой в создании добавочной прибыли все большую роль начинают играть интенсивные факторы — наращивание массы и обновление основного капитала (что в конечном счете отражает «нормальный» ход стадияльной эволюции капитала). К характеристике особенностей проявления этих двух линий эволюции мы теперь и переходим.

*Два пути эволюции «внешних («восточных») отделов»
мировой отраслевой фабричной системы
(на примере электронной отрасли промышленности)*

В данной отрасли фабричная система как мировая сформировалась на рубеже 60—70-х годов, когда научно-технический прогресс, неравномерно затронувший производство отрасли, в условиях нараставшей конкуренции императивно потребовал от электронных монополий США (которые даже в середине 80-х годов все еще сосредоточивали $\frac{2}{3}$ мирового производства полупроводников, этой сердцевины отраслевого производства, и на которые приходилась половина их мирового потребления) переноса операций, предполагавших использование больших масс живого труда, в районы концентрации дешевой рабочей силы. Начались расчленение технологически единого производственного процесса и «выброс» его наиболее трудоемких операций в периферийные зоны МКХ, преимущественно в страны Юго-Восточной Азии, особенно в страны (и территории), впоследствии ставшие «новыми индустриальными экономиками», и Малайзию.

В 70-х годах «внешние» цеха американской электронной фабрики в этом регионе стремительно разрастаются. В 1980 г. на долю шести развивающихся стран и территорий Юго-Восточной Азии приходилось 86,3% всего американского импорта электронных комплектующих узлов и деталей из развивающихся стран, при этом США были самым крупным импортером этих

изделий среди всех стран ОЭСР: их доля составляла 70% всего импорта данных товаров этой группой стран³². О возрастании роли периферийной мануфактуры в воспроизводстве «электронного» капитала США свидетельствует и тот факт, что уже в 1977 г. 23,1% всех потребляемых внутри страны полупроводников они получали из развивающихся стран (в основном стран Юго-Восточной Азии) против всего лишь 8,1% в 1970 г.³³

Элемент технического разделения труда стал обособляться как блок общественного разделения труда. Так, в производстве полупроводников на периферию перемещались такие трудоемкие частичные работы, экономически оформлявшиеся в виде органической мануфактуры, как оснащение пластин интегральных схем проводами (паяльные работы) и сборка и упаковка изделия. В «головных» же цехах (т.е. на фабрике в собственном смысле), располагавшихся в центрах МКХ (в данном случае в Основном в США), осуществлялись работы по изготовлению материала для чипов, печатание интегральных схем, их тестирование после пайки и сборки (иногда часть этих работ передавалась периферийным мануфактурам), доводка и окончательная отделка изделия. Здесь же, естественно, концентрировались без каких-либо изъятий и все работы, связанные с НИОКР. Как видно, периферийная мануфактура «вклинилась» в самую сердцевину цепочки последовательных операций.

Образовавшая именно «внешний» придаток заморской фабрики, такая мануфактура (как об этом свидетельствует опыт Индонезии, Малайзии, Филиппин и Таиланда) почти или вообще не соприкасалась с местным производством даже «легкой» потребительской электроники, работающим на внутренний рынок³⁴, если такая отрасль возникала в национальном хозяйстве.

Второй этап, вызвавший новую волну изменений в технологических, социально-экономических и географических параметрах отраслевой фабричной системы, начался с конца 70-х годов, когда в отрасли возникло «новое поколение заводов» (их рождение

³² Подсчитано по: Transnational Corporations in the International Semiconductor Industry, с.337, 338.

³³ Ernst D. Recent Developments in the Semiconductor Industry, с.20, 22, 23.

³⁴ Transnational Corporations in the International Semiconductor Industry, с.439.

относится к 1978 г.)³⁵. Новая технология предполагала не только высокий уровень автоматизации производства, но и интеграцию ряда ранее обособленных частичных работ в едином производственном процессе. Выделившиеся ранее блоки общественного разделения труда стали замещаться технологическим разделением труда. В результате резко сократились потребности в живом труде, при этом новому производству потребовался работник, обладающий иной, более высокой квалификацией.

Технологический переворот вызвал ряд существенных изменений во внутриотраслевом разделении труда. «Внешнее приращение конкуренции» (К.Маркс) побудило капитал, уже связанный в социально полистадиальной отраслевой системе, вновь расчленять процесс производства в периферийных звеньях системы, перемещая выполнение части операций в страны «массовой периферии» с наиболее низкой ценой рабочей силы. Объектами такой импульсивной экспансии стали как «старые», уже освоенные страны (прежде всего Филиппины), так и «новые» (в частности, Бангладеш, Шри-Ланка, КНР, Таиланд). При этом перенос мануфактурных аппендиксов промышленного капитала осуществляется в эти страны из «новых индустриальных экономик» Юго-Восточной Азии, т.е. стран и территорий с относительно высокой (и, как увидим ниже, повышающейся) ценой рабочей силы, где техническая база отраслевого производства стала претерпевать качественные сдвиги в связи с начавшимся освоением технологий «нового поколения»³⁶. Наиболее яркими представителями этой группы стран являются Сингапур и Южная Корея (об изменении ставок заработной платы в данной отрасли по странам в 80-х годах см. прим. 27). Процессы технологической трансформации (в частности, процессы автоматизации) затронули и некоторые частичные работы в мануфактурных комплексах стран «массовой периферии» (например, на Филиппинах)³⁷.

³⁵ Rada J.F. A Third World Perspective, с.223.

³⁶ Подробнее см.: Ernst D. Recent Developments in the Semiconductor Industry, с.2, 5, 9, 10.

³⁷ Например, в 1982 г. на Филиппинах 20% всего объема работ по прикреплению чипов к корпусу упаковки осуществлялось в автоматическом режиме. На полуавтоматические процессы приходилось 40% и на процессы, полностью

В целом же технологический переворот предопределил мощные тенденции к понижению уровня экономически целесообразной для капитала цены рабочей силы, связанной с ручным трудом. В частности, более низкая цена рабочей силы стала условием самого существования мануфактуры в ее прежнем виде; и именно поэтому она локализуется теперь почти исключительно в странах «массовой периферии», где к тому же повышается место стран с наиболее низкой ценой рабочей силы³⁸. Тем самым данный переворот выявил примечательный факт: возможности капитала в «добывании» добавочной прибыли экстенсивными методами даже в отрасли, находящейся в пике современного этапа НТР, пока оказываются неисчерпанными, равно как, впрочем, и условия для регрессии капитала в пределах собственно капиталистического производства (об этом также см. ниже).

Вместе с тем свершившийся технологический переворот в отрасли приостановил поток нового капитала (капитала «новых фирм»³⁹) на периферию в *мануфактурной форме его организации*, более того, вызвал частичную передислокацию (особенно усилившуюся в 80-х годах) производственной базы отрасли в

основанные на ручном труде, — тоже 40%. Соответствующие цифры по операциям оснащения чипов проводками — 44, 30 и 26%, т.е. наибольшая часть используемого живого труда была связана в обоих случаях в менее производительных процессах (полуавтоматические системы и «чистый» ручной труд). «Большинство компаний предпочитает поднять уровень квалификации имеющихся кадров паяльщиков (т.е. обучить их знанию технологий полуавтоматического процесса. — *В.Р.*), чем вышвырнуть их полностью, заменив автоматическими системами» (Transnational Corporations in the International Semiconductor Industry, с.420).

³⁸ Все это относится, естественно, к странам, располагающим избыточными ресурсами живого труда, к каковым (странам) относятся страны «массовой периферии» Юго-Восточной Азии (т.е. исключая «новые индустриальные экономики»). В странах же с избыточными ресурсами капитала (в его денежной форме), но недостаточными ресурсами рабочей силы, поступающими на рынки труда, действуют иные закономерности в формировании цены рабочей силы. Например, в нефтеэкспортирующих странах Арабского Востока взвинчивание цены рабочей силы объясняется исключительно процессами безвозмездного перемещения части гигантских сумм, реализуемых государством в форме монопольной нефтяной ренты, через цепь различных государственных институтов на рынки труда.

³⁹ Ernst D. Recent Developments in the Semiconductor Industry, с.8.

страны — родоначальницы прогресса в электронном производстве (процесс этот затронул почти исключительно США)⁴⁰; так техническое разделение труда реально замещало общественное.

Волнообразный тип изменений в разделении труда и стадийных формах капитала в пределах мировых отраслевых систем обусловлен не только динамикой НТП, он находится в прямой зависимости и от особенностей национальных стратегий технологического развития, осуществляемых теми или иными странами — лидерами НТП. Так, Япония, решавшая на протяжении 70-х — первой половины 80-х годов задачу системного создания электронных средств автоматизации для своей экономики на национальной основе, лишь в последней трети 80-х годов отважилась начать широкомасштабный перенос части подразделений своей фабрики (в точном смысле этого слова) на периферию МКХ, в частности в страны АСЕАН. Эти «внешние», функциональные цеха японской фабрики основываются на передовых технологиях, значительно более производительных, чем те, которые используют периферийные мануфактуры американских электронных монополий, и создаются они исключительно для производства комплектующих узлов и деталей для «головных» цехов⁴¹. Другими словами, здесь мы имеем дело со случаем, когда

⁴⁰ См.: The World Economy 1988-89. Developments and prospects. Tokyo. Bank of Japan (Special paper N 171), 1989, с.19а.

⁴¹ О массовом формировании «внешних отделов» японской фабрики свидетельствует не только стремительно растущий удельный вес крупных компаний, выносящих часть своих цехов за рубеж (см. примеч. 29), но и быстро набирающий темп прирост внешних прямых инвестиций в обрабатывающую промышленность. Этот прирост составлял 2,6 млрд долл. в 1983 г., 2,4 млрд в 1985 г., 7,8 млрд в 1987 г. и уже целых 16,3 млрд в 1989 г., хотя лишь 10 млрд долл. — вследствие спада деловой активности — в 1992 г. (The World Economy 1988—89, с.34; Asahi Shimbun Japan Almanac 1994. Tokyo, 1993, с.85). Из общей суммы внешних инвестиций японского капитала на страны Азии приходилась шестая их часть — 59,8 млрд долл. (1992 г.), при этом 38,4% этой суммы, по данным на 1988 г., было вложено в обрабатывающую промышленность (главным образом филиалы японских компаний). Структура промышленных инвестиций с течением времени изменялась. Например, «нынешняя большая волна инвестиций (в промышленность стран «остальной Азии», т.е. кроме НИС и стран АСЕАН. — В.Р.) была инициирована электрическими компаниями, у которых сам производственный процесс включает в себя как особую фазу технологический трансферт в самых разных формах...» (Far Eastern Economic Review. 3 May 1990,

образование новых мировых отраслевых фабричных систем начинается от качественно иного витка технологического прогресса, витка, преодолевающего, собственно, мануфактурный уровень организации труда.

В системе такого волнообразного изменения, насажденного извне и зависимого в своей эволюции периферийного хозяйственного комплекса, выявляется «аномалия» восходящего типа развития. В пределах общемировых процессов внутриотраслевого разделения труда, пожалуй, именно сдвиги в хозяйственном комплексе Южной Кореи могут рассматриваться как классический феномен «нормальной» (т.е. восходящей) стадияльной эволюции капитала — от его менее развитых форм (например, мануфактуры, уже применяющей основной капитал) к более развитым (например, к фабрике, где, однако, автоматические и полуавтоматические линии, контролируемые компьютерными средствами, начинают занимать все более заметное место), при этом такие сдвиги обуславливаются экономически (но не технологически) не «внешними» детерминантами, а прежде всего «внутренними» потребностями развития. Трансформации, происходящие в южнокорейской экономике, связанные с производством и потреблением электронной продукции, весьма ярко характеризуют рассматриваемый тип капиталистической эволюции.

С рождением «нового поколения» электронных заводов в Южной Корее началось стремительное преобразование вынесенных сюда из центров МКХ цехов мировой отраслевой фабричной системы. Возникшие в начале 70-х годов как «внешние отделы» специализирующихся на производстве электронных изделий фабрик «электронных» лидеров МКХ — США и Японии, эти цеха начали переходить к использованию высокоточных технологий. В результате стали кардинально изменяться все основные параметры производственного потенциала электронной промышленности страны, о чем свидетельствуют следующие данные (табл. 1).

с.46, 48). Так в группе менее развитых стран Азии возникают оснащенные современными трудоемкими технологиями функциональные цеха японской фабричной системы.

Таблица 1. Изменения основных показателей электронной промышленности Южной Кореи к началу 80-х годов, долл. США на одного рабочего

Год	Валовой продукт	Чистый продукт	Чистые инвестиции, тыс.долл.	Средняя заработная плата за день	Удельный вес заработной платы в издержках, %
1976	8 447	2534	479,5	2,92	18,1
1978	10 509	4154	725,1	5,27	30,3
1980	13 919	5546	1328,1	6,57	28,6

Источник: Transnational Corporation in the International Semiconductor Industry. N.Y., 1986, с.393.

При резком росте общего объема производства (на 62% за пятилетие) рабочих стало использоваться меньше (на 1,6% за те же годы). В 80-х годах рост производительной силы труда в отрасли набирает обороты — под аккомпанемент дальнейшего сокращения числа занятых: за 1978—1983 гг. объем производства увеличился на 145%, тогда как число занятых уменьшилось на 5%⁴².

С изменением технологических и экономических параметров национальных цеховых подразделений отрасли происходит раздвоение их функциональной роли в хозяйственном организме страны, или, если сказать точнее, электронная промышленность Южной Кореи обретает принципиально новые функции (что, впрочем, характерно и для ряда других отраслей): с конца 70-х годов она начинает стремительно переориентироваться на производство для внутреннего рынка, превращаясь в одну из его основ. Речь идет, таким образом, о резком спурте интеграционных процессов в национальном хозяйстве, процессов, начавшихся одновременно с массовым развитием современной формы фабричного производства.

С переходом отрасли ко все большей опоре на внутренний рынок стали существенно изменяться пропорции внешнеторгового оборота в национальном производстве и потреблении ее

⁴² Edquist Ch., Jacobsson S. The Integrated Circuit Industries in India and Republic of Korea in an International Context. — Industry and Development. 1987, N 21, с.21.

продукции. О степени быстротечности этого процесса свидетельствуют следующие данные об изменении доли экспорта и импорта продукции электронной промышленности⁴³:

Год	Доля экспорта в производстве, %	Доля импорта в потреблении*, %
1973	80	78
1978	60	56
1983	54	51

* По абсолютной же величине внутреннее потребление продукции электронной промышленности выросло за 10 лет в 12,6 раза (с 419 млн до 5264 млн долл.).

Таким образом, к середине 80-х годов уже около половины всей продукции национальной электронной промышленности (примерно 10% чистого продукта всей промышленности⁴⁴) реализовалось на внутреннем рынке.

С развитием фабрики «нового поколения» связаны и изменения в структуре ее конечного продукта. Иначе говоря, становление фабрики, оснащенной высокоточными технологиями, сообщает мощный импульс дальнейшему внутриотраслевому разделению труда, венчающемуся возникновением все новых производств — что особенно важно — с законченным циклом воспроизводственного процесса⁴⁵. Действительно, в структуре конечного продукта отрасли доля промежуточных изделий — комплектующих узлов и деталей, предназначенных для зарубежных «головных» цехов электронной промышленности, — быстро

⁴³ Там же, с. 19—20.

⁴⁴ Industry and Development. Global Report 1987, с.283.

⁴⁵ К числу групп товаров конечного спроса, поглощающих наибольшую часть используемых в производстве готовых изделий электронных узлов и деталей, относятся: в области потребительской электроники — цветные телевизоры, различные калькуляторы, звуковоспроизводящая аппаратура (а ныне как центральное направление в этой области начинает стремительно развиваться производство видеотехники); в области промышленной электроники — различное оборудование для автоматических телефонных линий, терминалы ЭВМ, персональные компьютеры (подробнее см.: Edquist Ch., Jacobsson S. The Integrated Circuit Industries, с.21, 26, 27, 34).

сокращается (например, за 1973—1983 гг. она упала с 67 до 44% общего объема производства в отрасли); и, напротив, доля готовых изделий промышленной электроники быстро увеличивается, особенно с конца 70-х годов (она составляла 5 % в 1973 г., 9% в 1978 г. и 17% в 1983 г.)⁴⁶.

Набирающая темпы диверсификация производства как в электронной (ключевой), так и в других отраслях, сопровождающаяся переходом самого производства к технологически более зрелой модели развития⁴⁷, открывает принципиально новые направления в формировании внутреннего рынка.

Так, за последние 10—15 лет в росте емкости такого рынка все более заметное место занимает спрос на технически сложные изделия, в частности содержащие электронные компоненты. (Так, в одном лишь 1983 г. в Южной Корее на примерно 9 млн семей было продано 1,5 млн произведенных в стране цветных телевизоров.) Одна из важнейших предпосылок для становления такого динамичного рынка (и в этом — уникальность ситуации в Южной Корее) была заложена несколькими десятилетиями ранее — в начале 50-х годов, когда в результате радикальной аграрной реформы, практически уничтожившей крупное (местное помещичье и иностранное) землевладение, на огромной части экономического пространства страны (и именно представленного деревней) возникла относительно однородная система хозяйства с крестьянами — собственниками применяемых ими средств производства в качестве ее главных действующих лиц.

Такая система в результате ее дальнейшего развития и позволила в период бурной технологической трансформации хозяйства южнокорейского общества, начавшейся в 70-х годах, поддержать относительно стабильную обратную связь от производства к рынку. (Как показывает опыт многих развивающихся стран Востока, в частности Индии, именно массовый пауперизм — а он сосредоточен прежде всего в деревне

⁴⁶ Там же, с.20—21.

⁴⁷ Например, в сталелитейной промышленности в 1973—1983 гг. благодаря внедрению новых технологий ежегодное снижение издержек производства на каждую единицу продукции составляло от 4,4 до 4,8% (Enos J.L., Park W.-H. The Adoption and Diffusion of Imported Technology. The Case of Korea. London — New York — Sydney, 1988, с.33).

— выступает крупнейшим внутренним препятствием на пути экономического роста.)

Передислокации части экономического потенциала страны на удовлетворение потребностей внутреннего рынка сопутствует смена национальной окраски действующего в местной промышленности капитала. Так, в электронной промышленности уже в начале 80-х годов на долю национального капитала приходилась наибольшая часть — 57,5% в 1981 г. — производства, на долю совместных предприятий — 22,3%, а иностранный капитал сосредоточивал 20,2% производства⁴⁸.

Все эти сдвиги нужно оценивать в контексте продолжающегося перехода (различной интенсивности по различным периодам) инвестиционного процесса страны в руки национальных экономических агентов: в 1982—1986 гг. на их долю приходилось 92% всех сбережений.

Претерпевает существенные изменения и ориентированная на внешний рынок ветвь фабричного производства.

С постепенным переходом фабрики к автоматизированным системам производства резко усиливается специализация (отражающая рост разделения труда) ее высокотехнологичных звеньев. И это понятно: именно в ускоряющихся процессах такой специализации заложен один из важнейших в эпоху НТР источников экономии труда и соответственно роста производительности труда. Что касается развивающихся стран, то во внутриотраслевом международном разделении труда, контролируемом той или иной фабричной системой, как показывает накопленный опыт таких стран, чтобы подняться на технологическую ступень, аналогичную или близкую той, которой достигли отраслевые цеха, расположенные в развитых капиталистических странах, развивающиеся страны должны следовать весьма узкой специализации производства. В высокотехнологичном подразделении мирового электронного производства на долю Южной Кореи наряду с некоторыми лидерами мирового электронного прогресса выпали организация и освоение производства стандартных сверхбольших интегральных схем⁴⁹, т.е. производства,

⁴⁸ Transnational Corporations in the International Semiconductor Industry, с.471.

⁴⁹ Подавляющая часть этой высокосложной продукции направляется на экспорт

относящегося к числу наиболее капиталоемких в электронной промышленности.

Особенно стремительно динамичные технологические изменения происходят в отрасли с 1983 г., когда государство провозгласило производство полупроводников «стратегической отраслью промышленности», подкрепляя свой выбор растущей финансовой поддержкой. Государственные гарантии обеспечили «массовые инвестиции» в «полупроводниковый бизнес»⁵⁰. Уже в 1985 г. Республика Корея осваивает массовый выпуск интегральных схем с динамичной и накопительной памятью 256 килобайт⁵¹. В 1988 г. «электронный» лидер республики — супермонополия «Самсон» выпускает первые партии чипов с динамичной памятью 1 мегабайт, а уже в 1989 г. эта супермонополия располагала мощностями, рассчитанными на производство 6-7 млн таких изделий в месяц. С некоторым

(у ведущей электронной монополии «Самсон», например, 90% всего ее производства полупроводников) (см.: Far Eastern Economic Review. 9 November 1989, с.58), при этом 87,5% (по данным на 1983 г.) реализуется на рынках США и Японии (в небольшой степени — в Западной Европе), а наибольшая доля внутренних потребностей в интегральных схемах удовлетворяется путем импорта (54,9% всего потребления в 1983 г.) (подсчитано по: Transnational Corporations in the International Semiconductor Industry, с.391; Edquist Ch., Jacobsson S. The Integrated Circuit Industries, с.23, 24). Иначе говоря, южнокорейский капитал стремится в максимально возможной степени использовать преимущества международного разделения труда к своей выгоде: ведь «почти без всяких исключений» многие промежуточные изделия, производимые в электронной промышленности, потребовали бы, «если их производить дома, больших затрат национальных ресурсов, чем в случае, если их покупают на международном рынке» (Transnational Corporations in the International Semiconductor Industry, с.443).

⁵⁰ Far Eastern Economic Review. 18 August 1988, с.82.

⁵¹ Это был настоящий прорыв на мировой рынок высокосложной электроники. Характерна оценка этого достижения одним из действующих на этом рынке лиц. Так, одна из крупных монополий Великобритании, «Иммос», объявила в середине 1985 г., что из-за чрезмерного риска она прекратит производство интегральных схем с динамической памятью 256 килобайт и будет в будущем приобретать их в Японии и Южной Корее. Успех в налаживании производства таких схем, как считают специалисты, означал бы, что «Республика Корея стала бы более передовой страной в том, что касается производства стандартных интегральных схем, чем большинство европейских государств» (Edquist Ch., Jacobsson S. The Integrated Circuit Industries, с.54).

отставанием следуют за ней два других «электронных» гиганта Южной Кореи — «Хундай» и «Гоулдстар». В 1988 же году, объединив ресурсы, три монополии начали разработку чипов с динамичной памятью 4 мегабайт; промышленные партии этих сложнейших изделий должны были начать отправляться зарубежным заказчикам уже со второй половины 1990 г. В 1989 г. консорциум из трех гигантов при спонсорской поддержке государства (предоставление 300 млн долл. в виде главным образом низкопроцентных займов) приступает к разработке интегральной схемы с динамичной памятью 16 мегабайт⁵².

В результате крупнейший капитал Южной Кореи постепенно выходит на роль «равноправного партнера» крупных электронных монополий промышленно развитых капиталистических стран во внутриотраслевом международном разделении труда.

Главным достижением технологического рывка, осуществляемого южнокорейским капиталом, является то, что в производстве не только «легких» для освоения потребительских товаров, но и высокотехнологичной базисной продукции электронной промышленности (полупроводники) южнокорейская фабрика стала способна успешно выдержать самую острую конкуренцию со стороны фабрики промышленно развитых стран⁵³. К концу 80-х годов «электронная» буржуазия Южной Кореи овладела уже 15% мирового коммерческого рынка чипов памяти, выйдя на третье место в мире в когорте поставщиков таких изделий⁵⁴.

Более того, со второй половины 80-х годов Южная Корея активно вторгается на мировой рынок персональных компьютеров, производство которых становится вторым важнейшим направле-

⁵² Far Eastern Economic Review. 18 August 1988, с.84; 24 August 1989, с.51; 9 November 1989, с.59.

⁵³ «В то время как ведущие японские компании... жалуются на то, что производители чипов Южной Кореи прибегли к «безрассудному» сокращению цен...», управляющий директор «Самсон электронике» свидетельствовал: «Мы не испытываем проблем в связи со снижением цен», а его коллега, вице-президент «Хундай электроникс», резюмировал: «Мы уже так много вложили в производство чипов памяти, что уйти отсюда нам никак нельзя» (цит. по: Far Eastern Economic Review. 9 November 1989, с.58, 59).

⁵⁴ Там же. 24 August 1989, с.50.

нием специализации экспортного сектора промышленности. Страна стремительно наращивает выпуск этих изделий (среднегодовой прирост в конце 80-х годов — 40%); стоимость произведенных в 1989 г. компьютеров достигла уже 2% ВВП (показателя США) против 1% в 1986 г.⁵⁵.

В 70-х и даже 80-х годах южнокорейские фирмы весьма часто использовали зарубежную технологию⁵⁶, прежде всего в области электронной промышленности, однако в 80-х годах обо-значился весьма заметный прирост потенциала национальной базы НИОКР⁵⁷, позволивший стране вплотную заняться ликвидацией самого уязвимого места в ее экономическом росте — зависимости ее технического прогресса от воли нескольких монополий стран — лидеров НТР. По свидетельству Мирового банка, на рубеже 80—90-х годов Республика Корея занимала второе место среди стран «третьего мира» по количеству ученых и инженеров, занятых в сфере НИОКР, в расчете на 1 млн жителей. Следующие данные показывают степень отрыва республики от других развивающихся стран (регионов) по данному показателю⁵⁸:

Тайвань	1426	Мексика	217
Республика Корея	1283	Индонезия	152
Сингапур	960	Таиланд	150
		Индия	132

⁵⁵ Там же. 31 August 1989, с.48; 20 July 1989, с.51.

⁵⁶ Среди многих причин, вынуждающих местный капитал обращаться к иностранной технологии и иностранному техническому опыту, выделяются следующие: «Спрос на зарубежную технологию в любой форме частично отражает признание (южно)корейским правительством и (южно)корейскими фирмами того факта, что для осуществления технически передовых проектов капитал мобилизовать значительно легче. В частности, иностранный капитал с большей готовностью вливается в те (южно)корейские компании, которые применяют технологии, генерирующие прибыль для производителей в развитых (капиталистических) странах... Спрос на иностранную технологию в (Южной) Корее может также отражать отсутствие доверия к национальной сфере НИОКР...» (Enos J.L., Park K.W.-H. The Adoption and Diffusion of Imported Technology, с.42).

⁵⁷ В 1973 г. расходы на НИОКР в Южной Корее составляли лишь 0,4% ВВП, в 1978 г. — 0,6, в 1982 г. — 0,9, но в 1984 г. — уже 1,5%, а в 1986 г. (по оценкам) — 2%. По абсолютным же размерам всего за четыре года (1982—1986) они должны были возрасти в 2,8 раза (см. там же, с.43).

⁵⁸ Цит. по: The Times of India. 27.05.1992.

Для сравнения: в Японии на 1 млн жителей приходилось 4569 ученых и инженеров, занятых в НИОКР. Зато по такому важному показателю, как эффективность сферы НИОКР, если измерять эту эффективность степенью участия производящих продукт предприятий в финансировании сферы НИОКР, Республика Корея не имела себе равных в «третьем мире», в три раза превосходя даже Тайвань и в 380 раз — Мексику. И то обстоятельство, что республика, по данным Мирового банка, к 2000 г. планирует расходовать на сферу НИОКР 5% ВВП⁵⁹, невиданную в сегодняшнем мире величину, свидетельствует, что уже в ближайшем будущем страна намерена не только освободиться от «постыдной» технологической зависимости от заморских ТНК, но и стать одним из лидеров технологической революции в мире⁶⁰.

Какими же способами южнокорейскому капиталу удастся помимо собственно обновления основного капитала поддерживать (и приумножать) конкурентоспособность своих товаров на мировом рынке? Можно выделить два момента. Во-первых, «электронная» буржуазия Южной Кореи в полной мере использует свою монополию на внутреннем рынке, опираясь на протекционистский щит государства (например, запрет на импорт более «дешевых» зарубежных товаров-аналогов). В результате цена на продукцию конечного спроса существенно повышается по сравнению с мировой и местные «рыцари без страха и упрека» обретают тем самым возможность невозбранно черпать обильные средства, обирая «своего» потребителя, чтобы облегчить себе тяготы конкурентной борьбы на внешних рынках и завоевать себе там «место под солнцем». То, в каких масштабах южнокорейские монополии ломают ценовые пропорции обмена, чтобы выкачать

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Еще в 1988 г. считалось, что Япония, бесспорный «электронный лидер» и мире, имела технологическое преимущество перед Южной Кореей в производстве интегральных схем памяти масштабом в «одно поколение (т.е. три года)» (см.: Far Eastern Economic Review. 18 August 1988, с.84). Технологическая гонка рубежа 80 — 90-х годов, в которую активно втянулась Южная Корея, свидетельствует, что «электронная» буржуазия этой страны, уже завоевавшая себе прочное «место под солнцем» в мировом электронном хозяйстве, стремится всеми силами наверстать это «отставание».

побольше дополнительной дани из «своего» общества, можно наглядно увидеть на примере реализации наиболее популярной потребительской электроники — цветных телевизоров (показатели за 1983 г.)⁶¹:

Рынок	Продано телевизоров, млн штук	Удельный вес продаж, %	Удельный вес выручки, %
Внешний	2,5	62,5	Менее 50
Внутренний	1,5	37,5	Более 50

Во-вторых, южнокорейские капиталисты используют и наиболее обычное средство — повышение нормы эксплуатации наемных рабочих. В Южной Корее внедрение наукоемких технологий вызвало не сокращение, а увеличение продолжительности рабочей недели, и без того едва ли не самой длинной в развивающемся мире. Так, за период с 1972—1975 по 1982—1985 гг. она увеличилась в обрабатывающей промышленности в среднем с 50,8 до 54,05 часа (на 8,0%), или даже, по другим данным, до 57,8 часа (на 13,8%)⁶².

Все дело в том, что подверженное быстрому моральному износу дорогостоящее, но обеспечивающее наиболее высокую прибыль «новое поколение» основного капитала императивно потребовало увеличения рабочего дня — в целях максимально возможного ускорения физического потребления этого капитала (поэтому закономерно, что на наиболее передовых предприятиях самое современное оборудование стремятся «прокатывать» круглосуточно). Восстановление во все более широких масштабах практики производства абсолютной прибавочной стоимости как

⁶¹ Edquist Ch., Jacobsson S. The Integrated Circuit Industries, с.21, 23, 34.

⁶² Подсчитано по: Statistical Yearbook for Asia and the Pacific 1985. Bangkok ESCAP. 1987, с.317; 1986 Year Book of Labour Statistics. Geneva. ILO, 1986, с.630; ср. Korea Statistical Yearbook 1988. Seoul, с.80. В электронной промышленности продолжительность рабочей недели в среднем возросла с 48,8 часа в 1976—1978 гг., т.е. в период накануне появления «нового поколения» электронных заводов, до 52,9 часа в 1986—1988 гг., или на 8,4% (см.: 1992 Year Book of Labour Statistics. ILO. Geneva, 1992, с.748).

все более весомого дополнения к производству относительной — этот удивительный феномен, порождаемый нынешней волной НТР, — присуще не только развивающимся странам с наиболее рационально организованным производством, но и некоторым развитым капиталистическим государствам (например, Японии)⁶³. Но параллельно происходит и другой процесс — повышение цены рабочей силы (проявляющееся в росте заработной платы рабочих), которое призвано компенсировать все более интенсивно протекающий ее износ. Действительно, за 1975—1985 гг. годовой чистый продукт на одного занятого в обрабатывающей промышленности увеличился (в текущих ценах) с 4,1 тыс. до 13 тыс. долл. (в постоянных ценах 1980 г. — с 6,6 тыс. до 11,2 тыс. долл.)⁶⁴, а доля заработной платы в этом продукте возросла с 23,6 до 25,3% (с перепадом даже до 29,3% в 1980 г.) (см. табл. 2). В электронной промышленности повышение доли заработной платы было, по-видимому, еще более значительным (см. табл. 1).

Независимо от того, насколько увеличилась интенсивность потребления рабочей силы в обрабатывающей промышленности Южной Кореи (и, в частности, в электронной отрасли), очевиден факт: масса прироста прибавочной стоимости не вдет ни в какое сравнение с массой прироста заработной платы (хотя именно этот последний прирост стал одним из ферментов быстрого расширения емкости внутреннего рынка потребительских товаров с конца 70-х годов).

О том, насколько интенсивно эксплуатируется труд южнокорейских рабочих, наглядное представление можно получить из сравнения сопоставимых данных международной статистики. Выше уже упоминалось, что разрыв в уровнях ставок заработной платы в «новых индустриальных экономиках», с одной стороны, и промышленно развитых странах — с другой, достигает 5—10-кратной величины. Между тем, если судить по данным на середину 80-х годов (табл.2), в Южной Корее и удельный вес фонда заработной платы во вновь созданной в обрабатывающей промышленности стоимости — один из самых низких в границах

⁶³ Показатели увеличения продолжительности рабочей недели в Японии см.: Statistical Yearbook for Asia, с.278.

⁶⁴ Industry and Development. Global Report 1987, с.283.

той части мирового хозяйства, которая представлена этими двумя группами стран.

Таблица 2. Норма эксплуатации рабочих в обрабатывающей промышленности «новых индустриальных» и промышленно развитых стран, %

Страна	Удельный вес заработной платы во вновь созданной стоимости			Отношение прибавочной стоимости к заработной плате		
	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.
Сингапур	34,60	29,70	39,90	188,70	237,10	150,60
Южная Корея	23,60	29,30	25,30	324,50	241,50	295,10
ФРГ	49,40	50,10	46,40	102,60	98,50	115,70
США	43,10	40,90	38,50	132,20	144,30	159,90
Япония	40,40	34,80	33,30	147,40	187,20	200,50

Источник: Industry and Development. Global Report 1987. Vienna, UNIDO, 1987, с.266, 281, 283, 302, 316.

Между тем даже у лидеров технологического прогресса — Японии и США, у которых величина данного показателя благодаря глубокой технологической перестройке национального хозяйства и относительному отставанию роста совокупного фонда заработной платы обнаруживает тенденцию к понижению, последний в середине 80-х годов составлял все-таки $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{5}$ величины чистой выручки обрабатывающей промышленности. Соответственно выглядят и различия в норме эксплуатации рабочих: в Южной Корее она в 1,5 — 2 раза выше, чем в Японии и США (и даже в 2,5 раза выше, чем в ФРГ). Именно такая, фантастической высоты, норма эксплуатации рабочих — 300%, о которой могут только грезить (пока!) капиталисты западного мира, объясняет, в конечном счете, необыкновенную конкурентоспособность товаров, произведенных южнокорейским капиталом, на мировом рынке. С конца 80-х годов, однако, в

Южной Корее в определенной мере благодаря массовым акциям рабочего класса обозначилась, похоже, тенденция к существенному уменьшению разрыва между ценой рабочей силы и ее возрастающей стоимостью: цена рабочей силы «подтягивается» к стоимости, причем этот процесс происходит в условиях сокращения средней продолжительности рабочей недели (до 49,9 часа в 1989—1991 гг.) при росте интенсивности труда; рост же производительности труда существенно опережает увеличение заработной платы⁶⁵. Все это, очевидно, свидетельствует о начавшемся переходе южнокорейской экономики в ту фазу структурной перестройки, при которой вся модель развития капитализма претерпевает радикальные изменения.

«Интеллектуальная мануфактура»

Выше было сказано, что в формировании четырехзвенной системы машин, предполагающей замену контрольно-управляющих функций человека машиной, участвует не только фабрика в точном смысле этого слова, но и мануфактура, основывающаяся на ручном труде частичных работников. Но там речь шла о вещной оболочке (т.е. собственно технических средствах) контрольно-управляющих механизмов. Вдохнуть в них жизнь и превратить их в действующие механизмы, способные выполнять такие функции, позволяет труд совсем иного качества — труд интеллектуальный; в системе общественного производства такой труд, воплощающийся в многообразное программное обеспечение, все больше организуется на принципах, характерных для мануфактуры, с выделением частичных работников, выполняющих обособленные операции при создании целостной потребительной стоимости. В мировом развитии такой «интеллектуальной мануфактуры» все более значительная роль выпадает на долю стран «третьего мира». Такая мануфактура становится одним из

⁶⁵ О таких процессах в электронной отрасли промышленности Южной Кореи см.: Far Eastern Economic Review. 6 April 1989, с.85, 86. О сокращении рабочей недели см.: 1992 Year Book of Labour Statistics, с.729, 748.

мощных каналов включения его растущего научно-технического интеллектуального потенциала, этого принципиально нового для развивающихся стран ресурса экономического роста, в процесс формирования в промышленно развитых странах нового технологического (системно-автоматизированного) способа производства.

Естественно, далеко не во всех странах такой потенциал может стать объектом международного разделения труда, а только в тех из них, где уже накоплена его «критическая масса», что позволяет реализовать этот потенциал в создании механизмов, связанных с «опредмечиванием умственных функций человека».

Безусловным лидером в экспортном производстве продукции интеллектуального труда (в виде программного обеспечения) является в «третьем мире» Индия, где уже образовалась такая «критическая масса» технических специалистов — инженеров и техников⁶⁶, часть которых сосредоточивается в ориентированных на работу на экспорт «домах по изготовлению программного обеспечения», организованных как акционерные компании⁶⁷. Более того, спрос на программное обеспечение, подготовленное индийскими специалистами, на мировом рынке столь высок, что в «программный бизнес» Индии начинает активно вторгаться капитал стран-пользователей программного обеспечения (инвестиции в технические основания бизнеса, подготовка высокоспециализированного учебного персонала, организация трансферта и др.)⁶⁸. Масштабы и темпы включения научно-

⁶⁶ В дополнение к уже имеющимся 2,5 млн инженеров и техников высшие учебные заведения Индии ежегодно выпускают 10 тыс. технических специалистов (см.: Industry and Development. Global Report 1987, с.55). По данным ЮНЕСКО, по количеству ученых и инженеров Индия занимает третье место в мире и второе — в группе англоязычных стран (см.: The Times of India. 27.05.1992; The Hindustan Times. 06.07.1992).

⁶⁷ См.: The Economic Times. 05.03.1989; The Hindu. 23.03.1989.

⁶⁸ Помимо американского капитала [например, создание «лучшего в Индии, если не во всей Азии», центра по подготовке программных специалистов на юге страны (см.: The Hindustan Times. 06.07.1992)] с конца 80-х годов в производство программного обеспечения в Индии включается капитал ФРГ, который, не желая нести «высокие издержки по изготовлению такой продукции» у себя дома,

технического потенциала Индии в систему международного разделения труда, включения, начавшегося со второй половины 80-х годов, по-видимому, не имеют прецедента в мировой практике⁶⁹.

По существу, в Индии с небывалой быстротой формируется новая мощная отрасль народного хозяйства — одна из тех, которые аккумулируют и практически организуют потенциал научно-технического знания, закладывают фундаментальные основы экономики будущего.

Следующие два момента полезно отметить в связи с таким включением развивающихся стран в систему МРТ.

Во-первых, научно-технический прогресс крайне неравномерно затрагивает обе стороны производства средств, призванных выполнять контрольно-управляющую функцию. Как показывает опыт мирового развития, при росте эффективности происходит стремительное удешевление технических элементов этих средств машинного контроля и управления. Например, средняя эффективность компьютеров за 1960—1980 гг. возросла в 20 раз, а издержки производства компьютерной единицы сократились в 100 раз (т.е. каждая единица информации, полученная с помощью компьютеров, обходилась в 1980 г. в 2 тыс. раз дешевле, чем в 1960 г.)⁷⁰.

стремится «активно решать вопросы сотрудничества с индийскими домами программного обеспечения в попытках разделить с ними затраты ресурсов и добиться экономии» (The Economic Times. 05.03.1989). А в начале 90-х годов к исследованию инвестиционных возможностей в «программном бизнесе» приступают японские монополии (см.: The Hindustan Times. 25.06.1992).

⁶⁹ Например, в 1986 г. Индия экспортировала программного обеспечения на сумму 23 млн долл., в 1990/91 г. — 102 млн, в 1991/92 г. 206 млн долл. В 1992/93 г. правительство планирует экспортировать программного обеспечения на сумму 280 млн долл., а на 1996 г. проектируется вывоз этого товара на 1 млрд долл. (первоначальный проект — 660 млн долл.) (см.: Industry and Development Global Report 1987, с.55; The Times of India. 27.06.1992; The Hindustan Times. 04.07.1992; 28.07.1992).

⁷⁰ Lalor S.E. Overview of the Microelectronics Industry, с.27. Процесс сокращения стоимости каждой единицы компьютерных технологий в неослабевающем темпе происходит и в 80-х годах. Например, чипы с памятью 64 килобайта, реализовавшиеся в США в 1980 г. по цене 35 долл. за штуку, в конце 1984 г. продавались по менее чем 2 долл., а к 1987 г. их цена опустилась даже до 0,5 долл. за

Между тем издержки производства программного обеспечения за последние два-три десятилетия остались практически неизменными. И это закономерно, поскольку изготовление такой продукции — процесс не только и не просто трудоемкий, но и, как его справедливо характеризуют, «искусстvomекий», требующий затрат только живого человеческого ума, а такие затраты пока не поддаются экономии⁷¹. В силу этого в общей сумме затрат на компьютерные технологии доля затрат на программное обеспечение непрерывно возрастает. Так, если в 1955 г. такие затраты не достигали и 20%, то в 1985 г. их доля уже превысила 90%⁷².

Поэтому-то в конкурентной борьбе различных капиталов сокращение издержек, связанных именно с производством программного обеспечения, становится первостепенным условием достижения успеха. Такое сокращение, однако, можно осуществить не в результате роста производительности труда (она постоянна в силу самой природы процесса интеллектуального труда в его современном виде), а лишь путем простого снижения затрат на рабочую силу, занятую в интеллектуальном производстве. И то обстоятельство, что на программное обеспечение приходится львиная доля совокупных затрат при производстве четвертого (управляющего) звена системы машин, необычайно высоко поднимает планку ценности для развитых капиталистических стран, переходящих к постиндустриальной системе производительных сил, потенциала интеллектуального труда стран «третьего мира». Ибо именно здесь сосредоточены свободные

штрку (Transnational Corporations in the International Semiconductor Industry, с.119; Industry and Development. 1987, N 21, с.53).

⁷¹ См.: Rada J.F. A Third World Perspective, с.237. Для оснащения программным обеспечением крупных новых систем требуются затраты «тысяч человеко-лет» (Lalor S.E. Overview of the Microelectronics Industry, с.26).

⁷² См.: Lalor S.E. Overview of the Microelectronics Industry, с.27. По данным ЮНИДО, в начале 80-х годов издержки производства программного обеспечения составляли 80% средних издержек производства компьютерных технологий (цит. по: Bhalla A. S. Choice and Adoption of Newly Emerging Technology. — The Conditions for the Absorption of Advanced Technologies in Developing and Developed Countries. Geneva, 1987, с.46).

кадры высококвалифицированных инженеров и техников, «желающих работать за частичку той ставки заработной платы, которая существует в развитых странах с рыночной экономикой»⁷³. Дешевизна периферийного интеллектуального (т.е. сложного) труда (как и всяких форм периферийного простого труда) есть тот стимул, который побуждает монополии развитых капиталистических стран вовлекать в производство компьютерных технологий формирующуюся «интеллектуальную мануфактуру» развивающегося мира. И эта же дешевизна способствует (а в перспективе — еще больше будет способствовать) значительной экономии издержек, обусловленных переходом хозяйства этой группы стран на постфабричную стадию развития.

Во-вторых, мировые отраслевые системы, производящие компьютерные технологии, функционируют таким образом, что обеспечивают безусловное подчинение «интеллектуальной мануфактуры» «третьего мира» высокоавтоматизированному производству развитых капиталистических стран. Тенденция в разделении труда между обеими частями системы состоит в том, что мануфактура полностью лишается статуса самостоятельного товаропроизводителя. Она все больше и возникает, и развивается как заведение, функционирующее на субконтрактных принципах, регулируемых «головными цехами» системы. Товарный продукт такой мировой отраслевой системы — компьютерные технологии — включает в качестве своей органической части программное обеспечение, которое тем самым выступает не как свободно реализуемый товар, а как созданный по заранее разработанному заказу (притом по цене много ниже рыночной) элемент общей «пакетной» технологии. И чем сильнее «острие конкуренции» будет смещаться в сторону программного обеспечения... тем

⁷³ Industry and Development. Global Report 1987, с.55. По мнению ЮНИДО, «некоторые развивающиеся страны имеют существенные преимущества в области производства программного обеспечения, поскольку, располагая в достаточных количествах высококвалифицированной рабочей силой, они могут производить его при издержках, составляющих примерно пятую часть тех, при которых эта продукция изготавливается в развитых странах» (цит. по: Bhalla A.S. Choice and Adoption, с.46).

большее значение будет приобретать сдвиг к развитию «инкорпорированной технологии», хотя он будет все менее осязаем»⁷⁴.

В этой своеобразной форме капитал, представленный овеществленным трудом в лице высокоавтоматизированной фабрики центров МКХ, и осуществляет господство над периферийным живым трудом, выступающим в форме интеллектуальной деятельности⁷⁵. Естественно, что крупный инациональный капитал, эксплуатирующий этот труд, должен делиться добавочной прибылью с местными владельцами «интеллектуальной мануфактуры», выступающими, помимо прочего, организаторами процесса производства.

*Влияние специфически НТР-овских комплексов
производительных сил на условия капиталистической эволюции
хозяйства развивающихся стран*

Опираясь в той или иной степени на производственные ресурсы и интеллектуальный потенциал многих развивающихся стран, лидеры технологического прогресса центров МКХ постепенно начинают формировать «у себя дома», как отмечалось ранее, постфабричную стадию материального производства. Неко-

⁷⁴Rada J.F. A Third World Perspective, с.240. Поэтому жажда знания «секрета» «пакета» конкурента безгранична. Характерный штрих: Управление национальной обороны Японии решило самостоятельно разработать программное обеспечение для бортовых ЭВМ нового тактического истребителя японских ВВС после того, как США, участвующие в создании самолета, предложили купить такое обеспечение в «запечатанном виде», без права ознакомления с содержанием «пакета» (см.: Правда, 23.05.1989).

⁷⁵ Конечно, такому «сотрудничеству коня и всадника» есть предел, положенный не только предубеждением капиталистов стран — центров МКХ к качеству работы периферийного технического интеллекта, но и самими границами опыта этой работы. Например, «системное программное обеспечение есть нечто такое, что должно разворачиваться на базе реального производственного опыта в конкретной социально-экономической среде, ибо оно представляет коллективный «ноу-хау» и институциональные механизмы общества, имеющие целью наладить надлежащее взаимодействие между физическими науками и данными особенными социально-организационными структурами» (Industry and Development. Global Report 1987, с.22).

торые признаки такой стадии начинают появляться и в отдельных анклавах стран развивающегося мира. Огромную же часть его экономического пространства этот процесс пока не затрагивает вообще.

В самом деле, специфически НТР-овские производственные системы распределены крайне неравномерно между обеими группами стран, входящих в МКХ. Например, в первой трети 80-х годов на развивающиеся страны (и Югославию в ее тогдашних границах) приходилось 0,53% всех реализованных (проданных) в МКХ интегрированных производственных комплексов (ИПК)⁷⁶, этих высших на сегодняшний день достижений НТП в материальном подразделении производительных сил⁷⁷ (причем наибольшая часть таких средств поступила в этих странах в непроеизводственную сферу). Между тем развивающиеся страны сосредоточивали в 1975 г. — 11,3%, а в 1988 г. — 13,8% мирового производства продукции обрабатывающей промышленности⁷⁸. В этой группе стран НТР-овский производственный потенциал тоже распространен крайне неравномерно. Так, всего 10 развивающихся стран концентрировали в середине 80-х годов свыше 80% всего производства электронной продукции в «третьем мире»⁷⁹ (компоненты которой составляют основу создания специфически НТР-овских технологий), и ни одна страна — в объеме того «набора», который характерен для развитых стран —

⁷⁶ Подсчитано по: Kalpinsky R. Computer-aided-design: An Assessment of the Current Economic Setting and Policy Implications. — Industry and Development. 1984, N11, с.51.

⁷⁷ ИПК включает в себя как системы гибких автоматизированных (а при более высоком уровне автоматизации — автоматических) производств (ГАП), так и системы автоматического проектирования (САПР). ГАП состоит из технологической, транспортной, складской подсистем, координируемых подсистемой управления. ГАП и САПР находятся между собой в системном единстве, при котором кибернетическая система машин выполняет основную работу по проектированию объекта, а затем на основе заданных параметров производит продукцию. ИПК — высшая на сегодняшний день ступень развития системной автоматизации (см.: Научно-технический прогресс и материальное производство при социализме, с.35, 36).

⁷⁸ Industry and Development. Global Report 1989/90, с.6, 12.

⁷⁹ Industry and Development. Global Report 1987, с.202.

лидеров НТП. Характерны и критерии развивающихся стран, способных развивать «обращенное вовнутрь» производство, обеспечивающее, по меньшей мере, отдельные компоненты для управляющего звена системы машин. По оценкам некоторых исследователей и международных организаций, в их числе могут оказаться лишь страны, располагающие «нечто большим, чем эмбриональная сеть отраслей, производящих средства производства». Таких стран — «горстка», насчитывающая не более 15–20 государств⁸⁰.

Уже на первую половину 80-х годов статистика фиксирует впечатляющий своей глубиной отрыв стран — лидеров НТП даже от той небольшой группы развивающихся стран, которые наиболее далеко продвинулись по пути освоения достижений НТП, по степени внедрения специфически НТР-овских технологий в ткань производственной структуры (табл.3). Разрыв между обеими группами стран измеряется величиной в два-четыре порядка. И только бесспорный технологический лидер «третьего мира» — Южная Корея — сократил этот разрыв до одного порядка. Отметим попутно: именно способность к внедрению и хозяйственному освоению специфически НТР-овских средств труда и технологий образует ныне широкую основу экономической дифференциации стран «третьего мира»⁸¹, а в ряде случаев — вообще ее исходный пункт.

Как же соотносится формирующаяся постфабричная стадия предметно-вещественных производительных сил с теми, через которые проходит капитализм современного «третьего мира»?

⁸⁰ Ernst D. Recent Developments in the Semiconductor Industry, с.28, 29; Transnational Corporations in the International Semiconductor Industry, с.442. «Вообще говоря, развитие местного производства интегральных полупроводниковых схем не является (conditio) sine qua non [пренебрежимное (условие)] индустриализации; пожалуй, саму индустриализацию правильнее было бы рассматривать как (conditio) sine qua non возможного развития отрасли, производящей интегральные схемы» (Transnational Corporations in the International Semiconductor Industry, с.443).

⁸¹ Подробнее см.: Эльянов А. Микроэлектроника, развивающиеся страны и международное разделение труда. — Мировая экономика и международные отношения. М., 1984, N 5, с. 116, 117.

Влияние этой стадии производительных сил вносит заметный диссонанс в стадийный ход развития периферийного капитализма — на тех именно участках экономического пространства, которые становятся объектами данного влияния.

Таблица 3. Орудия труда, управляемые посредством электронных технологий, в некоторых развивающихся и промышленно развитых странах в первой половине 80-х годов, число устройств на 1 млн жителей

Страна	Интегрированные производственные комплексы	Станки с числовым программным управлением
Южная Корея	1,65	35,18
Аргентина	0,36	12,64
Бразилия	0,13	7,03
Индия	0,04	0,56
США	28,99	447,95
Швеция	25,06	614,45
Великобритания	11,09	447,23
ФРГ	6,16	697,86

Источник: *Bhalla A.S. Choice and Adaption*, с.44; Secretarial UNIDO. *A Statistical Analysis of the Sources of Change in Manufacturing Value Added by Industry and Region in 1963—1980*. — *Industry and Development*. 1987, №20, с.105-107.

Как мы уже упоминали (см. начало главы), между различными стадийными формами капиталистического производства, предшествующими постфабричной стадии, имеются определенные функциональные зависимости, своего рода «сотрудничество», на базе которого воссоздается (поддерживается) целостность воспроизводственного процесса на макроэкономическом уровне — в пределах ли системы общественного разделения труда внутри данного общества или в рамках международного разделения труда (например, в пределах охарактеризованных выше мировых отраслевых фабричных систем).

Со становлением постфабричной стадии ситуация существенно меняется. Во-первых, капитал, постепенно овладевающий новым технологическим способом производства, «доделывает» работу индустриального капитала, вытесняя живой труд из мануфактурных и стадияльно более низких подразделений производства там, где из-за крайне низкой цены рабочей силы последние могут успешно конкурировать с фабрикой (в том числе зарубежной), и тем самым разрушает их. Иначе говоря, парадокс состоит в том, что не «традиционный» индустриальный капитал, а лишь капитал, представленный НТР-овскими системами производительных сил, «почти» четырехзвенной машиной, т.е. вступивший на качественно новую (постиндустриальную) ступень эволюции, оказывается в состоянии радикально обесценить «сравнительное преимущество» стран развивающегося мира, основывающееся на крайне низкой цене рабочей силы, обесценить настолько, что применение дешевого труда, как бы низко ни опустилась его цена, уже универсально становится экономически невыгодным. Наиболее ярко такую тенденцию и воплощает ныне ИПК. В этой тенденции, между прочим, отражается интересная закономерность: прочность «сравнительного преимущества» развивающихся стран настолько велика, что, оказывается, нужно, чтобы разрыв между системами производительных сил достигал не одного стадияльного порядка, а двух, и лишь тогда начинается эффективное вытеснение экономических форм, основывающихся на ручном труде.

Во-вторых, тот факт, что технологическая революция протекает в рамках сложившегося международного разделения труда, не может затенять очевидное: ее неравномерность весьма болезненно отзывается на хозяйстве стран «третьего мира». Переход стран — лидеров технологического прогресса ко все более совершенным производственным системам, в частности основанным на «управляющих» технологиях, зачастую сопровождается прямым блокированием «третьемирских» производств, свертыванием тех звеньев системы общественного разделения труда в

развивающихся странах, которые замкнуты на «внешний мир»⁸². Но НТР вместе с тем способствует появлению новых форм участия производственного потенциала этих стран во все быстрее изменяющемся международном разделении труда, форм, детерминированных особенностями обозначившегося нового витка спирали развития производительных сил.

Западные теоретики НТР уже сейчас обсуждают возможности такого участия, открывающиеся перед развивающимися странами в связи со становлением в странах-центрах МКХ специфически НТР-овских средств труда. Предвидится, например, возможность межстранового разделения труда при производстве интегрированных производственных комплексов. Всю предварительную, «интеллектуальную» стадию производства берет на себя технологически развитая страна (из группы стран-центров МКХ), а собственно производство комплексов, процесс материализации результатов интеллектуального труда — развивающаяся страна (при этом процесс производства направляется и управляется по электронным информационным каналам из «головного» цеха). Предназначение движителя такого разделения труда, естественно, выпадает на долю ТНК⁸³.

Таким образом, формирование свойственного эпохе НТР примата духовных элементов производительных сил (концентрирующихся в данном случае в странах-центрах МКХ) над элементами материальными (концентрирующимися в данном

⁸² Х.Рада, видный ученый-теоретик по вопросам влияния электронных технологий на экономику «третьего мира», свидетельствует: «Происходит поляризация мастерства, которая проявляется не только на уровне отдельных предприятий, но и в международных масштабах, поскольку поставщики оборудования сосредоточены главным образом в развитых странах. Это ведет к растущей угрозе технологических разрывов, так как процессы, происходящие в технологически передовых странах, дают импульс устареванию оборудования и прекращению производства и поставок запасных частей и систем. В большинстве развивающихся стран такое оборудование еще длительное время могло бы быть экономически жизнеспособным, но оно оказалось бездействующим из-за отсутствия необходимых поставок. Примеров тому множество, их нужно оценивать в контексте ускоряющегося технологического прогресса» (Rada J.F. A Third World Perspective, с. 218).

⁸³ См.: Kalpinsky R. Computer-aided-design, с.54.

случае в странах периферии МКХ)⁸⁴ находит адекватное отражение и в характере межстранового разграничения функций между взаимозависимыми технологически звеньями единой цепи производственного процесса. Или, если сказать иначе, когда такой процесс охватывает обе зоны МКХ, на смену «стадиальному неравенству» по вертикали (доминирование стадиально более высокой ступени производства над более низкой ступенью) приходит «внутристадиальное неравенство» — по горизонтали (социально фиксированное разделение определяющих и функционально зависимых звеньев одностадиальной производственной системы).

Речь, следовательно, идет об убыстряющемся формировании *дискретного типа* развития систем предметно-вещественных производительных сил — по меньшей мере в той части экономического пространства развивающихся стран, которая оказалась в орбите *непосредственного* влияния капитала стран с наиболее развитой технологией. Конечно, для частичного переноса «ультрасовременных» цехов в развивающиеся страны Востока необходимы некоторые «предварительные условия». Среди них: наличие согласных на низкую оплату труда, но высококвалифицированных рабочих и инженеров; минимум предписаний об окружающей среде; «мягкое законодательство» о труде при отсутствии профсоюзов, как в экспортных зонах Малайзии, или «неиспорченные отношения» между рабочими и предпринимателями, как в «новых индустриальных экономиках». Вот уже где поистине «отличный испытательный полигон для выработки стратегии и тактики внедрения новейших технологий в промышленное производство, база которого — в странах ОЭСР»⁸⁵.

В-третьих, специфически НТР-овские средства труда и технологии — это принципиально новая технологическая культура, не имеющая собственных генетических корней в странах

⁸⁴ Подробнее см.: Крылов В.В. Особенности развития производительных сил и воспроизводственного процесса в развивающихся странах. — Экономика развивающихся стран: теории и методы исследования. М., 1979, с. 164—168, 175—177.

⁸⁵ Ernst D. Recent Developments in the Semiconductor Industry, с.29.

«третьего мира», в частности развивающихся странах Востока (как упоминалось, только совсем недавно такая культура стала прививаться на экономическую почву некоторых стран). Многие элементы этой культуры в огромном большинстве развивающихся стран пока вообще не могут быть освоены — не только вследствие чрезмерной высоты инвестиционного барьера⁸⁶, но и вследствие самой природы социокультурной среды, в которую такие элементы предположительно должны были бы внедряться. Имеются, в частности, в виду широкое распространение традиционных форм экономической деятельности, изобилие ресурсов рабочей силы, в том числе не включенной в процесс производства; ценностные ориентации производителей, по многим направлениям принципиально расходящиеся с теми, которые воплощает культура, представленная в НТР-овских технологиях; отсутствие «критической массы» индустриального потенциала и др.⁸⁷. В отношении этой «вершинной» технологической культуры

⁸⁶ Например, в начале 80-х годов при осуществлении стратегии на развитие трудоемких отраслей промышленности создание одного рабочего места обходилось в развивающихся странах в 2 тыс. долл.; с внедрением же в производство ИПК капиталоемкость одного рабочего места возрастала в десятки раз — в среднем до 80 тыс.долл. Ларчик, впрочем, открывался много проще: «развивающиеся страны не только медлят с введением технологий ИПК, но, как свидетельствуют поставщики ИПК, как правило, и не ведают о существовании таких технологий, не говоря уже об их потенциале (к ним, понятно, не относятся единичные технологические лидеры развивающегося мира. — *В.Р.*)» (Kalpinsky R. Computer-aided-design, с.50, 51).

⁸⁷ «В настоящее время научные технологии, вместо того, чтобы расширять традиционные формы деятельности, быстро вытесняют их. Эти технологии замещают также обычные индустриальные технологии в районах сосредоточения промышленных производств, так как они дешевле, безопаснее, и к тому же их легче внедрить. Однако в то же время они порождают широкомасштабную безработицу, приводят к быстрому устареванию существующих знаний, технического искусства и соответствующих им ценностей. Воздействие таких технологий на традиционное общество будет опустошительным. Промышленно развитые страны до сих пор не нашли способов блокирования такого влияния научных технологий. И трудно предвидеть, каким образом справятся с таким влиянием страны «третьего мира», если вредоносные свойства современных технологий стали бы беспорядочно импортироваться ими наряду с ожиданиями выгод от применения этих технологий» (Ventura A.K. Integration of Modern and Traditional Technologies for Development. — IFDA Dossier. Geneva, 1985, N 46, с.51).

в еще большей степени действует закономерность, охарактеризованная Л.И. Рейснером применительно к «завозной» индустриальной технологии: «Восточная модель» (значительный временной лаг между импортом собственно индустриальной технологии и импортом современных научных знаний, технологического опыта, элементов научного мировоззрения. — *В.Р.*) в этих условиях выглядит более взрывной, революционной по отношению к доминирующей социальной среде традиционного типа, ибо речь идет о вживлении сразу новых производительных элементов без всесторонней социальной и интеллектуальной подготовки, но вместе с тем она же предстает как более поверхностная, частичная, ибо сама индустриализация мало затрагивает жизнь, труд и быт большинства населения»⁸⁸.

Как показывает обширный накопленный опыт, адаптация традиционного общества Востока к новой технологической культуре, когда такая адаптация действительно имеет место, обычно сопряжена с крупными издержками социального и экономического характера. За хозяйственный прогресс на основе использования такой культуры этому обществу приходится платить весьма высокую цену. Пожалуй, деформирующие последствия «зеленой революции», при которой порожденные НТР технологии были применены в массовых масштабах, — наиболее наглядный тому пример (а ведь эти технологии, используемые и поныне, отражают нижнюю ступень научно-технического прогресса). Даже в своем трудоемком варианте «зеленая революция» в ряде стран привела к отчуждению массы людей от их собственной культуры⁸⁹, к потере ими старого мира без обретения нового⁹⁰ (и в этом смысле «зеленая революция» была не менее ярким проявлением дискретного типа и технологического и социального развития

⁸⁸ Рейснер Л.И. Генезис системы «наука—техника—производство» в западноевропейском регионе в XVI—XVIII вв. и оценка перспектив этого процесса в восточных обществах эпохи НТР. — Исторические факторы общественного воспроизводства в странах Востока. М., 1986, с.241.

⁸⁹ См., например: Critchfield R. «Green Revolution» — Most Significant of this Decade. — Science and Culture. Calcutta, 1971, vol.37, N 10.

⁹⁰ Ср.: Маркс К. Британское владычество в Индии. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. Т.9, с.132.

деревни, поскольку она, вызванная к жизни экзогенными факторами, внедрялась, притом «в исторически кратчайшие сроки», в еще не подготовленную для нее по всем параметрам социальную среду). Она привела, далее, к уничтожению ряда важных элементов производственного потенциала, накопленного традиционным хозяйством⁹¹, к экологической напряженности и ухудшению природной среды обитания человека; практически повсеместно она катализирует рост социального неравенства в деревне⁹². И все эти недуги будут давать себя знать все острее по мере «вползания» (начавшегося с конца 70-х годов) «зеленой революции» в трудосберегающую фазу развития. В то же время «зеленая революция» позволила во многих странах, ее переживающих, достигнуть (или значительно продвинуться к достижению) насущных общенациональных целей — удовлетворить платежеспособный спрос на продовольственную продукцию массового потребления.

В конечном счете, именно такая неадекватная, во многом чуждая социально-экономической и социокультурной среде модель технологической культуры⁹³ задает параметры складыва-

⁹¹ Например, в результате «зеленой революции» происходит прогрессирующее обеднение генофонда сельскохозяйственных культур. Характерен пример рисосеяния в Индии. По свидетельству директора Индийского института сельскохозяйственных исследований Х.К.Джаина, до середины 60-х годов — в течение предшествующих этому рубежу пяти десятилетий — в Индии выращивалось до 30 тыс. сортов культуры риса; но уже к началу 80-х годов ситуация стала радикально изменяться. «В течение следующих 15 лет все это огромное сортовое разнообразие культуры риса сократится до примерно 50 сортов, причем 10 самых распространенных сортов будут занимать 3/4 всей посевной площади под рисом на субконтиненте» (цит. по: Moony P.R. The Law of the Seed. Another Development and Plant Genetic Resources. — Development Dialogue. Upsala, 1983, N 1—2, с.14).

⁹² Подробнее см.: Восток: продовольствие и развитие. М., 1986, Введение, гл. I, II, III.

⁹³ ⁹³ »В этом смысле импортируемые технологии не были ни социально нейтральными, ни неизбежными для использования, не были они и единственно возможным выбором для технологического развития. Например, технология зеленой революции является единственным вариантом, выбранным из всего ряда технологических возможностей; она дала толчок производству гибридных сортов культур, которые приносят высокие урожаи в специфических условиях. В то же время данная особенная технология означала выбор не начинать селекцию культур, обладающих большей сопротивляемостью по отношению к засухам и вреди-

ющихся новых систем хозяйства. Так, «зеленая революция» в самой толще пластов традиционной экономики, в ходе разложения последней, «вылепила» тип трудоемкого мелкого самостоятельного хозяйства, целиком ориентирующегося на выгоды связей с рынком, тип хозяйства, высвобождающегося (хотя пока и не до конца) из остаточных форм коллективистских (общинных и иных) отношений (своего рода аналог «семейного» хозяйства в его европоцентристском понимании); она же вызвала превращение ряда подразделений традиционного производства эксплуататорского типа в капиталистическое, также функционирующее на базе современной трудоинтенсивной технологии. А ныне в ее ходе и как результат влияния государственного протекционизма постепенно намечаются признаки перехода части подразделений современного трудоинтенсивного товарного хозяйства (как капиталистических, так и рожденных «зеленой революцией» «семейных») к широкому использованию трудосберегающих средств производства⁹⁴.

Как отмечалось ранее, специфически НТР-овские средства труда и технологии начинают внедряться и в некоторых развивающихся странах Востока. Как капиталистически организованный овеществленный труд, они во многих случаях воплощают «неконкурентную» (если измерять ее мировыми стан-

телям; выбор не заниматься улучшением традиционных методов повышения урожая ... выбор не разрабатывать технологию, которая была бы и производительна и трудоинтенсивна и не зависела бы от поставок зарубежных средств производства; наконец, выбор не сосредоточивать усилий на укреплении сбалансированного традиционного рациона питания, основанного на зерне и бобовых» (Seetharam K., Shiva V., Bandyopadhyay J. *Science and Technology in India: An Alternate Perspective*, — IFDA Dossier. Geneva, 1980, N 20, с.17—18).

⁹⁴ Справедливости ради надо отметить, что в качестве альтернативы такой универсальной «чужеродной» модели технологической культуры в некоторых странах Востока (пока — единственных, располагающих соответствующим потенциалом, как, например, Индия) разрабатываются модели передовых технологий, учитывающих именно ресурсные, природно-климатические и иные особенности среды их функционирования. Внедрение таких технологий, естественно, существенно расширит экономическое пространство, на котором возможно как формирование товаропроизводящего «семейного» хозяйства, представляющего современный уровень агрикультуры, так и становление капиталистических форм производства.

дартами) форму капитала, поскольку «ультрасовременные» технологии требуют для своего становления в развивающейся стране таких затрат, которые обычно не могут идти ни в какое сравнение с их среднемировыми аналогами⁹⁵. И если все-таки такой капитал становится конкурентоспособным, то происходит это благодаря следующим двум благоприятным для него обстоятельствам. Во-первых, благодаря тому, что государство берет на себя обеспечение ряда существенных экономических условий для его функционирования. Например, безвозмездно покрывает часть — нередко весьма значительную — затрат по развитию производственного потенциала такого капитала⁹⁶ или, например, если речь идет о внутреннем рынке, создает мощный протекционистский щит, охраняя его от разрушительного для его функционирования влияния стоимостных стандартов мирового рынка⁹⁷. Во-вторых, благодаря низкой средненациональной цене рабочей силы, что позволяет компенсировать до известных пределов вздутые издержки производства в функционировании НТР-овских комплексов, по сравнению со среднемировыми⁹⁸.

⁹⁵ Например, во многих развивающихся странах электронное оборудование, в том числе оборудование интегрированных производственных комплексов, продается по цене, в два-три раза превышающей ту, которая преобладает в развитых капиталистических странах (речь идет как об импортируемых товарах, так и о товарах местного производства). Издержки функционирования специфически НТР-овских технологий повышаются и в силу того, что их местные пользователи нередко отделены огромным расстоянием от их поставщиков, находящихся в развитых странах, и т.д. (см.: Kalpinsky R. Computer-aided-design, с.55, 51; Bhalla A.S. Choice and Adoption, с.45). Причем превышение местных издержек производства по сравнению с мировыми стандартами (по ряду ключевых производств — «очень высокое») отмечается исследователями и применительно к некоторым странам, лидирующим в развивающемся мире в создании собственных электронных технологий, как, например, в Индии (см.: Edquist Ch., Jacobsson S. The Integrated Circuit Industries, с.42, 49, 51).

⁹⁶ Впрочем, и в столь далеко продвинувшихся по пути НТП странах, как Япония, государство весьма активно участвует совместно с частным капиталом в разработке и внедрении новейших достижений НТП, беря на себя существенную (в Японии, например, по ряду крупных проектов — до 50%) часть инвестиционных расходов (см.: Lalor S.E. Overview of the Microelectronics Industry, с.32).

⁹⁷ Подробнее см.: Проблемы развития капитализма на Востоке, с.64—67.

⁹⁸ Следует заметить, что в системе международного обмена большинство развивающихся стран значительно проигрывает от недостаточного развития на-

*Четвертая стадия капитализма?
Специфика периферийных зон МКХ*

Итак, выявляются две основные линии воздействия НТР на стадиальную эволюцию капитала на периферии МКХ.

Как следует из изложенного, возникновение и развитие мировых отраслевых фабричных систем рассмотренного типа, когда они интегрируют часть производственного потенциала развивающихся стран, представляет собой, по существу, технологическую (а тем самым и стадиальную) регрессию капитала⁹⁹, т.е. его обратную эволюцию от технологически более развитой ступени к технологически менее развитой и соответственно от более развитой формы его социальной организации к менее развитой (в частности, к частично механизированной или даже в иных случаях «чистой», целиком основанной на применении ручного труда, мануфактуре), т.е. регрессия капитала на периферии МКХ проявляется в том, что капиталистическое производство возникает и развивается в рамках отраслевых систем в форме, которая соответствует стадии капиталистического развития, *уже преодоленной* капиталом в центрах МКХ. Иначе говоря, в рамках таких отраслевых систем происходит совмещение различных стадий, при котором технологически и социально более низко организованное звено (на периферии МКХ) выступает преимущественно как звено вторичное по отношению к высокоавтоматизированной стадии отраслевого производства (в

и более современных форм общественного разделения труда, вызываемых к жизни самим ходом НТР. К числу таких форм, в частности, относится опережающее развитие так называемого сектора услуг производителя; расширяющаяся деятельность этого сектора (в развитых капиталистических странах) позволяет не просто осуществлять большую экономию на издержках производства, но и поднять порог конкурентоспособности многих мелких и средних капиталов, пользующихся услугами сектора. Но этих-то преимуществ развивающиеся страны пока в основном лишены (см.: Активизация развития, экономического роста и международной торговли, с.250, 251).

⁹⁹ Подробнее см.: Крылов В.В. Капиталистически ориентированная форма общественного развития, с.28—31.

центрах МКХ). Оно вторично не только по своей функциональной роли (ибо не воплощает экономический и технический прогресс, измеряемый стандартами мирового производства, а лишь служит добыванию добавочной прибыли для капитала); оно вторично и потому, что сами технологические изменения (а за ними и социальные) в периферийных цехах мировых отраслевых систем происходят под влиянием главным образом (но не исключительно!) свершающегося за их спиной научно-технического прогресса¹⁰⁰.

Более того, динамика самого возникновения и исчезновения таких цехов, их «мерцающее» состояние находится в прямой зависимости от сдвигов в системе мировых производительных сил, сдвигов, детерминируемых НТП. Как мы видели, мировой капитал, представленный прежде всего капиталом стран — лидеров технологического прогресса, все более активно вовлекает как ресурсы живого труда «третьего мира», так и его интеллектуальный потенциал в поток производства, создающего новую технологическую культуру, и в частности ее сердцевину — четвертое (третье), управляющее, звено для системы машин. Но как только новая технология начинает оказывать обратное (конкурирующее) влияние на находящиеся в поле ее «притяжения» более низко организованные формы производства (в том числе способствовавшие самому возникновению этой технологии), происходит разрушение (свертывание, вымывание) соответствующих «третьемирских» звеньев системы общественного разделения труда, замкнутых на «внешний» мир. Отсюда — дискретный тип развития мировых отраслевых систем производства, когда они распространяются на развивающиеся страны.

Суть другой тенденции состоит в том, что в любом пункте спирали регрессивного развития капитала как процесса мирового порядка может произойти «откол» ветви общественного разделе-

¹⁰⁰ Исследователи Банка Японии еще более «круты» в своих оценках: «экономические структуры азиатских стран (НИС и стран АСЕАН. — В.Р.) изменяются в соответствии с изменениями в промышленности США и Японии; значение же этих стран Азии в мировой экономике становится все больше — и как покупателей, и как поставщиков» (The World Economy 1988-89, с. 19).

ния труда, которая дает начало «нормальному» (восходящему) ходу стадияльного развития капитала на национальной основе. Так, возникнув как функциональный («вторичный») придаток «чужой» фабрики, местная (т.е. сформировавшаяся на почве развивающейся страны) мануфактура становится исходным пунктом развития национальной фабрики, которая в ходе дальнейшего внутринационального роста общественного разделения труда сама «обрастает» мануфактурными и иными, стадияльно менее зрелыми придатками (обзаведение такими функциональными придатками стало характерной чертой монополистического, высокопроизводительного капитала Южной Кореи). Накопление «критической массы» емкости внутреннего рынка — определяющий рубеж в переходе ориентированной на производство вовне мануфактуры в становящуюся органическим звеном внутринационального разделения труда фабрику.

Точно так же «зеленая революция», первоначально (более четверти века тому назад) привнесенная в Азию извне, вызвала к жизни на охваченном ею пространстве массовые процессы формирования самостоятельного мелкого товарного производства, функционирующего на базисе ручного труда; представляющие это производство хозяйственные единицы (в том числе «семейные» хозяйства) выступают в то же время субъектами мануфактурной формы разделения труда («территориальное разделение труда», «потоварное разделение труда»¹⁰¹ и др.). В ряде случаев как раз система таких хозяйств, а не только следуемая из теории система крупных капиталистических хозяйств (некоторым авторам «логика... подсказывает», что этот второй, «ортодоксальный» вариант вообще является единственно возможным¹⁰²) становится в странах Азии выразителем тенденции сдвига аграрной экономики к машинной стадии производства. Хотя в современный период даже в наиболее механизированных сельскохозяйственных районах развивающихся стран Азии, например в индийском Пенджабе, иранском Горгане или районах

¹⁰¹ См.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России, с.432.

¹⁰² См.: Александров Ю., Славный Б. Капитализм и трудовые ресурсы стран Востока. — Азия и Африка сегодня. 1985, N 10, с.23.

Малайзии, достигнутый уровень механизации сельскохозяйственных работ пока не выходит в целом за рамки мануфактурной стадии: в такой механизированной мануфактуре частичный работник заменяется машиной лишь на отдельных, обычно не связанных между собой операциях¹⁰³. Естественно, избыток ресурсов рабочей силы при крайне низкой цене ее был, есть и будет (длительное время?) могучим сдерживающим фактором на пути такого перехода, вновь и вновь подтверждая закономерность «победы» живого труда над овеществленным — в конкуренции стоимости рабочей силы и стоимости машины.

Именно здесь, между прочим, кроются глубинные причины того, что процессы механизации, неизбежные в экономике товарного производства в современный период, в странах Востока, имеющих или имевших избыточное аграрное население, устремляются не только по линии «мелкое хозяйство — его разорение (однако не в результате поражения в конкурентной борьбе на рынке, а посредством давления монополии земельного собственника, капитала, государства) — крупное, механизированное капиталистическое производство», но — еще больше — и по линии «мелкое трудоинтенсивное товарное хозяйство — мелкое же («семейное») механизированное производство», хотя последнее куда менее производительно, чем крупное капиталистическое производство. Опыт Японии и Южной Кореи наглядно свидетельствует о данном типе превращения мелкого хозяйства. Однако признаки таких сдвигов, хотя и на локально ограниченных участках экономического пространства, уже обозначаются, проявляясь, в частности, в замедлении или прекращении абсолютного роста либо даже в сокращении совокупных потребностей агросферы в целом в живом труде и — более того — в уменьшении абсолютной численности сельскохозяйственного населения, происходящем к тому же в нарастающем темпе (как в Южной Корее).

¹⁰³ Попутно отметим, что в 70-х и особенно 80-х годах как раз в сфере мелкого хозяйства многих развивающихся стран Южной и Юго-Восточной Азии началось широкое освоение средств малой механизации.

Можно, по-видимому, ожидать и того, что научно-технический прогресс по мере своего распространения на агросферу будет способствовать размыванию ценностных установок мелкого самостоятельного («семейного») хозяйства, ориентированных на потребление, и соответственно позволит все больше «обтекать» ограничения, налагаемые на процессы экономии труда дешевизной рабочей силы, там и постольку, где и поскольку такое хозяйство превращается в товарное, детерминируемое законами рынка. Позволит тем, что вызовет сокращение потребностей мелкого хозяйства не только в труде наемных работников, но и — что особенно важно — в труде семейных работников (в капиталистическом хозяйстве все это, понятно, проявится еще ярче), вызывая новое обострение социальных противоречий в деревне.

Огромную роль в становлении «нормального» хода стадийного развития капитала на базе рождаемой НТР технологии играет государственный протекционизм. Государство создает те защитные барьеры, которые охраняют технологически перестраивающийся местный капитал от напирющей «извне» конкуренции. В частности, методом субсидирования и использования других форм инъекций материальных и финансовых средств (впоследствии далеко не полностью компенсируемых) в производство высоких технологий государство может таким образом воздействовать на изменение рыночной стоимости их товарной массы, что общественно признанными (в пределах национальных границ) становятся издержки производства, которые не получили бы признания (и соответственно не были бы возмещены) на мировом рынке, где «погоду делают» более производительные капиталы. Естественно, что политика государства, вызывающая такой перепад стоимостных величин, наибольшие результаты дает в странах, стремящихся по возможности собственными силами создать максимально объемный «пакет» новых технологий.

Типичный представитель такой группы стран — Индия до начала экономической реформы (рубеж 80—90-х годов)¹⁰⁴. Стратегической целью этой реформы является создание в стране конкурентоспособного хозяйства по стандартам мировой рыночной экономики, т.е. реформа предусматривает в перспективе коренное изменение всей модели экономического роста, развязывание стимулирующего влияния тех (именно рыночных) сил, которые как раз и подавляло государство своими мерами административного регулирования экономики; ослабление пресса государственного вмешательства в хозяйственный организм страны призвано способствовать развертыванию процесса саморегуляции в национальной экономике.

Именно государственный протекционизм, до известной степени блокирующий неблагоприятные для развивающихся стран последствия стихийного роста международного разделения труда¹⁰⁵, позволяет на раннем этапе закладывать на более широком пространстве основы НТР-овской технологической культуры — «своей», доморощенной, но во многих своих элементах пока первоначальной, от которой все больше отрываются, стремительно уходя вперед, капиталистические страны — лидеры технологической революции.

Это, однако, не означает, что капитализм в развивающихся странах Востока повторяет в варианте «нормальной» стадияльно-

¹⁰⁴ В некоторых случаях такой перепад стоимостных величин программируется самой технологической политикой. Например, в Индии при изготовлении некоторых полупроводниковых схем закладывается принцип «отставания» — по отношению к соответствующему опыту США и Японии. Такой подход, хотя и предполагает существенно большие издержки, тем не менее рассматривается как гарантирующий большую надежность в освоении соответствующих элементов электронного производства (см.: Edquist Ch., Jacobsson S. *The Integrated Circuit Industries*, с.53).

¹⁰⁵ Из доклада Римскому клубу: «Но вот чего можно ожидать в целом — это полного изменения международного разделения труда, изменения, ставящего большинство развивающихся стран в невыгодное положение. Возможности последних будут ограничены двумя стратегиями: 1) концентрацией усилий на сравнительно простом включении микроэлектроники в производство продукции массового спроса и 2) производством программного обеспечения, отвечающего специфическим нуждам развивающихся стран» (Friedrichs G. *Microelectronics and Macroelectronics*. — *Microelectronics and Society*, с.203).

сти своей эволюции пути-аналоги, пройденные странами Запада. Вторичный по месту в историческом процессе, он развивается под могучим воздействием формирующихся новых общепланетарных систем производительных сил, систем, вызванных к жизни НТР. Он в полной мере стремится утилизировать к выгоде своего роста такое качество науки, как ее всеобщность, ее бытие, по определению К.Маркса, «носителя... системы всеобщей полезности», олицетворяющего «всеобщий интеллект», «всеобщие производительные силы общественного мозга»¹⁰⁶, являющиеся достоянием всего человечества, и соответственно превратить по возможности большее число достижений науки, говоря словами К.Маркса, в «непосредственные органы общественной практики»¹⁰⁷. Поэтому-то доморощенный капитал стран Востока «пробегает» расстояние от использования малопроизводительных технологий к использованию наиболее производительных технологий за сроки, не соизмеримые с теми, какие были характерны для капитала стран — исторических аналогов «нормальной» стадильности. Именно благодаря освоению «всеобщих производительных сил» капитализм в ряде развивающихся стран Востока (особенно в «новых индустриальных экономиках») добился столь внушительных успехов в экономии совокупного рабочего времени и материальных ресурсов на ряде стратегических направлений развития своего производственного потенциала, причем в исторически кратчайшие сроки. Данный фактор «глубинной причастности» периферийного капитала к современному научному знанию, воплощающемуся в развивающейся новой технологической цивилизации, не всегда должным образом оценивается исследователями. Но у этой локальной формы капитализма во многих странах сохраняется все тот же «застарелый порок»: с подъемом на каждую новую стадильную ступень развития пространство непосредственного господства капитала. Т.е. пространство, где он органически вмонтирован во все четыре фазы воспроизводственного процесса, проявляясь

¹⁰⁶ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов. Ч.І, с.386; Ч.ІІ, с.215, 205.

¹⁰⁷ Там же, Ч.ІІ, с.215.

своей содержательной стороной, как свидетельствует опыт многих стран Востока, адаптирующихся к НТР, приобретает все более яркие черты анклавности¹⁰⁸. НТР не размывает, а, напротив, в конкретной социально-экономической среде восточного общества еще выше поднимает конус «полистадиальной пирамиды» периферийного капитализма, создавая технологический каркас для все менее стыкующихся с остальной экономикой, но все более производительных форм капиталистического хозяйства.

Можно, по-видимому, говорить о начавшемся становлении четвертой (если следовать логике понятийной аксиоматики, разработанной К.Марксом) стадии капитализма, процессы которой в высшей степени неравномерно, «кусочками» захватывают экономическое пространство стран развивающегося мира, усиливая полистадиальность национальных капитализмов. Это — стадия, при которой в рамках исторически приобретенных («созданных цивилизацией»¹⁰⁹) производительных сил конституирующая роль в их системе переходит к их духовным элементам — к науке, к субъективным факторам груга. С разворачиванием НТР духовные элементы производительных сил начинают детерминировать динамику социальных производительных сил (ибо определяют типы разделения труда, формы его комбинирования) и развитие материальных производительных сил¹¹⁰.

Коренным образом изменяется роль человека в общественном воспроизводстве: субъективация «главного агента процесса производства» (К.Маркс) становится условием самого процесса. Изменение личностного фактора процесса производства

¹⁰⁸ Этот факт подчеркивается многими авторами, специально занимающимися исследованием проблем внедрения высших достижений НТР в социально-экономическую среду развивающихся стран (например, Х.Рада, Д.Эрнестом и др.).

¹⁰⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология*, с.65.

¹¹⁰ Принципы организации систем производительных сил, роли их различных элементов на различных исторических этапах мирового социально-экономического процесса применительно к «третьему миру» впервые исследовал, основываясь на разработке проблем производительных сил К.Марксом, В.В.Крылов (см., в частности: Крылов В.В. *Производительные силы развивающихся стран и формирование их социально-экономической структуры*. М., 1974. Дисс. канд. эк. наук, гл.2).

венгерский философ Атила Агг характеризует следующим образом: «До НТР, поскольку ... в качестве природного существа и самими своими природными органами человек все же непосредственно вмешивается во взаимосвязи природных процессов, применение всеобщего труда в виде науки может проходить лишь в ограниченных рамках. Этот фактор только тогда может приобрести решающее значение, когда его действие станет возможным благодаря огромному росту технических органов (средств), а это вместе с тем означает, что сам человек выделяется из природного естественного процесса, становится «рядом с ним» и с помощью искусственных органов регулирует взаимовлияния в естественном процессе»¹¹¹.

В действительности, однако, имеет место отнюдь не простое накопление «технических органов (средств)», а качественное изменение самих принципов технологической организации процесса производства.

Это основательно проанализировал А.П.Колонтаев, подчеркнувший, что «происходящий переворот (в производительных силах. — *В.Р.*) завершает не одну эпоху, а все эпохи, вместе взятые, причем последние противостоят ему как линия (технологически. — *В.Р.*) однородной эволюции»; что «научно-техническая революция ставит вопрос не о дальнейшем развитии прежнего комплекса средств в том же направлении, а об изменении самого технологического принципа, который до последнего времени лежал в основе производственного процесса»; что «наука не только оказывается необходимым условием проникновения его (человека. — *В.Р.*) на атомно-молекулярный уровень, но и в силу самой природы объекта труда идет уже впереди практической деятельности»¹¹².

Охарактеризованный мною ранее системно-автоматизированный технологический способ производства и является «прикладным» проявлением возникающей новой

¹¹¹ Атила Агг. Мир человека как субъекта производства. М., 1984, с.51.

¹¹² Колонтаев А.П. НТР и машинная стадия производства в развивающихся странах. — Научно-технический прогресс и развивающиеся страны. М., 1976, с.68, 70, 71.

системы производительных сил на уровне собственно процесса материального производства.

Хотя теоретически целостное истолкование четвертой (?) стадии капитализма, механизма воспроизводства капитала при НТР-овской системе производительных сил еще ожидает своего исследователя, упомяну об одном, как мне кажется, очевидном факте.

На данной стадии капитализма технология (т.е. материализованная наука — духовный элемент производительных сил) по-новому детерминирует экономическую форму бытия капитала. Ограничусь здесь двумя краткими примерами.

Так, усиливающаяся конкуренция требует от предпринимателей, стремящихся к быстрейшему освоению научных открытий, все более значительных, обременительных даже для крупнейших монополий инновационных инвестиций. Выдержать это бремя, получив при этом высокую прибыль, крупный капитал может, лишь упрочивая свою монополию, которая в условиях жесткой конкуренции оказывается единственно возможным средством закрепления цены вновь созданного продукта на уровне, позволяющем возместить все инновационные расходы. Иначе говоря, для капиталиста, инвестирующего в инновационный процесс, именно монополия становится фактором экономического «оправдания» риска при производстве нового продукта, риска, вытекающего из самого характера стадии НИОКР (на это обратил внимание, в частности, один из крупных западных теоретиков научно-технического прогресса в экономике, Й.Шумпетер, еще в 40-х годах).

Вместе с тем современные достижения науки как накопленного знания, как «всеобщего общественного знания» при широко развивающихся возможностях их технологической материализации создают базис для становления в массовом масштабе, если можно так сказать, «параллельных» систем общественного разделения труда (как на внутриотраслевом, так и на межотраслевом уровнях общественного производства); эти же системы реализуются в появлении разнородных (по технологическому генезису) товаров, удовлетворяющих одну и ту же общественную

потребность. Возникает так называемая неценовая конкуренция между капиталами. В сочетании оба вида конкуренции, сокращая временные и пространственные рамки действия монополии, катализируют тенденцию не просто к становлению производства новых товарных групп, но к его непрерывному, быстрому технологическому обновлению. (Тем самым вновь и вновь выявляется ключевое значение стадии НИОКР во всем цикле воспроизводства капитала в современный период.) И иначе нельзя: опаздывающих «бьют» «родственными» товарами, товарами-«заменителями», вначале реализуемыми, как и их первичные аналоги, по монопольным, а затем и по сниженным ценам.

В то же время то обстоятельство, что одни и те же базисные технологии позволяют осуществлять крупные технологические преобразования в разных отраслях производства, обеспечивая существенную экономию капитала (в частности, за счет расходов на НИОКР), вызывает бурную тенденцию к становлению «многоотраслевого» капитала.

Однако формирование новой стадии капитализма находится пока на такой исторической ступени, на которой из-за больших региональных перепадов величин цены рабочей силы, в периферийных зонах МКХ, характеризующихся именно низкими порядками таких величин, все еще продолжают регенерировать стадияльно низшие формы организации капиталистического производства; эти формы и заполняют здесь пространство, которое включается в орбиту влияния мировых отраслевых фабричных систем. И на нынешнем этапе НТР такая регрессия капитала представляется пока неизбежной. (Японский капитализм, однако, уже, по-видимому, начинает «забегать вперед», переходя постепенно к внутримагистральному — см. выше — разграничению детерминантных и функциональных звеньев таких систем — между центрами последних, расположенными в Японии, и их периферийными зонами, охватывающими территории развивающихся стран, в частности, стран Юго-Восточной Азии.)

РАЗДЕЛ II.

НОВЫЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ

Акимов А.В.

Четвертая промышленная революция и формирование новой системы производительных сил: концепции и интерпретации.

Д.э.н., Заведующий Отделом экономических исследований,
Институт востоковедения РАН
akimovivran@mail.ru

В последние годы сформировалось представление о четвертой промышленной революции, как о важнейшем этапе развития современного производства и общества в целом. Вместе с тем, существует довольно обширный спектр мнений относительно роли научно-технического прогресса и его последних достижений в социально-экономическом развитии.

Наиболее четко понятие четвертой промышленной революции представил и разработал Клаус Шваб, основатель и президент Всемирного экономического форума в Женеве. В Европе понятие «Индустрия 4.0» появилось в Германии в 2011 г. на Ганноверской ярмарке для обозначения коренного преобразования глобальных цепочек создания стоимости, которые обусловлены технологическими изменениями.

Преыдушие радикальные технологические изменения, получившие названия промышленных революций, начались в 60-х годах XVIII в. с изобретения парового двигателя. Его распространение в промышленности и на транспорте стало первой промышленной революцией. Вторая промышленная революция в рамках этой концепции началась в конце XIX в. Ее содержанием стало возникновение массового производства промышленных изделий. Электричество и конвейер стали ее технологической

основой.¹ Третья промышленная революция – распространение с 60-х годов XX в. компьютеров и цифровых технологий, которые стали возможны в результате развития полупроводниковых устройств. Дешевеющие электронные устройства способствовали широкому распространению компьютерной техники.

Четвертая промышленная революция началась около 2000 г. В качестве ее основных черт выделяют Интернет, робототехнику, искусственный интеллект и обучающиеся устройства [8. С. 15-16].

В другой своей работе К.Шваб говорит о четвертой промышленной революции как о слиянии технологий, стирающем границы между физической, числовой и биологической сферами².

Эта позиция перекликается с представленной в докладе McKinsey Company, подготовленном в 2013 г. [9]. В нем выделены 12 передовых технологий, которые наиболее сильно повлияют на жизнь людей в ближайшие годы. Это мобильный Интернет, автоматизация умственного труда (automation of knowledge work), Интернет вещей, облачные технологии, робототехника, транспортные средства без водителя, геномика, накопление и хранение энергии, 3D печать, современные материалы (advanced materials), новые методы поиска и добычи нефти и газа, возобновляемая энергия.

Есть и другие толкования магистральных направлений научно-технического развития в ближайшие годы. Английский исследователь Питер Марш к своей книге, изданной в 2012 г., использует понятие «новая промышленная революция», но его трактовка отличается от концепции четвертой промышленной революции: «Большинство важных явлений новой промышленной революции связаны с более ранними эпохами перемен. Многие их

¹ Представляется, что значение второй промышленной революции состояло в двух аспектах. Во-первых, электричество сделало доступной энергию в малых количествах, что открыло возможность для распространения механизации, основанной на электромоторах, в самых разных сферах, включая быт. Во-вторых, электричество создало техническую основу для хранения и передачи информации, которая вышла на первый план уже в ходе следующей промышленной революции.

² “It is characterized by a fusion of technologies that is blurring the lines between the physical, digital, and biological spheres”. [10]

этих отдельных явлений трудно назвать совершенно новыми. Их эффект будет обусловлен одновременностью их влияния и способом взаимодействия. Появится больше возможностей для индивидуализации, так как многие компании смогут предложить индивидуальный подход при больших объемах производства и массовой персонализации для расширения выбора продукции. Способы проектирования и изготовления товаров будут усложняться. Такие процессы, как разработка, производство и обслуживание будут распределены по глобальной операционной «цепочке создания стоимости». Компании из множества стран, как развитых, так и развивающихся, получают возможность участвовать в таких цепочках» [5. С.363]. Такая концепция делает акцент не столько на сами технологии, сколько на новые маркетинговые возможности, возникающие из технологического развития.

В России, но не только в ней, распространено понимание современного этапа развития технологий, как «цифровой экономики». Это понятие закреплено в государственных документах. В указе Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» дано такое определение: «Цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг» (Цитируется по [4. С. 17]).

В отечественной литературе существует и другое определение, которое используется группой экспертов Сретенского клуба, который представляет собой объединение ученых и экспертов, работающих в рамках долгосрочного проекта «Образ будущего России». По мнению этой группы: «цифровая» (электронная) экономика – это экономика, существующая в условиях гибридного мира». Под гибридным миром понимается «результат слияния реального и виртуального миров, отличающийся возможностью совершения всех «жизненно необходимых» действий в реальном мире через виртуальный.

Необходимыми условиями для этого процесса являются высокая эффективность и низкая стоимость информационно-коммуникационных технологий, и доступность цифровой инфраструктуры» [4. С. 8]. Это определение выводит материальное производство за пределы цифровой экономики. Акцент, так же как в официально принятом в РФ определении, делается на передачу информации, которая отнюдь не обеспечивает производства реальных товаров, обеспечивающих материальные условия существования людей.

Интересно также мнение лауреата Нобелевской премии по экономике Майкла Спенса. Рассматривая достижения и перспективы научно-технического прогресса в связи с экономическим ростом, он отмечает, что продолжительное время компьютеры не оказывали почти никакого влияния на производительность, но далее: «Все изменилось в 1980-х годах, когда начало проявляться влияние компьютеров на производительность. В 1990-х годах оно усилилось, а с середины 1990-х вплоть до наших дней выросло до небывалого уровня. Теперь мы знаем, что значительный прирост производительности связан не с мощными компьютерами как таковыми, а с сетями» [6. С.275]. Аргументы в пользу сетей не выглядят убедительными. В это же самое время быстрыми темпами развивалась робототехника³, которая несомненно увеличила производительность, но статистические данные по этой области техники статистически наблюдаются хуже, публикации по ним есть только в специальной литературе и на узко специализированных сайтах.

Таким образом, можно выделить два направления трактовки современного этапа научно-технического прогресса. Один – технологический, связанный с комплексом технологий, который назван четвертой промышленной революцией. Второй делает основной акцент на информационные технологии и виртуальную реальность и Интернет.

Вместе с тем, возможен и третий подход. Представляется, что для общественных наук наибольшее значение представляет

³ См. рис. 1 [3].

один аспект разворачивающейся четвертой промышленной революции. Это вытеснение живого труда из производства. В определении промышленной революции, которого придерживается Мировой экономический форум, этот аспект рассматривается, поскольку робототехника и искусственный интеллект, являющиеся важнейшими компонентами этого процесса, как раз и дают большой трудосберегающий эффект.

Вместе с тем, параллельно с четвертой промышленной революцией в материальном производстве идут процессы, которые не связаны с новейшими технологиями, основанными на электронике, которая обеспечивает робототехнику и искусственный интеллект. Это процессы создания на давно известных технологиях более совершенных и производительных машин, механизмов и их комплексов, которые обеспечивают значительное повышение производительности труда. Здесь в первую очередь можно назвать технику в горнодобывающей промышленности, которая обеспечивает производительность, позволяющую делать вскрышные работы и автоматизированную проходку горных выработок настолько эффективно, что даже в такой стране с дешевой рабочей силой, как Индия, закупка такой техники оказывается более выгодной, чем строительство шахт, разрабатываемых шахтерами.

В таблице 1 обобщены разные в инженерном плане современные технологии, применение которых приводит к одному эффекту – снижению потребности в рабочей силе.

Именно вытеснение человека из сферы материального производства является основной особенностью современного этапа научно-технического прогресса. Вероятно, нужно особо выделить несколько процессов, которые предопределили эту тенденцию. Во-первых, это микроминиатюризация в электронике, которая вывела размеры производимых изделий за пределы, физиологически доступные для глаз и рук человека. В микроэлектронике человек только создает оборудование для производства, а сам не в состоянии заменить это оборудование. Во-вторых, это потребность в повышении качества производимых изделий. Человек в силу физиологических ограничений допускает отклонение от необходимых для создания продукта действий,

которые приводят к браку, а современное оборудование, действующее по заданным программам, не допускает.

Таблица 1. Влияние трудосберегающих технологий на отдельные сферы хозяйства. Курсивом выделены технологии, которые должны распространиться в ближайшие годы

Сферы хозяйства	Робототехника	Станки с ЧПУ	Искусственный интеллект	Аддитивные технологии	Крупные машины и их комплексы для горных работ и перевалки насыпных грузов	«Традиционные» трудосберегающие технологии
Земледелие	Специализированные машины для сбора плодов		С/х машины без водителей			Система машин в зерновом хозяйстве (тракторы, комбайны и т.п.)
Животноводство	Роботизированная дойка					Фабричное разведение свиней, крупного рогатого скота и птицы
Горнодобывающая промышленность			Карьерный транспорт без водителей		Системы машин для открытой добычи угля и руды	
Обработка промышленности	Применение роботов для сварки, пайки, склеивания, пакетирования, сборки и перемещение деталей	Замена рабочих станочников		Замена технологий обработки заготовок послойным изготовлением с последующим спеканием		

Транспорт			Автомобили без водителей		Комплексы по перевалке грузов	Контейнерные перевозки и автоматизированная разгрузка поездов гидравлическими системами (переворачивание вагонов)
Торговля и логистика	Автоматизированные склады		Автоматизированные склады			Системы самообслуживания покупателей
Общественное питание	Автомат по изготовлению гамбургеров					Системы самообслуживания покупателей
Инженерное дело			Системы автоматизированного проектирования			
Медицина	Роботы для ухода за больными и престарелыми		Искусственный интеллект в диагностике			
Финансы			Автоматы в биржевой торговле			Банкоматы и удаленный доступ клиентов к счетам
Образование	Роботы в учебном процессе		Автоматизация проверки работ учащихся			

Источник: составлено автором по [1. С.114-125; 2. С. 50-60].

В-третьих, удорожание рабочей силы не только в развитых странах, но и Китае и новых индустриальных странах. Вывоз производства в эти страны не дает прежнего экономического эффекта. В-четвертых, конкурентное преимущество непрерывно работающего автоматизированного оборудования по сравнению с использованием рабочей силы в одну смену (долго выполнять заказ) или в несколько смен (быстро, но дорого).

Вероятно, этот список можно продолжить, но перечисленные выше факторы обмечаются многими авторами. Эти факторы, как подчеркивают многие исследователи, приводят к значимым социальным последствиям. Например, Мартин Форд стоит на той точке зрения, что важнейшей чертой современного научно-технического прогресса является именно замена человека машинами: «В экономике и обществе машины постепенно претерпевают фундаментальную трансформацию: эволюционируя, они выходят за рамки исторически закрепившейся за ними роли инструментов в руках человека, зачастую превращаясь в самостоятельных работников» [7. С. 341].

Именно воздействие на занятость, а через нее на все остальные аспекты жизни общества, формирует важность новой технологической волны для человечества. Информационные технологии, как подчеркивают многие исследователи, что мы отметили выше, достаточно долго никак не влияли на производительность, хотя заметно изменили быт людей. Постоянные изменения в технологиях топливно-энергетического комплекса очень мало сказываются на повседневной жизни людей, хотя с инженерной точки зрения революционны. Если первая промышленная революция привела к привлечению людей в города для работы в промышленности, последующие развивали этот процесс и способствовали перетеканию рабочей силы в сферу услуг, то четвертая промышленная революция завершает процесс, делая массовую производственную занятость ненужной. Производственная занятость в этом контексте означает и сельское хозяйство, и промышленность, и значительную часть услуг.

Перед обществом встают задачи управления социальными процессами в новых условиях, когда принципиально меняется роль человека в производстве, труд перестает быть необходимой составляющей производственного процесса. Определение рисков

такого развития и выявление желательных направлений становятся важной задачей социально-экономических исследований.

Список литературы:

1. Акимов А.В. Робототехника: состояние и перспективы развития в мире и России// Поиск, альтернативы, выбор. – №2: 2016. С.114-125.
2. Акимов А. В. Демографический взрыв, старение населения и трудосберегающие технологии: взаимодействие в XXI в. // Мировая экономика и международные отношения, 2016, №4, Том 60: с. 50-60.
3. Акимов А.В. Робототехника и трудосберегающие технологии: перспективы воздействия на социально-экономическое развитие // Историческая психология и социология истории. 2017, № 1. Том 10. С. 173-192.
4. Введение в «цифровую экономику». Под общ. Редакцией А.В.Кешелава. Сretenский клуб. М., 2017
5. Марш П. Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства. Изд-во Института Гайдара, М., 2015
6. Спенс М. Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. Изд-во Института Гайдара. М., 2013. С. 275.
7. Форд М. Роботы наступают. Развитие экономики и будущее без работы. «Альпина нон-фикшн». М., 2016.
8. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Изд-во «Э», М., 2017.
9. McKinsey Company Disruptive technologies: Advances that will transform life, business, and the global economy, McKinsey&Company. 2013
10. Schwab Klaus The Fourth Industrial Revolution: what it means, how to respond <https://www.weforum.org/agenda/2016/01/the-fourth-industrial-revolution-what-it-means-and-how-to-respond/>

Мельянцев В.А.

**Догоняющее и перегоняющее развитие стран Востока и Юга:
масштабы, факторы, проблемы и перспективы**

Д.э.н., Профессор, Заведующий кафедрой МЭО
ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова,
vamel@iaas.msu.ru

Что бы ни продолжали писать некоторые западные СМИ о сохраняющемся доминировании развитых государств (РГ) в ряде ключевых сфер мировой экономики, они в целом в последнее время, особенно после мирового финансового кризиса 2008-2009 г., стали терять, а развивающиеся страны (РС) Востока и Юга – наращивать свои позиции намного быстрее, чем это можно было предположить 10-15 лет назад.

Если в РГ среднегодовой темп прироста (СГТП) подушевого ВВП сократился примерно с 3.6% в 1950-1980 гг. до 1.7% в 1980-2017 гг., в т.ч. до 1.1% в 2000-2017 гг., то в целом по группе РС он вырос с 2.6 до 2.8% и 4.3%¹. В результате тенденция к *дивергенции* уровней развития, преобладавшая в мировой экономике в течение последних столетий, резко сменилась на противоположную.

Сказанное наряду с тем, что в целом по РС СГТП численности населения в последние 60-70 лет был в 2-2.5 раза выше, чем в РГ, привело к тому, что доля последних существенно сократилась и в мировом населении (в 1950-2017 гг. – на 2/5), и глобальном ВВП (на 1/3), а соответствующие показатели в целом по РС увеличились примерно до 9/10 и 3/5 (последнее – за счет феерического – более чем втрое - рывка РС Азии в их доле в мировом ВВП; см. табл.1).

В мире в рекордно короткие сроки в результате быстрого НТП, глобализации, а также институциональных преобразований и заметного улучшения систем управления экономикой в нескольких десятках РС произошли, без преувеличения, тектонические сдвиги. *Речь может идти не только о догоняющем, но и перегоняющем развитии стран Востока и Юга.*

¹ Здесь и далее, если специально не оговорено, расчеты выполнены по источникам к табл. 1.

В 2017 г. ВВП КНР оказался уже на 1/5, а объем добавленной стоимости, созданной в сфере ее материально-вещественного производства, – *почти втрое (!) больше*, чем в США. ВВП третьей экономики мира – Индии – почти вдвое меньше, чем США, но равен совокупному ВВП Японии и Германии. По рассматриваемому показателю Индонезия и Бразилия уже перегнали и Великобританию, и Францию, Мексика – Италию, а Тайвань сравнялся с целым континентом – Австралией.

Относительное расширение мирохозяйственных позиций РС – следствие как их успехов, так и видимого торможения экономики РГ. Это торможение, быть может, несколько преувеличено, вследствие недоучета улучшения в них качества продукции и услуг², но вполне реально. Оно связано, как уже довелось писать, с рядом обстоятельств, в том числе: потерей демографического дивиденда, негативно сказывающейся на качестве рабочей силы, управления, норме и структуре вложений в физический и человеческий капитал, масштабах расширения совокупного спроса; чрезмерной финансиализацией их экономики, тормозящей развитие реального сектора и усиливающей ее нестабильность; значительным ростом неравенства распределения доходов и потребления, который, помимо прочего, во многих РГ сдерживает увеличение емкости внутреннего рынка и развитие человеческого капитала³.

Далеко не во всех, но, подчеркнем, во многих крупных и средних азиатских РС со сравнительно многочисленной, дешевой, дисциплинированной и уже сравнительно неплохо обученной рабочей силой за последние десятилетия в целом существенно улучшился инвестиционный климат, диверсифицировалась структура производства и экспорта. По одной из рассчитанных нами моделей, РС в целом стали обгонять РГ по СГТП подушевого ВВП примерно на треть за счет увеличения нормы капиталовложений и на две трети в результате более активного

² См.: Brynjolfsson E., McAfee A. The Second Machine Age. N.Y., 2016. P. 11-112, 117-118; Byrne D., Fernald J., Reinsdorf M. Does the United States Have a Productivity Slowdown or a Measurement Problem? // Brookings Papers on Economic Activity. 2016. Spring. P. 150.

³ См.: Мельянцев В.А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран. М., 2015. С. 15-44.

проведения рыночно-ориентированных реформ⁴. В свою очередь (согласно другой модели), РС Азии в целом обгоняли по скорости экономического роста страны Латинской Америки (ЛА) и Африки южнее Сахары (АЮС), поскольку в первых, вследствие осуществления более рациональной и последовательной экономической политики норма расширенного капиталонакопления и динамика экспорта были выше, а неравенство распределения доходов – ниже, чем в ЛА и АЮС⁵.

Мы также рассчитали взаимосвязь экономического роста в двадцатке крупнейших экономик мира в 1980-2016 гг. с (а) исходным уровнем развития, (б) относительным масштабом накопления физического и человеческого капитала и (в) изменением меры включенности страны в глобальные экономические связи.

$$\text{GR } Y/P_i = -6.23 - 0.04 * Y/P80_i + 0.26 * \text{mPKHK}_i + 0.03 * \Delta \text{EcGL}_i$$

(p=0.003) (p=0.019) (p=0.000) (p=0.093)

F-StatProb=4.25E-06; Radj = 0.78.

Примечание. $\text{GR } Y/P_i$ – СГТП подушевого ВВП (%), $Y/P80_i$ – подушевой ВВП в 1980 г. в долл. и ППС 2011 г., mPKHK_i – средняя за период доля вложений в физический и человеческий капитал в ВВП (%), ΔEcGL_i – прирост показателя глобализации (по базе данных KOF), проц. пункты; i – страна.

Рассчитано по источникам к табл. 1, а также KOF Globalization Index, 2017. URL: <http://globalization.kof.ethz.ch/>. (Accessed 2017.09.14).

Расчет по приведенной выше модели⁶ показывает, что в среднем более высокий СГТП подушевого ВВП в рассматриваемой группе РС (2.7%) по сравнению с РГ (1.7%) связан на 1/3 с т.н. преимуществами более низкого уровня развития; на 2/5 – с более высоким показателем совокупных

⁴ См.: Мельянцев В.А. Противоречивые тренды в современной мировой экономике и развивающиеся страны. Часть 2 // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2016. № 3. С. 10.

⁵ См.: Мельянцев В.А. Уточнение контуров мирового экономического развития // Восток. Афро-азиатские общества. История и современность. 2012. № 2. С. 91.

⁶ Ее характеристики достаточно робастны по приведенным значениям коэффициентов.

расходов на увеличение физического и основных компонентов человеческого капитала в ВВП у первых (по группе РС показатель в 1980-2016 гг. по сравнению с 1950-1980 гг. вырос в полтора раза, а по РГ – едва ли на 1/10); более чем на 1/5 – с относительно быстрым увеличением уровня экономической глобализации РС. Хотя последний по группе РГ в середине 2010-х годов был в целом на 2/5 выше, чем по группе РС, он у первых вырос за рассматриваемый период на четверть, а у вторых – втрое (без КНР – в 1.8 раза).

Сказанное в целом привело к тому, что резко возросла доля РС (прежде всего за счет азиатских РС и, разумеется, КНР) *в приросте глобального ВВП*: с 1/3 (без КНР – 1/4) в 1980-е гг. до 1/2 (менее 1/3) в 1990-е гг. и 3/4 (менее 1/2) в 2000-2017 гг. *Абсолютный прирост добавленной стоимости индустриального сектора КНР в 2010-2017 гг. оказался примерно таким же, что и у 16 следующих по этому показателю стран мира, вместе взятых*⁷. А всего на долю десяти азиатских РС и НИС пришлось свыше половины глобального прироста промышленного производства.

В результате осуществления экспортоориентированной индустриализации, сопровождавшейся в целом улучшением инвестиционного климата, привлечением ПИИ, зарубежных ТНК и созданием ряда собственных ТНК, значительно упрочились позиции (прежде всего восточноазиатских) РС и НИС в ряде других глобальных экономических агрегатов (см. табл. 2)⁸.

⁷ Китай, подчеркнем, существенно продвинулся в самых передовых технологиях, обогнав многие развитые государства. В конце 2017 г. совокупная вычислительная мощность его двух суперкомпьютеров, возглавляющих лидирующую десятку гигантских компьютеров мира, превышала совокупную мощность следующих восьми суперкомпьютеров, принадлежащих Швейцарии, США и Японии. См.: Top500 List. 2017. November. URL: <https://www.top500.org/lists/2017/11/> (Accessed 2018.03.01).

⁸ См. также: Акимов А.В. Демографический взрыв, старение населения и трудосберегающие технологии: взаимодействие в XXI веке // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Том 60. № 5; Цветкова Н.Н. Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг. М., 2016; Мельянцева В.А. Умные технологии, парадокс Солоу и противоречия социально-экономического развития в странах Запада и Востока в начале XXI в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 3.

Справедливости ради заметим, что в последние два-три десятилетия опережающий по темпам экономический рост в РС был в немалой мере связан с т.н. эффектом А. Гершенкрона или преимуществом отсталости. Дело не только в том, что для многих из них характерны сравнительно низкие трудовые, социальные и экологические издержки, привлекающие «жадный до прибылей» бизнес, но также сравнительно высокие, с низкого старта темпы прироста основных факторов производства. По нашим расчетам по модели расширенной производственной функции, разницу между РС и РГ по СГТП ВВП в 1980-2017 гг. можно объяснить соответственно почти на $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{3}$ за счет большего вклада у первых физического (основного) и человеческого капитала (оцененного по динамике среднего числа лет обучения взрослого населения) и примерно на $\frac{1}{7}$ за счет более существенного (у РС) эффекта перелива рабочей силы из отраслей с низкой в отрасли с более высокой производительностью труда.

Для стран Востока и Юга, как указывалось выше, характерна высокая дифференциация успехов и неудач в развитии. Рассчитанные нами показатели динамики совокупной факторной производительности (СФП) по двухресурсной модели роста (с учетом затрат труда и капитала; см. граф. 1) свидетельствуют о том, что устойчивую тенденцию к росту СФП имеют по преимуществу страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии с более высокой этикой труда и более высокими стандартами управления экономикой (по сравнению с в целом политически менее стабильными регионами Ближнего Востока и Северной Африки, АЮС и ЛА).

В результате, если отставание арабского мира, АЮС и ЛА по относительному уровню СФП от группы РГ в 1980-2017 гг. выросло в среднем примерно на четверть, несмотря даже на то, что в последних обозначилось замедление динамики роста рассматриваемого показателя, в КНР относительный уровень СФП вырос более чем на треть, в Индии – почти наполовину, в азиатских НИС – почти вдвое (см. граф. 2).

В итоге, рейтинги международной конкурентоспособности немалого числа, прежде всего азиатских, РС и НИС (КНР, Индия,

Малайзия, Тайвань, Индонезия, Вьетнам, Бангладеш) оказались на десятки позиций выше тренда, сгенерированного по логарифму их подушевого дохода (см. граф. 3).

При этом, однако, как более, так и менее успешные РС продолжают страдать от многих финансово-экономических, экологических и социальных проблем⁹. Хотя в последнюю пару десятилетий в целом группа РС (благодаря успехам Китая и Индии) сумела по подушевому ВВП сократить свой относительный разрыв с РГ с (4.9 в 1950 г., 6.4 в 1980 г.) 7 в 2000 г. до 4.3 в 2017 г., абсолютный разрыв, хотя и затухающими темпами, увеличивался: в 1950-1980 гг. в 3 раза, в 1980-2000 гг. в 1.6 и в 2000-2017 гг. в 1.1 раза. Разрыв между группой РГ и РС по индексу человеческого развития (ИЧР) сократился с 3.5 в 1950 г. до 2.8 в 1980 г. и 2.2 в 2017 г. Но разрыв в полтора раза выше (равен 3.2) по рассчитанному нами *расширенному ИЧР*, включающему параметр технологического развития¹⁰ (оцененный как среднее из показателей числа триадных патентов на 1 млн человек, охвата населения широкополосным интернетом, душевых внутренних расходов на НИОКР).

Приводя средние данные, не стоит забывать, что (а) внутри группы (полу)периферийных стран дифференциация по уровням развития намного выше, чем в РГ, и в тенденции растет¹¹; (б) внутри многих РС в последние два-три десятилетия существенно выросло неравенство по доходам и богатству¹²; (в) хотя в последних доля нищих существенно сократилась, доля бедных весьма высока и выросла¹³.

⁹ См.: Мельянцева В.А. Современная глобализация и ее воздействие на экономически продвинутые и развивающиеся страны // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2018. № 1.

¹⁰ По этому индикатору средний разрыв между РГ и РС – 8-9-кратный.

¹¹ См.: Мельянцева В.А. Развитие и развивающиеся. С. 69-70.

¹² По данным Института ООН по социальному развитию, в РС более ¼ населения живет в обществах, где неравенство по доходам выросло по сравнению с 1990-ми годами. См.: The UNRISD. Policy Innovations for Transformative Change. Geneva, 2016. Р. 41.

¹³ См.: Poverty Headcount Ratio. URL: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators> (Accessed 2018.03.02).

В то же время, хотя за последние 60-70 лет, прошедших после начала массовой деколонизации во многих РС, в группу РГ перешло не более 1/10 из их числа (это прежде всего азиатские НИС), при сохранении нынешнего разрыва в темпах подушевого экономического роста в пользу ряда РС (и отсутствия катастрофического сценария развития земной цивилизации¹⁴) к середине текущего столетия в группу экономически продвинутых государств, по нашей оценке, может перейти еще два-три десятка нынешних (полу)периферийных стран. А доля стран Востока и Юга в глобальном ВВП (если этот показатель к тому времени сохранит значимость), вполне возможно, превысит $\frac{3}{4}$, достигнув тем самым тех значений, которые они занимали в мировой экономике к началу промышленного переворота¹⁵.

Таблица 1. Динамика доли развитых государств (РГ) и развивающихся стран (РС) в глобальном ВВП (расчет в ППС 2011 г.), %

	1000	1800	1950	1980	2017
Запад	9.9	24.6	55.9	47.9	34.5
Япония	2.3	2.6	2.7	7.2	4.1
РГ	12.2	27.2	58.6	55.1	38.6
РС и др. ¹	87.8	72.8	41.4	44.9	61.4
РС Азии ²	69.7	59.3	12.8	14.6	44.8
Африка	12.7	5.0	4.2	4.0	4.5
ЛА ³	3.8	2.1	8.1	10.1	7.7

Примечания (для табл. 1 и 2).

1. Включая страны с переходной экономикой.
2. Включая азиатские НИС.
3. ЛА – Латинская Америка.

¹⁴ В чем ряд исследователей начинает сейчас сомневаться. О сценариях развития см. Акимов А.В. Сценарии развития стран Востока на долгосрочную перспективу // Восточная Аналитика. Ежегодник 2012. Тенденции, перспективы, прогнозы развития стран Востока. М., 2012. С. 5-13.

¹⁵ Наши оценки базируются в т.ч. на: ADB. Asia 2050: Realizing the Asian Century. Singapore, 2011; OECD. Looking to 2060: Long-term Global Prospects. Paris, 2012.

Источники: Табл. 1 и 2 и граф. 1-3 рассчитаны по: World DataBank (<http://databank.worldbank.org>); IMF Data (<http://www.imf.org/external/data.htm>); OECD.Stat (<http://stats.oecd.org>); UNCTADstat (<http://unctadstat.unctad.org>); The World Bank. Global Economic Prospects. Washington, D.C. January 2018. P.4; UNDP.Data. (<http://hdr.undp.org>); WEF. Global Competitiveness Report, 2017. Geneva, 2017; Maddison A. Contours of the World Economy, 1 – 2030 AD. New York, 2007. P. 376, 369; Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996. С. 247-258; он же. Развитие и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980-2000-е гг.). М., 2009. С. 192, 206.

Таблица 2. Доля развитых государств (РГ) и развивающихся стран (РС) в ряде глобальных экономических агрегатов, %

	Экспорт					Приток ПИИ	Расходы на НИОКР	Патенты, поданные заявки	
	1950	1980	2017	2016		1980	2016		
	Общий объем			Гото- вых из- делий	Высоко- технолог. товаров				
Запад	63	62.7	50.5	47.7	41.3	85.6	58.5	54.8	24.4
Япония	1	6.1	3.9	5.2	4.3	0.5	0.6	6.7	10.8
РГ	64	68.8	54.4	52.9	45.6	86.1	59.1	61.5	35.2
РС	36	31.2	45.6	47.1	54.4	13.9	40.9	38.5	64.8
РС Азии	14.1	14.6	30.9	38.2	50	1.2	25.4	31	56.3
Африка	11.1	4.9	3.5	1.3	0.4	0.7	3.5	1.5	2
ЛА	7.8	5	5.1	4.4	2.8	11.7	8.1	3	0.5

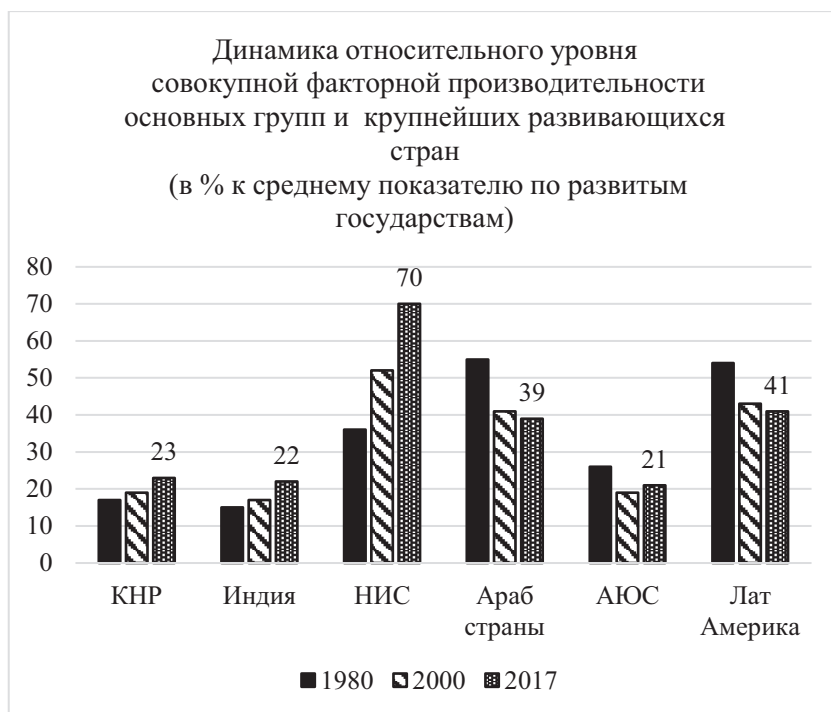
График 1.



Примечания.

1. Темп прироста СФП получен вычетом из темпа прироста ВВП взвешенной суммы темпов прироста затрат труда и основного капитала.
2. НИС – новые индустриальные страны (здесь -средневзвешенное по данным Республики Корея и Тайваня). АЮС – Африка южнее Сахары.

График 2.



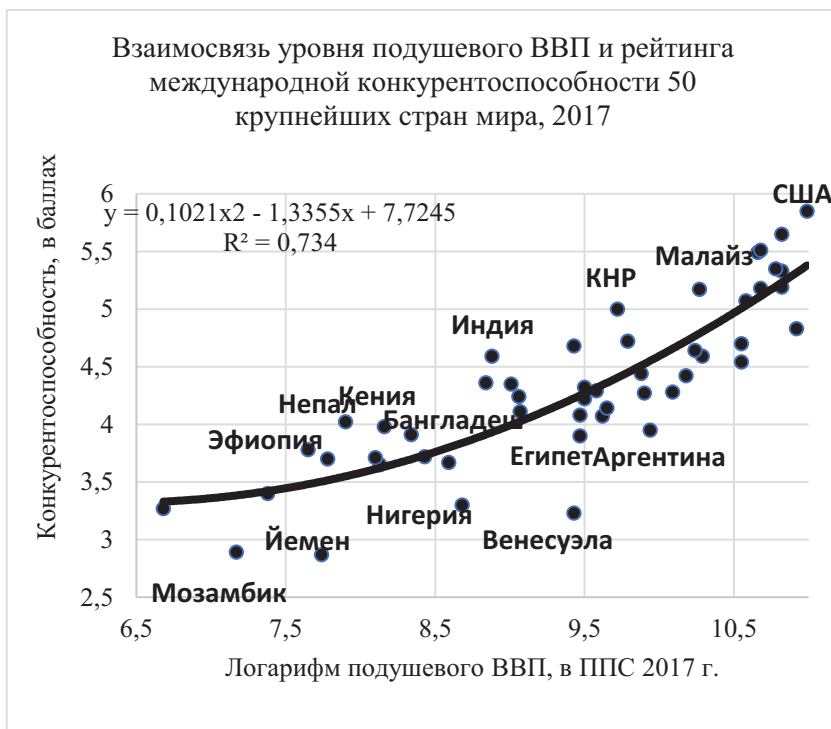
Примечания.

1. НИС – средневзвешенное по Республике Корея и Тайваню; АЮС – Африка южнее Сахары.

2. Расчет произведен по формуле: $TFP_i/TFP_u = (Y_i/(L_i^{0.67} * K_i^{0.33})) / (Y_u/(L_u^{0.67} * K_u^{0.33}))$, %.

3. TFP – СФП, L – отработанное время, K – основной капитал, i – развивающаяся страна, u – развитые государства.

График 3.



Юрлов Ф.Н.
Центр экономического развития мира перемещается с
Запада в Азию

Д.и.н. Главный научный сотрудник
Центр индийских исследований
Институт востоковедения РАН
efbelbars@mail.ru

В начале XXI в. образовавшаяся после распада СССР однополярная структура перестала соответствовать реалиям современного мира, глубоким фундаментальным переменам в соотношении экономических и политических сил на мировой арене. Потребовался экономический кризис 2007–2008 гг. и последующая Великая рецессия, которые наглядно показали, что бреттонвудская система пережила себя, и то, что многие экономические и военно–политические структуры, сложившиеся за последние десятилетия, более не соответствуют ни требованиям времени, ни надеждам большинства народов нашей планеты.

Неоспоримым фактом является то, что центр мирового развития неудержимо смещается на Восток, в широком смысле этого слова. Многие западные экономисты, в том числе и американские, считают, что Азия имеет явное преимущество, чтобы стать лидером в экономике. В то же время нет признаков того, что эта тенденция переменится в пользу США или Европы. Отметим, что известные проблемы Японии – спад ее экономики в 1990-е – 2000 годы были восполнены развитием других азиатских стран (Китая, Индии, Южной Кореи, Малайзии, Сингапура, Индонезии). А Брексит и другие сложные проблемы Европы свидетельствуют о затяжном характере идущих там процессов, подрывающих и без того ненадежное единство Европейского Союза.

По некоторым данным, к 2025 г. азиатские страны будут производить около 50% мирового ВВП, в то время как доля США и Европы в производстве мирового продукта будет снижаться. Эта тенденция будет нарастать. Притом быстрыми темпами. В последнее десятилетие наблюдается подъем экономики Латинской Америки и ее лидера – Бразилии, которая выходит в число

ведущих стран по темпам развития и объёму производства, несмотря на ее внутренние проблемы.

До сих пор западная экономическая и политическая мысль страдает от ограниченности и узости подхода к проблемам развития мира, который превратился в многополюсный. И это мешает объективному восприятию и оценке происходящих процессов и изменений на мировой арене.

*Неолиберальная демократия и неравенство в условиях
глобального кризиса*

В общем контексте отношений между Китаем, Индией и Америкой в условиях глобального кризиса определенный интерес представляет эссе американских исследователей Фрэнсиса Фукуямы и Нэнси Бёрдсейл «Пост-Вашингтонский консенсус» (2011 г.). Фукуяма известен как автор книги «Конец истории и последний человек» (1992 г.), в которой он пришел к выводу, что после распада СССР идейная борьба в мире закончилась торжеством идей либеральной демократии. Он писал, что либеральная демократия может оказаться «конечным пунктом идеологической эволюции человечества... конечной формой человеческого правления и в качестве таковой представляет собой конец истории» [Fukuyama Francis. The End of History and the Last Man. New York: The Free Press, A Division of Macmillan, 1992, p. X, X1].

В своем эссе оба автора приходят к выводу, что если глобальный финансовый кризис и подверг испытанию какую-либо модель развития, то это была модель свободного рынка или неолиберальная модель, которая подчеркивает необходимость ослабления влияния государства, дерегулирование экономики, частную собственность и низкие налоги. К началу мирового кризиса в 2008 г. крупные развивающиеся страны были во многом изолированы от иностранных финансовых рынков, накопив большие резервы иностранной валюты. Это избавило их от глобальных экономических потрясений и привело к внушительному росту в условиях нынешнего кризиса [Birdsale Nancy and Francis Fukuyama. The Post-Washington Consensus // Foreign Affairs. January/February, 2012, p. 50–51].

Таким образом, продолжают авторы, американская версия капитализма, если и не полностью потеряла свою репутацию, то по крайней мере перестала быть доминирующей. В следующем десятилетии растущие рынки и страны с низкими доходами населения могут модернизировать свой подход к экономической политике, проявляя большую гибкость и эффективность в условиях растущей конкуренции. Они будут менее заинтересованы в свободных перетоках капитала и более озабочены тем, чтобы сократить социальный разрыв при помощи программ социального обеспечения и при более активной поддержке местной промышленности. Они также будут все менее склонны полагаться на экспертные советы более развитых стран, а больше на свои интеллектуальные способности [Birdsale Nancy and Francis Fukuyama. The Post-Washington Consensus // Foreign Affairs. January/February, 2012, p. 50–51].

Главный вывод авторов этого эссе состоит в следующем: кризис подчеркнул нестабильность, присущую капиталистическим системам, даже таким развитым и изолированным, как США. Капитализм является процессом, регулярно производящим множество безвинных жертв, теряющих работу и подвергающихся угрозе существования. Во время кризиса и после него люди рассчитывали, что правительства их стран обеспечат им определенный уровень стабильности в трудных условиях социально-экономических потрясений. Этот урок вряд ли будет забыт в развивающихся странах, легитимность которых будет зависеть от их способности обеспечить населению большую степень социальной защиты [Birdsale Nancy and Francis Fukuyama. The Post-Washington Consensus // Foreign Affairs. January/February, 2012, p. 50–51].

Таким образом, здесь мы наблюдаем явный отход от идеи «конца истории» и одновременно поиск новых форм развития. Некоторые из них уже были предложены ранее в Китае, Индии и других странах. Это может быть смешанная экономика, которая учитывает не только требования рынка, но и обеспечивает социальную защиту населения.

Тот же Фукуяма в другой статье «Будущее истории. Может ли либеральная демократия пережить упадок среднего класса?» (2012 г.) пишет, что глобальный финансовый кризис и

продолжающаяся глубокая стагнация в Европе являются продуктами модели нерегулируемого финансового капитализма. Главная проблема сегодня – это отсутствие новых идей, что является признаком нездоровья, поскольку конкуренция необходима не только в экономической деятельности, но и в интеллектуальных дебатах. Последнее особенно важно с учетом того, что «нынешняя форма глобализованного капитализма разъедает социальную основу среднего класса» [Fukuyama Francis. The Future of History. Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? // Foreign Affairs. January/February 2012, p. 53].

Далее Фукуяма задает вопрос: не подорвет ли дальнейшее развитие технологий и глобализации базу среднего класса. И отвечает: существует много признаков того, что такая стадия развития уже наступила. В США средний доход населения стагнирует с 1970 г. Экономическое воздействие такой стагнации в какой-то степени было смягчено тем, что большинство американских хозяйств перешло в течение жизни одного поколения от заработка одного человека в семье к двум (мужа и жены). Более того, поскольку американцы не склонны к прямому перераспределению доходов, США вместо этого пытались осуществить «очень опасную и неэффективную форму в течение жизни одного прошедшего поколения»: они субсидировали ипотеку при покупке домов для низодоходных семей. Этот процесс, ускоренный мощным притоком ликвидности из Китая и других стран, создал у многих простых американцев иллюзию, будто уровень их жизни растет. И в этом смысле взрыв «пузыря домовладений» в 2008 г. был ни чем иным, как «жестоким возвратом к скудному существованию». Сегодня американцы могут радоваться дешевым мобильным телефонам и подобной аппаратуре, а также недорогой одежде. Но они все больше и больше не могут позволить себе собственные дома и страхование здоровья [Fukuyama Francis. The Future of History. Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? // Foreign Affairs. January/February 2012, p. 58].

Тревожнее всего то, что блага последних волн технологических инноваций непропорционально достались самым талантливым и образованным членам общества. Это способствовало массивному росту неравенства в США в течение

одного последнего поколения. В 1974 г. верхний 1% семей приносил домой 9% ВВП, а в 2007 г. – до 23,5% ВВП [Fukuyama Francis. The Future of History. Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? // Foreign Affairs. January/February 2012, p. 58]. По мнению Фукуямы, неравенство будет нарастать. Нынешняя концентрация богатства в США уже стала самовоспроизводящейся. Школы для богатых стали еще лучше, чем когда-либо, а школы для остальных детей продолжают деградировать. Элиты используют преимущество в доступе к политической власти, чтобы защитить свои интересы. В этих условиях отсутствует демократическая мобилизация, которая могла бы привести к исправлению такой ситуации. Американская элита не является исключением. Ситуация не изменится до тех пор, пока средний класс в развитом мире будет следовать по пятам прошлого поколения – в том, что его интересы будут якобы наилучшим способом обслуживаться свободным рынком и слабым государством. Альтернатива этому пока еще не родилась [Fukuyama Francis. The Future of History. Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? // Foreign Affairs. January/February 2012, p. 61].

.Иначе говоря, мы видим, что даже такие в недавнем прошлом убежденные защитники либеральной демократии, как Фукуяма, приходят к выводу, что нынешний капитализм, обслуживающий интересы явного меньшинства населения, не имеет будущего.

Такие же идеи содержатся в работах и других авторов. Так, один из признанных авторитетов по вопросам социально-экономического неравенства французский исследователь Томас Пикетти пишет в работе «Экономики неравенства» (2015 г.) следующее. «Тот факт, что либерализация была менее успешной в Индии, чем в Китае, напоминает нам о критическом значении эгалитарного элемента, без которого либерализация не может привести к устойчивому росту». По его мнению, «фактически богатые страны не только не инвестируют в масштабных размерах, но происходит все наоборот... Мы наблюдаем чистый отток капитала из бедных стран в богатые» [Piketty Thomas. The Economics of Inequality. Cambridge, Massachusetts, London, Harward University Press, 2015, p. 58, 59].

По его же мнению, «если дети Индии последовали бы советам теоретиков из Чикаго и стали бы ждать пока рыночные силы заставили бы их читать, Индия скорее всего пребывала бы в нищете долгое время. Обязательное начальное образование вне сомнения является самым важным из всех инструментов для эффективного перераспределения доходов в пользу бедных» [Piketty Thomas. The Economics of Inequality. Cambridge, Massachusetts, London, Harward University Press, 2015, p. 80].

В разных странах существуют различные культурные и моральные нормы и установки

Под давлением масштабных событий в мире, связанных с ускоренным развитием экономик в развивающихся странах, экологическими проблемами, массовыми переселениями миллионов людей и другими причинами, все более отчетливо проявляется осознание того, что в разных странах существуют различные культурные традиции, различный набор социальных, политических и общественных институтов, которые опираются на исторические, идеологические, психологические и моральные нормы и установки.

Политические, общественные и нравственные институты англосаксонского и американского типа поддерживают и развивают индивидуализм, оправдывают и даже поощряют большую разницу в доходах разных слоев населения, минимальную социальную защищенность граждан, низкий уровень государственного социального и экономического регулирования.

Однако в других развитых странах существуют и иные ценности и подходы – глубоко проработанная и широко разветвленная система социальной защиты, поддержка и сохранение человеческого капитала, развитая сеть государственного регулирования.

Азия, или Восток, в широком смысле этого слова, опирается на свои ценности, в которых есть место и коллективизму, и индивидуальной инициативе, действию рыночных сил и государственному регулированию (например, опыт Китая и смешанной экономики в Индии). Кроме того, Восток

синтезировал в себе и много положительного из опыта западного развития. Это сближает его с Западом и одновременно дает возможность создать качественно новую модель решения мировых проблем.

Не следует забывать, что огромная часть человечества, в основном в Африке, а также в ряде регионов Азии и Латинской Америки, до сих пор, по существу, находится в рамках пока еще доминирующей нынешней модели развития, испытывает бедствия библейского масштаба – нищету, голод, нехватку питьевой воды, отсутствие электричества и т.п.

Важным критерием для выработки новых путей дальнейшего развития должно стать понимание того, что большинство населения мира не может больше оставаться за пределами цивилизованного существования, если мы хотим реально осуществить демократические принципы справедливости, равенства и свободы.

Особенно это важно в условиях ограниченности ресурсов Земли. В свое время Махатма Ганди говорил, что на нашей планете достаточно всего, чтобы удовлетворить нужды каждого человека, но отнюдь не алчность всех людей. По существу, он говорил о разумном потреблении, которое должно иметь свои пределы.

Сегодня речь идет не о тиражировании образа жизни самых богатых стран и людей, а о таком развитии и образе жизни, в основе которого были бы достойный достаток, забота об окружающей среде и радость духовной и материальной жизни.

Вместе с тем огромный разрыв в доходах и уровне жизни в различных странах и социальных группах, а также такие глобальные проблемы, как загрязнение окружающей среды, подрывают основу устойчивого развития человечества. Этот разрыв продолжает расти. Если в 1960 г. соотношение доходов 20% богатого населения планеты и 20% беднейшего населения составляло 30:1, то в 1997 г. – 74:1. Эта тенденция продолжилась и в последующие годы [Human Development Report 1999. Published for the United Nations Development Programme. New York, 1999, p. 36].

Преимущества глобальной экономики достаются в непропорционально больших размерах группе богатых стран и

корпораций, которые устанавливают правила игры на мировом рынке.

Мир нуждается в кардинальных переменах

Нынешний уровень огромного социально-экономического неравенства представляет большую опасность для устойчивого и стабильного развития не только отдельных стран, но и мира в целом. Уменьшение этого неравенства является приоритетной задачей всех государств и отвечает интересам всего человечества.

Все это дает основание полагать, что современный мир нуждается в кардинальных переменах. Сложившиеся структуры вроде «семёрки» или «восьмёрки» больше не являются адекватными и отражающими как потребности развития человечества, так и соотношения экономических и политических сил на мировой арене. Это нашло отражение в создании в 1999 г. группировки из 20 стран, в которую входят не только развитые страны «семерки» плюс ЕС, но и 12 развивающихся стран, включая Китай, Индию, Россию, Индонезию и другие. Это правильный шаг в направлении создания более справедливого мира. Тем более, что 20-ка представляет собой 85% всей мировой экономики.

Глобальные перемены в начале ХХI в. в экономике и социально-политическом развитии дают основание утверждать, что центр экономического развития перемещается с Запада, включая США, в Азию. И в первую очередь в Китай. Об этом свидетельствует уже упоминавшийся глубокий кризис 2008 г. и продолжающаяся до сих пор Великая рецессия (термин западных экономистов). Этот процесс начался еще раньше, по мере падения экономического влияния стран Запада и роста экономик в ряде стран Азии, начиная с так называемых экономических «тигров» (Сингапур, Малайзия, Южная Корея и Тайвань).

Запад, особенно США, крайне неохотно уступают свои прежние лидирующие позиции ведущим странам Азии. Но уже сейчас понятно, что эпоха безраздельного доминирования Запада подходит к концу, и наступает новая эра – ХХI век становится веком Азии.

Еще недавно Запад был самой мощной экономической силой, которая стояла на пути появления новых акторов в мировом развитии. Он упорно боролся и продолжает бороться за отстаивание своих привилегированных позиций и интересов, в том числе на таких глобальных форумах, как Совет Безопасности ООН, МВФ, Всемирный Банк.

Утратив многие экономические рычаги, Запад все более полагается на свою военную мощь (НАТО во главе с США). Об этом, в частности, свидетельствуют вторжение США в Ирак в 2003 г., продолжающаяся доныне с 2001 г. самая длительная война США в Афганистане. Политика Запада, особенно США, на Ближнем Востоке привела к тому, что этот район стал едва ли не самым опасным в мире.

Навязывание Западом своих норм демократии вызывает отторжение у сотен миллионов мусульман и представителей других религий. Продолжающиеся попытки США указывать другим народам как жить по американским правилам встречают сопротивление во многих традиционных обществах в Азии и Африке.

По мнению ряда известных азиатских экспертов, Запад перестал быть инструментом решения ключевых проблем мира. Особенно отчетливо это проявляется в действиях нынешней администрации США. Запад, по существу, перестает быть основной силой, которая еще недавно претендовала на решение главных мировых проблем. Сейчас ведущие страны азиатского региона все более определенно заявляют о своей роли в мировой экономике. Эта тенденция нарастает с каждым годом [Mahbubani Kishore. *America and Europe in the Asian Century*//Foreign Affairs. May/June 2008, p. 111–124].

Важное место среди них принадлежит Китаю. Об этом пишет старший экономист Института международной экономики им. Петерсона Арвинд Субраманиам в статье «Неизбежная супердержава. Почему гарантировано преобладание Китая?» Он приходит к выводу, что в течение последующих 20 лет рост китайской экономики снизится в среднем до 7% в год, по сравнению с 11% в предыдущее десятилетие. Но также прогнозирует, что экономика США будет расти на 2,5% в год, как и в предыдущие 30 лет. Отсюда вывод: К 2030 г. экономика Китая

составит около 20% мирового ВВП, в то время как этот же показатель для США будет равен 15%. Объем торговли КНР составит 15% мирового товарооборота – в 2 раза больше, чем у США. С учетом этих и других экономических факторов Китай превзойдет США [Subramaniam Arvind. The Inevitable Superpower. Why China's Dominance is a Sure Thing // Foreign Affairs, September/October, 2011, p. 66–78. See also Subramaniam Arvind. Eclipse: Living in the Shadow of China's Economic Dominance. New York, Published by Peterson Institute for International Economics. 2011].

Статья Субраманиа вызвала дискуссию среди экономистов и политиков. Так, Сальватор Бабонес, лектор по вопросам социологии и социальной политики в университете Сиднея, Австралия, писал, что прогнозы экономического роста Китая недооценивают тот факт, что по мере быстрого роста, он сталкивается с трудностями [Babones Salvatore. The Middling Kingdom. The Hype and the Reality of Chinese Rise // Foreign Affairs, September / October, 2011, p. 79–88]. Профессор экономики Дерек Сиссорс из университета им. Дж. Вашингтона считает, что экономический рост Китая может вообще остановиться. [Scissors Dereck. The Wobly Dragon // Foreign Affairs, January /February, 2012, p. 173–177]. В последующие годы этот прогноз не оправдался.

Некоторые сравнительные данные по экономикам развитых стран и группы развивающихся стран и стран с переходной экономикой

В этой связи представляет интерес аналитическая работа Национального исследовательского Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН и Фонда перспективных исследований и инициатив «Россия и мир: 2018. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз».

В ней отмечается, что в 2018 г. темпы роста в развитых странах составят 2,1%. США 2,4%. Экономика стран ЕС 2,0%. (В 2017 г. – 2,2%).

Доля развитых стран в мировом ВВП в 2018 г. составит 42,1% (США – 15,1%, Япония 4,2%, ЕС 16,2%). (2017 г. 42,8% (США – 15,3%, Япония – 4,3%, ЕС – 16,2%).

Группа развивающихся стран и стран с переходной экономикой ускорит свой рост в 2018 г. до 5% (2017 г. – 4,7%). Экономика Китая на 6,5% (2017 г. – 6,7%). ВВП Индии на 7,7% (2017 г. – 6,7%). Экономика России на 2,0% (2017 г. – 2,0%)

На экономику Китая, Индии, Бразилии и России придется 32,1% (по ППС). А на группу развивающихся стран и стран с переходной экономикой – 55,4% мирового ВВП.

Прогноз на 2018 г. для развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Их доля в мировом ВВП составит 57,9% (Китай – 18,8%, Индия – 7,7%, Бразилия – 2,5%, Россия – 3,1%). (2017 г. – 57,2% мирового ВВП (Китай –18,3%, Индия – 7,4%, Бразилия – 2,5%, Россия – 3,1%) [Национальный исследовательский Институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН и Фонд перспективных исследований и инициатив «Россия и мир: 2018. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз». М. ИМЭМО РАН, 2017, с. 9, 13, 15, 18].

Экономика Китая

На протяжении почти 40 лет КНР демонстрировала небывалые темпы развития –более 10% ежегодно. В настоящее время они составляют от 6,5 до 7% в год. 2017 г. Китай закончил с профицитом внешнеторгового сальдо свыше 430 млрд долларов (экспорт 2,27 трлн, импорт 1,84 трлн долларов).

В 2016 г. ВВП КНР составил 12,263 трлн долларов (по обменному курсу). По паритету покупательной способности – 23,122 трлн долларов. У США соответственно 1928,000 трлн долларов и 19,362 трлн долларов по ППС.

У Китая большой корпоративный долг – в два с лишним раза превышающий ВВП КНР. Но это внутренний долг – 4/5 которого составляют кредиты, выданные банком Китая на целевые проекты в стране. Они могут быть погашены или списаны по решению властей КНР.

Что касается Америки, в марте 2018 г., по данным американского Минфина, долг США превысил 21 трлн долларов. Одним из предвыборных обещаний Дональда Трампа была ликвидация этого долга. Однако за год его президентства долг увеличился более чем на один триллион долларов. При президенте Бараке Обаме госдолг США вырос с 10,6 трлн до 19,9 трлн долларов.

В декабре 2017 г. Конгресс США одобрил проект закона о налоговой реформе. Он предусматривает снижение налога на прибыль для корпораций США с 35 до 20%. Это якобы повысит конкурентоспособность американской экономики, а также вернет из-за рубежа прибыль американских корпораций. Министр финансов Стивен Мнучин заявил, что снижение налогов компенсирует все эти убытки в будущем за счет ускорения экономического роста. [<https://lenta.ru/news/2018/03/19/gosdolg>; <https://lenta.ru/news/2018/03/13/usbudget>. Дата обращения].

Представляют интерес данные о развитии Китая за последние пять лет, которые были обнародованы в марте 2018 г. премьером Госсовета КНР Ли Кэцзяном. Доля КНР в мировой экономике выросла с 11,4% до 15%. Вклад в глобальный экономический рост составил более 30%. Среднегодовой рост располагаемого дохода китайцев вырос на 7,4%, превывсив темпы экономического роста. Пенсионное страхование по старости покрывает более 900 млн человек. Базовое медицинское страхование – 1350 млн человек, т.е. почти все население страны. Средняя ожидаемость продолжительности жизни – 76,7 года [Синьхуа, 12.03.2018].

За последние 30 лет в Китае проводилась систематическая и широкомасштабная работа по преодолению бедности и нищеты. Решающим фактором успешной борьбы с бедностью стали высокие темпы экономического роста и создание мощного экономического потенциала страны. С 1980 по 2012 гг. численность бедных сократилась почти на 600 млн человек. А за весь период существования КНР с 1949 г. картина выглядит еще более впечатляющей. С 1978 по 2015 гг. число бедных сократилось на 714,64 млн, сейчас оно составляет 55,75 млн человек. При этом коэффициент сползания в бедность упал с 97,5% до 5,7% (последний критерий порога бедности составлял 2 300 юаней

чистого дохода крестьян в день, или 1,9 доллара США в ценах 2010 г.) [Бони Л. КНР. Деревня – «ключевое звено» построения общества *сяолян* // Азия и Африка сегодня. № 12, 2017, с.46–53].

В мае 2018 г. английский журнал Economist выступил со знаковой статьей о растущем числе китайских туристов за пределами поднебесной. Само ее название и общая тональность говорят о серьезных социально-экономических и культурных переменах в Китае за последние 40 лет. Об этом свидетельствует тот факт, что в 2017 г. 130 млн китайцев выезжали за рубеж. Ожидается, что в 2020 г. эта цифра увеличится до 200 млн. В дополнение к этому 600 тысяч китайцев учатся за границей, в основном в западных университетах. Это в четыре раза больше, чем 10 лет назад. Такое огромное передвижение людей, пишет Economist, является благом для всего остального мира. Общие расходы китайцев во время зарубежных поездок в два раза превышают расходы американцев на эти же цели. Гиганты Кремневой долины в Калифорнии не были бы столь успешными без талантов, приехавших из Китая. А где оказались бы западные университеты без денежных взносов китайцев за учебу? А что было бы с научными исследованиями в западных лабораториях без многочисленных китайских ученых?

Не случайно, что эта статья называется «Открывая ворота. Нужно приветствовать растущее число китайцев, выезжающих за рубеж» [Opening the gates. Surging numbers of Chinese people going abroad should be welcomed // Economist. 17.05.2018. Дата обращения 24.05.2018].

Торговая война между США и КНР?

Китай неоднократно заявлял, что заинтересован в сохранении нынешней системы международных отношений, поскольку она позволяет ему укрепить его экономические позиции в мире.

Если говорить об отношениях между Китаем и США, то несмотря на антикитайскую риторику в Америке, она сейчас больше зависит от КНР, чем наоборот. Реалии таковы: торговый дефицит США с КНР достигает 375 млрд долларов, Китай держит более 1,15 трлн долларов в американских ценных бумагах

[Островский Андрей. Выборы– 2018. До и после // *Завтра*, март 2018, № 10].

В США нет единого мнения среди бизнесменов и законодателей по вопросу о масштабной торговой войне с Китаем. Многие из тех, кто так или иначе противостоят планам такой войны, исходят из того, что Китай готов ответить в ней – «око за око». Они говорят, что КНР стремится избежать наращивания напряженности в двусторонних торговых отношениях, и исходят из того, что ответ Китая будет «взвешенным и пропорциональным».

Такие американские руководители и эксперты полагают, что КНР может ввести тарифы на экспорт из США сои, сорго, свинины. В этой связи отмечается, что китайцы прорабатывают альтернативные источники покупки таких товаров из Бразилии, Аргентины и Польши. Также отмечается, что Китай может переключиться на массовые покупки гражданских самолетов и иной авиационной техники с Америки (Боинг) на другие страны, например, Европу (Airbus).

Планы США прибегнуть к заградительным пошлинам в отношении экспорта из Китая, включая металлы и алюминий, могут привести к жестким ответным мерам со стороны КНР. Это вызывает озабоченность многих представителей американского бизнеса [Trump to Ramp Up Trade Restraints on China. China to Target Trump's Base in Tariff Response. / The Wall Street Journal. 21.03.2018– URL <https://www.wsj.com/articles/facing-us-tariffs-china-plans-coutermeasures-15216323332>. Дата обращения 22.03.2018].

В США особенное беспокойство в связи с возможной торговой войной с Китаем выражают многие республиканские законодатели. Они заявляют, что торговые барьеры в отношении Китая могут нанести ущерб экономике США и предупреждают о рисках для Америки в случае введения этих мер. Некоторые из них, в частности председатель Финансового комитета Сената Оррин Хатч заявил: «Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы остановить движение нашей страны по этому опасному пути». Первыми жертвами этой торговой войны станут американские промышленники и фермеры. [Trump Officials Face Grilling Over Tariffs as China Action Looms. Republicans warn

president of economic risks and steps Congress may take hid trade authority – [https:// www.wsj.com/aricles/Trump-officials-face-grilling-over-tariffs-as-china-action-looms-1521633600](https://www.wsj.com/articles/Trump-officials-face-grilling-over-tariffs-as-china-action-looms-1521633600). Дата обращения 21.03.2018].

В КНР обещали дать жесткий ответ на антикитайские меры. Китайцы заявляют: торговая война зависит от того насколько далеко пойдут в ней США. У Китая немало «карт», которые можно использовать, от соевых бобов до самолетов и автомобилей. Тогда же МИД КНР заявило: «Американской стороне пришло время прекратить экономическое запугивание и гегемонизм. Эра экономического подчинения Соединенным Штатам уже завершилась... В действительности Китай и США непрерывно ведут консультации по торгово-экономическим вопросам» [Синьхуа, 26.03.2018]. Газета Женьминь Жибао отметила, что два раунда китайско-американских отношений за полмесяца дали следующий результат: здоровое развитие торгово-экономических отношений в интересах КНР и США. Самым главным итогом состоявшихся торгово-экономических консультаций стало то, что стороны пришли к консенсусу не вести торговую войну, а также прекратить взаимное введение дополнительных пошлин. МИД КНР заявил: «Китай надеется, что рецидивов в китайско-американских торгово-экономических вопросах не будет» [Женьминь Жибао. 24.05.2018. Дата обращения 24.05.2018].

* * *

Человечество сегодня стоит перед сложной долговременной задачей – необходимостью создать новые конструктивные, неконфронтационные модели развития, которые будут учитывать специфические исторические особенности, интересы, традиции и ценности разных стран. Эти модели должны быть основаны на международном сотрудничестве всех народов и государств, направленном на создание справедливого, равноправного, многополярного мира.

Список литературы:

1. Бони Л. КНР. Деревня – «ключевое звено» построения общества сяокян // Азия и Африка сегодня. № 12, 2017.

2. Островский Андрей. Выборы– 2018. До и после // *Завтра*, март 2018, № 10.
3. Юрлов Ф.Н. Конец истории или поиск нового пути? // *Азия и Африка сегодня*. № 1–2, 1997, а также Россия и Индия в меняющемся мире. М.: ИВ РАН, 1998.
4. Babones Salvatore. The Middling Kingdom. The Hype and the Reality of Chinese Rise // *Foreign Affairs*, September / October, 2011.
5. Birdsale Nancy and Francis Fukuyama. The Post-Washington Consensus // *Foreign Affairs*. January/February, 2012
6. Fukuyama Francis. *The End of History and the Last Man*. New York: The Free Press, A Division of Macmillan, 1992.
7. Fukuyama Francis. The Future of History. Can Liberal Democracy Survive the Decline of the Middle Class? // *Foreign Affairs*. January/February 2012.
8. Human Development Report 1999. Published for the United Nations Development Programme. New York, 1999.
9. Mahbubani Kishore. America and Europe in the Asian Century // *Foreign Affairs*. May/June 2008.
10. Piketty Thomas. *The Economics of Inequality*. Cambridge, Massachusetts, London, Harvard University Press, 2015.
11. Scissors Dereck. The Wobbly Dragon // *Foreign Affairs*, January /February, 2012.
12. Subramaniam Arvind. The Inevitable Superpower. Why China's Dominance is a Sure Thing // *Foreign Affairs*, September/October, 2011. See also Subramaniam Arvind. *Eclipse: Living in the Shadow of China's Economic Dominance*. New York, Published by Peterson Institute for International Economics. 2011.
13. Trump Officials Face Grilling Over Tariffs as China Action Looms. Republicans warn president of economic risks and steps Congress may take to limit trade authority – <https://www.wsj.com/articles/Trump-officials-face-grilling-over-tariffs-as-china-action-looms-1521633600> [дата обращения 21.03.2018]
14. Trump to Ramp Up Trade Restraints on China. China to Target Trump's Base in Tariff Response. / *The Wall Street Journal*. 21.03.2018– URL <https://www.wsj.com/articles/facing-us-tariffs-china-plans-countermeasures-1521632332> [дата обращения 21.03.2018]

Тимонина И.Л.
Преобразование производственной структуры Японии в
условиях четвертой промышленной революции

Д.э.н., Профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ,
МГИМО (У) МИД РФ,
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ.
timonina2000@yahoo.com.

Важнейшим мегатрендом развития современной мировой экономики является преобразование ее структуры и механизма под влиянием четвертой промышленной революции (4ПР), которая является темой обсуждения на представительных международных форумах и предметом изучения исследователей и экспертов самых разных научных направлений – экономики, социологии, информационных технологий. Единого определения этого явления, ясного понимания его сущности и последствий пока не выработано, однако эта очередная технологическая революция уже стала реальностью.

Правительства и бизнес ряда стран мира уже приступили к практическим действиям по внедрению и активному использованию технологий, составляющих 4ПР. При этом страны уже в некотором степени определили свою «специализацию» в рамках данного общемирового тренда. Так, в Германии группой бизнесменов, политиков и ученых в 2011 г. была выдвинута инициатива «Индустрия 4.0», которая рассматривается в качестве средства повышения конкурентоспособности обрабатывающей промышленности Германии через усиленную интеграцию «киберфизических систем (CPS), в заводские процессы»¹. Американские компании активно развивают бизнес-модели, которые используют Интернет вещей (IoT) и искусственный интеллект (AI). В китайской стратегии «Сделано в Китае 2025» предусматривается интеграция мобильного Интернета, «облачных вычислений», Интернета вещей с современными

¹ <http://nlo-mir.ru/tech/33475-industrija-40-chto-takoe-chetvertaja-promyshlennaja-revoljucija.html>

отраслями промышленности, содействие развитию электронной коммерции, промышленного Интернета и финансовых услуг, предоставляемых онлайн².

Япония также не остается в стороне от мирового прогресса в технологической и экономической сферах. Концепция четвертой промышленной революции стала одной из основных идей стратегии долгосрочного экономического роста страны и инновационных стратегий развития отдельных сфер и отраслей экономики и социальной сферы.

Общество 5.0 и «связанные отрасли».

Одной из стратегических разработок, где были сформулированы цели и направления преобразования социально-экономической структуры страны, формирования нового облика индустриального сектора, пути научно-технологического, инновационного развития страны, стала концепция построения так называемого «Общества 5.0». Она была которая была представлена в Пятом плане научно-технического развития Японии³ в качестве будущей модели общества, к которой Япония должна стремиться. По определению, это – общество, ориентированное на человека, где экономическое развитие гармонично сочетается с решением социальных проблем, система, где интегрированы киберпространство и физическое пространство.

Переход к такой модели, по мнению японских экспертов, закономерен и это общество приходит на смену информационному обществу 4.0 (до этого выделяются охотничье общество 1.0, сельскохозяйственное 2.0, индустриальное общество 3.0) (см. рис.1)⁴.

² http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-03/16/content_35066606.htm

³ Report of The 5th Science and Technology Basic Plan - http://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/5basicplan_en

⁴ http://www8.cao.go.jp/cstp/english/society5_0/index.html

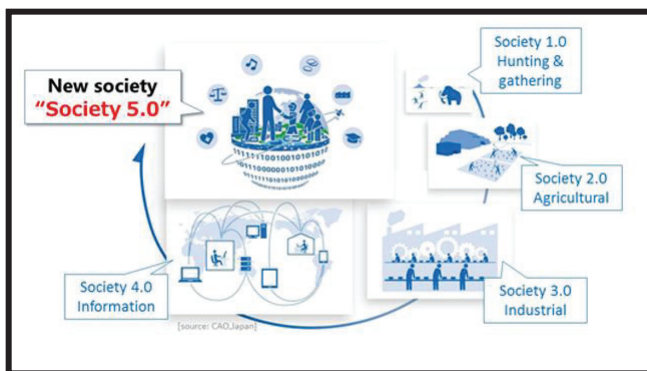


Рисунок 1. Классификация «обществ»

Нетрудно заметить, что данное построение перекликается с концепцией постиндустриального общества Д. Белла⁵, концепцией «трех волн» А. Тоффлера⁶, которые были выдвинуты довольно давно, а также с идеями Р. Флориды⁷, которые продолжил изучение постиндустриального общества, выдвинув теорию креативного класса.

Однако, японская стратегия сознательного формирования общества будущего, предлагаемые механизмы его создания в конкретных социально-экономических условиях страны крайне интересны.

Реализация концепции «Общества 5.0» видится правительственным экспертам не иначе как на основе всестороннего внедрения инноваций (в том числе Интернета вещей, искусственного интеллекта и Больших данных), составляющих технологическую основу четвертой промышленной революции во всех сферах жизни общества – экономике, науке, социальной сфере и в повседневной жизни

⁵ См.: Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. — N.Y.: Basic Books, 1973; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. — Москва: Академия, 1999.

⁶ Тоффлер, Э. Третья волна = The Third Wave, 1980. — М.: АСТ, 2010.

⁷ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее = The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. — Классика-XXI, 2005

людей. Подобный подход, по мнению правительственных экспертов Министерства экономики, торговли и промышленности, предполагает коренные преобразования в производительном секторе на основе инициативы так называемых «связанных отраслей» («Connected Industries»)⁸.

Инициатива «Connected Industries»

Смысл инициативы «Connected Industries»⁹ состоит в том, чтобы связать различные виды деятельности и их «элементы», различные аспекты современной жизни (машины, системы, компании), а также людей в качестве «производителей» и потребителей (т.е. по возможности все социетальные¹⁰ факторы) в своего рода комплексы, или замкнутые цепочки, в рамках которых будет создаваться новая добавленная стоимость и будут решаться различные проблемы в обществе. Более наглядно, на наш взгляд, идея представлена в схеме, включенной в презентацию МЭТП, где в разных сочетаниях фигурируют три «элемента» - люди, машины и технологии – и показано их взаимовлияние и взаимосвязь (см. рис.2)¹¹.

Формирующиеся взаимосвязи в свою очередь должны привести к преобразованию общества и производственной системы (см. рис.3)¹².

⁸ По мнению автора, в данном контексте сочетание «Connected Industries» подразумевает связь самых различных видов деятельности, а не только отраслей промышленности, хотя индустрия, конечно, играет в этих процессах не последнюю роль.

⁹ Инициатива была официально объявлена в марте 2017 г. http://www.meti.go.jp/english/press/2017/0320_001.html

¹⁰ Социетальный - термин, применяемый в социологии для обозначения отношений и процессов в наиболее сложных социальных системах с развитым управлением, социально-классовыми структурами и институтами. Обычно употребляется для описания отношений и процессов на уровне общества в целом. <http://didacts.ru/termin/societalnyi.html> В данной статье представляется автору абсолютно уместным для обозначения чрезвычайно многообразных и разнородных факторов.

¹¹ <http://www.meti.go.jp/press/2016/03/20170320001/20170320001-2.pdf>

¹² Там же

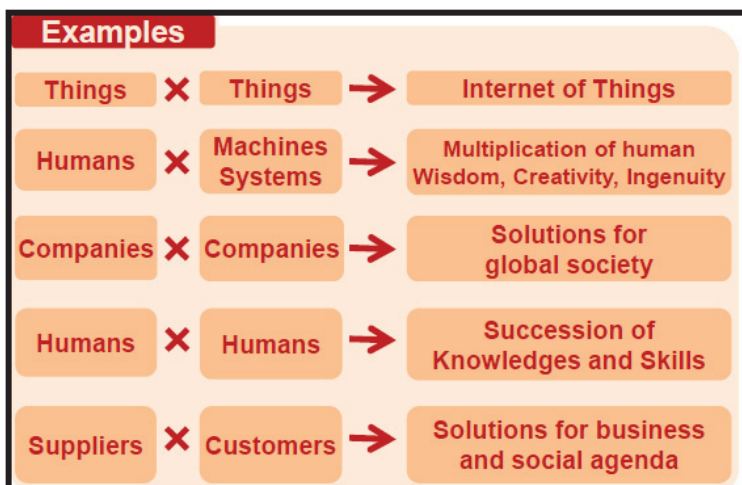


Рисунок 2. Системные взаимосвязи людей, машин, компаний.



Рисунок 3. Новые производственные системы

Таким образом, судя по данным схемам, предполагается: 1) формирование «нового цифрового общества» на основе соединения усилий и возможностей машины и человека, 2) многоуровневое взаимодействие между людьми, компаниями, отраслями поверх пространственно-временных границ, 3) всесторонне развитие человеческих ресурсов, знаний и навыков, необходимых в цифровую эпоху.

В качестве реальных примеров продвижения инициативы «связанных отраслей» МЭТП Японии предлагает следующее. Например, крупный производитель роботов и венчурная компания, обладающая передовыми технологиями, объединили свои достижения, такие как сенсорные роботы с платформами для разработки программного обеспечения для приложений, способных проводить расширенный анализ данных. Это привело к совместной разработке платформы Интернета вещей для обрабатывающей промышленности, позволило повысить производительность, автоматизировать производственные процессы, используя огромное количество данных, собранных с различных производственных мощностей (т.е. использовать технологии обработки и применения Больших данных).

Кроме того, существует венчурная компания, целью которой является создание платформ, соединяющих предприятия, использующие цифровые технологии более чем в 30 странах. Это облегчает малым и средним предприятиям (МСП), а также индивидуальным предпринимателям производство продукции с использованием цифрового технологического оборудования и получать материалы, используя сетевые технологии¹³.

Важно отметить, японская идея создания «Общества 5.0» и концепция «связанных отраслей» отличаются от германской инициативы «Индустрия 4.0», которая в Японии активно изучается и высоко оценивается.

По мнению, экспертов МЭТП, «Индустрия 4.0», за которую выступает Германия, – это инициатива, направленная на повышение эффективности и оптимизацию всех процессов в

¹³What is the “Connected Industries”?
http://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/connected_industries/index.html

обрабатывающей промышленности, от проектирования и производства до розничной торговли и технического обслуживания, путем объединения всей цепочки поставок на уровне оборудования и продукции, т.е. ее сфера – это, прежде всего, индустриальный комплекс.

В Японии же инициатива «Connected Industries» направлена на создание новой добавленной стоимости не только за счет изменений и инноваций в рамках отдельных отраслей, но и на основе соединения сильных сторон различных отраслей обрабатывающей промышленности Японии друг с другом. Эти «сильные стороны» культивируются на предприятиях, в том числе и малых и средних, и представляют собой информационные ресурсы, технологический потенциал, ноу-хау, а также технические навыки, имеющиеся у опытных работников. Более того, в Японии инициатива «Connected Industries», как уже отмечалось нами выше, не ограничивается только обрабатывающей промышленностью, а вовлекает сферу услуг, включая социальную инфраструктуру, научные исследования, финансовую сферу. Одним из примеров является преодоление барьеров между производством медицинского оборудования и сестринской деятельностью (уход за пациентами), обеспечение возможности взаимобменом между искусственным интеллектом и биоиндустрией. Это именно то будущее направление, в котором, по мнению японских специалистов, должны развиваться отрасли и комплексы, составляющие структуру японской экономики¹⁴.

Международное взаимодействие.

Продвигая собственные идеи и стратегии, в Японии в то же время рассчитывают и на эффект синергии благодаря сотрудничеству с другими странами в сфере развития и внедрения технологий 4ПР. Так, в 2016 г. МЭТП Японии и Федеральное министерство экономики и энергетики Германии подписали совместное заявление относительно двустороннего

¹⁴ What is the “Connected Industries”?
http://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/connected_industries/index.html

сотрудничества в области Интернета вещей/Индустрии 4.0, которое предусматривает взаимодействие двух стран в решении различных задач в следующих областях: промышленная кибербезопасность; международная стандартизация; реформа международного регулирования; содействие малому и среднему бизнесу; развитие человеческих ресурсов; научные исследования и разработки (НИОКР)¹⁵.

Соглашение предусматривает совместную деятельность предпринимательских, научных, государственных организаций двух стран. Так, например, соглашения о сотрудничестве заключили такие бизнес-организации как японская «Инициатива революции роботов» (Robot Revolution Initiative of Japan) и германская платформа Индустрии 4.0 (Plattform Industrie 4.0). Что касается кооперации в научной сфере, то договор о намерениях подписали Национальный институт передовой промышленной науки и технологии (Япония) и Германский исследовательский центр искусственного интеллекта¹⁶.

Инициатива «Connected Industries» также содержит международную составляющую. Правительство намерено продвигать ее на глобальном уровне, поощряя активное сотрудничество между японскими и иностранными компаниями и взаимодействуя с другими странами в области международной стандартизации.

Реализация данной инициативы также увязывается и с решением проблем улучшения инвестиционного климата в стране и повышения привлекательности Японии для иностранного капитала. В данном контексте правительство прилагает значительные усилия по улучшению инвестиционной среды в Японии и развитию экосистемы для японских венчурных компаний. При этом большие надежды возлагаются на эффект от проведения в Токио Олимпийских и Паралимпийских игр 2020 г. Кроме того, власти Японии намерены продемонстрировать привлекательную бизнес-среду различных регионов Японии, проведя ряд международных бизнес-форумов – Japan Business Conference (JBC), the Regional Business Conference (RBC) и the

¹⁵ http://www.meti.go.jp/english/press/2016/0428_04.html

¹⁶ http://www.meti.go.jp/english/press/2016/0428_04.html

Global Venture Summit. Всемирная выставка Экспо-2025, которую Япония намерена принять у себя, также даст возможность создать новую добавленную стоимость, объединив людей, технологии и отрасли промышленности с особым упором на использование искусственного интеллекта и биотехнологии¹⁷.

Как мы уже отмечали выше, реализация инициативы «связанных отраслей» органично встроена в стратегию построения «Общества 5.0»., поскольку именно преобразование производственной (в широком понимании этого слова) структуры Японии, по замыслу правительства, позволит решать социальные проблемы.

Позиция правительства выглядит следующим образом. Поскольку Япония сталкивается с сокращением численности населения из-за старения и низкой рождаемости, она находится на переднем крае решения проблем, с которыми скоро столкнутся многие страны мира. Япония будет решать эти проблемы на основе совершенствования социальных систем и самих социальных услуг путем объединения различных активов в рамках инициативы «связанных отраслей». Например, возможно улучшение качества жизни людей (в том числе пожилых), проживающих в сельских общинах и сталкивающихся с проблемой ограничения мобильности, за счет использования технологии автономного вождения общественного транспорта. Актуальной задачей также является предоставление персонализированных услуг для управления здравоохранением с использованием индивидуальной медицинской информации.

Возлагая большие надежды на продвижение 4ПР и на реализацию инициативы «связанных отраслей» правительство Японии осознает и остроту социально-экономических проблем, которые уже возникают на этом пути, и эти проблемы активно обсуждаются, в том числе и на международных площадках. Так, в 2014 г. по случаю 50-летия вступления Японии в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) МЭТП Японии и Министерство внутренних дел и коммуникаций

¹⁷ What is the “Connected Industries”?
http://www.meti.go.jp/english/policy/mono_info_service/connected_industries/index.html

организовали конференцию по экономике знаний (Global Forum on the Knowledge Economy: Data-Driven Innovation for a Resilient Society), где главной темой обсуждения стал потенциал Больших данных и был сделан вывод о том, что их использование не только способствует инновациям и экономическому росту, но и поможет странам ответить на социальные вызовы, такие как старение общества, а также предпринимательские риски¹⁸.

Вместе с тем участники также отметили проблему нехватки специалистов в области работы с Большими данными, а также проанализировали влияние новых технологий работы с данными на рынок труда. Эксперты признают наличие эффекта вытеснения и сокращения числа рабочих мест, прежде всего, «белых воротничков». Решение проблемы, по их мнению, лежит в плоскости развития предпринимательских компетенций, основанных на креативности и интуиции в комбинации с навыками анализа данных и инженерными навыками. Также на форуме обращалось внимание на этические аспекты проблемы, поскольку сбор и обработка Больших данных предполагает работу с персональными данными людей¹⁹.

Конечно, в Японии весьма серьезно относятся и к проблеме технологических рисков, сопровождающих становление новой социально-экономической системы. Тем не менее, правительство намерено продолжать оперативно и гибко предпринимать действия по изменению японских отраслей в соответствии с видением инициативы «Connected Industries», не подрывая при этом потенциал новых предприятий и инноваций. Исходя из этого, правительство всемерно поощряет компании к осуществлению мер кибербезопасности. Например, в целях повышения осведомленности руководства компаний в этой в 2015 г. были разработаны руководящие принципы управления кибербезопасностью, которые предусматривают, что руководство должно быть в курсе трех ключевых принципов безопасности и быть готовым дать инструкции по 10 важным вопросам сотрудникам, ответственным за меры кибербезопасности²⁰.

¹⁸ http://www.meti.go.jp/english/press/2014/1003_03.html

¹⁹ <http://www.meti.go.jp/press/2014/10/20141003009/20141003009-2.pdf>

²⁰ What is the “Connected Industries”? <http://www.meti.go.jp/english/>

Итак, в Японии разработана своего рода «дорожная карта» дальнейшего развития экономики и общества в условиях 4ПР: построение «Общества 5.0», в качестве японского варианта социально-экономической модели «пост-постиндустриального общества», ориентированного на человека «суперумного» (super-smart) общества, где киберпространство и физический мир интегрированы, что позволяет людям вести комфортную, яркую, качественную жизнь используя эффекты «связанных отраслей». И продвижение инициативы «связанных отраслей» становится важнейшим направлением преобразования социально-экономической – и в первую очередь производственной – системы страны и ее адаптации к условиям нового этапа научно-технического прогресса – четвертой промышленной революции.

Список литературы:

1. Report of the 5th Science and Technology Basic Plan – http://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/5basicplan_en
2. http://www8.cao.go.jp/cstp/english/society5_0/index.html
3. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books, 1973.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Москва: Академия, 1999.
5. Тоффлер, Э. Третья волна = The Third Wave, 1980. М.: АСТ, 2010.
6. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее = The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. Классика-XXI, 2005.

Лебедева И.П.
Изменения на японском рынке труда: экономические
аспекты

Д.э.н., Главный научный сотрудник
Центр японских исследований
Институт востоковедения РАН
lebedeva130250@mail.ru

Под влиянием экономических и демографических факторов за последнюю четверть века на японском рынке труда произошли важные изменения. Депрессия, продолжавшаяся более двух десятилетий, прогрессирующее старение населения, опережающее развитие сферы услуг (прежде всего – услуг населению), изменение характера многих видов труда на основе внедрения информационной техники и некоторые другие факторы привели к резкому возрастанию в структуре занятости доли непостоянных работников. За период 1990-2017 гг. их доля в общем числе занятых возросла с 20,2 % до 37,2%, а абсолютная численность – с 8 млн 810 тыс. до 20 млн 360 тыс. человек [7, table 6]. При этом произошли заметные сдвиги в половозрастной структуре японской рабочей силы. Так, за период с 2007г. по 2017 г. доля молодежной когорты (от 15 до 34 лет) в общем числе занятых уменьшилась с 29,8% до 28,7%, доля работников среднего возраста (от 35 до 54 лет) увеличилась с 42,3% до 45,1%, а доля старших возрастных групп (старше 55 лет) – с 27,5% до 29,7%. Повысилась и доля женщин в общем числе занятых – с 41,5% до 43,8%, главным образом за счет заметного роста активности женщин среднего возраста, т.е. тех, кто вырастил детей и решил вернуться к трудовой деятельности [7, table 12].

Эти изменения привели к формированию экономических трендов, которые выглядят довольно необычно и заслуживают пояснений. В данной статье речь пойдет, во-первых, об особенностях динамики производительности труда и определяющих ее факторах и, во-вторых, о тенденции к снижению заработной платы в условиях низкой безработицы и нехватки рабочей силы.

Несмотря на высокий уровень материально-технической базы практически всех отраслей экономики, Япония никогда не была лидером по уровню производительности труда (за исключением нескольких отраслей промышленности). За 1990-2015 гг. в мировых рейтингах она сместилась с 16 на 22 место. Сейчас средний по экономике показатель производительности труда (рассчитанный по PPP) составляет примерно 60% от американского уровня и 80% – от европейского [4, р. 43].

Оставляя в стороне вопрос о причинах такого положения дел (он заслуживает отдельного рассмотрения), обратимся к динамике показателя производительности в последние два с половиной десятилетия. На нее повлияла, прежде всего, продолжительная депрессия, в которую страна вступила в начале 1990-х годов, и которая продолжалась более двадцати лет. При этом, как показывают данные табл.1, три кризиса – азиатский финансовый кризис 1997-1998 гг., мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг., а также кризис, последовавший после катастрофического землетрясения марта 2011 г. – приводили к резким провалам в динамике производительности, ухудшая и без того непростую экономическую ситуацию.

Как видно по приведенным данным, в целом за период 1997-2016 гг., т.е. за двадцать лет, средний по экономике уровень производительности труда (объем добавленной стоимости на одного занятого в текущих ценах) вырос всего лишь на 9,6%.

Помимо неблагоприятной экономической конъюнктуры на уровне и динамике производительности труда сказался ряд чисто японских специфических реалий.

Во-первых, за эти годы произошло заметное снижение показателя фондовооруженности труда (объем основных фондов за вычетом стоимости земли, зданий и сооружений, приходящийся на одного занятого). За 1995-2015 гг. он снизился почти на 21% [4, р.42]. Отчасти это могло быть связано с удешевлением некоторых видов оборудования в результате снижения цен на комплектующие, например, на электронные детали. Но главными причинами стали низкая инвестиционная активность японских компаний в условиях неблагоприятной конъюнктуры и принявший огромные масштабы перевод производства за рубеж,

получивший название *кудока* (буквально – опустошение, выхолащивание). Если динамика внутренних инвестиций японских компаний была весьма вялой, то их зарубежные прямые инвестиции, наоборот, росли чрезвычайно высокими темпами, и к концу 2017 г. их накопленный объем достиг 1 трлн 353 млн долл. В 2017 г. в среднем по экономике на долю зарубежных филиалов японских компаний пришлось уже 56,5% общего объема продаж, в то время как в 2000 г. этот показатель был вдвое меньше (28,6%) [3; 6, p.6].

Таблица 1. Динамика производительности труда и заработной платы (1997-2016 гг.)

Годы	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Производительность труда	100,0	94,2	96,7	103,9	100,5	101,5	105,5	108,8	111,3	112,6
Заработная Плата	100,0	97,9	96,8	100,4	101,3	95,8	96,9	96,4	97,3	97,8

Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Производительность труда	112,8	91,4	86,7	97,7	92,7	95,3	101,9	104,1	107,6	109,6
Заработная Плата	98,2	93,6	89,2	92,2	91,7	92,1	92,4	93,3	93,0	95,5

Источник: [4, p. 40].

Во-вторых, в рассматриваемый период произошло снижение расходов компаний на профессиональное обучение работников, которое в силу особенностей японской системы управления трудом прежде было основным средством повышения их квалификации, а, следовательно – и производительности труда. Дело в том, что система пожизненного найма, которая вплоть до последнего времени лежала в основе управления трудом в крупных японских компаниях и служила моделью для подражания

для фирм меньшего размера, ориентируется на наем молодежи, не «испорченной» опытом работы в какой-либо другой компании. При этом в первую очередь оценивается общий потенциал претендентов, их личностные качества, а не уровень профессиональных и академических знаний. А работников нужной квалификации фирмы готовят сами в процессе внутрифирменного обучения, которое продолжается, по существу, на протяжении всей их трудовой деятельности. Оно происходит как на рабочем месте, т.е. без отрыва от производства, так и с отрывом от производства. Первая форма трудно отделима от собственно процесса труда, поэтому обычно о масштабах внутрифирменного обучения судят по расходам компаний на обучение работников с отрывом от производства. За последние 10 лет эти расходы заметно сократились. Так, если в 2007 г. в расчете на одного занятого они составили 43,5 тыс. иен, то в 2016 г. – 37,2 тыс. иен, т.е. уменьшились на 14,5%. По крупным компаниям снижение было еще большим – на 18,1% (с 48,7 тыс. иен до 39,8 тыс. иен). [2, р. 37].

В- третьих, давление на динамику производительности труда в сторону понижения оказал рост в структуре занятости доли непостоянных работников, о котором говорилось выше, так как по уровню образования и квалификации значительная их часть уступает показателям постоянных работников. Как правило, чем выше уровень образования работника, тем больше у него шансов устроиться на постоянную работу, о чем свидетельствуют и приводимые ниже данные.

Таблица 2. Доля постоянных и непостоянных работников среди лиц разного уровня образования (% , возрастная когорта 25-30 лет)

Категории работников		Постоянные	Непостоянные
Мужчины	Средняя школа	78,0	22,0
	Профессиональная школа, краткосрочный университет, колледж	80,0	20,0

	Университет, аспирантура	90,3	9,7
Женщины	Средняя школа	40,7	59,3
	Профессиональная школа, краткосрочный университет, колледж	58,6	41,4
	Университет, аспирантура	68,5	31,5

Источник: [10, p. 31]

Что же касается квалификации, то относительно невысокий ее уровень связан с особенностями половозрастного состава этой категории занятых. Так, почти 1/3 непостоянных работников составляют женщины в возрасте от 35 до 54 лет, многие из которых либо вообще прежде не работали, либо были надолго оторваны от работы в силу разного рода обстоятельств (воспитание детей, уход за родственниками и т.д.), а, следовательно, либо не имели, либо утратили необходимую квалификацию. А еще 35 % представлены пожилыми людьми обоих полов (лицами старше 55 лет), чья квалификация все чаще оказывается несоответствующей быстро меняющимся требованиям современной экономики. При этом следует отметить, что японские компании, нанимающие непостоянных работников, весьма сдержанно относятся к возможностям повышения их квалификации на основе внутрифирменного обучения, учитывая сам временный характер их работы. Так, доступ к системе обучения на рабочем месте и к обучению с отрывом от производства имеют 62,2% и 74,2% постоянных работников японских компаний и только 31,1% и 34% непостоянно занятых [8, p.94].

Как отмечалось выше, при крайне неравномерной динамике показатель производительности труда (добавленная стоимость на одного занятого в текущих ценах) за период 1997-2016 гг. в целом вырос на 9,6 %. Однако, средняя заработная плата, хотя и при заметных колебаниях, в тенденции понижалась и за тот же двадцатилетний период снизилась на 4,5% (табл.1).

Этот факт тем более примечателен, что снижение средней заработной платы происходило в условиях низкой безработицы и роста коэффициента эффективного спроса на труд.

Уровень безработицы, который в Японии всегда был существенно ниже, чем в других развитых странах, по данным за декабрь 2017 г. составил 2,7%, а спрос на рабочую силу (без учета «свежих» выпускников учебных заведений) в среднем по стране в 1,5 раза превышает ее предложение (в Токио – в два раза). Особенно высок коэффициент эффективного спроса на труд в гостинично-ресторанном бизнесе (3,56), услугах по уходу (3,21), общественном питании (2,93), на транспорте (2,53), розничной торговле (2,07) [5, p.27. Данные на май 2017 г.].

Почему же на японском рынке труда не действуют рыночные принципы формирования заработной платы?

Прежде всего, это связано с тем, что законы рынка напрямую действуют здесь лишь на части этого рынка – так называемом открытом рынке труда, где основной контингент работников представлен различными категориями непостоянно занятых. На другой его части – закрытом рынке, охватывающем постоянных работников компаний, движение заработной платы и вопросы обеспечения кадрами решаются в рамках общей стратегии развития компании на основе принципов системы управления трудом, известной под названием пожизненного найма. Заполнение рабочих мест здесь происходит на основе внутрифирменного обучения и системы ротаций, а заработная плата устанавливается с учетом целого комплекса характеристик и показателей работника с акцентом на длительность трудового стажа (поэтому она называется повозрастной).

Показатели эффективного спроса на рабочую силу сильно различаются по этим двум рынкам – если на открытом рынке он чрезвычайно высок, то на закрытом – колеблется вокруг 1, т.е. практически уравновешен предложением, что позволяет компаниям ограничивать рост заработной платы. При этом в целях сдерживания роста издержек на труд они не только сократили размеры нового найма на места постоянных работников, но и внесли изменения в систему заработной платы, которые даже при повышении базовой оплаты труда (т.е. при соблюдении принципов пожизненного найма) позволяют ограничивать ее рост.

Так, хотя в большинстве японских компаний определяющую роль в системе заработной платы продолжают играть квалификация и возраст работника, она постепенно эволюционирует в сторону большего акцента на «полезную», т.е. необходимую для данной работы, квалификацию при уменьшении акцента на возраст работника. Особенно четко эта тенденция проявляется в практике выплаты бонусов. Если прежде их размер составлял сумму кратную базовой месячной зарплате, то теперь бонусы состоят из двух частей. Одна часть кратна месячной базовой зарплате, а другая определяется с учетом результатов труда конкретного работника. За счет этих изменений компаниям удается сдерживать рост заработной платы работников старших возрастных групп, который в условиях старения рабочей силы чреват увеличением разрыва между их заработной платой и реальной производительностью.

Все это сказалось и на динамике среднемесячной заработной платы постоянных работников, которая в целом совпадает с динамикой среднего по стране показателя. После незначительного повышения в конце 1990-х годов, наступает длительная полоса стагнации (и даже понижения в отдельные годы), которая лишь в последние несколько лет сменяется оживлением. В результате в 2016 г. среднемесячная заработная плата постоянных работников достигла уровня 2007 г. (412 тыс. иен), но при этом оказалась ниже показателя 2001 г. (419,5 тыс. иен) [1, p.3; 9].

Что касается открытого рынка труда, то в отличие от закрытого рынка здесь влияние рыночного механизма вполне очевидно. С конца 1990-х годов происходит почти непрерывное возрастание заработной платы непостоянных работников, и за период 1999-2016 гг. почасовая оплата работников -мужчин возросла на 10,6% (с 1025 иен до 1134 иен), а женщин – на 18,8% (с 887 иен до 1054 иен) [9]. Но совершенно очевидно, что при существующем спросе на труд ее рост был бы существенно выше, если бы его не ограничивал ряд факторов.

Во-первых, это глубоко укоренившиеся в японском обществе представления о «второсортности» непостоянных работников. Они сложились под влиянием системы пожизненного найма, придавшей высокий статус постоянной занятости, которая

стала ассоциироваться с престижной работой, растущей заработной платой, благополучной и стабильной жизнью. А непостоянная занятость, напротив, стала восприниматься как нечто второсортное, как зона неквалифицированного и дешевого труда. И хотя социальный состав непостоянных работников в последние годы сильно изменился, эти представления оказались весьма живучи. В результате, даже в том случае, если непостоянный работник выполняет ту же работу, что и постоянный, сохраняется значительный – почти двукратный – разрыв в оплате их труда.

Во-вторых, регулирование государством цен в системе здравоохранения и сфере услуг по уходу. В Японии цены на медицинские услуги, лекарства, услуги по уходу устанавливает государство. Они пересматриваются раз в три года и являются едиными для всех профильных учреждений страны. Но поскольку государство несет значительную часть расходов по системе медицинского страхования и системе страхования услуг по долговременному уходу, а в условиях прогрессирующего старения населения абсолютные расходы на эти цели быстро нарастают, оно старается сдерживать (а в отдельные годы даже снижать) стоимость этих услуг. Это приводит к застою в динамике заработной платы даже в условиях острой нехватки рабочей силы [12, с.4-5].

В-третьих, преобладание на этом рынке женщин. Среди непостоянно занятых всех возрастных групп доля женщин составляет почти 68%. Между тем, до сих пор в большинстве японских семей заработок супруги рассматривается лишь как дополнительный источник доходов, а их основу составляет заработок главы семейства. Например, в 2016 г. в среднестатистической японской семье, состоящей из 2,68 чел. и имеющей доход 461,6 тыс. иен в месяц, на заработок мужа приходилось почти 82 % (376,8 тыс. иен), а на заработок жены – лишь 18% (около 46 тыс. иен) [11, table 22-1]. Такое положение связано не только с укоренившимися представлениями о гендерном разделении ролей в семье, но и с особенностями налогового законодательства. Дело в том, что главы семейств лишаются вычетов из налогооблагаемой базы в случае, если годовые доходы их жен превышают определенную сумму (для

одного вида вычетов – 1 млн 30 тыс. иен, для другого – 1млн 300 тыс. иен). Понятно, что эти «стены», как их называют сами японки, сдерживают рост оплаты их труда [12, с.200].

В-четвертых, рост в структуре непостоянной занятости доли работников сферы услуг населению (торговли, гостинично-ресторанного бизнеса, разнообразных бытовых услуг). Эти услуги отличаются высоким качеством, что отмечают все посещающие Японию иностранцы. Это подтвердили и результаты проведенного летом 2017 г. японским Управлением производительности труда анкетирования проживающих в США японцев и проживающих в Японии американцев. И те, и другие отметили, что качество услуг в Японии почти по всем их видам превышает качество американских услуг (сравнения проводились по 28 видам услуг населению) [4, р.45]. Однако в силу жесткой конкуренции высокое качество обеспечивается здесь при относительно низких ценах, что занижает размеры реально создаваемой в этих отраслях добавленной стоимости, а, следовательно, сдерживает и рост оплаты труда.

Как отмечалось выше, в среднем заработная плата непостоянно занятых почти в два раза ниже, чем зарплата постоянных работников. Поэтому резкое возрастание в структуре занятости доли непостоянных работников (с 20% в начале 1990-х годов до почти 38 % в последние годы) является одним из основных факторов, понижающих средние по стране показатели.

Список литературы:

1. Analysis of the Labour Economy 2017// Ministry of Health, Labour and Welfare (www.mhlw.go.jp/)
2. «Chingin jijou». 20.11. 2017, N 2751
3. FDI Outward Stock (www.jetro.go.jp/)
4. Fujita Hiroshi. Roudou seisansei koujou-no giman to hatarakikata kaimei-no kiken (The trap with growth of labor productivity and the danger of labor reforms) // Keizai, 2017, N 12.
5. Goka Kazumichi. Ninte fusoku sita-no koyou to hatarakikata-no hinkon (The employment under the shortage of labor force and the poverty of workers) // Keizai, 2017, N9.
6. JETRO Trade and Investment Report, 2018 (www.jetro.go.jp/)

7. Labor Force Survey 2017 // Statistics Bureau (<http://www.stat.go.jp/english/data/roudou/results/month/index.htm>)
8. Labor Situation in Japan and Its Analysis 2015/2016 // Japan Institute of Labor Policy and Training. Tokyo, 2016.
9. Monthly Labor Survey, 2005-2016//Ministry of Health, Labour and Welfare (www.mhlw.go.jp/)
10. «Nihon roudou kenkyuu dzassi». July 2016, N 672.
11. Nihon toukei nenkan 2018 (www.stat.go.jp/)
12. Ninte fusoku-na-no ni nadze chingin ga agaranai no ka? (Why under the shortage of labor force the wage does not grow?). Ed. by Genda Yuuji. Tokyo, 2017.

Авдаков И.Ю.
Инновационное развитие железнодорожного транспорта
Японии

К.э.н., Ведущий научный сотрудник
Центр энергетических и транспортных исследований
Институт востоковедения РАН
avdakovigor@yandex.ru

Бурное экономическое развитие Японии в 50-х – начале 70-х годов XX столетия заставило весь мир говорить об «экономическом чуде». Из среднеразвитой страны с разрушенным войной хозяйством она превратилась в высокоразвитую индустриальную державу. Перед государством встали новые проблемы, связанные с необходимостью структурной перестройки. Но мировой энергетический кризис 1973–1974 гг. больно ударил по экономике Страны восходящего солнца и, явившись концом двадцатилетнего периода высоких темпов экономического роста Японии, отодвинул время структурной перестройки на 80-е годы. Уже в 1990-е годы экономика страны была вновь охвачена циклическим спадом, из которого она только в начале 2000-х годов начала выходить вплоть до начавшегося мирового кризиса в середине 2008 г. Катастрофические землетрясения и цунами 2011 г. нанесли еще один ощутимый удар по экономике Японии.

Однако, несмотря на спорадически возникающие экономические проблемы, страна довольно эффективно преодолевает их благодаря, в первую очередь, гармоническому взаимодействию государства и бизнеса и инновационному развитию. Вопрос о приоритетах инновационного развития особо остро встал в Японии к началу 70-х годов. Как справедливо отмечает российский специалист в области развития науки и техники Японии Ю.Д. Денисов: «В результате проведенного анализа мировой экономической ситуации, ресурсных возможностей Японии и ее положения в системе мировых хозяйственных связей, Экономический совет Японии сделал вывод: стратегия всеобщего развития, реализуемая в США, когда одновременно уделяется внимание росту практически всех

промышленных отраслей и, следовательно, исключительно широкому комплексу научно-технических направлений, для Японии неприемлема... Наиболее правильным представлялся другой путь – сосредоточить национальные ресурсы на отдельных научных и производственных направлениях, т.е. избрать так называемую селективную стратегию экономического развития, реализуемую на основе тщательно выбранных приоритетов» [4, с. 148-149].

Приоритеты предстояло выделить и в области научно-технического развития на транспорте и в транспортном машиностроении. К этому времени по целому ряду показателей научно-технического уровня развития транспорта Япония догнала, а по отдельным показателям и обогнала экономически развитые страны. Но весь созданный потенциал и ресурсы для дальнейшего развития не были достаточными, чтобы страна могла в равной степени развивать имеющийся транспортный комплекс, стать мировым лидером во всех видах транспортного машиностроения. Поэтому во главу угла транспортной политики Японии стал избирательный подход, предусматривающий выделение основных направлений научно-технического развития и определение тех видов транспорта, которые будут получать приоритетную поддержку государства. На прочих направлениях транспортная стратегия предусматривала заимствование иностранных научно-технических достижений, т.е. приобретение патентов, лицензий, а также закупку готовой техники [2, с. 189].

В соответствии с транспортной стратегией в приоритетные научные направления не были включены научно-исследовательские и конструкторские работы в авиационной промышленности и, соответственно, производство самолетов. Догнать мировой уровень при имеющемся (или вернее отсутствующем) научно-техническом потенциале в области авиационной промышленности представлялось невозможным творцам стратегии развития транспорта и транспортного машиностроения Японии. Они считали, что поднимать производство самолетов и авиационных двигателей с нуля (после Второй мировой войны оккупационные власти его ликвидировали) при ограниченности квалифицированных людских и денежных ресурсов было бы нецелесообразным.

В то же самое время приоритеты в области транспорта (и транспортного машиностроения) были отданы автомобильному, морскому и, главное, железнодорожному транспорту. Действительно, к 1970-м годам, когда была сформирована стратегия приоритетов, уже имелся огромный научно-технический потенциал на железнодорожном транспорте. К этому времени уже были построены первые в мире сверхскоростные железные дороги.

Высокоскоростные железные дороги

Высокоскоростные железные дороги (синкансэн), построенные до 1987 г., принадлежали государственной корпорации «Кокутэцу»¹. Строительство Токайдо синкансэн началось в 1959 г. и к началу Олимпийских игр 1964 г. в Токио первая в мире высокоскоростная линия синкансэн была открыта [5, с. 163].

В 1964 г. максимальная скорость поездов на этой линии была 210 км в час. Так, синкансэн «Кодама» преодолевал расстояние между Токио и Осака за 4 часа, а появившийся в 1965 г. «Хикари» уже за 3 часа 10 минут. С появлением этой линии и усилением конкурентной борьбы за пассажирские перевозки с автомобильным транспортом начались изменения в расписании движения поездов [5, с. 163]. Еще в 1961 г. «Кокутэцу» была вынуждена пересмотреть расписание в связи с вводом в эксплуатацию поездов «Лимитед экспресс» на еще 34 путях, доведя их число до 54. Эти скоростные поезда были весьма комфортабельны: имелись кондиционеры, система резервирования мест и т.д. До появления сверхскоростной линии синкансэн между Токио и Осака функционировало только четыре «Лимитед экспресс» в каждую сторону [1, с. 193].

С самого начала на линии синкансэн стали использоваться 14 двенадцативагонных «Хикари» и 12 таких же «Кодама» ежедневно в направлении туда и обратно. Частота подачи поездов

¹ С 1987 г. они были переданы сперва государственной корпорации «Синкансэн Хою Кико», а в 1991 г. были проданы трем основным железнодорожным компаниям «JR West», «JR East», «JR Central».

увеличилась. Во время Осакинской международной выставки 1970 г. 3 шестнадцативагонных «Хикари» и 6 двенадцативагонных «Кодама» отправлялись ежечасно. По закрытии выставки три «Хикари» и три «Кодама» ежечасно отправлялись на встречных направлениях. Протяженность линии синкансэн росла, увеличивалось число перевозимых пассажиров: со 100 млн человек в июле 1967 г. до 200 млн человек в марте 1969 г. и 300 млн человек к июлю 1970 г. Уже на третий год функционирования этой линии доходы превысили расходы (включая процент на заемный капитал и амортизационные отчисления) [9, с. 9].

Экономический эффект высокоскоростной линии синкансэн Токайдо стимулировал начало строительства 554-километровой линии Санъё, идущей от Осака до Хаката (Фукуока, о. Кюсю). Максимальная скорость движения на этой линии была 260 км в час. Линия проходила по многим тоннелям, в том числе 18,7-километровый тоннель Син Каммон под проливом Каммон. Интерес и спрос на синкансэны возрос во многих районах страны. В результате в 1970 г. был обнародован Закон о национальном развитии сверхскоростных линий синкансэн. В соответствии с этим Законом были построены 497-километровая линия Тохoku синкансэн (Токио–Мориока, север о. Хонсю) и 270-километровая линия Дзёэцу, идущая от станции «Омия» (30 км к северу от Токио) до Ниигаты (побережье Японского моря). По закону всего предполагалось построить 7000 км путей таких линий, включая уже построенные Токайдо и Санъё [11, с. 31]. Но все построенные линии, кроме Токайдо и Санъё, были нерентабельны. Строительство некоторых из линий приостановилось. Тем не менее создание сети синкансэн было революционным переворотом в железнодорожном транспорте Японии, повлиявшем впоследствии на развитие железнодорожных пассажирских перевозок в Европе, а затем и Азии. Большая заслуга в этом достижении XX в. принадлежит руководству и инженерам «Кокутэцу» [7, с. 209].

Структура путей скоростных железных дорог, построенных после Токайдо, отличается от структуры путей первой скоростной дороги. Если рельсы на дороге Токайдо укладывались на земляных насыпях, то основная часть рельс синкансэнов Санъё, Тохoku и Дзёэцу – на железнодорожных

виадуках и мостах.

Причиной такого отличия явилось то, что строительство насыпных путей было в 1960-х годах экономически более выгодным делом, так как себестоимость их содержания и ремонта была невысока из-за низкой стоимости рабочей силы. Кроме того, пути изнашивались не так интенсивно в те времена, как позже, когда поезда двигались на ещё большей скорости с меньшим интервалом. Но, главное, проектировщиками не была учтена вероятность крупных землетрясений, цунами и других стихийных бедствий, которые до основания разрушали земляные насыпи (даже укрепленные бетоном) и могли привести к многочисленным жертвам и разрушениям.

Крупное землетрясение 1995 г. в районе г. Кобэ выявило необходимость повсеместной замены земляных насыпей геосинтетическими железобетонными каркасами, заполнявшимися землей на тех отрезках пути, которые состояли из земляных насыпей.

Помимо значительно меньшей сейсмостойкости насыпных путей (даже усиленных бетонными балками) по сравнению с геосинтетическими структурами, первые занимают большую площадь, так как поднять и удержать землю в вертикальном положении было практически невозможно. Напротив, при использовании высокополимерных геосинтетических плит, на которые насыпается земля, и железобетонных стен всё сооружение удерживается в вертикальном положении. Эта конструкция предусматривает систему дренажа, что также препятствует разрушению полотна от ливней и затоплений².

² Опыт Японии в области строительства высокоскоростных магистралей (ВСМ) имеет важное значение для России, особенно в связи с широко озвученным в 1918 г. проектом ВСМ Москва – Пекин. Предполагается, что он станет самым скоростным маршрутом «Нового Шелкового пути» и позволит в долгосрочной перспективе связать экономическое пространство России, Китая и Европы высокоскоростными транспортными артериями [4, 36]. Японский опыт показывает, что успешно функционировать, особенно при большом пассажирообороте и тем более грузообороте, ВСМ могут не только (и не столько) от наличия высокоскоростного подвижного состава, но и от типа самих путей, при учете климатогеографических особенностей региона.

Замена классических насыпей геосинтетическими железобетонными конструкциями после крупных землетрясений 1995 г. и 2003 г. на Токайдо, Санъё, Тохоку и других синкансэн способствовала усилению сейсмостойкости и препятствовала разрушению линий синкансэн от затяжных проливных дождей и других природных неблагоприятных явлений [10 с. 87].

За исключением Токайдо другие линии синкансэн проходят преимущественно по виадукам и мостам, которые строились по самым современным технологиям. Основу их составляют железобетонные конструкции, выдерживающие максимальные магнитуды землетрясений, цунами, проливные затяжные дожди, затопления и прочие природные катаклизмы. Но и на этих дорогах в большинстве мест, где были насыпные участки пути, они были заменены.

По этим причинам, а также благодаря ряду других технических усовершенствований, скоростная железная дорога Тохоку была в целом готова к противостоянию крупному землетрясению и цунами в марте-апреле 2011 г. Первый толчок магнитудой свыше 9 баллов произошёл 11 марта в 2 часа 46 минут. Эпицентр землетрясения находился в 200 километрах от побережья и был шириной 500 километров вдоль побережья. Северо-восточное побережье острова Хонсю было накрыто волнами цунами. Местами волны достигали 30 м в высоту и проходили до 10 километров вглубь территории.

Волна смела огромное число обычных железных дорог и станций во многих прибрежных районах. Всего землетрясением и цунами было разрушено 1100 столбов и кабелей электропередачи, поломано 100 опор мостов, 5 станций и других объектов инфраструктуры обычных железных дорог. Имелись и человеческие жертвы среди персонала и пассажиров.

Однако ущерб, нанесенный сверхскоростной железной дороге Тохоку, был значительно меньше. Во-первых, синкансэн Тохоку проходит в значительной удаленности от береговой линии (за исключением зоны бедствия вокруг г. Сэндай) и разрушительная сила волны была значительно ослаблена. Во-вторых, ущерб был бы неизмеримо большим, если бы пути не состояли из особо прочных конструкций. Созданная японским Обществом гражданских инженеров совместная комиссия

специалистов по бетону и инженеров-строителей, обследовавшая состояние высокоскоростной железной дороги, отметила, что «уровень повреждений строительных сооружений был незначительным относительно сейсмической интенсивности» [10, с. 87]. В-третьих, в самом начале землетрясения чётко сработала система предварительного оповещения землетрясений, предупредившая руководство и персонал железнодорожной компании «JR East», которой принадлежит синкансэн «Тохоку», о сильном землетрясении и таким образом предотвратившая крушение высокоскоростных поездов и гибель пассажиров и персонала компании. Всего «JR East» имеет 97 пунктов раннего оповещения, рассеянных по территории Северо-восточной Японии, включая мелкие острова. Если сейсмограф фиксирует высокую магнитуду землетрясения, то прекращается подача электричества и включается система экстренного торможения поездов. В начале землетрясения 2011 г. сейсмограф на о. Кинкасан первым зафиксировал сильный толчок магнитудой в 9 баллов. Уже через 3 секунды включилась система экстренного торможения, а через одну минуту и 7 секунд после первого толчка почти все из 26 поездов на линии Тохоку, из которых многие шли со скоростью 275 километров в час, были полностью остановлены [10, с. 85].

Тем не менее, первая оценка прямого ущерба от землетрясения, нанесенного всем железным дорогам Северо-восточной Японии, показала, что бóльшую часть обычных железных дорог предстоит восстанавливать или строить заново. Восстановлению подлежали и некоторые участки синкансэна Тохоку.

Восстановление железнодорожной магистрали и локальных железных дорог Северо-востока Японии было осложнено огромными масштабами разрушения от разгула стихии. Самым серьезным образом пострадали те подразделения инфраструктуры региона Тохоку, от которых зависели сроки проведения ремонтных работ: были повреждены электростанции, бензоколонки, водопроводы, автодороги, станции сотовой связи и т.д. Была затруднена доставка цемента и стройматериалов. Пострадала и социальная инфраструктура: многие инженеры-строители, инженеры путей сообщения, рабочие-путейцы

лишились жилья (всего в р-не Тохоку было разрушено около полмиллиона жилых домов). Цунами и землетрясением было сметено около 15 тысяч больниц и других зданий социального назначения.

И всё же, даже несмотря на нехватку собственных запасов «JR East», поставки электроэнергии, горючего, топлива, цемента были скоро восстановлены. На помощь пришли железнодорожные компании «JR Central» и «JR West», входившие до приватизации 1987 г. в государственную корпорацию «Кокутэцу». Помощь в доставке горючего и цемента оказали и крупные частные железнодорожные компании «Кэйкю» и «Ниси-Ниппон Рейлруд», имеющие такую же ширину колеи, как и синкансэн Тохоку.

Землетрясения и цунами поставили перед руководством железных дорог, инженерно-строительным кадрами и персоналом других инфраструктурных подразделений экономики важные задачи. Во-первых, стало очевидным, что обычные железные дороги необходимо строить с максимальным запасом прочности, приближенным по своим технико-экономическим параметрам к высокоскоростным дорогам. Такое строительство потребует, с одной стороны, огромных капиталовложений, но, с другой, будет способствовать увеличению занятости, росту спроса на стройматериалы, началу строительного бума и, в конечном итоге, ускорению развития экономики.

Во-вторых, предварительное обследование и начальная стадия восстановления скоростной железной дороги со всей убедительностью показали ненадёжность системы электро- и водоснабжения, трудности доставки стройматериалов в чрезвычайных обстоятельствах. Собственных запасов энергии и воды было недостаточно, а альтернативные способы доставки неэффективны. В то же самое время человеческий фактор, а именно самоотверженная и слаженная работа руководства, инженеров, рабочих; своевременная помощь со стороны руководства приватизированных компаний группы «JR», частных железнодорожных компаний и их филиалов, властей префектур и муниципалитетов; помогли справиться с трудностями быстрее, чем ожидалось. Совершенствование систем энергоснабжения,

водоподачи, доставки стройматериалов в экстремальных условиях – важнейшая задача, стоящая перед японскими специалистами.

В-третьих, стало очевидным, что сила цунами может быть настолько велика, что прежние технические сооружения и средства предотвращения катастрофических разрушений недостаточно мощны и не в полной мере отвечают требованиям времени. Необходима консолидация научных усилий национальных ученых-физиков, инженеров-строителей; использование творческого потенциала специалистов всего мира для осуществления инновационных проектов в области предотвращения столь разрушительных последствий этого стихийного бедствия. Уже сейчас предложено много проектов, которые должны решить задачу ослабления последствий цунами посредством нового строительства. Это и строительство мощной системы волноломов вдоль всего тихоокеанского побережья, и новое строительство железных дорог в дали от побережья с их поднятием на горные склоны, и строительство более высоких виадуков и геосинтетических конструкций. Но пока нет консолидированного мнения ученых и инженеров о путях решения столь жизненно важной проблемы руководство государственных и частных компаний не спешит со строительством, тщательно выбирая наиболее удачные из проектов [8, с. 598].

Перспективы

В начале XXI в. высокоскоростная пассажирская железная дорога была проведена на четвертый крупный остров Японии – Хоккайдо. Он соединен с островом Хонсю самым протяженным в мире подводным тоннелем – Сейкан (64 км). Японцы уже приступили к строительству самой длинной в мире железной дороги системы «маглев» (поезда на магнитной подвеске двигаются, не касаясь рельс). Линия свяжет Токио и Нагоя (286 км), а путь займет всего 40 минут. К 2027 г. её продлят до Осака (550 км от Токио). Частично строительство должно окупиться за счет продажи японской технологии «маглев» США.

Японская система скоростных поездов на магнитной подвеске (JR Maglev), разработанная японским Институтом

железнодорожной техники в 1970-х годах, изначально была рассчитана на движение со скоростью 300 км/час. JR Maglev использует подвеску на сверхпроводящих магнитах (EDS), установленных на поезде и специальных электропроводниках, по форме напоминающих цифру «8», установленных на трассе. В отличие от немецкой системы (действующая линия от Шанхая до международного аэропорта Пудун в КНР). JR Maglev не использует схему монорельса, и поезда движутся в канале между магнитами. Кроме того, в отличие от электромагнитной подвески немецкого образца, поездам, созданным по японской технологии, требуются дополнительные колёса при движении на малых скоростях (до 150 км/час). Поезда такого типа могут использоваться при внутригородском движении. При достижении более высокой скорости колёса отделяются от земли, и поезд буквально летит на расстоянии нескольких сантиметров от поверхности [14, с. 157-163]. Безопасность движения предусматривает то, что в случае аварии колёса позволяют осуществить более мягкую посадку. Но японская технология «проигрывает» немецкой по стоимости строительства и эксплуатации.

Хотя японская технология «маглев» задумывалась не как сверхскоростная (для наземного транспорта), в последующие годы она была модифицирована. 15 апреля 2015 г. на испытательном участке в префектуре Ямагаси опытный состав установил абсолютный рекорд скорости для железных дорог – 603 км/час.

В области пассажирского железнодорожного транспорта японские инженеры сделали новый серьёзный технологический прорыв, что сказывается на резком увеличении конкурентоспособности их железнодорожной отрасли на международном рынке.

Если в XX в. Япония была вне конкуренции, то уже в первой четверти XXI в. ее все активнее теснит Китай на азиатском рынке. Поднебесная обогнала Японию по протяженности внутренних скоростных дорог и продолжает наращивать темпы нового железнодорожного строительства у себя дома. При этом, переходя от импорта немецкой техники и технологии к отечественной, КНР достигла больших успехов в создании собственной модели скоростного движения.

Особо обостряется конкурентная борьба за строительство скоростных железнодорожных линий на рынках крупных азиатских стран. Если Япония завоевала основные позиции в области строительства скоростных железных дорог в Индии, то в Индонезии ожесточенная конкурентная борьба между Японией и КНР только разворачивается. Бесспорно, что создание протяженной железной дороги на магнитной подушке «маглев» окажет значительный демонстрационный эффект и создаст дополнительные преимущества в ходе конкурентной борьбы с Китаем на рынках других крупных азиатских стран.

Иная ситуация складывается в области грузового железнодорожного транспорта Японии. Пройдя стадию расцвета в период экономического чуда 1960 – 70-х годов, он утратил своё бывшее значение в обеспечении грузовых перевозок внутри страны [6, с. 219]. Причиной этого стала не только обострившаяся конкуренция со стороны автодорожного транспорта и прибрежного судоходства, но и контейнеризация многих грузов. Конечно, в ходе реализации плана «Нью фрейт-21» было сделано много в деле технического перевооружения основной грузовой железнодорожной кампании «Нихон Камоцу Тэцудо», но этого оказалось недостаточным. Объем перевозок насыпных и наливных грузов и грузооборот на железнодорожном транспорте уменьшались и относительно, и абсолютно, а контейнеров – стагнировало [1, 121-138].

Возрождение грузового железнодорожного транспорта Японии видится на путях расширения перевозок внешнеторговых грузов. Прорывными явятся так называемый Северо-Японский железнодорожный транспортный коридор. Согласно этому проекту предполагается соединить сеть железных дорог Японии с общеевропейской сетью железных дорог через порт Вакканай (о. Хоккайдо) и порт Корсаков (о. Сахалин), где будет проложен туннель под проливом Лаперуза (возможно, мост над ним) и Ванино – Холмск (о. Сахалин), где проектируется тоннель под Татарским проливом. Этот проект транспортного коридора между Японией и Европой японцы рассматривают наряду с планом создания железнодорожного сообщения между портом Симоносэки и портом Пусан (Южная Корея). Железнодорожный транспортный коридор как альтернатива морскому транспортному

пути из Азии в Европу будет способствовать увеличению эффективности транспортировки грузов между Японией и Европой [3, с. 53].

С открытием Северо-Японского железнодорожного транспортного моста воплотится в жизнь одно из предвидений видного американского ученого и политического деятеля Ляруша о ключевой роли железнодорожных транспортных коридоров, и в том числе между Японией и материковой частью Азии, в обеспечении экономических связей между «полюсами роста» в Европе и Азии.

Список литературы:

1. Авдаков И.Ю. *Железные дороги Японии от вестернизации до глобализации*. М., Институт востоковедения РАН. 2012.
2. Авдаков И.Ю. Транспорт Японии: особенности стратегии инновационного развития. *История и современность* № 2, 2012.
3. Авдаков И.Ю. Японский железнодорожный транспорт: настоящее и будущее. *Восточная аналитика*. № 1-2. 2017.
4. Денисов Ю.Д. Стратегия инновационного развития экономики Японии. Япония. Ежегодник 2008. М., Институт востоковедения РАН. 2008.
5. Молодякова Э.В., Маркарян, С.Б. *Японское общество: книга перемен*. М., Институт востоковедения РАН. 1966.
6. Саакян Ю.З., Трудов О.Г., Савчук В.Б. *Мировой опыт реформирования железных дорог*. М., Институт проблем естественных монополий. 2000.
7. Тимонина И.Л. Общественное предпринимательство и реорганизация общественного сектора. В: Лебедева, И.П., Тимонина И.Л. (ред.). *Экономика Японии. Учебное пособие*. М., Восточная литература. 2008.
8. Awdakov Igor I. Rozwicie zeleznych dorog stran Jewrazii i rol' zeleznodoroznych kompanij Japonii w sozdanii infrastruktury turisma, byta i kultury. В: Tadeusz Jemiolo (red.), *Homo Viator /Pozprawy o turystyce*. Warszawa, Alma Mer. Szkoła Wyższa. 2011.
9. Toshiiji Takatsu. The History and Future of High-Speed Railways

- in Japan. *Japan Railway and Transport Review*. № 48. 2007.
10. Umehara Jun. Resuming Railway Operations after the Earthquake. *Japan Echo Web August – September*. 2011.
 11. Тэцудо Токэй Нэмпо. Токио, Министерство транспорта. 1999.
 12. Ун,ю Кэйдзай Токэй Ёран. Токио, Министерство земли, инфраструктуры и транспорта. 2011.
 13. Railway's B: Japan. An Illustrated Encyclopedia. Tokyo, Kodansha. 1993.
 14. Japanese Railway Technology Today. Tokyo, Railway Technical Research Institute, East Japan Railway Culture Foundation. 2001.

Цветкова Н. Н.
Страны Востока: экспорт компьютерных услуг и
производство добавленной стоимости

К.э.н., Ведущий научный сотрудник
Центр исследования общих проблем современного Востока
Институт востоковедения РАН
vladtsvetkov@mail.ru

Ряд стран Востока успешно включился в информационно-коммуникационную революцию: эти страны, прежде всего Индия, стали развивать аутсорсинг ИТ-услуг¹. Объектом международного аутсорсинга и офшоринга услуг, связанных с ИТ, являются прежде всего компьютерные услуги. Согласно Классификации услуг (Стандартной классификации продуктов, Standard Product Classification, CPC) ВТО, компьютерные услуги включают в себя консультационные услуги; услуги, связанные с программным обеспечением (ПО), — разработку ПО, приложений к ПО; работу с базами данных, системный анализ, управление проектом, техническую координацию и определение системной архитектуры; услуги по системному дизайну; тестирование ПО, подготовку технической документации по ПО, обновление документации по использованию ПО; перекодирование; услуги по обработке информации и т. д.².

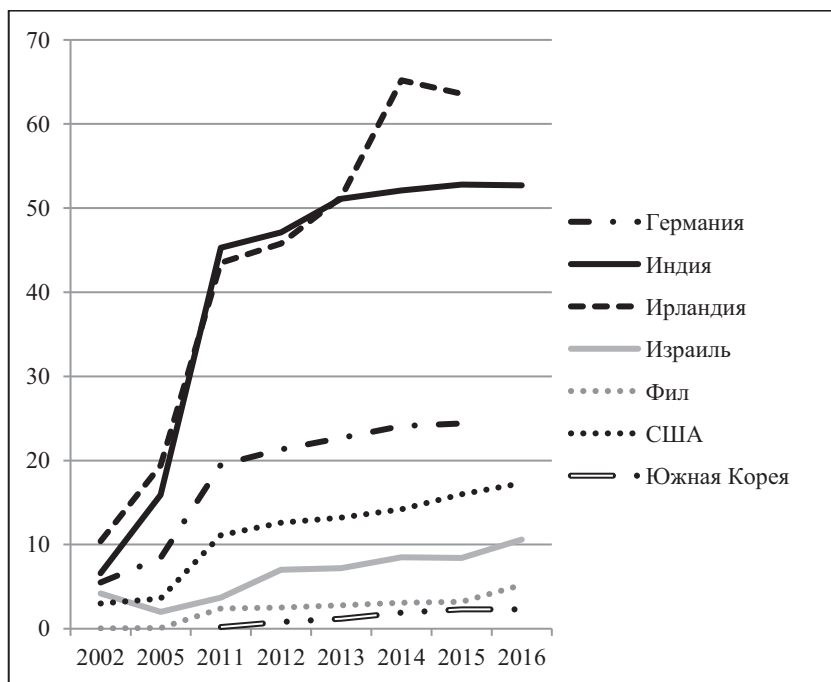
Если Китай, Гонконг (КНР), Сингапур, Республика Корея, Тайвань и Малайзия специализируются в МРТ прежде всего как производители товаров ИКТ, то Индия нашла себе другую нишу в глобальной системе, став одним из ведущих мировых экспортеров компьютерных услуг и услуг по аутсорсингу бизнес-процессов (БПО). В 2000 г. крупнейшими экспортерами компьютерных и информационных услуг были развитые страны: США (первое место, 15,1% экспорта), Ирландия (12,0%), Великобритания (9,4%), Израиль был четвертым (9,2%). Уже тогда Индия занимала

¹ См. подр.: Цветкова Н.Н. Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг. – М.: ИВ РАН; издатель Воробьев А.В., 2016. С. 85– 143.

² Information Economy Report 2006. P. 114.

пятое место с вполне весомой долей мирового экспорта (9,0%). С середины 2000-х гг. Индия наряду с Ирландией является одним из двух мировых лидеров по экспорту компьютерных и информационных услуг³.

Рисунок 1. Ведущие экспортеры компьютерных услуг, 2002–2016 гг., млрд долл. (по данным ВТО)



Источник: Trade in commercial services, 1980-2013 (BPM5). URL: <http://stat.wto.org/StatisticalProgram/WSDBViewData.aspx?Language=E>; Trade in commercial services, 2005-onwards (BPM6). URL: <http://stat.wto.org/StatisticalProgram/WSDBViewData.aspx?Language=E> (дата обращения: 2.03.2018).

³ Цветкова Н.Н. Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг. – М.: ИВ РАН; издатель Воробьев А.В., 2016. С. 91.

В 2015 г., по сведениям из статистической базы данных ВТО, экспорт компьютерных услуг из Индии достиг 52,8 млрд долл., ее опережала только Ирландия (63,6 млрд долл.). Германия и США, занимавшие третье и четвертое места, существенно отставали от обеих стран по объему экспорта (24,4 млрд долл. и 17,3 млрд долл.). В 2016 г. экспорт компьютерных услуг из Индии остался практически на том же уровне, что и в 2015 г., — 52,7 млрд долл. В 2013–2016 гг. увеличили свой экспорт Филиппины — с 2,8 млрд до 5,2 млрд долл. Экспортируют компьютерные услуги Южная Корея, Малайзия, Сингапур. Мировой экспорт компьютерных услуг в 2015 г. оценивался в 333,7 млрд долл., в 2016 г. — в 353,1 млрд долл.⁴, соответственно доля Индии в мировом экспорте составляла 15,8% и 14,9%.

В число ведущих экспортеров компьютерных услуг входит и Китай, но данные по этому экспорту в базе данных ВТО отсутствуют, а база данных ЮНКТАД в последние годы публикует только общие сведения по компьютерным и телекоммуникационным услугам (последний вид услуг экспортирует большее число стран и в большом объеме). На 2013 г. экспорт компьютерных услуг из КНР оценивался в 15,4 млрд долл. (шестое место в мире)⁵. Однако производство компьютерных услуг в Китае ориентировано преимущественно на внутренний рынок, в отличие от Индии, для которой характерна ярко выраженная ориентация этой отрасли сферы услуг на экспорт.

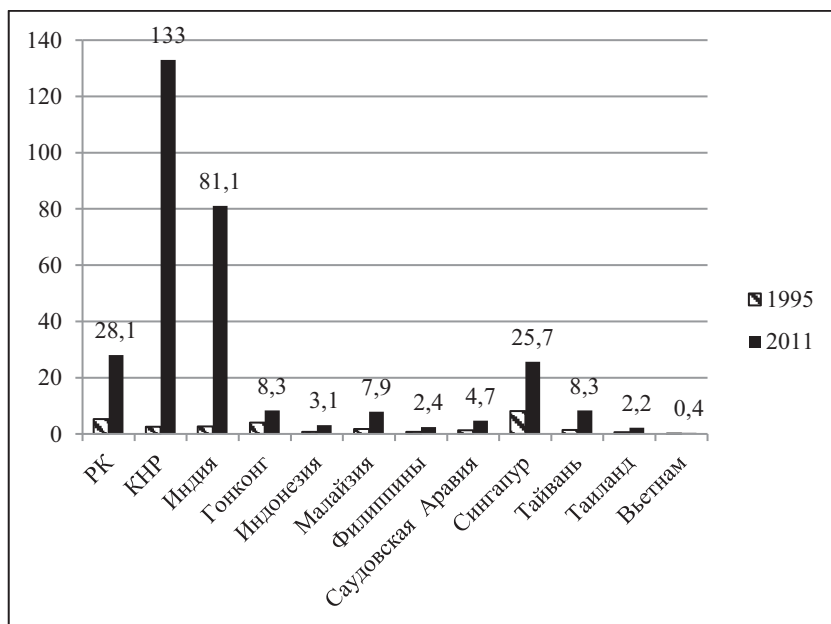
По валовому объему производства компьютерных услуг в 2011 г., по данным ОЭСР, несомненным лидером были США (421,5 млрд долл.), на втором месте находилась Япония (195,9 млрд долл.). Третьим был Китай, где валовой объем производства компьютерных услуг достиг 133 млрд долл. Уже после него шли такие постиндустриальные страны, как Франция (106 млрд долл.), Великобритания (104,7 млрд долл.), Германия

⁴ Information Economy 2017. UNCTAD. N.Y. – Gen., 2017. P. 30.

⁵ Составлено по: Services (BPM5): Exports and imports by service-category, value, shares and growth, annual, 1980–2013. <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx?ReportId=17629> (дата обращения: 12.04.2015).

(94,1 млрд долл.). Индия занимала седьмое место в мире (81,1 млрд долл.).

Рисунок 2. Страны Востока: валовой объем производства компьютерных услуг (включая иностранную добавленную стоимость), 1995, 2011 гг., млрд долл.

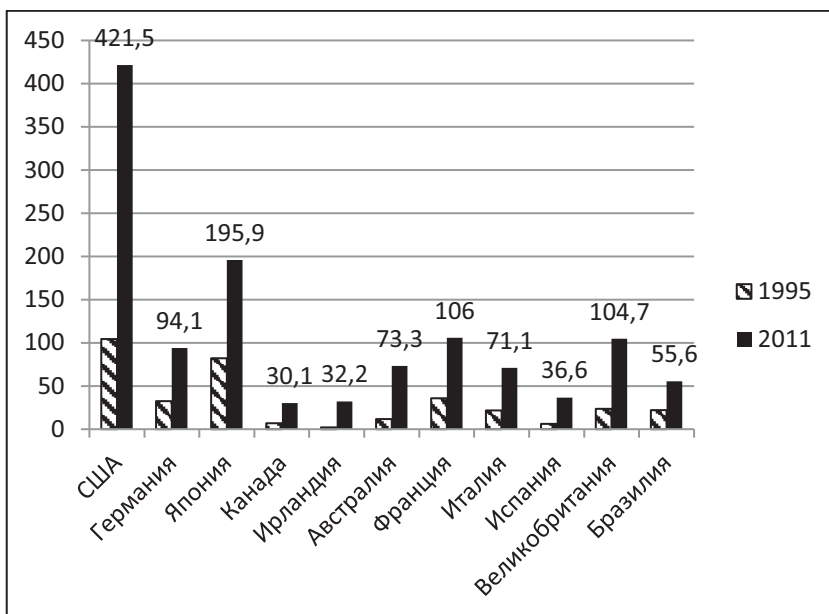


Источник: Trade in Value Added (TiVA) – October 2015. OECD. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA2015_C1 (дата обращения: 12.02.2018).

В первую десятку входили Австралия, Италия, Бразилия. В этих странах, за исключением Индии, производство компьютерных услуг было ориентировано преимущественно на внутренний рынок, как и в Республике Корея (28,1 млрд долл.). Ирландия (лидер по экспорту) занимала только 12-е место после Испании, на экспорт шли почти все произведенные в стране компьютерные услуги, причем в стоимости экспорта была весьма велика доля иностранной добавленной стоимости. Высоким был

объем созданной в отрасли добавленной стоимости в Сингапуре (см. рис. 2,3,4, табл. 2).

Рисунок 3. Валовой объем производства компьютерных услуг (включая иностранную добавленную стоимость), 1995, 2011 гг. (млрд долл.).

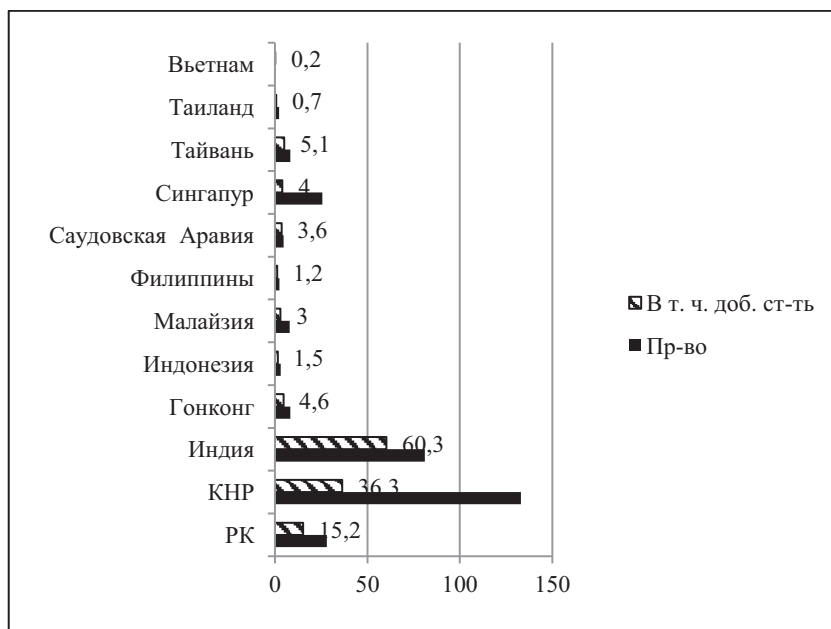


Источник: см. источники к рис. 2.

Если говорить о созданной в стране добавленной стоимости в производстве компьютерных услуг, а именно этот показатель учитывается при подсчете ВВП, то лидерами были США и Япония: соответственно 261,7 млрд и 130,3 млрд долл. За ними шли Великобритания, Франция и Германия. Шестой была Индия (60,3 млрд долл.), доля в валовом объеме производства компьютерных услуг созданной в стране добавленной стоимости была очень высокой (около $\frac{3}{4}$). Китай уступал по объему созданной в отрасли добавленной стоимости Австралии и Италии, в нем в производстве компьютерных услуг доля созданной в

стране добавленной стоимости была невелика (27,2%) (см. рис. 4,5, табл. 1).

Рисунок 4. Страны Востока: валовой объем производства компьютерных услуг и созданная в стране добавленная стоимость, 2011 г., млрд долл.

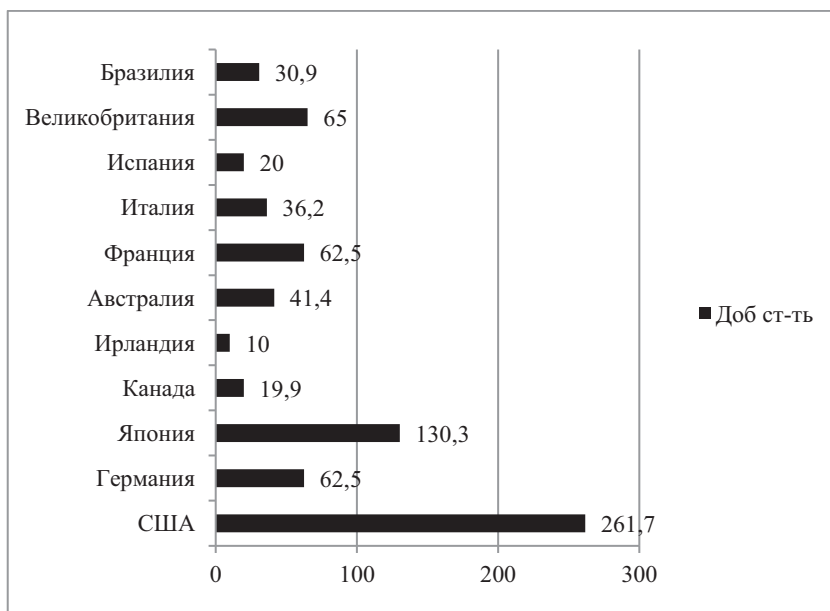


Источник: см. источники к рис. 2.

По данным обо всех услугах ИКТ (с весьма весомой долей телекоммуникационных услуг), в 2015 г. объем добавленной стоимости, созданной в услугах ИКТ, в США достиг 1 трлн 106 млрд долл., в Евросоюзе — 697 млрд долл., в Китае — 284 млрд долл., в Японии — 223 млрд долл., в Индии — 92 млрд долл. в Республике Корея — 48 млрд долл., а в всего в мире — 3223 млрд долл., 4,3 % мирового ВВП⁶.

⁶ Information Economy 2017. UNCTAD, N.Y. – Gen., 2017. P. 23.

Рисунок 5. Производство компьютерных услуг: созданная в странах добавленная стоимость, 2011 г., млрд долл.



Источник: см. источники к рис. 2.

Ведущими экспортерами компьютерных услуг и компьютерного, электронного, оптического оборудования являются в Азии не одни и те же страны. Однако можно отметить следующую черту: у стран - ведущих экспортеров компьютерных услуг, в частности у Индии, доля созданной в стране добавленной стоимости в валовом объеме производства этих услуг была высокой (74,3%), а доля иностранной добавленной стоимости в экспорте этих услуг – очень низкой (7,5%) (см. табл. 1). Индия преимущественно экспортировала не чужую добавленную стоимость, а созданную в стране (в основном трудом ее ИТ-специалистов) добавленную стоимость. И при одинаковом объеме

экспорта услуг или электроники более заметным был вклад в ВВП компьютерных услуг.

Таблица 1. Производство компьютерных услуг: доля иностранной добавленной стоимости в экспорте и доля созданной в стране добавленной стоимости в валовом объеме производства, 2011 г. (%)

	Доля созданной в стране добавленной стоимости в валовом объеме производства	Доля иностранной добавленной стоимости в экспорте
РК	...	17,3
КНР	27,2	15,4
Индия	74,3	7,5
Гонконг	55,2	14,8
Индонезия	49,5	12,3
Малайзия	37,9	17,4
Филиппины	50,7	24,0
Сингапур	15,5	49,0
Тайвань	61,8	16,1
Таиланд	33,7	16,5
США	62,0	5,5
Германия	66,5	10,4
Япония	66,5	3,9
Канада	66,2	6,0
Ирландия	31,2	51,8

Источник: см. источники к рис. 2.

При развитии сборочных, ориентированных на экспорт производств электронной промышленности нередко в стране осуществляется сборка продукции на основе импортированных компонентов, доля добавленной в этой стране стоимости в экспорте невелика. Доля иностранной добавленной стоимости в экспорте компьютерного, электронного, оптического оборудования в 2011 г. достигала у Вьетнама 70,4%, у Малайзии — 66,8%, у Таиланда — 65,3%, у Китая — 55,0%. У тех же стран доля иностранной добавленной стоимости в экспорте компьютерных услуг была заметно ниже: 17,4% — у Малайзии,

16,5% — у Таиланда, 15,4% — у Китая (см. табл. 2). При прочих равных условиях, при одинаковом объеме экспорта услуг или экспорта электронных изделий соответственно более заметным был вклад в ВВП компьютерных услуг. Тем не менее, не стоит соглашаться с теми авторами, которые утверждают, что включение страны в ГЦС при развитии трудоемких производств не способствует ее устойчивому экономическому росту. Авторы из Высшей школы экономики Т. Мешкова и Е. Моисеичев заявляют, что «высокие темпы экономического роста в ряде развивающихся стран, как правило, связаны с углублением их вовлеченности в ГЦС за счет использования импортных компонентов и материалов в производстве продукции, в том числе идущей на экспорт. Носящий экстенсивный характер, в удельном выражении такой рост остается малоэффективным»⁷. Однако хуже положение у тех стран, которые не смогли включиться в ГЦС.

Таблица 2. Производство компьютерного, электронного, оптического оборудования: доля созданной в стране добавленной стоимости в валовом объеме производства и доля иностранной добавленной стоимости в экспорте, 2011 г. (%)

	Доля созданной в стране добавленной стоимости в валовом объеме производства	Доля иностранной добавленной стоимости в экспорте
РК	22,7	42,2
КНР	15,1	55,0
Гонконг	32,5	44,5
Малайзия	16,4	66,8
Филиппины	29,3	28,5
Сингапур	20,6	40,1
Тайвань	25,8	44,6
Таиланд	15,3	65,3
Вьетнам	13,7	70,4

Источник: см. источники к рис. 2.

⁷ Мешкова Т., Моисеичев Е. Анализ глобальных цепочек создания стоимости: возможности Форсайт-исследований// Форсайт. 2016. Т. 1, № 10. С. 70.

Объем экспорта компьютерного оборудования из Китая настолько велик (38,7% мирового экспорта, 184 млрд долл. в 2015 г.), общий экспорт товаров ИКТ (компьютерного, телекоммуникационного оборудования, потребительской электроники, электронных компонентов) из Китая в 2015 г. превышал 600 млрд долл., мировой экспорт составил почти 2 трлн долл.⁸. Вклад отрасли в ВВП, даже при высокой доле иностранной добавленной стоимости в экспорте, весьма значителен. Кроме того, отрасли претерпевают эволюцию, меняется и положение стран в ГЦС, и уровень иностранной добавленной стоимости в экспорте (в Китае, в 2005–2011 г. в электронике он заметно сократился). Некоторые цепочки стоимости трансформировались из глобальных в региональные и даже локальные. В странах Востока растет доля в производстве продукции собственных брендов.

Сегодня производство компьютерных услуг испытывает на себе вызовы новых трудосберегающих технологий: это не столько роботы, сколько программы и приложения к программному обеспечению, которые снижают потребность в кадрах для выполнения ряда работ. Международная консалтинговая компания AT Kearney с интервалом в два–три года публикует аналитические доклады о состоянии сферы ИТ-услуг. Эксперты AT Kearney в 2014 г. выделили три этапа в развитии ИТ-услуг и БПО. Первый этап — офшоринг, с начала 2000-х гг.; второй — аутсорсинг, с середины 2000-х гг. Третий этап, с середины 2010-х гг., — автоматизация и роботизация⁹. При автоматизации целого ряда процессов (например, тестирования программного обеспечения) исчезает потребность в их аутсорсинге в страны с дешевой рабочей силой.

⁸ Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2015. Information Economy. [http://unctadstat.unctad.org/wds/](http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx=15850) TableViewer/tableView.aspx=15850 (дата обращения: 2.02.2018).

⁹ The 2014 A.T. Kearney Global Services Location Index. A Wealth of Choices From Anywhere on Earth to No Location at All // [_files_location_index.pdf](#). P. 1.

Однако страны Востока и их ТНК активно ищут и находят ответы на вызовы автоматизации и роботизации. Вот лишь один из примеров. NASSCOM (Индийская Национальная ассоциация компаний сферы ИТ-услуг), совместно с Советом по повышению квалификации в секторе услуг ИТ и услуг обеспеченных ИТ (IT-ITES Sector Skills Council) в рамках проекта «Будущие профессии» проводила серию встреч/совещаний с группами из фирм — членов организации, по проблемам операционной работы, тренингов, кадровой работы. «Будущее рабочих мест в 2022 г. будет определяться такими факторами, как изменения в глобализации, демографические факторы и распространение технологий Индустрии 4.0. В секторе услуг ИТ – БПМ (менеджмент бизнес-процессов) возникнет спрос на такие профессии, как аналитик данных, кибер-детектив, эксперт по искусственному интеллекту или по Интернету вещей, специалисты по анализу опыта пользователей, менеджеры по взаимодействию кибер-устройств с людьми, моделировщики автоматизации бизнес-процессов, эксперты по тренингам для роботов/ботов». Наряду с этим рекомендуется предоставлять льготы трудоемким отраслям промышленности: швейной, текстильной промышленности, сборочным производствам электронной промышленности, жилищному строительству, которые отличаются высокой эластичностью по использованию рабочей силы, с тем чтобы рост занятости в них смягчил неблагоприятные последствия от распространения автоматизации в других отраслях¹⁰. (Вообще-то для этих отраслей уже существуют технологии по автоматизации производства).

Следует отметить, что производство ИТ-услуг наряду с производством товаров ИКТ составляет костяк, «ядро», цифровой экономики¹¹. И если оборудование страна может ввозить, то ряд ИТ-услуг должен производиться локально, «на месте». Спрос на эти услуги на внутреннем рынке сохранится и при сокращении спроса на аутсорсинг.

¹⁰ Envisioning the Future of Jobs // NASSCOM. Newslines. 2017, August. P. 3-4.

¹¹ Information Economy 2017. UNCTAD, N.Y. – Gen., 2017. P. 4.

Список литературы:

1. Мешкова Т., Моисеичев Е. Анализ глобальных цепочек создания стоимости: возможности Форсайт-исследований // Форсайт. 2016. Т. 1, № 10. С. 69–82.
2. Цветкова Н.Н. Информационно-коммуникационные технологии в странах Востока: производство товаров ИКТ и ИТ-услуг. М.: ИВ РАН; издатель Воробьев А.В., 2016. –228 с.
3. Bilateral trade flows by ICT goods categories, annual, 2000–2015. Information Economy. <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableView/tableView.aspx=15850> (дата обращения: 2.02.2018).
4. Envisioning the Future of Jobs // NASSCOM. Newslines. 2017, August.
5. Information Economy 2006. UNCTAD. N.Y. – Gen., 2006.
6. Information Economy 2017. UNCTAD. N.Y. – Gen., 2017.
7. The 2014 A.T. Kearney Global Services Location Index. A Wealth of Choices From Anywhere on Earth to No Location at All //URL._files_location_index.pdf.
8. Trade in commercial services, 2005-onwards (BPM6)/ URL. <http://stat.wto.org/StatisticalProgram/WSDbViewData.aspx?Language=E> (дата обращения: 1.03.2018).
9. Trade in Value Added (TiVA) – October 2015. OECD. URL: https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA2015_C1 (дата обращения: 12.12.2016).

Растянникова Е.В.
Четвертая промышленная революция и
производительность труда

К.э.н., Научный сотрудник
Отдел экономических исследований
Институт востоковедения РАН
e_rast@mail.ru

Производительность труда – важнейший показатель, определяющий экономический рост и повышение уровня жизни. Существует несколько показателей для измерения производительности труда. В своих работах я рассматриваю его как отношение Валового внутреннего продукта страны (отрасли) к числу занятого населения, и рассчитывается он в показателях долл.США/чел. Впрочем, в настоящей статье будет сделан акцент на теоретических проблемах, поскольку ее цель – исследовать теснейшую взаимосвязь между производительностью труда и Четвертой промышленной революцией, называемой также «Индустрией 4.0» [Шваб, с.19].

Еще в 1990 г. экономист-востоковед В.Г. Растянников отмечал, что в ходе современного этапа НТР происходит переворот в предметно-вещественных производительных силах, суть которого состоит в том, что на смену нынешней стадии индивидуальных производительных сил с ее господством «трехзвенной системы машин (машина-двигатель – передаточный механизм – рабочая машина)» приходит качественно иная технологическая организация производственного процесса, основанная на «четырёхзвенной системе машин, при которой контрольно-управляющая функция переходит от человека к машине» [Растянников, 1995, с.268]. Станки, сборочные линии и целые заводы объединяются в единую сеть [Комиссаров]. На данный момент основной чертой «Индустрии 4.0» можно назвать взаимодействие виртуальных и физических систем на глобальном уровне [Шваб, с.19] и интеграцию различных научных дисциплин. Характерными примерами этого являются – лаборатории по

сборке микроэлектроники без присутствия человека или, если говорить о добывающей промышленности, автоматические проходческие комплексы в угледобыче, которые позволяют максимально сократить использование ручного труда.

Четвертая промышленная революция началась на рубеже нового тысячелетия и опирается на цифровую революцию. Она обеспечивает лучшую адаптацию конечного и промежуточного продукта под потребителя и, что особенно важно, создает платформу для повышения производительности труда.

Если рассматривать предприятия, выпускающие физический (а не информационный) продукт, то станет очевидно, что внедрение инноваций связано с увеличением вложений в капитал. Такое внедрение, в свою очередь, ведет к сокращению количества работников, необходимого для производства аналогичной единицы товара, а также к снижению заработной платы из-за роста капитальных затрат. Многие категории профессий, особенно те, которые предусматривают ручной труд, уже автоматизированы, за ними последуют и другие [Шваб, с. 65]. В итоге «Индустрия 4.0» повлечет за собой увольнение большого числа специалистов.

Немецкий экономист Клаус Шваб отмечает, что в последнее время мировая производительность труда оставалась застойной, несмотря на экспоненциальный рост технологического прогресса и инвестиции в инновации. Это проявление парадокса производительности является одной из величайших экономических загадок [Шваб, с. 57-58]. Тем не менее, большинство стран считают такое направление развития (т.е. нацеленность на внедрение новых технологий) весьма перспективным. Россия и Китай стимулируют модернизацию своих предприятий, в США был создан Промышленный интернет (Industrial Internet) – и таких примеров множество.

Повышение производительности труда пока является главным предположительным результатом Четвертой промышленной революции. Однако он будет реализован в полной мере, только в том случае, когда новейшие технологии будут распространяться на все виды бизнеса, а не только на крупный [Никитин].

Повышение производительности труда путем внедрения

инноваций является имманентной необходимостью для стран, которые стремятся играть заметную роль в современном мировом хозяйстве и преследуют цель равноценно вписаться в глобализацию. В первую очередь, речь здесь идет о конкурентоспособности. В силу дефляционного воздействия технологий (так называемая «позитивная дефляция») издержки на производство и распространение товара снижаются, следовательно, должна уменьшаться и его цена. Это делает продукт более доступным, востребованным и, соответственно, более конкурентоспособным. ВВП в этом случае будет повышаться за счет увеличения объемов выпущенных товаров.

На волне «Индустрии 4.0» наметилась новая тенденция. Если ранее (с 1990-х гг.) в промышленности преобладал офшоринг, т.е. вынос предприятий из промышленно развитых в развивающиеся страны, то сейчас он сменяется реофшорингом – возвращением ведущих отраслей производства на «родину». Особенно ясно это видно на примере Германии и США, чьи компании в количестве более двухсот возвратили свои производства, открыв большое число новых «старых» рабочих мест [Никитин].

Однако физический перенос основных средств – не единственный способ реофшоринга. В последнее время на фоне стремительного развития инноваций стали распространяться типы производств, управление которыми происходит на расстоянии без непосредственного присутствия на них человека. Знаковым примером могут служить лаборатории по производству микрочипов, которые расположены в странах Азии, в то время как управление их деятельностью осуществляется из стран Европы: Исландии, Финляндии. Это также является разновидностью реофшоринга.

Причин, обуславливающих тенденцию реофшоринга несколько.

Для развитых стран стоит выбор: дешевая рабочая сила стран Востока или дорогое оборудование «Индустрии 4.0». И если в финансовом отношении эти два варианта могут быть сравнительно равноценны, то преобладание точности производства в случае выбора в пользу технологий (3-д принтеров и т.п.) очевидно и влияет на конкурентоспособность товара весьма

значительно – примером могут служить те же микрочипы. Соответственно, целесообразность выноса основных средств в Азию пропадает.

Вторая причина заключается в распространении новых типов товаров, особенности производства которых отличны от привычных. Например, в стоимости айфона «Apple» компоненты и их сборка, которая осуществляется в Китае, составляют лишь малую часть по сравнению с дизайном и инжинирингом. А основную выручку в подобной организации обеспечивает торговля приложениями [Никитин]. Т.е. то, что создает наибольший удельный вес в стоимости продукта, производится в развитых странах (в данном примере – в США).

Тем не менее, Китай также стремится поймать тренд повышения производительности труда. В его случае проблема осложняется еще и демографическими особенностями, и высокой аварийностью производства в добывающем секторе.

В КНР, начиная с 1990-х годов, наблюдался достаточно быстрый рост производительности труда. Замедлившись в середине 2000-х годов, он стал набирать обороты с 2012 г. Связано это было с XII Пятилетним планом (2011-2015 гг.), за годы которого страна должна была «совершить переход от экстенсивных форм развития производства к интенсивным, к развитию инновационной экономики» [Островский]. Особое внимание было обращено на добывающую промышленность, так как встала необходимость повысить самообеспеченность национальной экономики ресурсами, в первую очередь топливно-энергетическими. Можно отметить два основных направления повышения производительности труда в Китае: консолидация производства и внедрение новых технологий.

Первое направление особенно ярко продемонстрировано на примере китайской угольной отрасли. В последние годы происходило закрытие мелких шахт и объединение их в более крупное производство. Также имело место повышение инвестирования в безопасность государственных угольных компаний и введение сурового наказания для местных компаний, имеющих аварийные шахты. Несмотря на то, что с начала 1990-х гг. до конца 2000-х гг. количество мелких компаний сократилось в разы, консолидация предприятий в отрасли продолжается. В

2014 г. в Китае крупные государственные компании производили примерно 50% угля, местные компании – 20%, мелкие и мельчайшие городские и деревенские шахты – 30%. Предполагается, что к 2020 г. 95% угля должно добываться крупными компаниями [Critical Issue]. Этот шаг значительно увеличит эффективность угольной отрасли. Подобные тенденции присутствуют и в прочих отраслях – происходит перемещение рабочей силы из мелкого производства в крупное.

Если говорить о внедрении инноваций, то здесь КНР нацелен на привлечение иностранных инвестиций. Очень характерен пример добычи сланцевого газа. В последние годы страна стимулирует приток иностранных инвестиций в такие компании. Кроме того, китайские государственные нефтегазовые компании скупают активы в американских фирмах, имеющих опыт добычи сланцевого газа. Также используется метод предоставления иностранным фирмам доли в перспективных проектах на территории страны. Схожая ситуация имеет место и в угольной отрасли, где применяются проходческие комплексы, производимые в Германии и Австрии. Но при реализации этого направления существуют свои сложности, так, из-за экологических и геологических особенностей Китай вынужден переходить на собственную технику.

Нельзя не отметить и такой фактор роста производительности труда, как управление предприятием. В этом случае проблемы повышения производительности труда рассматриваются в плоскости изменения традиционной структуры управления предприятием [Антонян]. Данная тема особенно актуальна для Китая и России [Растянникова, 2017].

В России необходимость органично вписаться в Четвертую промышленную революцию путем повышения производительности обусловлена еще и неблагоприятными демографическими тенденциями. Стране присуща наиболее высокая производительность труда среди стран БРИКС в добывающей отрасли. Основной ее прирост пришелся на первую половину 2000-х гг., начиная с середины 2000-х гг. показатель отличался стагнационной, а с 2014 г. – сокращающейся динамикой. Чтобы поправить положение, в конце 2009 г. была утверждена Энергетическая стратегия России на период до 2030 г.

В документах подчеркивается, что конкурентным преимуществом топливно-энергетического сектора России должен стать рост производительности труда за счет модернизации техники и внедрения инновационных технологий [Прогноз; Энергетическая стратегия].

Помимо этого, в 2014 г. Правительством РФ утверждена программа развития угледобывающей отрасли. В нее вошли перспективные проекты в области углехимического производства, а также комплекс мер по развитию углехимической промышленности в России, в основе которых лежит «создание стимулирующей среды для разработки и внедрения технологий добычи и глубокой переработки угля» [Программа].

Можно отметить, что страна делает акцент на повышении производительности труда в своем ведущем – добывающем секторе. В любом случае, становится понятно, что только при значительном увеличении данного показателя Россия в условиях «Индустрии 4.0» будет конкурентоспособной на мировом рынке.

Список литературы:

1. Антонян Л.О. Резервы повышения производительности труда в нефтяной отрасли России // Проблемы современной экономики. 2015. № 4 (56).
2. Комиссаров А. Четвертая промышленная революция // Ведомости. 13.10.2015 // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/10/14/612719-promishlennaya-revolutsiya>
3. Никитин А. Из цифры возгорится пламя. Когда новая промышленная революция придет в Россию // Коммерсант. 22.02.2016.
4. Островский А.В. Социально-экономическое развитие регионов в годы 12-й пятилетки (2011-2015 гг.): прогнозы и реальность // КНР: экономика регионов. Отв.ред. А.В. Островский. М. 2015. С. 64-82.
5. Программа развития угольной промышленности России на период до 2030 года. Электронный ресурс. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70584602/>
6. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития

- Российской Федерации на период до 2030 года. М. 2009 // <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf>
7. Растянников В.Г. НТР и проблемы стадий капиталистической эволюции в развивающихся странах Востока // Капитализм на Востоке во второй половине XX в. отв.ред. В.Г. Растянников, Г.К. Широоков. М. 1995. С. 265-303.
 8. Растянникова Е.В. Производительность труда и трудосберегающие технологии в добывающей промышленности в странах БРИКС: топливно-энергетические комплекс Китая и России // Экономика и предпринимательство. 2017 №8 (ч.1). С. 179-186.
 9. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. М. 2009 // <https://minenergo.gov.ru/node/1026>
 10. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: «Эксмо» (Pocket). 2018.
 11. Critical Issues in Contemporary China: Unity, Stability and Development. Ed. Czeslaw Tubilewicz. N.Y. Routledge. 2016.

Борисов М.Г.
Новая энергетика в странах Востока

К.э.н., Старший научный сотрудник
Отдел экономических исследований
Институт востоковедения РАН
mg.borisov@yandex.ru

В последние годы мировая энергетика в целом и, в наибольшей степени, энергетика стран Востока переживают серьезные структурные изменения. Главным из этих изменений является начавшийся быстрый рост доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в энергетических балансах большинства государств.

Быстрый рост ВИЭ стал возможным, в первую очередь, благодаря очень быстро выросшей их конкурентоспособности. Геотермальная энергетика и малые ГЭС уже конкурентоспособны, а гелио- и ветроэнергетика сравниваются по капитальным затратам с углеродной энергетикой примерно к 2040 году и не будут требовать субсидирования¹. За период 2010-2015 гг. капитальные затраты в ветровой и солнечной энергетике снизились более чем вдвое и этот процесс, как минимум, не замедляется².

ВИЭ пока что субсидируются государствами. Объем этой поддержки возрастает и к 2016 г. достиг в глобальном масштабе 120 млрд долл. Однако традиционная энергетика тоже субсидируется и в гораздо более крупных масштабах (в 2016 г. глобальный объем субсидий составил более 500 млрд долл.); при этом эффективность субсидирования ВИЭ неуклонно растет (субсидии в 2016 г. увеличились на 6%, а введенные энергетические мощности на 8%), а отдача от субсидирования энергетике на основе ископаемых источников падает³.

Важным фактором повышения конкурентоспособности ВИЭ явилось развитие и успешное внедрение технологий

1 World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 443

2 World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017. p. 443

3 Global Trends in Renewable Energy. KPMG.
<https://home.kpmg.com/.../Global> - (дата обращения: 04.01.2018).

накопления энергии. Это серьезно укрепило рыночные позиции ВИЭ, для которых нерегулярность выработки являлось серьезным препятствием их дальнейшему росту.

Продвижению ВИЭ способствовало также усиление финансового давления на угольные энергетические компании (особенно в Китае и Евросоюзе) через введение квот на выброс диоксида углерода. Это явилось серьезным прорывом в решении экологических проблем энергетики через рыночные механизмы.

Энергетика на основе ВИЭ получила дополнительный конкурентный импульс к развитию после широкого распространения по миру «зеленого» энергетического тарифа (feed-in tariff), включающего гарантированное подключение к распределительным сетям и обязательную покупку электроэнергии, генерированной из возобновляемых источников, сбытовыми компаниями, расчет по принципу «издержки плюс» (потребитель полностью оплачивает затраты на производство и предельную норму прибыли производителя). Этот тариф, первоначально недоступный для населения небогатых стран, быстро уменьшается в силу технического прогресса и роста числа относительно развитых экономик.

В новую энергетику в 2015 г. в мире было инвестировано 286 млрд долл. (54% этого объема — в солнечную энергетику, 36% - в ветровую, 8% - в малые ГЭС, 2% - в прочие), что вдвое больше, чем в энергетику на основе ископаемого топлива⁴. При этом около 80% пришлось на частный капитал, что говорит о финансовой привлекательности проектов.

Привлекательность инвестирования в ВИЭ будет нарастать. Агентство Bloomberg полагает, что из гигантской суммы в 10,2 трлн. долл., которая будет инвестирована в мировую энергетику в 2015-2040 гг., 72% придется на ветро- и гелиоэнергетику⁵. Стоимость электроэнергии от солнца упадет в мире за этот период на 66%⁶. К 2021 г. она станет дешевле электроэнергии, произведенной на угольных ТЭС в КНР, Индии

4 World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 406.

5 Bloomberg New Energy Outlook 2017
<https://about.bnef.com/en/energy/energy-outlook>

6 Bloomberg New Energy Outlook 2017
<https://about.bnef.com/en/energy/energy-outlook>

Японии⁷. За этот же период стоимость электроэнергии, произведенной на береговых ветровых станциях, должна снизиться на 47%, а на морских — на 71%⁸. По совокупности факторов инвестирование в новую энергетику становится привлекательней вложений в энергетику традиционную. Уже в 2016 г. 60% вновь вводимых энергетических мощностей в мире пришлось на ВИЭ, и эта доля будет возрастать⁹.

Переориентация инвестиций в энергетику на новые источники получения энергии приведет к росту доли ВИЭ в энергетических балансах и, особенно, в структуре производства электрической энергии. К 2040 г. доля ВИЭ в глобальной электрической генерации должна составить 31% (вместе с крупными ГЭС), столько же, сколько составит доля угля, при том, что доля крупных ГЭС в суммарной генерации из ВИЭ упадет с 71% в 2015 г. до 53% к 2040 г. вследствие исчерпания возможностей экстенсивного роста¹⁰. Однако структура глобальной электрогенерации на обозримую перспективу останется преимущественно углеродной: в 2015 г. 69% генерации приходилось на ископаемое топливо, 19% - на крупные ГЭС, 6% - на ветровые станции, 4% - на солнечные станции, 2% - на биоэнергетику, к 2040 г. доля углеродного топлива снизится не кардинально, - до 54%, доля крупных ГЭС понизится до 17%, доли гелио- и ветроэнергетики составят по 13%, биоэнергетика останется на уровне в 2% и 1% придется на прочие способы получения электроэнергии¹¹. Причина — практически нулевой исходный уровень новой электроэнергетики и огромные масштабы огневой генерации. Характер развития сектора ВИЭ в экономически развитой части мира и в группе догоняющих стран, особенно на Востоке, как самой динамичной её части, будут весьма различаться. Развитые государства, для которых характерен «уход» старых энергоёмких отраслей промышленности,

7	Bloomberg	New	Energy	Outlook	2017
	https://about.bnef.com/en/energy/energy-outlook				
8	Bloomberg	New	Energy	Outlook	2017
	https://about.bnef.com/en/energy/energy-outlook				
9	International Energy outlook http://www.eia.gov/ieo				
10	International Energy outlook http://www.eia.gov/ieo				
11	International Energy outlook http://www.eia.gov/ieo				

медленный рост (или стагнация) населения и растущая энергоэффективность экономики (опережающее снижение потребления энергии на производство единицы ВВП),

уделяющие первоочередное внимание экологической составляющей качества жизни, даже на основе только уже имеющихся энергетических мощностей будут в состоянии обеспечить поступательную экономическую динамику в рамках постиндустриальной системы производительных сил. Поэтому развитие энергетики здесь пойдет, очевидно, по пути лишь замены выбывающих вследствие амортизации старых мощностей (ТЭС и АЭС) новыми (ветро- и гелиостанциями). Государства Востока, проходящие, в большинстве, стадию индустриализации, строительного и транспортного бума, характеризующиеся быстрым ростом населения, будут не в состоянии обеспечить свои быстрорастущие потребности в энергии из одних лишь возобновляемых источников. Поэтому несмотря на то, что на страны Востока (Азия и Северная Африка) в 2015-2040 гг. придётся около 73 % мировых инвестиций в ВИЭ и производство электроэнергии на основе ВИЭ возрастет на 265% (при суммарном росте генерации на 126%), доля новой энергетики в ТЭБе увеличится лишь соответственно с 8% до 14%¹². Кроме этого, мощности на основе ВИЭ занимают большую площадь (1 кв. км. солнечной «фермы» , в среднем, дает за год электроэнергию, соответствующую сжиганию лишь 1 млн баррелей нефти), относительно небольшую мощность (мощность средней солнечной станции примерно в 20 раз меньше мощности средней ТЭС) и не могут обеспечить энергетические потребности крупных энергоёмких производств а также густонаселенных территорий. Поэтому энергетика на основе ВИЭ на большей части Востока будет развиваться в едином комплексе со всеми возможными отраслями традиционной энергетики (при опережающем росте), либо автономно, вне энергосистем, для энергоснабжения удаленных сельских районов, коих немало на Востоке.

С точки зрения обеспеченности первичными энергоносителями и структуры топливно-энергетического баланса страны Востока сильно разнятся, однако их объединяет общее

стремление к максимально ускоренному развитию возобновляемой энергетики. Энергодефицитные регионы Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии заинтересованы в максимально возможном развитии всех способов получения энергии для обеспечения своего самого быстрого в мире экономического роста, отдавая максимально возможное предпочтение возобновляемым источникам. Изобилующие дешевым и доступным ископаемым топливом регионы Юго-Западной Азии и Северной Африки в не меньшей степени, как это ни парадоксально, заинтересованы в форсировании развития новой энергетики с целью устранения структурных перекосов в экономике, чреватых уменьшением доходов от сокращения топливного экспорта. Таким образом, все страны Востока ставят перед собой масштабные цели в области возобновляемой энергетики (см. табл. 1).

Таблица 1. Доля возобновляемых источников энергии в первичном и конечном энергопотреблении, а также в производстве электрической энергии в странах Востока

Страна	Первичное энергопотребление		Конечное энергопотребление		Производство электроэнергии	
	Доля в 2015 г.	Цели страны	Доля в 2015 г.	Цели страны	Доля в 2015 г.	Цели страны
Алжир	-	-	-	37% к 2030 г.	5,00%	45% к 2030 г.
Азербайджан	0,50%	-	-	10% к 2020 г.	19,00%	20% к 2020 г.
АРЕ	20,00%	24% к 2020 г.	22,00%	26% к 2020 г.	1,00%	30% к 2020 г.
Бангладеш	-	-	-	-	3,00%	10% к 2020 г.
Бруней	-	2% к 2035 г.	3,00%	8% к 2035 г.	1,00%	10% к 2035%
Вьетнам	32%	38% к 2020 г.	35,00%	45% к 2020 г.	38,00%	50% к 2020 г.
Израиль	-	-	8,00%	13% к 2025 г.	8,00%	17% к 2030 г.
Индия	19,00%	25% к 2040 г.	20,00%	30% к 2040 г.	19,00%	40% к 2040г.
Индонезия		25% к 2025 г.	2,00%	30% к 2040 г.	6,00%	50% к 2040 г.
Иордания	5,00%	10% к 2020 г.	6,00%	8% к 2020 г.	3,00%	10% к 2020 г.
Казахстан	-	-	-	-	-	30% к 2030 г.
Камбоджа	36,00%	45% к 2035 г.	42,00%	50% к 2035 г.	46,00%	55% к 2035 г.
КНР	2,00%	12% к 2030 г.	10,00%	20% к 2030 г.	20,00%	29% к 2030 г.
Лаос	-	-	--	-	38,00%	70% к 2030 г.
Мавритания	4,00%	20% к 2020 г.	5,00%	50% к 2025 г.	8,00%	60% к 2025 г.
Малайзия	-	7% к 2030 г.	-	9% к 2030 г.	8,00%	11% к 2030 г.

Марокко	-	30% к 2036 г.	-	30% к 2036 г.	15,00%	40% к 2036 г.
Монголия	-	22% к 2030 г.	-	25% к 2030 г.	4,00%	30% к 2030 г.
Мьянма	30,00%	35% к 2035	35,00%	38% к 2035 г.	40,00%	60% к 2035 г.
Сауд. Аравия	-	15% к 2032 г.	-	25% к 2032 г.	8,00%	50% к 2032 г.
Таиланд	-	25% к 2032 г.	-	35% к 2036 г.	12,00%	40% к 2036 г.
Филиппины	34,00%	40% к 2035 г.	36,00%	50% к 2035 г.	39,00%	60% к 2035 г.
Шри-Ланка	50,00%	65% к 2035 г.	56,00%	70% к 2035 г.	54,00%	70% к 2035 г.
Япония	6,00%	17% к 2030 г.	3,00%	15% к 2030 г.	13,00%	25% к 2030 г.

Источник: Renewables 2016. Global Status Report. Ren. 21 Secretariat. P., 2017.

Широчайшее поле для развития исключительно возобновляемой энергетики представляют собой многочисленные обширные, малоосвоенные и ещё не электрифицированные регионы Востока. Децентрализованное, автономное развитие в них «зеленой» энергетики имеет целый ряд неоспоримых выгод. Поскольку агрегаты малой альтернативной энергетики компактны и уже готовы к эксплуатации, нет необходимости в масштабном строительстве, подвозе габаритного оборудования и стройматериалов, специальном строительстве дорог. Нет также необходимости в подключении объектов «малой» энергетики к электросетям и в строительстве ЛЭП, что снижает капитальные затраты, а также потери в сетях (которые доходят до 20% генерируемой электроэнергии). Исключение традиционной биомассы из домашнего энергоснабжения уменьшает масштабы дефорестации и выбросов диоксида углерода.

Страны Востока уже в настоящее время занимают выдающиеся позиции в мировой возобновляемой энергетике. КНР — на первом месте в мире по инвестициям в ВИЭ (Япония — на третьем, Индия — на пятом), Мавритания — на первом месте по инвестициям в ВИЭ на единицу ВВП (Марокко — на четвертом), Филиппины и Индонезия — на втором и третьем местах (после США) по установленным геотермальным мощностям, КНР лидирует по мощностям всех остальных ВИЭ (Индия — третья-четвертая), первая мировая «четвёрка» по числу установленных домашних солнечных панелей — Бангладеш, Индия, КНР, Непал, первая мировая «пятёрка» по количеству биогазовых установок —

КНР, Индия, Непал, Вьетнам, Бангладеш¹³.

Таблица 2. Состояние и перспективы электрификации удаленных районов Востока и замены в них традиционной биомассы на новые возобновляемые источники энергии для отопления и приготовления пищи.

Страна	Электрификация села (%)		Население, использующее традиционную биомассу для приготовления пищи и отопления (%)	Доля ВИЭ в приготовлении пищи и отоплении (%)	
	2015 г.	Планы		2015 г.	Планы
Бангладеш	61	100 к 2021 г.	89	0	5 к 2025 г.
Вьетнам	97	100 к 2020 г.	47	1	8 к 2030 г.
Камбоджа	39	75 к 2030 г.	88	0	4 к 2025 г.
КНДР	26	90 к 2018 г.	46	1	5 к 2020 г.
Индия	80	100 к 2035 г.	39	1	7 к 2035 г.
Индонезия	79	90 к 2030 г.	39	0	10 к 2030 г.
Йемен	46	-	32	0	9 к 2030 г.
Мавритания	28	55 к 2025 г.	80	0	5 к 2025 г.
Монголия	90	100 к 2025 г.	63	0	10 к 2025 г.
Мьянма	38	-	93	0	6 к 2035 г.
Непал	76	-	86	0	5 к 2030 г.
Пакистан	73	100 к 2030	58	1	15 к 2030 г.
САР	93	100 к 2025 г.	7	1	18 к 2035 г.
Таиланд	89	-	24	2	15 к 2023 г.
Филиппины	80	-	54	1	15 к 2030 г.
Шри-Ланка	94	100 к 2020	74	1	10 к 2025 г.

Источник: Renewables 2016. Global Status Report. Ren 21 Secretariat. P., 2017.

Китай развивает альтернативную энергетику в наибольших в мире масштабах и наивысшими в мире темпами. На эту страну приходится 28% мировых инвестиций в возобновляемую энергетику и этот показатель растет. На КНР уже приходится 37 % мощностей солнечной энергетики мира и 34% ветровой, при том, что доля солнечных станций в суммарной

электрогенерации страны составляет лишь 1%, о ветровой — 3% (6)¹⁴. 13-й пятилетний план (2016-2020 гг.) намечает рост ветровой и солнечной электрогенерации соответственно на 156% и 115%¹⁵. В течении этого времени на долю КНР придется 36% вновь введенных мощностей в гидроэнергетике мира, 40% - в ветроэнергетике и 37% - в гелиоэнергетике. В настоящее время на долю Китая приходится почти 40% занятых в возобновляемой энергетике мира (около 3 млн чел. из 8 млн чел.), 13-м пятилетним планом намечено создать ещё 13 млн рабочих мест и концу 2020 г. в стране будет работать в новой энергетике более половины всех занятых в этой сфере в мире¹⁶.

Будучи крупнейшим потребителем энергии, Китай является её крупнейшим импортером; став мировой «фабрикой», эта страна превратилась в крупнейшего эмитента диоксида углерода. В силу этого форсированный рост альтернативной энергетики прочно инкорпорирован в стратегию дальнейшего экономического роста: запланированная к 2020 г. доля ВИЭ в выработке электрической энергии в 15% «сэкономит» 580 млн т угля, приведет к снижению на 18% углеродоёмкости ВВП (выброс диоксида углерода на единицу ВВП), на 23% снизит водоёмкость ВВП, сэкономит почти 76 млрд долл. за счет относительного уменьшения импорта первичных энергоносителей, почти на 75% увеличит количество дней с удовлетворительным качеством воздуха в крупных городах¹⁷.

Важное место в развитии ВИЭ в КНР занимает строительство гидроэлектростанций, особенно малых. Если крупные китайские ГЭС, дающие более четверти

14 Renewable Energy in China. DBS Asia Insights. November 2016. <https://www.dbs.com/.../pdfController.page?pdfpath=/.../pdf/...> (дата обращения 03.01.2018).

15 Renewable Energy in China. DBS Asia Insights. November 2016. <https://www.dbs.com/.../pdfController.page?pdfpath=/.../pdf/...> (дата обращения 03.01.2018).

16 Renewable Energy in China. DBS Asia Insights. November 2016. <https://www.dbs.com/.../pdfController.page?pdfpath=/.../pdf/...> (дата обращения 03.01.2018).

17 Renewable Energy in China. DBS Asia Insights. November 2016. <https://www.dbs.com/.../pdfController.page?pdfpath=/.../pdf/...> (дата обращения 03.01.2018).

гидроэлектроэнергии мира, являются базовыми станциями, интегрированными в энергосистемы, то малые станции децентрализованы и обеспечивают электроэнергией удаленные горные сельские районы, решая одновременно задачи снижения потребления традиционной биомассы (и выбросов диоксида углерода), местного водоснабжения и ирригации, и уменьшения энергопотерь в сетях. В 2016-2020 гг. на долю Китая придется около 60% вводимых во всем мире мощностей малой гидроэлектроэнергетики¹⁸.

Сектор ВИЭ развивается в Китае в рамках продуманной государственной политики, создающей благоприятные финансовые и организационные условия для капитального строительства и последующей эксплуатации энергетических объектов. Основным направлением этой политики является государственное субсидирование, но не населения (как в бедных странах), а бизнеса. Это, в первую очередь, субсидирование «зеленого» тарифа, ставящего его в конкурентные условия относительно тарифов традиционной энергетики, и субсидирование налога на добавленную стоимость, создающее благоприятные условия для инвестирования.

Китайскими компаниями первым удалось довести себестоимость генерируемой из возобновляемых источников энергии до конкурентоспособного уровня. Это позволило им быстро занять нишу мирового рынка. К 2016 г. более трети мировых зарубежных инвестиций в «новую» энергетику осуществлялись китайскими фирмами (с выраженной тенденцией к увеличению этой доли). Инвестиции направляются во все регионы мира, однако большая их часть инкорпорирована в паназиатский проект «Один пояс, один путь». Крупный потенциал ВИЭ стран-соседей подключается, в том числе, к китайской энергетике. В первую очередь, это относится к гигантским проектам гидроэлектроэнергетики, реализуемым китайскими фирмами в Лаосе и Мьянме, с перспективой поставок «чистой» энергии в Китай.

18 Renewable Energy in China. DBS Asia Insights. November 2016. <https://www.dbs.com/.../pdfController.page?pdfpath=.../pdf/...> (дата обращения 03.01.2018).

В быстро индустриализующейся и энергодефицитной Индии, как и в Китае, растущий дефицит энергоресурсов, покрываемый импортом, может стать серьезным препятствием дальнейшему экономическому росту. Поэтому и здесь власти стремятся к извлечению энергии из всех возможных источников, отдавая предпочтение возобновляемым, на освоение которых приходится более 60% инвестиций в энергетику. На долю Индии приходится 8% глобальных инвестиций в ВИЭ. По установленной мощности объектов альтернативной энергетики Индия находится на третьем месте в мире (после КНР и США)¹⁹. Как и в Китае, ускоренное развитие ВИЭ является важнейшей частью государственных планов и программных документов, и компаниям, оперирующим в этой сфере, созданы оптимальные условия функционирования и инвестирования. В 2015 г. ВИЭ обеспечивали в Индии 13% электрогенерации, а к концу 12-го Пятилетнего плана этот показатель должен возрасти до 18%. К 2040 г. эта доля увеличится, согласно прогнозу МЭА, до 40%²⁰.

К 2015 г. в структуре генерации из возобновляемых источников в Индии образовался перекося в пользу ветровых станций (около 80% суммарной выработки). Причина состояла в отсутствии в стране площадей для крупных солнечных «ферм» (сельскохозяйственная освоенность индийской территории составляет более 80%), в низкой производительности солнечных станций в период летних муссонных дождей и высокой облачности, локализация ветровых станций вне сельскохозяйственных угодий (на побережье или в море). Однако в связи с прогрессом последних лет в гелиоэнергетике развитие сектора пойдет по пути преимущественного развития солнечной энергетики (территория Индии концентрирует 19% глобального потенциала солнечной энергии). Это развитие будет идти за счет широкого внедрения автономных солнечных панелей, устанавливаемых на крышах зданий. Их стоимость существенно упала и бедное индийское село стало предъявлять платежеспособный спрос на них. Это чрезвычайно актуально для глубинных районов, где сотни миллионов людей пока что живут

19 World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 416

20 World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 465

без электричества и готовят пищу традиционным способом, нарушая ландшафты и выбрасывая в атмосферу большое количество диоксида углерода. Той же цели служит форсированное возведение децентрализованных малых ГЭС. В силу этого, к 2040 г. структура выработки электроэнергии из ВИЭ в Индии, по оценкам МЭА, изменится в пользу этих двух источников генерации: 53% будет приходиться на гелиостанции, 37% - на ветровые, 8% - на малые ГЭС, 2% - на прочие²¹.

Япония, обеспеченная собственными источниками энергии лишь на 6%, до недавнего времени не относилась к числу мировых лидеров возобновляемой энергетики. Перелом наступил после аварии на АЭС «Фукусима» в 2011г. Тогда было принято скоропалительное решение о закрытии всех АЭС, и страна почти полностью перешла на углеродную энергетику, что резко увеличило импорт энергоносителей. Япония впервые в своей истории столкнулась с дефицитом торгового баланса. Это также привело к тому, что электроэнергия в Японии стала самой дорогой в мире, что негативно сказалось на конкурентоспособности японских товаров. Наконец, выбросы диоксида углерода превысили установленные для Японии квоты.

В сложившихся условиях японские власти кардинально пересмотрели энергетическую политику. Согласно новым планам, степень самообеспеченности энергоресурсами должна увеличиться к 2030 г. до 25%²². Это увеличение будет происходить исключительно за счет возобновляемых источников (за исключением других). На долю ВИЭ в 2015-2030 гг. придется 70% всех инвестиций в энергетику²³. Возвращенные в эксплуатацию атомные станции будут выбывать по мере амортизации и новые строиться не будут. В результате доля атомной энергии в

21 Renewable Energy in India: Growth and Targets. Ministry of New and Renewable Energy. 13 May 2015. cseindia.org/.../Renewable%20Energy%20in%20India%20G... (дата обращения 03.01.2018)

22 Japan Energy Plan. Ministry of Economy, Trade and Industry. www.enecho.meti.go.jp/en/category/.../energy_plan_2015.p... (дата обращения 03.01.2018).

23 Japan Energy Plan. Ministry of Economy, Trade and Industry. www.enecho.meti.go.jp/en/category/.../energy_plan_2015.p... (дата обращения 03.01.2018).

энергетическом балансе упадет с 30% до 20%²⁴.

В структуре сектора ВИЭ будут преобладать гидро- и гелиостанции (соответственно 9% и 8% всей выработки электроэнергии страны к 2030 г., рост составит соответственно 1,5 и 7 раз по сравнению с 2013 г.). На долю ветровой и геотермальной генерации придется соответственно 2% и 1% (рост по сравнению с 2013 г. в 4 раза). За счет сжигания возобновляемой биомассы в 2030 г. будет вырабатываться 5% электроэнергии (рост в 3 раза по сравнению с 2013 г.)²⁵.

При медленно уменьшающемся населении и при быстро растущей энергоэффективности в Японии почти не будет расти суммарное энергопотребление, а будет лишь меняться его структура в пользу ВИЭ. Сектор тепловой энергетики будет претерпевать только технологические усовершенствования (сжигание в закритическом режиме, улавливание и хранение углерода и проч.). Это позволит уменьшить выбросы диоксида углерода к 2030 г. на 22% по сравнению с 2013 г.²⁶.

Республика Корея отстала от остальных развитых стран в развитии возобновляемой энергетики. Этот сектор обеспечивал в 2015 г. лишь 1% суммарного энергопотребления и 2% выработки электрической энергии в стране. Развитие энергетики Южной Кореи долгое время шло по пути максимальной отдачи от капитальных и эксплуатационных затрат, которую могли обеспечить только тепловые и атомные станции. Почти лишённая собственных энергоресурсов, страна вышла в результате на первое место в мире по импорту первичных энергоносителей на душу населения, вошла в первую мировую пятерку импортеров нефти, сжиженного газа и угля и прочно заняла второе место в мире (после Австралии) по выбросам диоксида углерода на душу

24 Japan Energy Plan. Ministry of Economy, Trade and Industry. www.enecho.meti.go.jp/en/category/.../energy_plan_2015.p... (дата обращения 03.01.2018).

25 Japan Energy Plan. Ministry of Economy, Trade and Industry. www.enecho.meti.go.jp/en/category/.../energy_plan_2015.p... (дата обращения 03.01.2018).

26 Japan Energy Plan. Ministry of Economy, Trade and Industry. www.enecho.meti.go.jp/en/category/.../energy_plan_2015.p... (дата обращения 03.01.2018).

населения (при его немалой численности)²⁷.

Растущие финансовые и экологические издержки побудили власти к пересмотру в 2014 г. Национального энергетического плана (National Energy Master Plan). В соответствии с ним, к 2035 г. намечается поднять долю ВИЭ в энергетическом балансе до 11%²⁸. Это увеличение произойдет за счет снижения доли тепловой энергетики. Однако основным направлением прогресса в энергохозяйстве страны станет развитие атомной энергетики. Её доля в выработке электроэнергии возрастет с 30% в 2015 г. до 54% в 2025 г.²⁹. Южная Корея — единственная в мире страна, где атомная энергетика не только доминирует, но и играет возрастающую роль в топливно-энергетическом балансе. Авария на АЭС «Фукусима», в отличие от остальных развитых стран, не повлияла на правительственные планы в этой области.

В рамках упомянутого плана в стране созданы стимулирующие условия для развития ВИЭ. Помимо «зеленого» тарифа, это — «Renewable energy portfolio» — программа, обязывающая электросбытовые компании к 2024 г. не менее 10% электроэнергии поставлять потребителю из ВИЭ, впервые введенная в Азии схема торговли объёмами выбросов диоксида углерода, программа государственных выплат компаниям, добившимся сокращения его выбросов³⁰.

В *Юго-Восточной Азии* продолжающийся энергоёмкий промышленный рост требует ускоренного (в два раза превышающего среднемировые показатели) развития энергетики. Обеспечить возрастающие потребности промышленности

27 Phillip Riley. The Future is Renewable. South Korea. May 2017. phillipriley.com.au/wp.../2017/.../IDR-Report-South-Korea.pdf... (дата обращения 11.01.2018)

28 Phillip Riley. The Future is Renewable. South Korea. May 2017. phillipriley.com.au/wp.../2017/.../IDR-Report-South-Korea.pdf... (дата обращения 11.01.2018)

29 Phillip Riley. The Future is Renewable. South Korea. May 2017. phillipriley.com.au/wp.../2017/.../IDR-Report-South-Korea.pdf... (дата обращения 11.01.2018)

30 Phillip Riley. The Future is Renewable. South Korea. May 2017. phillipriley.com.au/wp.../2017/.../IDR-Report-South-Korea.pdf... (дата обращения 11.01.2018)

способна лишь крупные централизованные мощности традиционной энергетики. Они и продолжают своё развитие на основе относительно дешёвых региональных углей и газа. Вместе с этим, в регионе существует большой массив удаленных, труднодоступных островных и горных территорий, интеграция которых в энергосистемы сложна технически и затратна. Это — широчайшее поле для развития альтернативной энергетики.

В регионе широко представлены все виды ВИЭ. На Индонезию и Филиппины приходится соответственно 40% и 20% мирового геотермального потенциала. Индонезия и Малайзия, являясь крупнейшими производителями пальмового масла, дают огромное количество сопутствующей биомассы (15% территории Малайзии покрыто плантациями масличной пальмы)³¹. Остальные страны региона также занимают ведущие позиции по «выходу» возобновляемой биомассы с единицы площади. Все страны (кроме Сингапура) обладают крупнейшим и ещё малоосвоенным гидропотенциалом. Потенциал солнечной и ветровой энергетики также весьма велик.

Как и в других быстро развивающихся регионах Азии, энергетика ЮВА будет расти, используя все возможные варианты с акцентом на возобновляемые источники. По прогнозу МЭА, инвестиции в энергетiku составят в регионе в период 2016-2040 гг. 360 млрд долл., из которых около 70% придется на возобновляемые источники³². Агентство прогнозирует рост доли ВИЭ в энергобалансе ЮВА в период с 2016 -2040 гг. с 6% (без традиционной биомассы) до 23%³³.

Во всех странах региона созданы необходимые условия для развития возобновляемой энергетики: введен «зеленый» тариф, создана правовая база, обеспечен доступ к финансированию. Регион вызывает большой интерес у инвесторов: общая стоимость реализуемых в ЮВА проектов возобновляемой энергетики составила в 2015 г. 23 млрд долл.³⁴.

31 Renewable Energy Rises Across Asia. IRENA. Quarterly, 2017. sun-connect-news.org/.../IRENA_Quarterly_2017_Q4.pdf (дата обращения 11.01.2018).

32 World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 415

33 World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 432

34 Outlook for Renewable Energy from an Asian Perspective. Asia Clean Energy Forum 2016. ADB, Manila, 9 June 2016.

Развитие альтернативной энергетики стимулируется в ЮВА также экологическим фактором. Природа региона крайне чувствительна к меняющемуся климату. Дальнейшее его изменение сулит многим территориям катастрофические последствия. Поэтому все государства добровольно взяли на себя обязательство на четверть сократить эмиссию диоксида углерода в регионе к 2030 г. Достичь этого можно лишь ограничением и техническим совершенствованием углеродной энергетики, заменой традиционной биомассы электроэнергией и максимально возможным использованием «чистых» источников энергии.

Страны ЮВА развивают «зеленую» энергетику, исходя из местных «сравнительных преимуществ». Общими чертами являются пониженное значение ветровой энергетики, падение доли традиционной биомассы (с 24% в 2015 г. до 7% к 2035 г.) и её замена современными ВИЭ³⁵. Страны ставят перед собой разные по масштабам и структуре задачи. Энергодефицитные Филиппины и Таиланд разработали масштабные планы довести доли ВИЭ в электрогенерации соответственно до 50% к 2040 г. и до 40% к 2036 г.³⁶. Сингапур и Бруней в обозримом будущем останутся почти полностью «углеродными» (однако плотно застроенный и густозаселенный Сингапур не отстает от общего тренда: здесь завершается возведение уникальной вертикальной солнечной электроцентрали стоимостью в 3,45 млрд долл., ветровой станции с объёмом инвестиций в 0,5 млрд долл. и даже нескольких небольших мощностей на местной биомассе³⁷). Индонезия планирует развивать все виды возобновляемой энергетики. На эту страну придется 40% инвестиций в ВИЭ в регионе в 2015-2040 гг.³⁸. Богатые

<https://d2oc0ihd6a5bt.cloudfront.net/.../1-Jason-Waldie-Out...>

35 Renewable Energy Sector in Emerging Asia: Development and Policies. ESCAP, UN Working Paper Series, #1, Jan. 2017. www.unescap.org/.../TIDWP-Renewable-Energ-Sector.pdf (дата обращения 10.01.2018)

36 Outlook for Renewable Energy in ASEAN countries. ABD, Manila, 2017, p.48

37 Renewable Energy Sector in Emerging Asia: Development and Policies. ESCAP, UN Working Paper Series, #1, Jan. 2017. www.unescap.org/.../TIDWP-Renewable-Energ-Sector.pdf (дата обращения 10.01.2018)

38 Renewable Energy Sector in Emerging Asia: Development and Policies. ESCAP, UN Working Paper Series, #1, Jan. 2017. www.unescap.org/.../TIDWP-

гидроресурсами Мьянма, Камбоджа, Лаос будут развивать преимущественно малую и большую гидравлическую энергетику на основе иностранных инвестиций с перспективными поставками электроэнергии на экспорт. Имеются планы превращения Лаоса в «батарею» Юго-Восточной Азии в рамках создаваемой единой энергосистемы АСЕАН.

В регионе *Ближнего Востока и Северной Африки* существующая многие годы модель энергопотребления может стать непреодолимой преградой экономическому росту как в странах-нетто-экспортерах энергоресурсов, так и в государствах-импортерах. Этот регион — не только основной поставщик первичных энергоносителей и главный «хранитель» мировых запасов ископаемого топлива, но и главный «энергорасточитель» поскольку региональные правительства, во-первых, субсидируют цену на энергию вопреки законам рынка, поощряя неумеренное потребление, во-вторых, реализуют чрезвычайно энергоёмкие проекты индустриализации и диверсификации, опираясь на низкую себестоимость местных энергоресурсов.

Субсидии в регионе — важнейшая часть «социального договора» и рассматриваются как неотъемлемое право членов уммы. Они достигли гигантских размеров: их ежегодный объём в регионе приблизился к 250 млрд долл. - половина энергетических субсидий всех стран мира, 8,5% регионального ВВП и 22% всех государственных расходов³⁹. Первая мировая «пятёрка» лидеров энергетического субсидирования — Кувейт, Иран, Саудовская Аравия, Катар, Египет⁴⁰. Искажая ценовые пропорции, субсидии не только ведут к энергетическому расточительству (в Катаре, например, электроэнергия отпускается коренному населению бесплатно), но и полностью ликвидируют возможность инвестирования не только в ВИЭ, но и в традиционную энергетику, способствуют контрабанде и даже дефициту субсидируемых источников энергии, негативно отражаются на экономическом росте. Если не принять соответствующие меры, то

[Renewable-Energ-Sector.pdf](#) (дата обращения

39 Subsidies Reform in MENA.,
p.5/<https://www.imf.org/external/ns/es.aspx?id=276> (дата обращения 12.12.2017)

40 Subsidies Reform in MENA.,
p.5/<https://www.imf.org/external/ns/es.aspx?id=276> (дата обращения 12.12.2017)

Кувейт, например, скоро может, по некоторым оценкам, перестать быть нефтеэкспортером.

Между тем, в русле продолжающегося тренда энергоёмкого экономического роста ежегодный прирост энергопотребления в регионе составит 7% в 2015-2040 гг.⁴¹. Его обеспечение потребует ежегодных инвестиций в 30 млрд долл., а их доля в ВВП будет постоянно расти так как за счет стагнации или даже уменьшения экспорта первичных энергоносителей будет сокращаться основной источник формирования регионального ВВП — энергосырьевой экспорт.

Развитие альтернативной энергетики (ВИЭ и АЭС) — единственный способ избежать «энергетического проклятия» этого изобилующего самыми дешевыми энергоресурсами региона. Условия для этого исключительно благоприятны: на регион приходится 26% солнечной энергии, достигающей поверхности Земли⁴². На один квадратный километр территории здесь в течение года поступает лучистая энергия, эквивалентная 2 млн баррелей нефти. Суммарный ветровой потенциал региона также крупнейший в мире. Марокко, Египет и Тунис лидируют в мире по потенциалу ветровой энергетики⁴³.

Меняющиеся экономические и политические условия в регионе приоткрыли дверь для инвестиций в ВИЭ (в том числе иностранным). По оценкам ExxonMobil, за период 2015-2025 гг. они составят 16 млрд долл. (64 % всех инвестиций в региональную энергетику)⁴⁴. Выработка электроэнергии из ВИЭ за этот период должна возрасти на 127%, в то время как из нефти — на 14%, из газа — на 26%, суммарная же электрогенерация увеличится на

41 World Energy Outlook 2016. IEA. P., 2017, p. 415.

42 Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).

43 Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).

44 Outlook for Energy ExxonMobil corporate.exxonmobil.com/en/energy/energy-outlook

21%⁴⁵.

В Саудовской Аравии ускоренное развитие ВИЭ в первую очередь является средством избежать катастрофических последствий для торгового баланса в ближайшем будущем. В настоящее время из добываемых ежедневно 12 млн баррелей нефти 3 млн баррелей тратится на генерацию электроэнергии, а 9 млн баррелей экспортируется⁴⁶. К 2030 г. стране потребуется на электрогенерацию уже 7 млн баррелей вследствие демографического и экономического роста при том, что уровень добычи будет составлять 14 млн баррелей, а увеличение добычи на 2 млн баррелей потребует дополнительных инвестиций в 6 млрд долл.⁴⁷. Экспорт нефти, таким образом, сократится на 22%, а доходная часть государственного бюджета — на 19%⁴⁸. Чтобы избежать подобного сценария правительство начало принимать энергичные меры под эгидой специально созданного государственного агентства (К.А. CARE) с большими полномочиями. Агентством были поставлены поистине революционные задачи: уже к 2036 г. довести долю электрогенерации из неуглеродных источников до 50% (35% - гелио-, 5% - ветроэнергетика, 8% - атомная, 2% - прочая)⁴⁹. Этот план обрёл реальную экономическую основу после трехкратного падения цены на нефть в 2014 г., двукратного сокращения капитальных затрат в альтернативной энергетике в 2010-2015 гг. и решительных мер по либерализации внутреннего рынка энергии.

45 Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).

46 Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).

47 A roadmap for Renewable Energy in the Middle East and North Africa <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp.../01/MEP-6.pdf>.

48 A roadmap for Renewable Energy in the Middle East and North Africa <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp.../01/MEP-6.pdf>.

49 Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).

Энергетическая ситуация в *Иордании* прямо противоположна положению в Саудовской Аравии, однако её позитивное развитие также требует ускоренного внедрения ВИЭ. Иордания импортирует 96% потребляемой энергии, причем 80% этого количества поступает из Египта по трансарабскому газопроводу. В условиях последних политических событий в регионе поставки были крайне нестабильны, что приводило к частым «блэкаутам» с необходимостью альтернативных закупок дорогого дизельного топлива для электростанций.

В отличие от других стран региона, в Иордании нет проблемы с внутренним ценообразованием, поэтому страна первой на Ближнем Востоке ввела «зеленый» тариф. Данное обстоятельство вкупе с дороговизной ископаемого топлива делает страну привлекательной для инвесторов. Иордания приступила к освоению пятимиллиардного гранта (от Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара Кувейта и Мирового банка) на крупномасштабное строительство объектов возобновляемой энергетики. Согласно правительственным планам, уже к 2020 г. 10% электроэнергии в стране будет производиться из возобновляемых источников, а в более далекой перспективе — 100%. Все новые мощности будут функционировать исключительно на основе ВИЭ⁵⁰.

Ситуация в *Марокко* схожа с положением в Иордании. Страна импортирует 95% потребляемой энергии. На импорт энергоносителей приходится половина все расходов на импорт, а торговый дефицит превысил треть ВВП.

Марокко занимает первое место в мире по темпам прироста в возобновляемой энергетике и по инвестициям в ВИЭ из расчета на душу населения. Доля ВИЭ в энергопотреблении должна составить 40% к 2032 г.⁵¹. В стране завершается строительство крупнейшей в мире солнечной электростанции стоимостью 9 млрд долл.⁵². Инвестиции исключительно

50 A roadmap for Renewable Energy in the Middle East and North Africa <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp.../01/MEP-6.pdf>.

51 A roadmap for Renewable Energy in the Middle East and North Africa <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp.../01/MEP-6.pdf>.

52 Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения

иностранные поскольку Марокко — активный участник интернационального проекта «Desertec», включающего возрастающий экспорт в Европу электроэнергии, вырабатываемой на многочисленных солнечных станциях в Сахаре. Помимо возрастающего удовлетворения собственных потребностей в электроэнергии, почти полностью лишённая иных энергоносителей Марокко намеревается стать её экспортером. Кроме гелиоэнергетики Марокко наращивает (также наивысшими в мире темпами) мощности ветровой энергетики. По объёмам ветровой генерации эта небольшая страна находится на 11 месте в мире.

В ОАЭ 80% электроэнергии генерируется из импортного катарского природного газа, поступающего по газопроводу «Дельфин», что высвобождает дополнительные объёмы нефти для экспорта по мировым ценам (которые в 6 раз превышают внутренние). Поэтому ВИЭ здесь испытывают серьёзную конкуренцию со стороны дешёвого газа из близлежащего государства. Тем не менее, все эмираты закладывают в перспективные планы опережающие темпы развития электрогенерации на основе ВИЭ. В Абу-Даби, где сконцентрировано 90% нефтяных запасов Федерации, запланировано довести долю ВИЭ в энергобалансе до 7% к 2020 г., а в Дубае, где нефть закончилась в 2015 г., до 5% к 2030 г.⁵³. Акцент здесь делается на широкое внедрение автономных солнечных панелей в частных домовладениях, что даст возможность не повышать субсидированные тарифы и не нивелировать сравнительные преимущества здешних энергоёмких производств (выплавка алюминия, производство цемента, электрохимия).

Кувейт, как и Саудовская Аравия, стремится высвободить максимум нефти для экспорта. На электрогенерацию страна расходует 350 тыс. баррелей из 3 млн баррелей добываемой

15.01.2018).

53 Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).

нефти⁵⁴. Эмир Кувейта поставил задачу довести долю ВИЭ в электрогенерации до 15% к 2030 г., что даст дополнительно 12,5 млн баррелей нефти на экспорт ежегодно (примерно 0,8 млрд долл. при цене 60 долл. за баррель)⁵⁵. Почти вся «чистая» электроэнергия будет производиться, начиная с 2020 г., в первом в мире энергетическом эко-парке «Шагайя» суммарной установленной мощностью 2 Гвт. (примерно - Братская ГЭС).

Катар, обладающий 15% мировых запасов природного газа (самого дешевого в мире) и крупнейший в мире производитель и экспортер СПГ, находит экономически выгодным развитие ВИЭ. В 2018 г. завершается сооружение крупнейшей в мире гелиостанции (в два раза мощнее нынешней крупнейшей солнечной станции в Марокко), в строительство которой было вложено 20 млрд долл., что увеличит долю ВИЭ в электрогенерации сразу до 16% с перспективой повышения до 20% к 2024 г⁵⁶.

Для *Туниса* близость к Европе, ассоциация с ЕС и прозападная политика является решающим стимулом европейских инвестиций в ВИЭ с перспективой экспортных поставок электроэнергии в рамках упомянутой программы «Desertec». К 2030 г. планируется увеличить долю ВИЭ в выработке электрической энергии до 40%⁵⁷.

Израиль по размерам инвестиций в ВИЭ уступает в регионе лишь Марокко. Импорт энергоносителей в эту страну, почти полностью их лишённую и находящуюся в недружественном окружении, возможен лишь по Средиземному морю и из крайне удаленных (не мусульманских) стран. Израиль

54 A roadmap for Renewable Energy in the Middle East and North Africa <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp.../01/MEP-6.pdf>.

55 A roadmap for Renewable Energy in the Middle East and North Africa <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp.../01/MEP-6.pdf>.

56 Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).

57 Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).

уже занимает ведущие позиции по автономному электроснабжению частных домовладений из ВИЭ, по техническим инновациям в гелиоэнергетике, однако на фоне больших суммарных объёмов производства электроэнергии доля ВИЭ в её генерации пока относительно невелика — ожидается лишь 10% к 2020 г.⁵⁸.

Иран, вырабатывающий 40% электроэнергии региона Персидского залива, обеспечивает свои потребности в ней собственным производством лишь на 90%⁵⁹. Перед страной стоит задача ускоренного роста электроэнергетики. Обладая гигантскими запасами всех топливных ресурсов, Иран в своих перспективных планах отдаёт предпочтение ВИЭ. Природные предпосылки для их развития исключительно благоприятны: по суммарной круглогодичной солнечной радиации и наличию дешевых неосвоенных пустынных площадей, необходимых для строительства крупных «ферм», Иран не уступает аравийским странам.

Ирану удалось привлечь многомиллиардные иностранные инвестиции для реализации крупных проектов солнечной энергетики. Вводимые мощности будут включены в формирующуюся единую энергосистему Ирана, Армении, Грузии, Азербайджана и России для покрытия пиковых нагрузок. Доля гелиостанций в суммарной выработке электроэнергии вырастет с нуля в 2014 г. до 7% к 2024 г.⁶⁰.

В *Турции* топливно-энергетический баланс на 90% углеродный и при этом на 82% формируется на основе импортного топлива⁶¹. Электрогенерация в 2013 г. на 73% была углеродной,

58 Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline. www.cleanenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).

59 Renewable Energy in Iran www.satba.gov.ir/suna_content/media/.../5196_orig.pdf?t... (дата обращения 12.01.2018)

60 Renewable Energy in Iran www.satba.gov.ir/suna_content/media/.../5196_orig.pdf?t... (дата обращения 12.01.2018)

61 National Renewable Energy Action Plan for Turkey www.ebrd.com/.../turkey-national-renewable-energy-action-... (дата обращения ...)

25% её обеспечивали ГЭС и только 2% - новые ВИЭ⁶². Подобная структура энергетического баланса и высокая степень зависимости от импорта энергоносителей опасна для устойчивого экономического развития, что диктует необходимость опережающего развития альтернативных источников энергии. В этом же направлении страну подталкивают требования ЕС, кандидатом на вступление в который она является, о приведение в соответствие с нормами этой организации объёмов выбросов диоксида углерода, уровня энергоэффективности, перевода транспорта на электроэнергию, энергетического законодательства и тарифной политики. Поэтому в национальных энергетических программах развитию ВИЭ отдан приоритет. Уже к 2023 г. Турция намеревается сократить до 50% долю ТЭС в структуре выработки электроэнергии, увеличить до 27% долю ГЭС и до 23% - долю ВИЭ⁶³. Мощности ГЭС за 2013-2023 гг. увеличатся на 53%, ветровой энергетики — на 625%, геотермальной — на 223%, энергетики на основе биомассы — на 346%⁶⁴. Солнечная энергетика будет развиваться с нуля и к 2023 г. её мощности составят четверть мощностей ветровой энергетики⁶⁵.

Анализ перспективных планов развития энергетики стран Востока показывает, что ВИЭ начали повсеместно приобретать статус наиболее перспективного источника энергии. Этому способствовали растущая конкурентоспособность технологий альтернативной энергетики, необходимость решения проблемы экологической безопасности, многочисленные политические инициативы, стимулирующие развитие «зелёной» энергетики,

11.01.2018)

62 National Renewable Energy Action Plan for Turkey
www.ebrd.com/.../turkey-national-renewable-energy-action-... (дата обращения 11.01.2018)

63 National Renewable Energy Action Plan for Turkey
www.ebrd.com/.../turkey-national-renewable-energy-action-... (дата обращения 11.01.2018)

64 National Renewable Energy Action Plan for Turkey
www.ebrd.com/.../turkey-national-renewable-energy-action-... (дата обращения 11.01.2018)

65 National Renewable Energy Action Plan for Turkey
www.ebrd.com/.../turkey-national-renewable-energy-action-... (дата обращения 11.01.2018)

беспрепятственный доступ к финансированию проектов. Как следствие, возникают все новые рынки централизованной и распределенной электрической генерации на основе ВИЭ во всех регионах Востока.

Список литературы:

1. A roadmap for Renewable Energy in the Middle East and North Africa <https://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp.../01/MEP-6.pdf>.
2. Bloomberg New Energy Outlook 2017 <https://about.bnef.com/en/energy/energy-outlook> (дата обращения: 18.12.2017)
3. Global Trends in Renewable Energy. KPMG. <https://home.kpmg.com/.../Global> -..(дата обращения: 04.01.2018)
4. Japan Energy Plan. Ministry of Economy, Trade and Industry. www.enecho.meti.go.jp/en/category/.../energy_plan_2015.p... (дата обращения 03.01.2018).
5. International Energy outlook <http://www.eia.gov/ieo> (дата обращения 11.12.2017)
6. National Renewable Energy Action Plan for Turkey www.ebrd.com/.../turkey-national-renewable-energy-action-... (дата обращения 11.01.2018)
7. Outlook for Renewable Energy from an Asian Perspective. Asia Clean Energy Forum 2016. ADB, Manila, 9 June 2016. <https://d2ocOihd6a5bt.cloudfront.net/.../1-Jason-Waldie-Outl...> (дата обращения: 03.01.2018)
8. Outlook for Energy ExxonMobil corporate.exxonmobil.com/en/energy/energy-outlook (дата обращения 19.12.2017)
9. Renewable Energy in India: Growth and Targets. Ministry of New and Renewable Energy. 13 May 2015. cseindia.org/.../Renewable%20Energy%20in%20India%20G... (дата обращения 03.01.2018)
10. Renewable Energy in China. DBS Asia Insights. November 2016. <https://www.dbs.com/.../pdfController.page?pdfpath=/.../pdf/...> (дата обращения 03.01.2018).
11. Renewables 2016. Global Status Report. Ren 21 Secretariat. P.,

2017. (дата обращения 27.12.2017)
12. Renewable Energy Rises Across Asia. IRENA. Quarterly, 2017. sun-connect-news.org/.../IRENA_Quarterly_2017_Q4.pdf (дата обращения 11.01.2018).
 13. Renewable Energy in Iran
www.satba.gov.ir/suna_content/media/.../5196_orig.pdf?t... (дата обращения 12.01.2018)
 14. Renewable Energy Sector in Emerging Asia: Development and Policies. ESCAP, UN Working Paper Series, #1, Jan. 2017.
www.unescap.org/.../TIDWP-Renewable-Energ-Sector.pdf (дата обращения 29.11.2017)
 15. Phillip Riley. The Future is Renewable. South Korea. May 2017.
phillipriley.com.au/wp.../2017/.../IDR-Report-South-Korea.pdf... (дата обращения 11.01.2018)
 16. Squire Sanders. The Future for Renewable Energy in the MENA Region. Clean Energy Pipeline.
www.cleanenergypipeline.com/.../the%20future%20for%20r... (дата обращения 15.01.2018).
 17. Subsidies Reform in MENA.,
[p.5/https://www.imf.org/external/ns/es.aspx?id=276](https://www.imf.org/external/ns/es.aspx?id=276) (дата обращения 12.12.2017)
 18. World Energy Outlook 2016. IEA, P., 2017.

Кандалинцев В.Г.
Экономический рост и ПИИ в странах Азии и Африки

К.э.н., Старший научный сотрудник
Отдел экономических исследований
Институт востоковедения РАН
blisvet2011@yandex.ru

В последние десятилетия центры экономического роста и центры притяжения ПИИ все более смещаются в развивающиеся страны, особенно в Азию. Это привело к тому, что доли развивающихся стран в мировом ВВП и мировых накопленных входящих ПИИ (НВПИИ) значительно выросли. При этом динамика этих двух показателей у разных стран весьма различна. В целях анализа роли иностранного капитала в экономическом росте стран Азии и Африки в данной статье выделяются группы стран с соответствующими характеристиками:

А. «Рост доли в мировом ВВП выше, чем рост доли в мировых НВПИИ».

В. «Рост доли в мировом ВВП ниже, чем рост доли в мировых НВПИИ».

С. «Рост доли в мировом ВВП и падение доли в мировых НВПИИ».

Д. «Падение доли в мировом ВВП и рост доли в мировых НВПИИ».

Е. «Падение доли в мировом ВВП меньше, чем падение доли в мировых НВПИИ».

Ф. «Падение доли в мировом ВВП больше, чем падение доли в мировых НВПИИ».

Распределение стран Азии и Африки по шести группам позволяет сосредоточиться на вопросе о том, какую общую роль сыграл иностранный капитал в экономическом росте тех или иных стран.

Группа А: рывок с иностранной помощью

Для стран, входящих в группу А, характерно наличие существенного внутреннего потенциала роста в сочетании с

привлекательностью для иностранного капитала. Это создает благоприятные условия для взаимодействия национальной экономики с ПИИ. Наиболее эффективный вариант такого взаимодействия заключается в том, что привлеченный иностранный капитал встраивается в национальное воспроизводство и начинает играть роль катализатора экономического роста. В свою очередь, увеличение темпов экономического роста еще более повышает привлекательность страны и порождает следующую волну притока ПИИ и т.д.

Этот циклический процесс на определенном этапе приводит не только к «двойному» росту (т.е. росту как доли в мировом ВВП, так и доли в мировых НВПИИ), но и опережению темпа экономического роста в сравнении с темпом накопления ПИИ. Подобный сценарий выгоден для национальных экономик, но по определению не все страны могут его реализовать. Так, из 38 стран Азии к группе А относятся 9 стран, из 54 стран Африки – 11 стран.

Китай – наиболее очевидный пример принадлежности к группе А. За период 2000 – 2016 гг. Поднебесная более чем в 4 раза увеличила свою долю в мировом ВВП и почти в 2 раза долю в мировых НВПИИ (см. табл.1). Соответственно, ее коэффициент опережения темпа экономического роста над темпом накопления ПИИ превысил 2. Следует признать, что Китай умело выстраивал отношения с иностранным капиталом в интересах развития страны. Это проявилось в том, что, открывая свой огромный рынок для предприятий с ПИИ, китайская сторона обязательно стремилась получить в обмен как можно более передовые технологии. Эти технологии быстро получали распространение, а в некоторых случаях даже существенно улучшались силами китайских специалистов. Таким образом, формировался и поддерживался современный тип экономического роста, базирующийся на инновациях и технологическом развитии.

Еще один пример – Нигерия. Темп роста доли этой страны в мировом ВВП лишь немного уступал аналогичному показателю Китая, но рост доли в мировых НВПИИ был заметно ниже. В итоге коэффициент опережения в Нигерии достиг значительной величины - 3,5. Означает ли это, что в экономике Нигерии успешно реализуется взаимодействие экономического роста и роста

накопления ПИИ? Некоторые зарубежные исследования это подтвердили.

Так, в одном из таких исследований изучалась взаимосвязь между притоком иностранного капитала и экономическим ростом в Нигерии за период 1981-2014 гг. с использованием методологии проверки причинности Тода-Ямамото. Это исследование показало наличие двунаправленной причинности от ВВП к ПИИ, а также от ПИИ к ВВП [3]. Еще одно исследование, проведенное в рамках векторной модели коррекции ошибок на данных за 1981-2013 гг. подтвердило для Нигерии положительную и существенную взаимосвязь между экономическим ростом и ПИИ [4].

В Азии в группу А входят: Китай, ЛНДР, Мьянма, Филиппины, Вьетнам, Пакистан, Шри Ланка, Бахрейн, Ливан.

В Африке к группе А принадлежат: Египет, Гвинея-Биссау, Нигерия, Сьерра-Леоне, Бурунди, Камерун, Чад, Экваториальная Гвинея, Танзания, Ангола, Замбия.

Коэффициент опережения варьируется в названных странах в довольно широких пределах. Поэтому некоторые страны (с коэффициентом опережения чуть больше единицы) лишь формально относятся к группе А, а реально представляют пограничный вариант между группами А и В. Таковы Пакистан ($K=1,06$), Ливан ($K=1,06$), Египет ($K=1,03$) и Танзания ($K=1,03$).

Таблица 1. ВВП и НВПИИ в странах Азии и Африки (распределение по группам на примере 10-ти стран)

Группа В: ориентация вовне

В данной группе рост доли страны в мировых НВПИИ опережает рост доли в мировом ВВП. В целом такая ситуация означает, что иностранный капитал находит страну привлекательной прежде всего с точки зрения использования ее в качестве площадки для региональной экспансии или звена в глобальных цепочках создания стоимости и движения капитала.

Таблица 1. ВВП и НВПИИ в странах Азии и Африки (распределение по группам на примере 10-ти стран)
 Источник: рассчитано автором по [1] и [2].

Страна	ВВП, 2000 г. (млрд долл.)	ВВП, 2016 г. (млрд долл.)	% мирово- го ВВП, 2000 г.	% мирово- го ВВП, 2016	% НВПИИ, 2000 г. (млрд долл.)	НВПИИ, 2016 г. (млрд долл.)	% НВПИИ, 2000 г.	% мировых НВПИИ, 2000 г.	% мировых НВПИИ, 2016 г.	Темп роста доли в мировом ВВП, %	Темп роста доли в мировых НВПИИ, %	К опереже- ния/ Отстава- ния
<i>Группа А</i>												
Китай	1 211,3	11 199,1	3,61	14,77	193,3	1 354,4	2,58	5,07	409,2	196	196	2,08
Нигерия	46,4	404,7	0,14	0,53	23,8	94,1	0,32	0,35	386,1	111	111	3,48
<i>Группа В</i>												
Сингапур	95,8	297,0	0,29	0,39	110,6	1 096,3	1,48	4,10	137,1	278	278	0,49
Марокко	38,9	103,6	0,12	0,14	8,8	54,8	0,12	0,20	118	174	174	0,68
<i>Группа С</i>												
Малайзия	93,8	296,5	0,28	0,39	52,7	121,6	0,70	0,46	139,9	65	65	2,17
Ботсвана	5,8	15,6	0,02	0,02	1,8	5,8	0,02	0,02	119,1	89	89	1,33
<i>Группа D</i>												
ДР Конго	19,1	31,9	0,06	0,04	0,6	21,2	0,01	0,08	74	962	962	0,08
Мозамбик	5,0	11,0	0,01	0,01	1,2	31,8	0,02	0,12	97,2	714	714	0,14
<i>Группа E</i>												
Бруней- Даруссалам	6,0	11,4	0,02	0,02	3,9	5,7	0,05	0,02	84,1	42	42	2,02
Южная Африка	136,4	295,5	0,41	0,39	43,5	136,8	0,58	0,51	95,9	88	88	1,09

Очевидный пример – Сингапур. За период 2000 – 2016 гг. его доля в мировом ВВП повысилась вдвое меньше, чем доля в мировых НВПИИ (см. Таблицу 1). Притягательность Сингапура для ПИИ отчасти объясняется превосходным инвестиционным климатом в этом государстве, но также и его стратегическим положением в регионе (в центре коммуникаций и транспортных маршрутов). Страна давно и успешно играет роль регионального центра, через который регионально и глобально выстраиваются производственные цепочки и перераспределяются потоки капитала.

В Африке одной из стран группы В является Марокко. Темпы роста долей в мировых ВВП и НВПИИ у этой страны заметно ниже, чем у Сингапура, а отставание темпа экономического роста от темпа накопления ПИИ менее выражено. Тем не менее, ориентация иностранного капитала на региональные операции и здесь ощутима.

Проявляется это, с одной стороны, в том, что 44% НВПИИ Марокко приходится на два ближайших средиземноморских соседа – Францию (34%) и Испанию (10%) [5]. С другой стороны, в Плате ускорения промышленного развития страны до 2020 г. недвусмысленно заявляется, что «проводимая стратегия призывает всех экономических операторов ... повышать уровень сотрудничества с африканскими странами в целях закрепления позиции Марокко как ворот для международных инвестиций на континент» [6]. Другими словами, в марокканской стратегии четко осознается и принимается в качестве важной цель развития страны как регионального хаба для ПИИ. Можно отметить, что попытка усилить такую роль в международных потоках прямых инвестиций вполне естественна для страны, входящей в группу В.

В Азии к группе В принадлежат 19 стран: Южная Корея, Монголия, Камбоджа, Индонезия, Сингапур, Таиланд, Бангладеш, Бутан, Индия, Иран, Мальдивы, Непал, Иордания, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Турция, ОАЭ.

В Африке к группе В относится 23 страны: Алжир, Марокко, Судан, Бенин, Буркина Фасо, Кабо Верде, Гана, Гвинея, Мали, Мавритания, Нигер, Сенегал, Того, Конго, Руанда, Коморы,

Джибути, Эфиопия, Кения, Мадагаскар, Маврикий, Сейшелы, Уганда.

Группа С: опора на собственные силы

Если группы А и В представляют два варианта одного позитивного сценария «двойного роста», то группы С и D характеризуют более противоречивый сценарий, в котором один из двух показателей растет, а другой падает.

В группе С растет доля страны в мировом ВВП, но падает доля в мировых НВПИИ. Группа С сравнительно малочисленна. В Азии в нее входят Малайзия и Йемен, в Африке – Кот д'Ивуар, Либерия, Ботсвана, Лесото, Малави, Намибия и Зимбабве.

В Малайзии темп роста доли в мировом ВВП даже немного выше, чем в Сингапуре. Но при этом доля в мировых НВПИИ сократилась значительно (см. Таблицу 1). В результате коэффициент отставания темпа накопления ПИИ превысил 2.

В одном из зарубежных исследований подчеркивается позитивная роль ПИИ в Малайзии как в краткосрочном, так и долгосрочном планах. Особо отмечается роль успешного развития финансового сектора страны, благодаря чему «местные финансовые посредники могут направлять ПИИ в производительные сектора и, таким образом, стимулировать дальнейший экономический рост» [7].

Однако развитость финансового сектора означает и то, что данный сектор способен обеспечивать местные компании заемными средствами в рамках проектного финансирования и стимулировать их инвестиционную активность. Это ведет к тому, что экономический рост в Малайзии все больше обеспечивается местными компаниями, а потребность в ПИИ относительно снижается. С другой стороны, внутренний рынок страны не столь велик, а потому сложно привлечь ПИИ, которые ориентированы на освоение внутреннего спроса. Наконец, низкие цены на сырьевые товары и сокращение экспорта означают снижение привлекательности тех ПИИ, которые ориентированы на глобальные цепочки создания стоимости. Эти и другие причины во многом объясняют нахождение Малайзии в группе С.

В Африке одной из стран группы С является Ботсвана. Рост доли Ботсваны в мировом ВВП происходил в два раза медленнее, чем рост аналогичной доли Малайзии. Но и сокращение доли в мировом ВВП у Ботсваны происходил в шесть раз медленнее. Отсюда и умеренное значение коэффициента отставания – 1,33. Анализ структурных сдвигов в ВВП Ботсваны показывает, что доля добывающей промышленности (в основном, добыча алмазов) в последние годы имеет тенденцию к сокращению; также наблюдается определенный избыток частных инвестиций в данный сектор. В результате возникает процесс структурной адаптации, в котором необходимым элементом является некоторое сокращение притока ПИИ. Этот процесс и обуславливает пребывание Ботсваны в группе С.

Группа D: анклавность ПИИ

В странах, входящих в группу D, растет доля в мировых НВПИИ, но падает доля в мировом ВВП. Это очень малочисленная группа, причем в Азии вообще нет стран с такой динамикой рассматриваемых показателей. В Африке к группе D принадлежат ЦАР, Демократическая республика Конго и Мозамбик.

Рассмотрим в качестве примера Мозамбик. Страна является своего рода рекордсменом среди наименее развитых стран по привлечению ПИИ. Решающую роль в этом сыграли мега-проекты: сначала алюминиевый завод Мозал, а затем мега-проекты в добывающей промышленности. Естественно, что данные мега-проекты были ориентированы на внешние рынки, и потому их вклад в ВВП страны не создавал каталитического эффекта, подстегивающего рост национальной экономики. Здесь ПИИ формируют анклавные территории экономического развития. Поэтому в интересах экономического роста мега-проекты необходимо дополнять и менее масштабными, но более связанными с национальной экономикой проектами.

Группа Е: дефицит стимулов для ПИИ

В группе Е падает как доля страны в мировом ВВП, так и доля в мировых НВПИИ, но последний показатель сокращается быстрее первого. В Азии в эту группу входит Бруней-Даруссалам, в Африке – Тунис, Гамбия, Южная Африка и Свазиленд.

На протяжении 2000 – 2016 гг. Бруней-Даруссалам демонстрировал скромные (ниже среднемировых) темпы роста ВВП и НВПИИ, и потому его доля в аналогичных мировых показателях сократилась. Пример данного небольшого государства говорит о том, что найти перспективную нишу в международном разделении труда и привлечь в существенных объемах ПИИ непросто. И даже первоначально преуспевшие в этом страны, как, в частности, Южная Африка, могут испытать в дальнейшем проблемы.

Сокращение доли ЮАР в мировых НВПИИ вызвано рядом факторов. Из них можно отметить следующие: падение цен на ископаемые ресурсы и снижение привлекательности инвестиций в горнодобывающую промышленность; конкуренция со стороны некоторых стран Африки, соперничающих с ЮАР за роль хаба в потоках ПИИ; снижение эффективности инвестиций в трудоемкие сектора вследствие относительной дороговизны рабочей силы в стране и др.

Группа F: пока не актуально

Наконец, группа F – где доля страны в мировом ВВП падает быстрее доли в мировых НВПИИ. В Азии и Африке таких стран нет. В Латинской Америке, за исключением маленькой Доминики, тоже.

В группе F находятся некоторые промышленно-развитые страны: Финляндия, Италия, Нидерланды, Португалия, Великобритания. Глобальный процесс перемещения центров экономического роста и инвестиций в развивающиеся страны (особенно в Азию) привел к тому, что в «отстающие» попали несколько высокоразвитых стран.

Заключение

Основной целью данной статьи было рассмотреть распределение стран Азии и Африки по группам в зависимости от соотносительной динамики двух базовых показателей - их долей в мировом ВВП и мировых НВПИИ. Анализ данного распределения показал, что большинство названных стран относятся к группам с позитивной динамикой базовых показателей (группа А – 20 стран, группа В – 42 страны).

Значительно меньшее число стран входит в промежуточные или переходные группы, сочетающие увеличение одного и уменьшение другого базового показателя (группа С – 9 стран, группа D – 3 страны). Еще меньше стран с негативной динамикой обоих базовых показателей (группа Е – 5 стран, группа F – 0 стран).

Полученные данные говорят о том, что участниками глобального процесса смещения центров роста и инвестиций в развивающиеся страны являются большинство стран Азии и Африки, при этом 20 из них (группа А) реализуют в целом наиболее предпочтительный сценарий взаимодействия экономического роста и накопления ПИИ.

Вместе с тем, 17 стран (группы С, D, Е) показывают противоречивую или негативную динамику базовых показателей, что свидетельствует о том, что они участвуют не в полной мере, а некоторые из них даже вовсе не участвуют в глобальном процессе смещения центров роста и инвестиций в развивающиеся страны.

Список литературы:

1. Интернет-источник: <http://databank.worldbank.org>. Дата обращения – 5 марта 2018 г.
2. World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy. UNCTAD, Geneva, 2017.
3. Okafor, I.G., Ugochukwu, U.S. and Chijindu, E.H. Foreign Capital Inflows and Nigerian Economic Growth Nexus: A Toda Yamamoto Approach. European

Journal of Accounting, Auditing and Finance Research, №4, 2016, pp.16-26.

4. Umaru, A., Gambo, E. and Pate, H.A. Foreign Direct Investment and the

Growth of the Nigerian Economy. Journal of Economics and Development Studies,

№3, 2015, pp. 193-211.

5. Интернет источник: <https://www.state.gov>. Дата обращения – 5 марта 2018 г.

6. Интернет-источник: <http://www.invest.gov.ma/>. Дата обращения – 5 марта 2018 г.

7. International Journal of Economics and Financial Issues, 2017, 7(3), pp. 382-388.

Немчинов В.М.
Альтернативные контуры экономики домохозяйств
в XXI веке

К.э.н., Старший научный сотрудник,
Отдел экономических исследований
Институт востоковедения РАН
diaversity@mail.ru

Настоящий сборник, посвященный памяти нашего коллеги, замечательного исследователя-экономиста Виктора Георгиевича Растянникова, сегодня представляется как никогда более актуальным в силу радикального изменения соотношения факторов производства и начинающегося стремительного перехода к принципиально новым парадигмам мирохозяйственных отношений. Кибернетическая революция привнесла качественно иные взаимосвязи между миром природы и искусственно воссоздаваемыми культурными мирами. Если промышленная революция поставила природный мир на грань экологической катастрофы, то впереди нас ждет антропологическая катастрофа, если человечество не научится изменять свои устоявшиеся представления о природе властных и экономических отношений. Это требует серьезных перемен в существующих политэкономических теориях, в культуре экономического поведения, в нашем общем миропонимании, и потому создает особые сложности для качественного управления национальным, региональным и глобальным экономическим развитием. Сегодня ни в одной стране мира нет должного качества управления экономикой. Стремительно наступающий электронный XXI век непривычно резко завершает предыдущую доцифровую биполярную промышленно-индустриальную эпоху преодоления отсталости и экономической зависимости, в прошлом веке относившуюся, скорее, исключительно к Востоку, скрупулезному изучению которого посвятил свою научную деятельность В. Г. Растянников.

Если в то время, после завоевания политической независимости, растущая смешанная национальная экономика и ее

госсектор для многих стран открывали возможность планомерного перехода к более высокому качеству жизни, то теперь ситуация изменилась. После политического и экономического распада мировой системы социализма возросла неустойчивость многих хозяйственных систем, и число стран, *де факто* попадающих в число экономик «третьего мира» и «зарождающихся новых рынков сбыта», стало стремительно увеличиваться. Одновременно стали сужаться давно устоявшиеся возможности удержания сбалансированного контроля над многоукладными национальными и этно-региональными структурами.

То, что когда-то начинали обозначать как страны «четвертого мира», в последние годы превратилось в несостоявшиеся государства «failed states», где гражданская война, навязывание миру террористической угрозы, инспирированные этнические конфликты и криминальная экономическая активность становятся привычными инструментами «хозяйствования». Начинают испытывать серьезные социальные трудности и некоторые европейские страны: одни, попавшие в ловушку экономического дефолта, другие, находящиеся в ожидании уже объявленного окончания масштабного евросубсидирования, сменившего былую «социалистическую» интеграцию.

Все это вводит в политическую повестку дня усиливающиеся популистские позиции ультраправых сил, заинтересованных в консервативном пересмотре общественного консенсуса по реализации путей и возможностей дальнейшего хозяйственного прогресса. События последних тридцати лет опрокинули надежды тех экономистов, которые полагали, что развивающиеся и разваленные экономики будут относительно легко и с энтузиазмом приняты в клуб высокоразвитых стран. Окончательное понимание того, что это не произойдет, лежит в основе новейших размышлений об альтернативной экономике, как в евразийском регионе, так и на Востоке в целом. «Национальные экономические реформы последних десятилетий так и не смогли или не стремились вовлечь в частнокапиталистическое воспроизводство мелких и мельчайших собственников, скорее наоборот, это поколение в целом оказалось вытесненным из современного производственного процесса. В силу

объективных и субъективных обстоятельств они оказались в «экономическом нокауте», когда потери при обмене или работе по найму превышают получаемую прибыль. В итоге резко выросла численность нетоварных и докапиталистических угасающих производств. В таких хозяйствах вырабатываемый укладный продукт превращается в товар лишь вследствие внеэкономического принуждения, минуя мотивацию самого производителя, через институт сдач и многочисленных посредников. Бенефициаром здесь оказывается быстро растущий бюрократический уклад. В итоге на одном социальном полюсе аккумулируется рост без развития, а на другом одновременно блокируется экономическая субъектность значимой массы населения»¹.

Одновременно с этим в развитых странах также растет недовольство безальтернативным засильем несменяемого правления истеблишмента, политическим диктатом евробюрократии, все чаще навязывающей общие решения, невыгодные отдельным странам и наиболее экономически активным группам населения. Электронное правительство, доступная возможность отслеживать и делать общественным достоянием любые ранее закрытые действия ключевых групп интересов позволяет отбрасывать иллюзии, которым человечество веками платило тяжелую гуманитарную дань. Появляются группы населения, чей уровень эффективной самоорганизации уже сейчас намного превосходит тот, что наблюдается в крупных частных корпорациях и в государственной машине. На национальном уровне эти группы начинают относиться без энтузиазма не только к необходимости содержать свой государственный аппарат, но и прямо декларируют свою полную независимость от государственных и частнопредпринимательских институтов².

¹ Немчинов В. Евразийская экономическая интеграция в условиях роста геополитической и геоэкономической нестабильности: потенциал многоукладности, самозанятости и внерыночных форм хозяйства. IV международный экономический форум «Евразийская экономическая перспектива»: сборник докладов / по ред. проф. И. Максимцева. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 222 с. С. 37.

² См. Rob van Kranenburg Task force on subsidiarity, proportionality and doing less more efficiently. Электронный ресурс.

Теперь рассмотрим едва только начинающую формироваться грядущую альтернативу нынешнему мирохозяйственному развитию, хотя общее число различных вариантов отхода от преобладающей парадигмы общества всеобщего потребления уже приближается к двум десяткам. Именно поэтому важно обратить наше внимание на намечающиеся сдвиги в фундаментальных вопросах новейшей общественной эволюции современного мира, заново оценить то, что будет сохраняться в предстоящие десятилетия экономического роста, а что потребует серьезного пересмотра многих общепринятых и устоявшихся параметров оценки национального и мирового хозяйственного развития.

Если говорить о том, что сохранятся и будет усиливаться, то это, во-первых, растущая автоматизация, компьютеризация и дальнейшая интенсивная роботизация производственно-сбытовых процессов, призванная максимально экономить, а по возможности, и дальше решительно вытеснять живой труд. Причем, поскольку этот процесс в большей степени затрагивает высокотехнологичные производства, то он в одинаковой мере будет проникать в страны Запада и Востока, идущие по пути опережающего развития. В этих же частях света еще более интенсивными темпами будут развиваться самые передовые исследования в сфере НИОКР, меняющие параметры развития, воспроизводства и потребления, но сохраняющие без существенного изменения модель экономической культуры.

Эта модель пока еще позволяет транснациональным корпорациям в каждом отдельном случае манипулятивно коммерциализировать любой новый технологический прорыв, независимо от уровня его общечеловеческого потенциала. Исключение, скорее всего, составляют безлюдные производства, где нет места эксплуатации человека человеком, где полностью отсутствует столь важная правовая категория налогообложения роботов, которым, разумеется, «не интересен» никакой социальный договор с государством. Главное, что здесь

https://ec.europa.eu/commission/priorities/democratic-change/better-regulation/task-force-subsidiarity-proportionality-and-doing-less-more-efficiently_en#managementandmembers (дата обращения 18.03.2018)

утрачивают привычный смысл и перестают работать все устоявшиеся политэкономические категории. Исчезают не только рабочие руки, лишается содержания трудовая теория стоимости, а производимый продукт, не имея первоначальных мотивов его изготовления, не обретает никаких товарных свойств. Важно отметить, что теперь и в сфере человеческой активности наблюдается растущее исчезновение товарности в производимых цифровых продуктах. Ярким примером того, как людям может быть длительное время интересна эффективная работа без денежной оплаты и производство общественно полезного продукта без всякого признания в нем доли личного участия, может служить такая широко востребованная транснациональная инициатива как википедия.

Во-вторых, пока никто из экономических игроков мирового хозяйства не собирается пересматривать общепринятые аналитические и статистические методы оценки динамики развития. Современные политэкономические теории, равно как эконометрические и прогнозные исследования хозяйственной активности, методологически строятся по одному главному принципу – учету и оценке измеримых линейных последовательностей. Тому есть фундаментальное логическое обоснование. В самом деле, как иначе можно выстраивать сопоставительные ряды, как измерять результаты хозяйственной деятельности, как планировать и прогнозировать будущие экономические показатели, если не методом экстраполяции трендов на основе уже имеющихся статистических данных. Сопоставительная отправная точка «бенчмарк», – это основа всей существующей системы мировой статистики. Но мы далеко не уйдем, пока действует ключевой принцип нашего отечественного целеполагания – планирование от достигнутого результата, а теперь и просто бесплановое перераспределение финансовых средств. Разумеется, так оно будет оставаться и впредь, пока сохраняется необходимость, как гласит народная мудрость, «танцевать от печки», поскольку опора на «математическое моделирование» представляется наиболее целесообразной.

Но почему? Так ли универсален и надежен этот арифметический принцип во взрывном, резко изменчивом и малопредсказуемом XXI веке? Он, безусловно, был применим в

свое время для парадигмы экстенсивного экономического развития и основанных на нем прикидок на предстоящие периоды. Но сейчас совсем другая эпоха, а бюрократическое управление и недавно огосударствленными, и традиционными госпредприятиями в своем видении будущего, увы, остается прежним. Оно ограничено именно этим узким и, казалось бы, надежным горизонтом «от достигнутого», равно как и расчетами по «справочным ценам». Описывая в 1869 году то, что «бывало в старину», Василий Верещагин приводит, к примеру, такие веками неискоренимые свидетельства: «с продовольствия ротных лошадей или с освещения все-таки перепадает кое-что ротному командиру, перепадает совершенно уже “без греха”; “потому что, говорил Эман, если я зажгу в казармах все полагающееся количество свечей, то подумают, что я или захотел сделать иллюминацию, или сошел с ума!” В этом же роде говорил и милый, весьма образованный артиллерийский офицер Р.: “Невозможно скормить лошадям все, что отпускается по положению – они падут на ноги”. Вот и остается в руках экономия, усиленная еще тем, что в этих благодатных местах четверть ячменя покупается, напр., по рублю, а справочная цена, уплачиваемая казною, три с половиной рубля – разница не малая»³. Эта сверхустойчивая картина расчета хозяйственной жизни сегодня, будем надеяться, оказывается уже все менее надежной и должна становится неприемлемой. Ведь такая расточительная усредненность не позволяет многим странам даже надеяться на то, чтобы занять передовые позиции в мировом хозяйстве, не говоря уже о насущном прорыве в новейшие постиндустриальные человекоберегающие и общественно насущные гуманистические хозяйственные технологии. Здесь требуются совершенно другие формы учета субъективных и объективных общественных интересов.

Другая стратегия экономического целеполагания, также существующая уже более столетия и до сих пор успешно применявшаяся в практике ускорения национального роста,

³ Верещагин В. На войне в Азии и Европе: Туркестанская кампания, китайская граница, русско-турецкая война. М.: Ленанд, 2016. – 400 с. С 68 – 69.

достаточно полно исследована в отечественном востоковедении⁴. Она строится на технологиях догоняющего развития, адаптированных к местным условиям. В их основе лежит принцип повторения успешных достижений экономически передовых стран. Используя сравнительные преимущества национального хозяйства, эта модель копирования становилась не только рычагом перехода на элементы интенсивного типа воспроизводства, но и во многом способствовала ускоренной модернизации автохтонного общества. Догоняющее развитие, подробно представленное в концепциях НМЭП, стимулировало вхождение новых участников в международное разделение труда, но сохраняло относительные и абсолютные различия в приоритетах, уровнях потребления и качестве жизни на Западе и на Востоке. Но если наиболее динамичная часть Востока научилась сглаживать эти различия, сдерживая взрывные всплески социальных противоречий, то в других - отсталых, застойных или экономически подорванных частях развивающегося мира пресловутый демонстрационный эффект вызывает неконтролируемые волны миграции, стремление к обострению конфликтов и к новому упадению в архаику.

На этом драматичном фоне все более востребованным будет становиться третий вариант – стратегии прыжкового развития. Этот вариант принимается от осознания того, что выход из нерешенных проблем не может быть найден в достаточно бесперспективной практике только догоняющего развития. Но при этом возникает непростой и отчасти провокационный вопрос: в какую сторону будет совершаться прыжок из сложившейся неблагоприятной ситуации? Кажется, что единственным приемлемым рациональным ответом будет стремление совершить прыжок вперед, в будущее, на пока еще неосвоенную другими хозяйственно-социальную площадку, стремление выйти в новую плоскость общественных отношений. И на этот перспективный путь встанут многие развивающиеся страны. Однако опыт последних десятилетий показывает, что искомый прыжок из сложившегося положения может быть сделан не только вперед, но

⁴ Немчинов В. Восприятие догоняющего развития в общественном самосознании // Что догоняет догоняющее развитие: поиски понятия. М.: ИВ РАН, 2011, с. 174 – 183.

и назад, - в сторону разрушения своей хозяйственной жизни. Бегство назад в архаику, в утопическое представление о потерянном «золотом времени», которое якобы можно вернуть, пойдя против ведущего вектора мирового исторического развития путем отказа от «западной», а по сути универсальной модели человеческого прогресса, на наших глазах происходит вовсе не как хантингтоновское столкновение цивилизаций, а, напротив, как прямой отказ от цивилизованного мировидения и как во многом неожиданное впадение в новое варварство.

Мобилизационные экономики закрытого, квази-рабского эксплуататорского типа в своих самых разных формах могли бы, отчасти, представляться еще идеологически «привлекательными» в прошлом веке махрового национализма и этнической нетерпимости. Но в разворачивающемся мире универсального распространения и повсеместного господства электронных, симультанных, всепроникающих обратных связей коммуникативной экономики интернета вещей и интернета человеческого общения такой старый, по своей сути азиатский, способ производства окончательно лишается возможности быть общественно терпимым. При этом было бы наивно полагать, что многочисленные паразитарные формы извлечения дохода могут сами безболезненно уйти в прошлое. Однако пространство теневой экономики будет сокращаться. Его все труднее будет удерживать в информационной тени.

И здесь необходимо от разговора о том, что сохраняется в экономической культуре, перейти к осмыслению того, что будет пересматриваться в хозяйственной практике и в политэкономической картине современного миропонимания. Изменения эти происходят в последнее время весьма активно, особенно после валютно-финансового кризиса 2008 года. И хотя они относятся, главным образом, к требованию легальности, адресной привязки доходов физических и юридических лиц, их значение выходит далеко за рамки противодействия отмыванию криминальных доходов. При этом то, что еще лет десять тому назад было вполне приемлемым с точки зрения «законной оптимизации налоговых платежей», сегодня стало активно преследоваться в международном масштабе. Говорят, что просто изменилось политэкономическое время, а мотивы поведения

людей остаются прежними. На самом деле, благодаря бурному росту доступных человеку знаний, мотивационные перемены стали значительно глубже.

У многих людей во всем мире появляется интерес к обретению достойной жизни. Это стремление выходит далеко за пределы ценностей и интересов общества всеобщего потребления, которое ставит целью давать по приемлемой цене массовому потребителю то, что раньше было доступно только самому состоятельному слою. Наступает другое время. Время появления новой экономической этики, как в мировом, так и в локальном разрезе. Причем путь от концептуализации идей до их реализации и широкого внедрения в коллективное сознание занимает всего несколько лет. На наших глазах это произошло с общедоступными способами электронного управления окружающими нас предметами материального мира при помощи взрывного развития интернета вещей. Согласно оценкам консалтинговой компании Маккензи, интернет вещей значительно увеличил качество жизни людей в самых неожиданных областях⁵. Например, в удаленных районах Индии широкое наличие доступных устройств сотовой связи позволило сельским жителям объединиться и вытеснить торговых посредников, десятилетиями контролировавших сбыт производимой ими сельскохозяйственной продукции. Вслед за этим удалось вывести из правительственной, забюрократизированной технологии предоставления услуг многие специфические проблемы деревенской жизни. Коммуникационный прорыв распространяет свое влияние и за пределы чисто экономических вопросов в сферу альтернативной конфигурации домохозяйств. Там меняется структура семейных отношений, возрастает роль новых, дистантных форм образования и сезонной занятости, усиливается взаимная осведомленность и локальная солидарность местных жителей. Можно сказать, что внутрисемейный диалог получает качественно более эффективный хозяйственный инструментарий и вырастает в,

⁵ Harriet Green. The Internet of Things in the Cognitive Era: Realizing the Future and Full Potential of Connected Devices. http://www.mckinsey.com/insights/business_technology/the_internet_of_things_the_value_of_digitizing_the_physical_world (дата обращения 21.02.2018)

казалось бы, давно забытый, свойственный гидравлическим обществам малтилог⁶. «Сталкиваются два темпоральных механизма обмена: время свободного, неограниченного, хотя и ритмизованного “обращения” слов, поступков, даров и т. д., и отрицательная темпоральность, остановленного времени, закупоренного обмена»⁷.

В следующем материале мы подробнее коснемся вопроса, почему это так, и какие формы реальной, электронной и распределенной занятости и самозанятости будут возникать, распространяться и интересовать людей в ближайшие годы.

Список литературы:

1. Немчинов В. Евразийская экономическая интеграция в условиях роста геополитической и геоэкономической нестабильности: потенциал многоукладности, самозанятости и внерыночных форм хозяйства. IV международный экономически форум «Евразийская экономическая перспектива»: сборник докладов / по ред. проф. И. Максимцева. –СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. – 222 с.
2. Rob van Kranenburg. Task force on subsidiarity, proportionality and doing less more efficiently. Электронный ресурс. https://ec.europa.eu/commission/priorities/democratic-change/better-regulation/task-force-subsidiarity-proportionality-and-doing-less-more-efficiently_en#managementandmembers (дата обращения 18.03.2018)
3. Верещагин В. На войне в Азии и Европе: Туркестанская кампания, китайская граница, русско-турецкая война. М.: Ленанд, 2016. – 400 с.
4. Немчинов В. Восприятие догоняющего развития в общественном самосознании // Что догоняет догоняющее развитие: поиски понятия. М.: ИВ РАН, 2011.
5. Harriet Green. The Internet of Things in the Cognitive Era: Realizing the Future and Full Potential of Connected Devices.

⁶ Зайцев А. Малтилог. М.: Academia. 2001 288 с.

⁷ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, КДУ, 2006, с. 29 - 389 с.

http://www.mckinsey.com/insights/business_technology/the_inter_net_of_things_the_value_of_digitizing_the_physical_world (дата обращения 21.02.2018)

6. Зайцев А. Малтилог. М.: Academia. 2001 288 с.
7. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, КДУ, 2006. -389 с.

РАЗДЕЛ III.
АГРАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ
В XXI ВЕКЕ

Муранова А.П.
Аграрные проблемы Мьянмы

К.э.н. Старший научный сотрудник
Отдел экономических исследований
Институт востоковедения РАН
muranova@inbox.ru

Полувековая военная диктатура и изолированность страны, особенно после введения США и другими развитыми государствами санкций, привели к деградации экономики и обнищанию населения. Мьянма стала самой бедной страной в Юго-Восточной Азии. Валовой национальный доход на душу населения в 2015г. составлял в Мьянме 1190 долл. США, тогда как в соседнем Лаосе – 2000 долл., в Таиланде – 5690 долл., в Малайзии – 10490 долл. (1, с.145). В 2004-2005г. ниже черты бедности проживало 32,1% населения, а в периферийном наименее развитом регионе – Чинском даже 73,3%. В 2015г., по заявлению правительства, численность бедных снизилась в два раза (что и предписывалось программой Миллениума развития) [5, с.6].

К началу второго десятилетия текущего столетия, когда к власти пришло гражданское правительство, в стране накопился огромный пласт социально-экономических проблем, в первую очередь в сельском хозяйстве. Мьянма всё ещё остаётся преимущественно аграрной страной. По данным Азиатского банка развития, в 2000 г. из 46 млн человек населения в городах проживало лишь 27%, в 2015 г. из 52,9 млн человек горожан было только 29,2% [1, с.118]. В сельском хозяйстве занято 54% экономически активного населения и прямо или косвенно получают средства к существованию почти 70% населения.

Состояние всей экономики зависит, прежде всего, от положения в этом секторе. Однако в главной отрасли - земледелии наблюдается стагнационная динамика, в результате которой доля сельского хозяйства в производстве ВВП снижается. В 2000г. в сельском хозяйстве было создано 57,2% ВВП, в 2005г. – 46,7%, в 2010г. – 36,8%, в 2016г.- 25,5% [2]. Сокращение удельного веса данной сферы экономики происходит вследствие затухания темпов прироста продукции растениеводства при одновременной стремительной динамике роста промышленного производства и сферы услуг. Данный процесс хорошо просматривается при сопоставлении статистических данных таблицы 1.

Таблица 1. Годовые темпы прироста ВВП, продукции сельского хозяйства, промышленности и сферы услуг, %

Сферы экономики	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Всё сельское хозяйство	11,0	12,1	4,7	(-)0,7	1,7	3,6	2,8	3,4	(-)0,4
В том числе земледелие	11,0	10,7	4,0	(-)3,2	(-)0,2	2,2	2,2	...	...
Промышленность	21,3	19,9	18,6	10,2	8,0	11,4	12,1	8,3	8,9
Сфера услуг	13,4	13,1	9,5	8,5	12,0	10,3	9,1	8,7	8,0
ВВП	13,7	13,6	9,6	5,6	7,3	8,4	8,0	7,0	5,9

Источник: [2, 4]

Сельское хозяйство теряет свои позиции и как самый крупный получатель иностранной валюты - его серьёзно потеснили производители газа и нефть, а также текстильных изделий. Хотя физический объём продаж аграрной продукции за рубежом увеличивался (так, в 2000/01 г. на внешнем рынке было реализовано 251 тыс. т. риса и 831 тыс.т. бобовых, в 2014/15 г. - 461 тыс.т. риса и 1242 тыс. т бобовых) и доход от экспорта сельхозпродукции вырос с 356 млн долл. США в 2000/01 г. до 1240 млн долл. в 2014/15 г., доля сельскохозяйственных товаров в совокупной экспортной выручке страны сократилась с 18% в 2000/01 г. до менее 10% в 2014/15 г. (4,с.357).

Ещё одним показателем неблагополучия в аграрной сфере

является низкая продуктивность хозяйств. По данным Мирового банка, годовой доход фермера в Мьянме составлял всего лишь 194 долл., тогда как во Вьетнаме – 367 долл., в Камбодже – 434 долл., в Таиланде – 706 долл., Индонезии – 730 долл., на Филиппинах – 1.119 долл., в Малайзии – 6.680 долл. [5, с.14]. Это связано, в первую очередь с проблемами землевладения и землепользования. В материалах Сельскохозяйственной переписи, проведённой в стране в 2010г., отмечается, что в аграрной экономике преобладают мелкие хозяйства. Из 6.365 тысяч сельских домохозяйств, состоящих в среднем из 5 человек, имели землю 4.987 тысяч хозяйств (78,36%), в том числе у 36% хозяйств - участки более 5 акров, у 38,5% - от 1 до 5 акров и у 3,9% - менее 1 акра). Остальные 1.378 тысяч хозяйств (21,64%) были безземельными. Выборочное обследование 4000 домохозяйств показало, что размеры земельных владений сильно различаются в зависимости от региона. В 2012г. в рисопроизводящих районах - в районе Дельты и в прибрежных зонах - не имели земли 72% домохозяйств, в горных районах – 26%. Земельные участки тех, кто владел землей, также были различны: В районе Дельты и в прибрежной зоне 26% хозяйств располагали участком площадью 2 га и меньше, тогда как во всех остальных регионах большинство хозяйств имело участки площадью менее 2 га. Крупные землевладения имелись в районе Дельты и в прибрежной зоне (до 6,7 га), тогда как в остальных регионах страны землевладения гораздо мельче: 2,5 га в засушливой зоне и 1,4 га в горных районах.

Нынешнее состояние аграрного сектора является результатом воздействия комплекса политических и социально-экономических обстоятельств, в том числе - проблемы землевладения, политическая и макроэкономическая нестабильность, неразвитость производственной инфраструктуры и маркетинга, неустойчивость международных рынков сельскохозяйственной продукции, недостаточное финансирование и ограниченный доступ к кредитам.

Финансирование аграрного сектора всегда было и остаётся очень острой проблемой из-за низкого уровня развития банковской системы и ограниченных ресурсов государства. Источниками сельскохозяйственного кредита являются как организованные, так и неорганизованные институты. К первой

группе принадлежат в первую очередь две банковские структуры - государственный Банк развития сельского хозяйства Мьянмы (Myanmar Agriculture Development Bank) и частный банк «Global Treasure Bank Public Co.,Ltd» (бывший Банк развития животноводства и рыболовства – «Livestock and Fisheries Development Bank») и организованные провайдеры не крупных кредитов. К неорганизованным институтам относятся профессиональные ростовщики, местные брокеры и другие лица, предоставляющие ссуды (в том числе и родственники).

Главным банковским институтом, кредитующим сельских производителей, является *Банк развития сельского хозяйства Мьянмы*. Он был создан в июне 1953г., назывался Сельскохозяйственный банк Бирмы и функционировал как кредитный институт под эгидой Министерства сельского хозяйства и ирригации. После смены политического режима были приняты новый закон о банке, который изменил его название (в 1990г.) и предписание (в 1991г.), которые определили его главные функции, а именно – «эффективно поддерживать развитие в стране земледелия, животноводства и сельских социально-экономических предприятий путем предоставления банковских услуг». Банк получил право выдавать ссуды государственным сельскохозяйственным и животноводческим кооперативам, частным предприятиям и частным лицам. Он имел 11200 сельских банков, но в 1993г. они были закрыты, и остались только городские отделения, что очень сузило возможности получения кредитов для земледельцев отдалённых сельских районов. Банк выдаёт ссуды только производителям таких сельскохозяйственных культур, как рис (преимущественно), арахис, кунжут, бобовые, хлопок и кукуруза. Хотя Банк является относительно небольшим финансовым институтом (в 2012г. его активы составляли примерно 130 млн дол. США, или 116,3 млрд джа, то есть всего лишь 1,3% совокупной суммы активов всей банковской системы Мьянмы), он является крупнейшим в Мьянме финансовым учреждением, которое кредитует мелких производителей, ведущих, как правило, нетоварное хозяйство В конце 2012 г. его клиентами были 1,870 тысяч человек (8,4% общего числа клиентов банков страны). Как правило, клиентура банка - преимущественно мелкие фермеры, которых он

обслуживал через своих 206 отделений по всей стране (что составляет 23% отделений всех банков Мьянмы). Он не поддерживает средних и крупных фермеров, а также компании агробизнеса и экспортёров. Банк реализует две программы - сезонные ссуды и срочные ссуды на фиксированный период времени. Сезонные ссуды выдаются для покрытия расходов, связанных с подготовкой посевов и сбором урожая, а срочные ссуды используются для приобретения инвентаря, рабочего скота и сельскохозяйственных машин. Содержание этих программ показано в таблице 2.

Таблица 2. Кредитные программы Банка развития сельского хозяйства Мьянмы

Параметры займов	Сезонные ссуды			Срочные ссуды
	Муссонный период апрель-август	Зимний период сентябрь-декабрь	Предмуссонный период январь-февраль	
Цель займа	Производство	Производство	Производство	Покупка оборудования
Срок займа	1 год	1 год	1 год	3-4 года
Ставка процента в год	8,5%	8,5%	8,5%	8,5%
Льготный период	1 сезон	1 сезон	1 сезон	1 год
Лимиты (сумма и площадь кредитования)	100.000 джа/акр макс.10 акров	100.000 джа/акр макс.10 акров	100.000 джа/акр макс.10 акров	Определяется банком индивидуально
Залог, гарантии	Групповая гарантия (5-10 человек)	Групповая гарантия (5-10 человек)	Групповая гарантия (5-10 человек)	Земля, строения

Источник [3]

В 2012/13г. банк предоставил кредиты на общую сумму 557.846 млн джа (средняя ссуда – 246.835 джа). Подавляющая

часть кредитного портфеля (85%) была направлена на финансирование работ в муссонный период, 11% - ссуды в зимний период и 4% - на срочные кредиты (плантации сахарного тростника). 88% всех ссуд было предоставлено фермерам, выращивающим рис [6 с.20; 8,235].

Министерство сельского хозяйства и ирригации в 2011г. увеличило максимальную сумму займа для рисопроизводящих хозяйств с 20.000 джа/акр до 100.000 джа/акр (с 49.420 джа/га до 247.100 джа/акр), чтобы компенсировать отмену государственной помощи при закупках фермерами удобрений и семян улучшенных сортов. Однако даже увеличенных кредитов недостаточно для полного возмещения всех затрат, ибо ссуды покрывают всего лишь 2,5% общей потребности в заёмных средствах. Расходы на производство риса составляли в мае 2013г. 250.000 – 300.000 джа/акр (617.740 – 741.290 джа/га), то есть в 2,5-3 раза больше суммы выдаваемых кредитов. Потребность в кредитах огромна. По расчётам Банка развития сельского хозяйства Мьянмы, для хозяйств, выращивающих рис, необходимы кредиты в объёме в 170 млрд джа (173 млн долл. США) [3, с.20-21].

Одной из трудностей получения ссуды в банке является отсутствие надёжного обеспечения. Если ссуды выдаётся для производства сельскохозяйственных культур, то вместо залога используются групповая гарантия. Для ссуды на срок в 2-3 года требуется залог, которым может быть либо строение, либо земля (точнее Свидетельство о праве на землепользование – Land Use Certificate), которое крестьяне стали получать после принятия в 2012г. Закона о пахотных землях – Farm Land Law). Дело в том, что по Конституции 2008г. (ст.37) государство является основным собственником земли, а это означает, что могут предоставляться только права на пользование землёй и что государство может аннулировать эти права. Закон о пахотных землях 2012г. создаёт основу для охраны прав землевладения в сельских районах с помощью Свидетельств о праве на землепользование, которые выдаются и регистрируются соответствующими органами власти. По некоторым сведениям, более 3,5 млн фермеров не обслуживаются банком как раз из-за отсутствия такого документа.

Микрофинансовые институты – важные источники ресурсов для фермеров. Они стали успешно развиваться после

принятия в 2011г. Закона о микрофинансах (Microfinance Law). До принятия закона они не имели юридического статуса, считались неформализованными и функционировали на основе договорённости. В соответствии с законом созданы два регулирующие органа – Микрофинансовый наблюдательный комитет и Микрофинансовое наблюдательное предприятие. Последнее проверяет юридический статус каждого нового учреждения микрофинансирования, его капитал, ставки по ссудам и по сбережениям и имеет право выдавать лицензии на ссудные операции. В 2012г. 118 микрофинансовых институтов уже имели лицензии. Среди них было 60 кооперативов и шесть зарубежных неправительственных организаций. Потребности в микрофинансах оцениваются в 1 млрд долл., однако ссуды этих финансовых институтов обеспечивают только 28% спроса. Обычно ссуды выдаются по ставке 2-5% в месяц. Большинство микрофинансовых учреждений ведет операции в городах.

Нерегулируемые источники кредита.

Ссуды в финансовых институтах и в микрофинансовых организациях намного дешевле, чем у частных кредиторов. Однако банки требуют предоставить залог, при получении кредита тратится больше времени, часто ссуды выдаются не вовремя, к тому же, их предоставляют меньше необходимой суммы. Поэтому большинство фермеров вынуждены обращаться к нерегулируемым кредиторам – ростовщикам, родным и соседям. Ростовщичество имеет длительные традиции в Мьянме и поныне активно функционирует во всех районах. По некоторым данным, 3,9 млн взрослых, занятых в сельском хозяйстве, регулярно берут ссуды у ростовщиков [7, с.21]. В районе Дельты 42% землевладельцев обращаются к ростовщикам за ссудами [8,240]. Неофициальные кредиторы (не только ростовщики) обычно ссужают под высокие проценты – от 6 до 10 и более процентов в месяц (по другим сведениям, от 10% до 40% в месяц) и от 72 до 100% в год и устраивают ловушку для многих должников, не имеющих возможности погасить ссуды.

Из вышеизложенного следует, что в сельском хозяйстве Мьянмы немало сложных проблем, которые сдерживают его

развитие. Для радикального изменения ситуации необходимы активная аграрная политика правительства и массированные вливания финансовых ресурсов.

Список литературы:

1. Key Indicators for Asia and the Pacific.2017. ADB // <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/357006/ki2017.pdf>
2. Key Indicators for Asia and the Pacific.2017.Myanmar // <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/.../mya.pdf>
3. Data Cjlllection Survey on Agricultural Sector in the Republic of the Union of Myanmar.Final Report.December 2013 // http://www.themimu.info/sites/themimu.info/.../Assesst_Survey_on_Agriculture_JICA_Dec2013.pdf
4. Myanmar Statistical Yearbook 2015 // www.csostatat.gov.mm/Statistical Yearbook 2015
5. Myanmar Agricultural Development Bank. Initial Assessment and Restructuring Options. The World Bank.2014 // <https://openknowledge.worldbank.org/handle/.../17782?sho...>
6. Rural Finance – Food and Agriculture Organization of the United Nations // www.fao.org/3/a-bl835e.pdf
7. Myanmar.Agricultural Finance.Summary Note.2015 // <https://centri.org/.../MAP-Myanmar-Agricultural-Finance-su...>
8. H.Boutry, C.Allaverdian, M.Mellac, S.Huard, U San Thein, Tin Myo Win, Khin Pyae Sone, Land Tenure in Rural Lowland Myanmar, Yangon,2017 // <https://www.burmalibrary.org/docs23/GRET-LandTenure-en.pdf>

Дерюгина И.В.
Сельское хозяйство Индии: от импортозамещения к
экспортоориентированной модели

К.э.н., Ведущий научный сотрудник
Отдел экономических исследований
Институт востоковедения РАН
irina-vd@mail.ru

В 2017 г. Индия отметила 70-летнюю годовщину обретения независимости. За период независимого развития сельское хозяйство прошло длинный извилистый путь. Оценивая сельскохозяйственный рост в макроэкономических параметрах, можно утверждать, что страна достигла невероятных успехов. С начала периода независимости в Индии сформировалась модель «форсированной импортозамещающей структурной модернизации экономики с опорой на государственный капитализм – государственный сектор и государственное регулирование» [1, с. 243]. К концу 1980-х гг. стало ясно, что необходима смена модели экономического роста, и в 1991 г. был объявлен переход к экспортоориентированной модели развития. Основными направлениями реформы было ослабление ограничений крупного и иностранного капитала, либерализация торговли, частичная приватизация, ослабление банковского регулирования, снижение налогообложения, отмена административного регулирования цен в некоторых секторах экономики [8].

Экономическая реформа начала 1990-х гг. дала хорошие результаты – Индия вошла в клуб быстроразвивающихся стран XXI века. Однако поражает отраслевая и региональная неравномерность развития страны. В первую очередь вопиющее впечатление производит комплекс аграрных проблем, исторически деформирующий экономику Индии, и несмотря на усилия правительства гирями оттягивающий страну вниз. В то же время динамика макроэкономических показателей выглядит вполне благоприятно.

Для того, чтобы посмотреть с каким багажом аграрная

сфера Индии подошла к началу экономических реформ 1991 г., анализируем направления модернизации аграрного сектора. Тренды развития сельского хозяйства в Индии в период независимости позволяют выделить несколько этапов.

Первый этап сельское хозяйство пережило с рубежа 1940–1950-х гг. до середины 1960-х годов, его можно обозначить как период компенсационного роста. Рубеж 1940–1950-х гг. был отмечен в Индии самым глубоким в XX веке спадом эффективности сельскохозяйственного производства. Для перелома негативного тренда государство сосредоточило силы на решении первоочередных проблем сельской экономики. Аграрный сектор стал получать поддержку, которая приобретала форму постоянно возрастающих государственных инвестиций. Большой импульс компенсационному росту дала успешно проведенная в 1950-х гг. аграрная реформа. В результате производственный потенциал, утраченный сельским хозяйством Индии к началу 50-х годов, постепенно был восстановлен к середине 60-х годов.

Однако к середине 1960-х гг. возможности компенсационного роста в сельском хозяйстве Индии оказались исчерпаны. Так, ежегодный темп прироста Валового внутреннего продукта, созданного в аграрном секторе, который составлял 3,5% в 1955/56–1960/61 гг., упал до 0% в пятилетие 1960/61–1965/66 гг. [5, с. А-9], также за это пятилетие сократилась урожайность риса.

Второй этап, начавшийся в середине 1960-х годов, был инициирован первой «зеленой революцией». Это был этап постепенного становления в Индии современной модели сельскохозяйственного роста, соответствующей по определению У. Ростоу индустриальной стадии экономического развития. Появление и распространение новых гибридных сортов зерновых культур было сопряжено с вводом в земледелие новых технологий – массированного использования минеральных удобрений, искусственного орошения и существенного увеличения «основного капитала» – изначально с целью роста продуктивности земли, а впоследствии и производительности труда. В течение периода 1965/66–1990/91 гг. технологии «зеленой революции» отвоевывали все большее пространство у традиционных форм хозяйства. За этот период существенно возросла доля посевов,

занятых новыми высокоурожайными сортами (ВУС) зерновых культур, на порядок увеличилось применение минеральных удобрений.

На втором этапе значительно выросла урожайность основных зерновых культур, в первую очередь пшеницы – культуры, которая стала пионером «зеленой революции». С середины 1960-х гг. урожайность пшеницы увеличилась в 2,5 раза, а риса – в 2 раза [4, с. 88, 91]. Начали происходить изменения в техническом оснащении аграрного производства: на смену крупным ирригационным проектам пришла малая ирригация, которая потребовала увеличения числа электронасосов. С 1970/71 г. началась перестройка структуры энергетических затрат в сельском хозяйстве – все большее место в структуре энергопотребления стала занимать электроэнергия, доля которой увеличилась за период 1970/71–1990/91 гг. с 8% до 46%, при этом доля мускульной энергии (животных и человека) сократилась с 89% до 42%, что сопряжено было с ростом применения тракторов. Происходившая в конце второго этапа перестройка капитальных затрат привела к быстрому увеличению энергоемкости аграрного производства.

Характерной чертой этого этапа было то, что технологии «зеленой революции» утверждались в сельском хозяйстве не фронтально, то есть не на всем экономическом пространстве одновременно, а избирательно, охватывая сначала отдельные районы, в частности, роль технологического лидера взял на себя в штат Пенджаб, и лишь со временем новые технологии распространялись на все большую часть экономического пространства агросферы.

Главным результатом первой зеленой революции стало то, что уже в начале 1980-х гг., Индия добилась самообеспечения зерном, хотя и при весьма низких нормах среднедушевого потребления.

Третий этап в развитии сельского хозяйства можно отнести к началу 1990-х гг., он определялся экономической реформой, которая была запущена в Индии. Реформа была направлена на развитие экономики страны в русле экспортоориентированной модели. Ожидалось, что, во-первых, экспорт сельскохозяйственной продукции будет возрастать, и в обозримом

будущем сельское хозяйство станет экспортным сектором; во-вторых, снижение импортных пошлин, которые ранее пагубно отражались на аграрном производстве, приведет к выравниванию цен между продукцией сельского хозяйства и других отраслей экономики; и, в-третьих, после изменения соотношения цен увеличатся потоки частных инвестиций в сельское хозяйство [8, с. 278].

Оглядываясь на 25 лет, прошедшие после начала реформы, можно смело утверждать, что экспортное направление в развитии аграрного сектора приобрело доминирующее значение. Однако сразу подчеркнем, что при возрастающих объемах экспорта сельскохозяйственной продукции в 2015/16 г. 15,2% населения (или 194 млн человек) в Индии официально недоедали [2, с. 54-55].

Макроэкономические показатели, которыми можно измерить экспортную ориентацию индийского аграрного сектора, свидетельствуют о том, что прогресс обозначился с конца 2000-х гг. и резко пошел вверх в 2010-х гг. – после того, как были сняты ограничения на вывоз пшеницы и риса. В середине 2010-х гг. вывозилось 10% валового продукта, созданного в сельском хозяйстве страны, что в четыре раза больше доли, которая экспортировалась в начале 1970-х гг. (2,5%) [6, с. А106; 9]. Хотелось бы отметить, что вывозимая часть сельскохозяйственного продукта – это как раз тот недостающий объем продовольствия, который позволил бы решить проблему недоедания 15,2% населения страны.

Можно констатировать, что сельское хозяйство Индии за период реформ с начала 1990-х гг. сменило модель экономического развития, условно говоря – с импортозамещения к экспортной ориентации. Поражают валовые макроэкономические показатели, которых Индия достигла к 2015 г. (см. табл.1). Не вызывает большого удивления тот факт, что страна занимала первое/второе место по выращиванию сельскохозяйственных культур, но то, что она заняла пятое место в мире по валовому производству мяса, второе по производству аквакультуры, а также стала ведущим мировым экспортером этих продуктов можно считать «экономическим чудом».

Таблица 1. Позиция Индии в мировом рейтинге сельского хозяйства в 2015 г.

Показатель	Доля Индии в мире, %	Место Индии в мировом рейтинге	Страны, стоящие выше Индии в мировом рейтинге
Обрабатываемая площадь	11,3%	2	США
Население, занятое в сельском хозяйстве	25,2%	2	Китай
Производство пшеницы	13,1%	2	Китай
Производство риса-падди	21,2%	2	Китай
Производство бобовых	25,8%	1	
Производство хлопка	23,6%	1	
Производство фруктов	13,1%	2	Китай
Производство овощей	10,8%	2	Китай
Производство сахарного тростника	18,6%	2	Бразилия
Производство чая	21,7%	2	Китай
Производство молока	16,8%	1	
Производство мяса	2,1%	5	Китай, США, Бразилия, Германия

Источник: [7, с.439]

Рассмотрим технологический базис, который был условием формирования экспортоориентированного сельского хозяйства.

Были усовершенствованы технологии первой «зеленой революции». Шло дальнейшее распространение высокоурожайных сортов зерновых и соответствующих им технологий, базирующихся в первую очередь на массированном

использовании минеральных удобрений. С начала 1990-х гг. применение удобрений увеличилось более, чем в два раза в расчете на гектар, наблюдался рост государственных субсидий на минеральные удобрения. Если в начале 2000-х гг. объемы субсидий на минеральные удобрения не превышали 200 млрд рупий, то к концу 2000-х гг. они увеличились в пять раз и составили более 1 трлн рупий, или свыше 5% от стоимости валового продукта, созданного в сельском хозяйстве, но к 2015 г. субсидии несколько сократились – до 800 млрд рупий [Mohan, p.285]. Высокоурожайными сортами зерновых в 2014-15 г. засевалось 90%–100% площади в ведущих штатах – производителях зерновых культур (Пенджаб, Хариана, Гуджарат и др.). Однако в штатах, не затронутых «зеленой революцией», например, в штате Одиша этот показатель равнялся всего 11% [Agricultural Statistics, 2015-16]. То есть благодаря неравномерному распространению по штатам «зеленая революция», с одной стороны, увеличила зерновое самообеспечение в стране, а, с другой стороны, стимулировала рост региональной дифференциации, которая год от года постоянно возрастает.

Второе направление связано с разработкой и внедрением технологии второй «зеленой революции». Однако использовались они преимущественно в секторах, ориентированных на экспорт. Ведущим звеном второй «зеленой революции» были сельскохозяйственные биотехнологии.

Выделились сектора, которые смогли более полно включиться в международное разделение труда: садоводство, огородничество, цветоводство. С 1990-91 по 2016-17 гг. производство фруктов увеличилось в 3,5 раза, производство овощей – в 3 раза, цветов – в 6 раз [Horticultural Statistics, 2017, p.14]. За тот же период производство риса выросло в 1,4 раза, а пшеницы – в 1,7 раза [Agricultural Statistics, 2015-16, p. 88,91]. Огромное агроклиматическое разнообразие позволяет Индии выращивать большое разнообразие садоводческих культур. Страна занимает ведущие места в мировом производстве не только зерновых, но и садовых и огородных культур (см. табл. 1).

В то же время надо отметить, что с ускорением экономического роста в сельском хозяйстве Индии нарастают

социальные проблемы.

Рост ВВП в сельском хозяйстве происходит на фоне сильнейшей маргинализация аграрных хозяйств, усиления бедности. Маргинализация крестьянского хозяйства в странах с аграрным перенаселением увеличивается по мере включения в рыночные отношения и роста спроса на продукт их деятельности. А вовлечение в мировое хозяйство резко усиливает этот процесс.

Это объясняется как технологическими причинами (исчезновение пара, избыточное потребление удобрений, ухудшение плодородия почвы, деградация почв), так и социальными (из-за отсутствия механизации растут потребности в ручном труде, как следствие высокая рождаемость ведет к уменьшению хозяйственной площади). Например, в Индии средний размер крестьянского хозяйства за последние полвека упал более чем в 2 раза, с 2,7 гектара до 1,1 гектара, т.е. каждые пять лет размер хозяйства стабильно уменьшался на 8%. За последние 10 лет количество мельчайших хозяйств (менее 1 га) увеличилось на четверть (26,5%) за счет сокращения средних и крупных хозяйств.

Остро в Индии стоит проблема голодания большой массы населения. В Индии в среднем 15% населения по официальной статистике живут ниже уровня бедности. Но по штатам эти показатели отличаются колоссально. В настоящее время в Пенджабе и Хариане 8%-10% населения живут ниже уровня бедности – а это ведущие штаты первой «зеленой революции». В Андра-Прадеш – штате-лидере второй «зеленой революции» за последние 10 лет бедность упала с 30% до 9% населения. А в Одише, Ассаме, Бихаре – в штатах, которые были в минимальной степени затронуты «зеленой революцией», уровень бедности составляет более 33% населения. Средний доход на крестьянское хозяйство в бедных штатах составляет 3-5 тысяч рупий в месяц, а в Хариане и Пенджабе – 14-18 тысяч рупий в месяц.

Можно смело утверждать, что, если первая «зеленая революция» явилась толчком усиления дифференциации крестьянского хозяйства, то вторая «зеленая революция» перенесла ее на новую ступень.

Список литературы:

1. Маляров О.В. Независимая Индия: эволюция социально-экономической модели и развитие экономики. Книга 1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 2010.
2. Положение дел в связи с отсутствием продовольственной безопасности в мире. Рим. ФАО. 2015.
3. Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Сельскохозяйственная динамика. XX век. Опыт сравнительно–исторического исследования. М.: ИВ РАН. 1999.
4. Agricultural Statistics at a Glance 2015-16. Govt. of India. New Delhi. 2016.
5. Economic Survey 2014-15. Statistical Appendix. Govt. of India. New Delhi. 2015. <http://indiabudget.nic.in> (25.03.2017)
6. Economic Survey 2017-18. Statistical Appendix. Govt. of India. New Delhi. 2018. <http://mofapp.nic.in> (26/02/2018)
7. Horticultural Statistics at a Glance 2017. Govt. of India. New Delhi. 2017. <http://www.agricoop.nic.in> (11.03.2018)
8. Mohan R. (ed.). India Transformed. 25 Years of Economic Reforms. New Delhi: Viking by Penguin Random House India. 2017.
9. UNCAD Statistics. <http://unctadstat.unctad.org> (20.02.2018)

Окимбеков У.В.

Проблемы использования водных и земельных ресурсов в Афганистане

К.э.н., Научный сотрудник

Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока

Институт востоковедения РАН

ubayd@inbox.ru

Афганистан – аграрная страна, где около 80% населения живет в сельской местности. Общая площадь земель, пригодных к возделыванию в сельскохозяйственных целях равна 7.9 млн га. В разные годы конфликтного периода под посевами всех видов сельхозкультур была занята от 3 до 3.88 млн га земельной площади. Последняя цифра относится к 1977/78 г. – канун апрельской революции¹.

Земледелие в Афганистане делится на два вида – орошаемое и богарное. Урожайность в первом выше (например, производство пшеницы в 2016 г. – 2.5 т/га), а втором ниже (1.03 т/га) среднего показателя по стране (1.98 т/га). Поэтому площадь богарных посевов всегда ниже орошаемых (в производстве пшеницы за тот же год – 36% от общей площади)².

Не совсем равномерное распределение земельно-водных ресурсов и нехватка ирригационных сооружений делают крестьян уязвимыми перед природными стихиями. От продолжительных засух страдает не только земледелие, но и животноводческая отрасль, в которой падеж скота местами достигает 70%.

Таблица 1. Соотношение водных и земельных ресурсов Афганистана по регионам (%)

Регион	Наземные водные ресурсы	Орошаемые земли
Север	6	21

¹ Краткий статистический сборник состояния и развития отраслей национальной экономики и социальных служб ДРА. Кабул, 1980. С. 6.

² Afghanistan statistical Yearbook 2016-17. P. 185.

Северо-восток	25	12
Запад	10	15
Юго-запад	11	25
Центральный запад	6	3
Центр	20	15
Юг	4	5
Восток	18	5
Итого	100	100

Источник: Afghanistan—State Building, Sustaining Growth, and Reducing Poverty. The World Bank. 2005. P. 99.

Урожайность в богарных землях напрямую зависит от количества выпадаемых зимних осадков, что делает поливное земледелие основным и перспективным источником производства сельскохозяйственной земледельческой продукции. За прошедшие годы после свержения режима талибов в производстве аграрного сектора произошли некоторые изменения. По сравнению с началом нового века расширились площади посевов, но техническая сторона вопроса все еще находится на исходном уровне. Общая площадь посевов под зерновые в 2016 г. составила 5525 млн га против 3646 в 2008 г.³, и 2275 млн в 2002 г.⁴

О роли и значимости сельского хозяйства в социально-экономической жизни Афганистана говорит и тот факт, что 44% экономически активного населения страны трудится в секторе земледелия, а источником поступления доходов 60% домохозяйств является это отрасль⁵. Так 85% из 504 тыс. населения провинции Бадгис живет за счет земледелия⁶. Считается, что развитие зернового производства путем создания необходимой инфраструктуры может привести к 1.2% годовому росту афганской экономики⁷.

³ <http://cso.gov.af/en/page/economy-statistics/economy/agriculture>

⁴ Afghanistan statistical Yearbook 2008-09. P. 128.

⁵ مدیریت منابع آبی در سه سال اخیر 16.08.2017, <https://www.pajhwok.com>

⁶ کمبود بارندگی‌ها بادغیس را تا مرز فاجعه خشکسالی پیش برده است 17.01.2018, <https://www.watan24.com>

⁷ مدیریت منابع آبی در سه سال اخیر 16.08.2017, <https://www.pajhwok.com>

Размер площадей, пригодные для орошения составляет примерно 5.3 млн га, или 67% от пригодных к земледелию. Нужно добавить, что если до 90-х гг. прошлого века ежегодно в среднем культивировали около 3.2 млн га площадей, то из них 2.6 – 2.7 млн, или примерно 81 – 84% составили поливные земли, а остальное богарные⁸. На сегодня фактически из 8 млн га земель только 27% орошаются и, по подсчетам афганских властей, если этот показатель увеличить до 40%, то страна превратиться в экспортера зерновых⁹.

Стратегия национального развития Афганистана изначально предусматривала вопросы управления и развития водных ресурсов страны «с целью сокращения масштабов нищеты, повышения устойчивого экономического и социального развития, повышения качества жизни для всех афганцев и обеспечения достаточного снабжения водой будущих поколений»¹⁰. Аграрный сектор, однако, несмотря на свою значимость, с момента начала поступления в Афганистан финансовой помощи извне, не получал должное развитие, так как основное внимание стран-доноров было направлено на восстановление и развитие инфраструктурных проектов других отраслей экономики. Основным вопросом эффективного использования пригодных к возделыванию площадей был доступ к водным ресурсам. Дефицит поливной и питьевой воды ощущается не только в больших афганских городах, но и деревни.

Таблица 2. Внешняя помощь на душу населения Афганистана

	Единица измерения	2012	2013	2014 г.	2015	2016
Население:						
всего	млн	27	27.5	28.1	28.6	29.2
Кочевое	млн	1.5	1.5	1.5	1.5	1.5
Оседлое	млн	25.5	26	26.6	27.1	27.7
Рост численности населения	%	2.03	2.03	2.03	2.03	2.03

⁸ Ежов Г.П. Эконом. Географ. с. 94.

⁹ <http://afghanpaper.com/nbody.php?id=99041>

¹⁰ Afghanistan National Development Strategy 1387 – 1391 (2008 – 2013). A Strategy for Security, Governance, Economic Growth & Poverty Reduction. P. 84.

Внешняя помощь	млн долл.	3889.9	2838.7	4002.3	3734.3	2064.3
На душу	долл.	144.7	103.2	142.4	130.6	70.7

Источник: Afghanistan statistical Yearbook 2014-15. P. 277; 2015-16. P. 293; 2016-17. P. 323.

В источниках встречаются разные гидрологические данные по Афганистану. Среднегодовое количество осадков по одним данным составляет 167 млрд м³, что образует 57 млрд м³ поверхностного стока, а на душу населения приходится 2280 м³ в год¹¹. Согласно данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), количество снежных осадков в Афганистане ежегодно составляет в среднем 150 млрд м³, а дождевых – 30 млрд¹².

По данным Всемирного банка, объем возобновляемых водных ресурсов на душу населения в Афганистане составляет 2322 м³ в год, а согласно Докладу о развитии человеческого потенциала – 2775 м³, что в несколько раз меньше, чем в соседних странах Центральной Азии, но намного выше, чем в Пакистане (менее 1200 м³) и Иране (1400 м³) и в два раза превышает показатель недостаточности воды (1000 м³ в год).¹³ С учетом нынешнего объема спроса на воду в Афганистане подсчитано, что к 2025 г. показатель подушевого потребления снизится на 36% по сравнению с 2004 г.¹⁴

На сегодня 58% населения Афганистана имеет доступ к различным источникам чистой воды¹⁵, а на ближайшие четыре года афганские власти намерены увеличить показатель на 80% и

¹¹ Там же

¹² Vincent W. Uhl. Afghanistan an overview of groundwater resources and challenges. Uhl, Baron, Rana Associates, Inc. Washington Crossing, PA, USA. 2003. P. 7.

¹³ Мухаммад Мизанур Рахаман, Олли Варис. Центральноазиатские воды: Мозаика, составленная из проблем социального, экономического, экологического характера и вопросов осуществления руководства. Публикация Хельсинского университета технологии по тематике «Вода и развитие». С. 6–7; Afghanistan Human Development Report 2011. The Forgotten Front: Water Security and the Crisis in Sanitation. P. 4; 64.

¹⁴ Afghanistan Human Development Report 2011... P. 6; 29; 43; 50–52.

¹⁵ عدم دسترسی بیش از 40 درصد جمعیت روستایی افغانستان به آب آشامیدنی بهداشتی 08.10.2017, <https://www.yjc.ir>

достигнуть уровня 75%¹⁶. Обзор вопроса обеспеченности питьевой и поливной водой по провинциям Афганистана, однако, показывает, что жители большинства районов и регионов по-прежнему испытывают острую нехватку водных ресурсов.

В XX в. в Афганистане были реализованы крупные ирригационные проекты для освоения новых земель и, в частности, переселения кочевых племен в равнины, но не все были удачными. Так же сегодня одним из главных условий возвращения афганских беженцев из соседних стран является предоставление им жилья, получение доступа к земельным и водным ресурсам. Имеют место случаи, когда репатрианты, возвращаясь домой, не в состоянии обратно получать земельные участки, которых имели в собственность, или из-за нехватки водных ресурсов не могут их обрабатывать.

Таблица 3. Репатриация афганских беженцев (2002 – 2016 гг.).

Год	Иран		Пакистан		Другие страны		Всего	
	Человек	Семей	Человек	Семей	Человек	Семей	Человек	Семей
2002	259792	259792	1565066	281565	9683	2273	1834541	321069
2003	142280	22241	332183	58939	1171	206	475634	81386
2004	377151	68263	383322	66539	650	128	761123	134930
2005	63559	11532	449391	79234	1140	65	514090	90831
2006	5264	913	133338	24046	1202	103	139804	25062
2007	7054	1388	357635	56335	721	71	365410	57794
2008	3656	641	274200	45062	628	68	278484	45771
2009	6028	1069	48320	8414	204	21	54552	9504
2010	8487	1476	104331	17343	150	28	112968	18847
2011	18851	3675	48998	8564	113	22	67962	12261
2012	15035	2873	79435	14064	86	18	94556	16955
2013	8247	1180	30388	5429	131	24	38766	6633
2014	4512	513	12257	2172	226	47	16,995	2,732
2015	2881	199	55422	10135	157	31	58460	10365
2016	2290	114	370102	65693	185	40	372577	65847
Всего	925087	153308	4244388	743534	16447	3145	5185922	899987

Источник: Afghanistan Statistical Yearbook 2016-17. P. 11.

¹⁶ http://www.mrrd-ru-watsip.org/wp-content/uploads/2016/02/Dari-Brochure_2016.pdf

Отсутствие необходимых жизненных условий в местах постоянного проживания заставляет репатриантов при возвращении сделать выбор в пользу больших городов. В 2016 г., например, 53% из всех вернувшихся афганских мигрантов остановились в Кабуле (22%) и Нангархаре (31%)¹⁷.

В отчетах афганских министерств и ведомств, а также неправительственных организаций, функционирующие в Афганистане, приводятся множество примеров реализации, планирования и начало финансирования оросительных объектов, гидроэнергетических комплексов, но практика показывает, что реальная ситуация с обеспечением поливной и питьевой водой еще далека от желаемой. В Герате, например, индийская компания завершила строительство одной из крупных долгостроев страны – плотину «Сальма». Оказалось, что доступ к водам резервуара имеют только близлежащие районы, а крестьяне более отдаленных местностей не только продолжают ощущать дефицит воды, но говорят о катастрофической ее нехватке. Представители власти и НПО организуют для крестьян семинары эффективного использования запасы доступных водных источников, но в случае Герата речь идет об отсутствии каналов для отвода воды в страдающие от засухи районов¹⁸. Здесь необходимо также отметить, что строительство крупных гидроэнергетических объектов на основе вод рек, текущие в соседние страны, создают разногласия с сопредельными государствами¹⁹.

Плотины и резервуары необходимы для стабильного использования и планомерного распределения доступных водных ресурсов, но их нехватка ощущается во всех афганских регионах. Провинция Бадгис находится на севере страны и имеет приемлемую для земледелия климат, поскольку обильные снегово-дождевые осадки обеспечивают достаточное количество воды. Но ситуация с доступом к водным источникам даже в

¹⁷ Afghanistan Statistical Yearbook 2016-17. P.9.

¹⁸ بحران آب هرات را تهدید می‌کند/ وزارت کشاورزی افغانستان: آب مدیریت می‌شود 05.09.2017, <http://af.farsnews.com>

¹⁹ См.: Окимбеков У.В. Афганистан и проблемы совместного использования вод трансграничных рек // Азия и Африка сегодня. 2013. № 10 (675). С. 39-43.

административном центре за последние полтора десятка лет остается не решенной и критической. Реки здесь имеют снегово-дождевое питание и, следовательно, их половодье приходится на весенний сезон, а в летний период русла некоторых рек засыхает. Провинциальные власти говорят о предложенных проектах по ликвидации существующей проблемы центральным властям и скором их утверждении²⁰. Иными словами, в ближайшие годы в этой провинции с водопользованием проблемы не будут устранены.

Часть жителей Афганистана для хозяйственных нужд, а местами и полива небольших земельных участков, использует вод подземных источников — это в основном колодцы, родники и кярезы. Чрезмерное использование этих ресурсов посредством колодцев с одной стороны и влияние условий климата с другой, приводят к снижению в них уровня вод и, в итоге, к засыханию колодцев. В провинции Гур, через территорию которой текут реки Герируд, Мургаб и Фарах-руд, если местами проблема дефицита питьевой воды имеет частичный характер, то в центре г. Фируз-кух в последнее время во всех колодцах вода вовсе исчезла. По данным местных специалистов из общей численности населения провинции (по состоянию на 2016 г. — 701.6 тыс. человек) только 2%²¹, а в г. Зарандж провинции Нимруз только 5% жителей имеют доступ к чистой питьевой воде²².

По последним данным талибы контролируют 14 районов страны, а в 263 других имеют физическое присутствие, что в сумме составляет 70% территории Афганистана с населением свыше 15 млн человек²³. Районы, захваченные противниками официального Кабула, соблюдают правила, которые им диктуются со стороны боевиков. Водные источники также со стороны оппозиционеров иногда рассматриваются в качестве инструмента

²⁰ چشم امید مردم ولایت بادغیس به دستان دولت افغانستان در بحران کمابی ۲۱/۰۳/۱۳۹۵ <http://af.farsnews.com>

²¹ کمبود آب آشامیدنی صحنی باشندگان غور را با مشکل مواجه کرده است 10.02.2018, <https://www.pajhwok.com>

²² کمتر از پنج درصد مردم زرنج به آب نسبتاً صحنی دسترسی دارند 16.10.2017, <https://www.pajhwok.com>

²³ Taliban threaten 70% of Afghanistan, BBC finds, 31.01.2018. <http://www.bbc.com>

для извлечения выгоды. Талибы летом 2015 г. в провинции Бадахшан захватили канал, обеспечивавший водой около двух тыс. га земель района Яфтал и в обмен с каждого села потребовали по 100 тыс. афгани в месяц. Поскольку крестьяне не смогли выплачивать сумму, посевы и плодовые деревья района на половину уничтожились²⁴.

В отдельных случаях даже в районах подконтрольные центральным властям проблема доступа к водным источникам возникает под воздействием человеческого фактора. Влиятельные землевладельцы и неофициальные авторитеты не допускают властных структур реализовывать проекты, или незаконным путем забирают большую часть воды. Такое положение дел имело место в провинции Гильменд²⁵, а также провинции Гур, где попытке министерства энергетики и водных ресурсов построить водопроводную сеть препятствовали неформальные влиятельные лица и с тех пор к этому вопросу власти не вернулись²⁶.

Местами завышенный спрос на водные ресурсы оказывает негативное влияние на работу гидроэнергетического сектора. Плотина «Каджаки», обеспечивающая водой одноименную гидроэлектростанцию, в конце прошлого года столкнулась с угрозой снижения уровня воды в резервуаре. С одной стороны, количество дождей осадков было меньше, чем обычно, с другой, крестьяне забирают часть воды в целях орошения²⁷.

Афганистан с сухим климатом и частыми засухами остро нуждается в мощные оросительные сооружения. За время войны и междоусобиц была разрушена часть оросительной системы, или в ходе длительной эксплуатации и нехватки средства для капитального ремонта полностью или частично вышли из строя. Другая часть не способна обеспечить потребности населения, которое с тех пор намного выросло. Примером может послужить

²⁴ کسب درآمد طالبان از آب زراعتی چند روستا در بدخشان 25.07.2017, <http://sana.af>

²⁵ کمبود آب دیگر مشکل باشندگان ولایت هلمند 12.10.2010, URL: www.news.rahenejatdaily.com

²⁶ کمبود آب آشامیدنی صحنی باشندگان غور را با مشکل مواجه کرده است 10.02.2018, <https://www.pajhwok.com>

²⁷ کمبود تولید برق بند کجکی مردم را نگران کرده است 18.12.2017, <https://www.pajhwok.com>

строительство американской компанией «Мориссон-Надсен»²⁸ в Гильменде ирригационный комплекс, состоявший из многочисленных мелких и больших резервуаров, магистральных и второстепенных оросительных каналов.

По сведениям 1975 г., в провинции Гильменд проживало 340.1 тыс. человек (53804 домохозяйств), из которых 94% – сельские жители: 320.2 тыс. (50647 домохозяйств)²⁹. Согласно оценочным данным 1999 г., только в 4 из 15 районов Гильменда было 460.5 тыс. жителей, а именно: в 100 селах Муса-Калы – 169.9 тыс., в 121 селенье Нау-Зада – 117,6 тыс., 93 селах Марджа – 111 тыс. человек и в 64 селах Над-и Али – 62 тыс.³⁰, а эти цифры на 35% превышают общий показатель 1975 г. По оценкам 2016 г. население, провинции достигло 940 тыс. (т.е. выросло в 3 раза), из них 883.9 тыс. – на селе³¹.

Имеются относительно крупные оросительные проекты, сроки реализации по которым истекли, а работы со стороны подрядчика выполнены до 20%. Власти Афганистана в 2015 г. приостановили контракт на работу плотины Бахш-абад провинции Герат. Изначально пакистанская строительная компания обязалась за 18 месяцев завершить строительные работы, но в результате в течение четырех лет выполнила только 8% от всего объема работ. Плотина способна оросить 70 тыс. га земель и генерировать 27 МВт электроэнергии³². Такая же ситуация повторялась при

²⁸ О проблеме Гильмендской ирригационной системы и компании «Мориссон-Надсен» см.: Report on Development of Helmand Valley. Afghanistan (PDF doc.). Washington, D. C. 1956; Lloyd I.Z. Baron. The Water Supply Constraint: An Evaluation of Irrigation Projects and their Role in the Development of Afghanistan. Montreal, 15.03.1975; Nick Cullather. From New Deal to New Frontier in Afghanistan: Modernization in a Buffer State. Working Paper; № 6. New York University, August 2002.

²⁹ Frydoon Shairzai, Ghulam Farouq, Richard Scott. 1975 Economic Survey... P. 16.

³⁰ Helmand Initiative Socio-economic Survey. United Nations for Human Settlements Habitat on behalf of United Nations Development Programme and the Helmand planning Group. Agency Coordinating Dody for Afghan Relief Survey Unit, Peshawar. April, 2000. P. 5.

³¹ Afghanistan Statistical Yearbook 2016-17. P. 8.

³² ۱۱ قوس ۱۳۹۴ قرارداد ساخت بند آب و برق بخش آباد ولایت فراه لغو گردید
<http://www.heratpaper.com/?p=17363>

реализации проектов плотины Пашдан в Герате, Альмар в Фарьябе и Мачалгу в Пактии. Примечательно, что сметная стоимость каждой из них значительная (Пашдан – 117, Альмар – 51 и Мачалгу – 30 млн долл.), но выделенные средства не были должным образом освоены. Эти плотины, помимо того, что способны производить электричество для сельских районов, могли бы обеспечить поливной водой десятки тыс. гектаров земель. Оросительная способность только Пашдан составляет 13 тыс. га³³, Альмар – 30 тыс. га³⁴. Отметим, что для возобновления и завершения в ближайшие три года работ на плотине Мачалгу было подписано соглашение между министерством энергетики и водных ресурсов Афганистана и российской компанией «Проджект дизайн эженси» на сумму 22.9 млн долл. Плотина способна оросить 2.3 тыс. га земель и обеспечить питьевой водой 900 хозяйств в провинции Пактии³⁵.

Наряду со всеми вышеуказанными препятствиями и проблемами обеспечения населения поливной и питьевой водой, встает еще вопрос дальнейшего финансирования уже запущенных и разработанных проектов. Уже поступают сигналы о том, что власти обходят вниманием подобных проектов. Так, в начале 2018 г. афганские парламентарии выразили озабоченность по поводу снятия с бюджета 1397 финансового года (март 2018 – март 2019 г.) средств на строительство 20 плотин в 20 провинциях, таких как Бамиан, Дайкунди, Бадахшан, Гур, Бадгис и др.³⁶

Приведенные выше примеры проблем с доступом к поливной и питьевой воде по отдельно взятым провинциям и городам Афганистана не являются единичными случаями. Они отражают общую сложившуюся картину проблем и нерешенных вопросов не только в аграрном секторе страны, но и городах и поселках, говорят о наличии комплекса проблем, препятствующие

³³ لغو قرارداد پروژه بند پاشدان هرات ۷ اسد ۱۳۹۵ <http://www.heratpaper.com>

³⁴ شرکت تاجکستانی، تکمیل کار بند المار فاریاب را تعهد سپرد 19.03.2016, <https://www.pajhwok.com>

³⁵ ۱۲ عقرب ۱۳۹۶ شرکت روسی کار ساخت بند مچلغو در پکتیا را به عهده می‌گیرد <https://www.tolonews.com>

³⁶ 14 جدی 1396 حذف هزینه ی ساخت بندهای آب در مناطق مرکزی از بودجه مالی سال 1397 <http://www.dailyafghanistan.com>

развитию сельского хозяйства. Внешняя помощь, поступающая за последние пятнадцать лет, ситуацию в афганском аграрном секторе особо не изменила. В последние годы политическая обстановка в стране становится относительно нестабильной и хотя власти заявляют о планах реализации проектов в деле развития поливного земледелия, нестабильность может отвлечь их внимание на другие проблемы, которые могут и дальше возникнуть. Выявление источников финансирования также со временем может стать проблематичной, но центральными вопросами дальнейшего развития экономики Афганистана в целом и сельского хозяйства в частности, в том числе получения доступа к поливной и питьевой воде, помимо прочего, безусловно, остаются обеспечение стабильности, фактическое установление закона и укрепление позиций центральных властей на местах.

Смирнова Г.И.
Потенциал сельскохозяйственного развития Республики
Судан

К.э.н., Старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН
Центр арабских и исламских исследований
gismirnova@mail.ru

После потери основной части нефтяных месторождений в соответствии с результатами референдума в июле 2011 г. правительство Республики Судан (РС) вынуждено искать новые источники финансирования для повышения темпов экономического роста.

Одним из основных приоритетов экономической политики провозглашено развитие сельского хозяйства. Потенциал для развития этой важной отрасли экономики далеко не исчерпан. Это большой клин пригодных для обработки, но неиспользуемых земель, людские, водные, климатические и другие ресурсы. Между тем, с конца 1990-х годов прошлого века, когда Судан стал добывать и экспортировать нефть, сельское хозяйство страны пришло в упадок. Страна казалась не в состоянии обеспечивать свое население продовольствием и была вынуждена полагаться в этом вопросе на международную помощь.

Правительство РС с целью компенсировать потери от нефтяных доходов намерено развивать экспортный потенциал сельского хозяйства. Государство твердо намерено поощрять увеличение посевных площадей под хлопком на орошаемых землях в крупных хозяйствах Гезира, Рахад, Нью-Хальфа, а также увеличить производство других экспортных культур – гуммиарабика, кунжута, арахиса, табака и пр.

Правительство РС разработало пятилетний план социально-экономического развития на 2015-2019 гг., согласно которому, темпы роста сельскохозяйственного производства предусматривались в 6,8%. Общие инвестиции в развитие сельского хозяйства достигли 1,25% ВВП. Аграрному сектору отводилась решающая роль в осуществлении следующих целей: 1) обеспечение продовольственной безопасности за счет повышения урожайности основных продовольственных культур (сорго, просо

и пшеницы) и увеличение продукции животноводства, птицеводства, рыболовства и лесного хозяйства; 2) рост экспортных поступлений за счет увеличения продажи на внешнем рынке хлопка, гуммиарабика, арахиса и других культур. Правительство надеется привлечь иностранные инвестиции в сельское хозяйство. Учитывая остроту продовольственной проблемы, особое внимание уделено включению в оборот новых земель, расширению посевных площадей под посевами сорго, пшеницы на орошаемых землях, а также повышению урожайности продовольственных культур. Для этого необходимо предоставлять фермерам новые технологии. Значительная часть используемых пахотных земель сильно истощена, т.к. большинство фермерских хозяйств, использующих примитивные орудия труда, не имеют возможности восстанавливать и поддерживать плодородие почв. Одна из первоочередных задач состоит в том, чтобы сделать высокоурожайные сорта семян, удобрения более доступными для мелких фермеров. Даже органические удобрения практически не применяются в силу экстенсивного характера животноводства, характеризующегося преобладанием кочевых, полукочевых и отгонно-пастбищных направлений.

В Судане около 90% скота выращивается кочевниками-скотоводами. Скот малопродуктивный, а валовое производство обеспечивается за счет большой численности поголовья. В то же время, учитывая довольно высокую долю животноводства в ВВП (17% в 2009 г.), развитие этой отрасли сельского хозяйства, перевод его на современные рельсы могли бы внести существенный вклад в развитие сельскохозяйственного производства в целом. Для этого необходимо создание кормовой базы животноводства, животноводческих ферм и т.д. Следует учитывать, что живой скот всегда был важной статьей экспорта в соседние страны Аравийского полуострова. После резкого сокращения экспорта нефти стоимость экспорта продукции животноводства, включая живой скот, составила 56% общей стоимости экспорта сельхозпродукции.

Для достижения выдвинутых в плане на 2015-2019 гг. целей в отношении сельского хозяйства необходимо резко повысить уровень интенсификации аграрного производства. В условиях напряженного финансово-экономического положения сделать это самостоятельно РС не сможет. Поэтому ее руководство стремится привлечь инвестиции в аграрный сектор из

других стран, в частности из стран Персидского залива – Саудовской Аравии, Катара, Кувейта. Эти страны, в свою очередь, заинтересованы в освоении богатого сельскохозяйственного потенциала Судана для организации поставок продовольствия для собственных нужд. Некоторые страны Персидского залива уже начали инвестировать свои капиталы в земельные активы и уже приступили к реализации ряда ирригационных и сельскохозяйственных проектов на территории РС. Увеличение инвестиций будет способствовать повышению технологического уровня в производстве, увеличению выхода товарной массы аграрной продукции, позволит РС решить проблему достижения продовольственной безопасности, ликвидации нищеты и голода.

Список литературы:

1. Comprehensive Africa Agriculture Development Programme. July 2003. (www.un.org/en/Africa/ocaadp.shtml)
2. FAO Statistical Year Book 2014. FAO. www.fao.org/docrep/019/13591e/13591c.pdf.
3. FAOSTAT//FAO Statistical division 2014. [Электронный ресурс]. URL.: <http://faostat3/fao.org>.
4. Farida Mahgoub. Current Status of Agriculture and Future Challenges in Sudan. Current African Issues 57. Nordiska Afrikainstitutet, Upsalla, 2014. (57.nai-diva-portal.org/smash/get/diva2^712485/FULLTEXT01.pdf)
5. Government of Sudan and FAO/FFD Crop and Food Security Assessment Mission to the Northern States of Sudan./ January 2011 Special Report, Aley Astaw, Hasem Almahdy. [Электронный ресурс]. URL.: wfp.org/stellent/groups/public/documents/can/wfp231348hdfthecoconversationghjuhvffCAADP.978364
6. Prospects for modernization of agriculture in Sudan with emphasis to food security. Khalid Mohammed Mustafa Abu Raida. [Электронный ресурс]. URL.: www.basiceconomicresearchjournals.Org/agric/pdf/Raida.Pdf
7. TACC. [Электронный ресурс]. URL.: www.prime-tass.ru 10.10.2011
8. The Conversation. [Электронный ресурс]. URL.: theconversationghjuhvffCAADP.978364

Гаврилова Н.Г.
Современные аграрные проблемы Нигерии

Старший преподаватель, Кафедра финансов
Российский государственный аграрный Университет
Московская сельскохозяйственная академия имени
К.А.Тимирязева.
ninagavrilova1976@gmail.com

До 1960 гг. Нигерия не только являлась ведущим мировым экспортером арахиса и арахисового масла, ядер пальмовых орехов и пальмового масла, но и обеспечивала себя продовольствием [8]. Эта тенденция изменилась с обнаружением крупных месторождений нефти, в результате чего финансирование государством аграрного сектора резко сократилось [10].

Превращение Нигерии из экспортера сельскохозяйственной продукции в ее крупного импортера произошло в 1970–е – 1980–е гг., когда выручка от ненефтяного экспорта стала резко снижаться. Доходы от продажи нефти позволяют Нигерии приобретать на внешних рынках необходимые продукты питания, но на сельское хозяйство последствия такой ущербной реструктуризации товарных потоков и смены производственных приоритетов влияют особенно сильно [5]. Большая часть ориентированных на экспорт аграрных хозяйств закрылась. Из сельскохозяйственных культур, таких, как арахис, какао-бобы, каучук, пальмовое масло, хлопок, традиционно составляющих основу нигерийского ненефтяного экспорта, в настоящее время в достаточно больших объемах экспортируются только какао-бобы и в небольших – хлопок и натуральный каучук [8].

На данный момент сельское хозяйство, несмотря на быстро развивающийся нефтяной сектор, все еще является важной составляющей нигерийской экономики: на его долю приходится около 22% ВВП (см. рис. 1). По показателю доли сельского хозяйства в ВВП Нигерия занимала в 2016 г. 31-е место в мире. В отрасли занято около трети экономически активного населения. В сельских районах доля занятых в аграрном секторе превышает 90%.

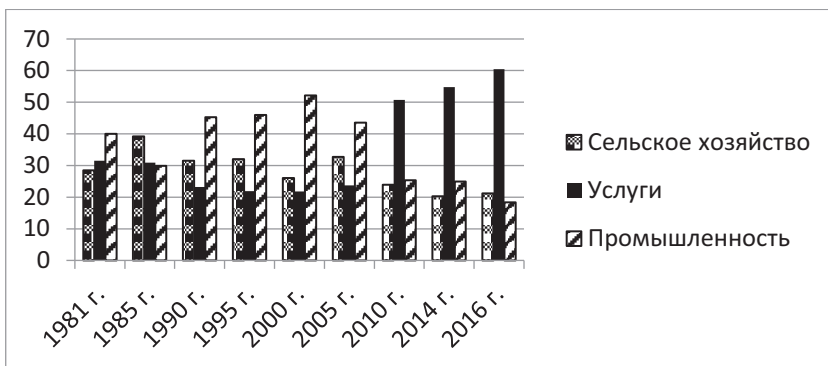


Рисунок 1 - Структура ВВП Нигерии в динамике

Источник: [12]

Страна богата земельными ресурсами. Нигерия владеет территорией в 92,4 млн га, 70,8 млн га из которых представляют собой сельскохозяйственные угодья, включающие пашню, пастбища и луга, леса (см. табл.1). В анализируемый период, с 1961 по 2015 гг., представленный в таблице 1, произошли значительные изменения в составе земель сельскохозяйственного назначения: площадь пашни увеличилась практически в 1,5 раза, лугов и пастбищ – на 16,5%. Общая площадь земельных угодий практически не изменилась, но резко уменьшилась площадь лесных угодий (на 67%).

Таблица 1. Динамика размеров земель сельскохозяйственного назначения, тыс. га

Категория земель	1961 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2015 г. к 1961 г., %
Земли с.-х. назначения	70900	61586	68400	71300	72700	70000	70800	99,9
Площадь пашни	23676	28174	32900	35000	36000	33000	34000	143,6

Пастбища и луга	26000	29512	30300	30300	30300	30300	30300	116,5
Площадь лесов	21224	17234	15185,5	13137	11089	9041	6993	32,9

Источник: [9]

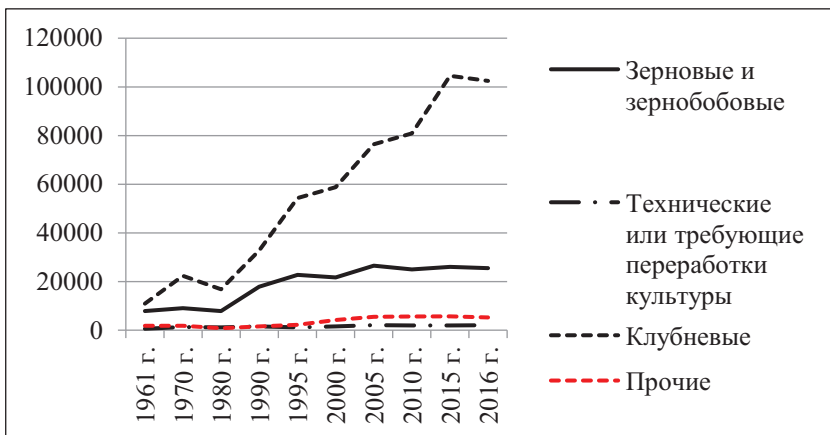


Рисунок 2. Валовой сбор продукции растениеводства по группам в динамике с 1961 по 2016 гг., т

Источник: [9]

Валовой сбор продукции растениеводства увеличился более чем в 6 раз (см. рис. 2).

Главная проблема в увеличении производства продукции растениеводства – повышение урожайности, которая значительно ниже потенциальной. Исследования показывают, что в разных штатах фактическая урожайность сои составляет 19% ее потенциальной урожайности, кукурузы – всего 22%, картофеля – 33% (см. табл. 2). Несколько выше этот показатель для риса, пшеницы и сорго. При выращивании культур используется крайне мало удобрений, что приводит к истощению почв и дальнейшему падению урожайности.

Таблица 2. Сравнение урожайности некоторых культур в Нигерии и других странах Африки и мира

Культуры	Урожайность, тонн с га				Нигерия в сравнении, %		
	Мир	Африка	Западная Африка	Нигерия	С миром в целом	С Африкой в целом	С Западной Африкой
Просо	0,89	0,68	1,23	1,01	112,9	148,3	82,30
Сорго	1,43	0,98	1,45	1,03	72,4	105,8	71,48
Рис	4,64	2,60	2,94	1,68	36,2	64,5	57,00
Соя	2,76	1,07	0,89	0,53	19,2	49,3	59,50
Пшеница	3,40	2,60	2,48	1,66	48,9	64,0	67,08
Маис	5,64	1,93	1,75	1,28	22,7	66,6	73,47
Какао бобы	0,44	0,47	0,53	0,32	72,6	67,9	60,34
Каучук	1,15	0,81	0,68	0,55	47,6	67,8	81,0
Сахарный тростник	70,61	58,57	60,43	31,26	44,3	53,4	51,73
Ямс	8,85	8,81	5,18	9,29	105,1	105,5	179,40
Картофель	19,58	13,86	9,44	6,46	33,0	46,6	68,42
Кассава	11,80	9,25	7,52	10,19	86,4	110,2	135,60

Источник: [9]

Нигерия находится в зоне рискованного земледелия. Проблемы в растениеводстве связаны с недостатком влаги (орошается только 0,5% пашни), удобрений, качественных посадочных материалов. Конечно же, влияют и сложные погодные условия. Также выявилась проблема, которая снижает эффективность производства продукции растениеводства, – опустынивание земель вследствие массовой вырубки лесов.

Животноводство в Нигерии представлено выращиванием следующих видов животных: ослов и мулов, крупного рогатого скота, коз, овец, свиней, верблюдов, лошадей, птицы (кур). Валовое производство продукции животноводства с 1961 по 2016 гг. возросло более чем в 5 раз вследствие увеличения поголовья животных (см. рис. 3).

В производстве мясной продукции наблюдаются скачки, которые связаны с неоднократными эпидемиями среди животных и птиц, поголовье которых в эти периоды резко сокращалось.

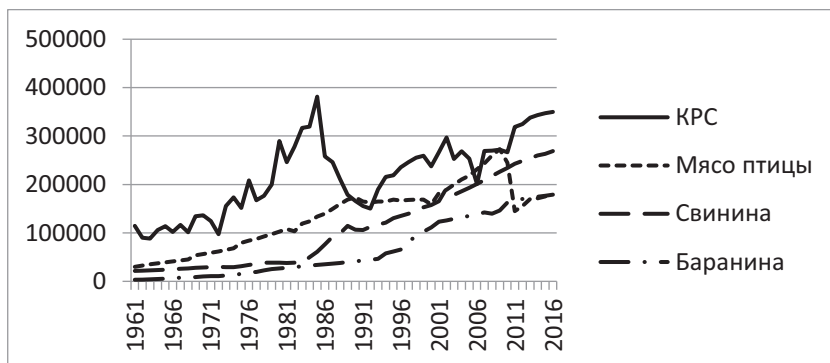


Рисунок 3. Динамика валового производства мяса сельскохозяйственных животных, 1961–2016 гг., т
Источник: [9]

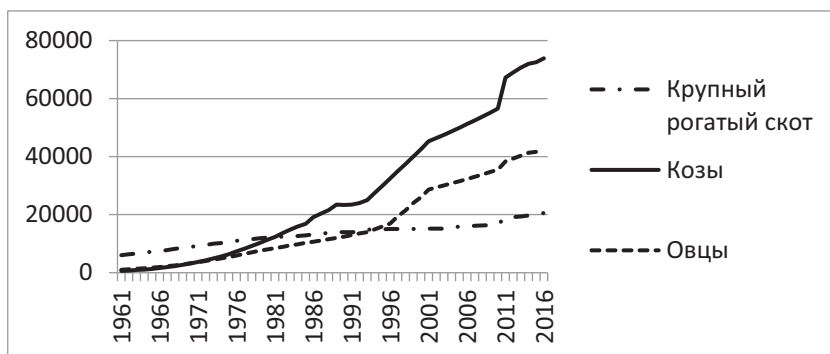


Рисунок 4. Динамика изменения численности сельскохозяйственных животных в Нигерии, 1961–2016 гг., тыс. голов
Источник [9]

Численность поголовья скота и птицы изменилась в рассматриваемый период во много раз (см. рис. 4). Несмотря на увеличение поголовья, обеспеченность населения продукцией мясного и молочного скотоводства остается недостаточной вследствие крайне низкой продуктивности животных.

При анализе подотраслей сельского хозяйства, таких как растениеводство и животноводство, было выявлено, что страна способна обеспечить продовольственную безопасность лишь частично (см. табл. 3). Достаточно производится зернобобовых культур, а также корнеплодов. Остальные продукты – зерновые, мясо, молоко, яйца, овощи, фрукты, рыба – импортируются [12].

Таблица 3. Обеспеченность населения продовольствием в 2015 г., кг в расчете на 1 человека в год

Продукты	Собственное производство	Импорт продуктов	Итого обеспеченность продуктами	Фактическое среднее потребление
Зерновые	181	30,4	211,4	138,7
Овощи	67	1,1	68,1	54,5
Корнеплоды	599	0	599	220,6
Зернобобовые	20	0	20	9,4
Мясо	9	0	9	8,5
Яйца	4	0,5	4,5	3,1
Молоко	3	5,5	8,5	7,1
Рыба	4	5	9	8,5
Фрукты	67	0,1	67,1	62,1

Источник [2]

Наиболее значимой проблемой, которую должно решать практически любое современное государство, является обеспеченность населения продовольствием, и в первую очередь – собственного, отечественного производства. Исходя из этого, основным фактором экономической и политической стабильности

в стране выступает продовольственная безопасность, которая должна обеспечивать не только необходимый запас питания для населения, но и его качественный состав для поддержания здоровья нации [1].

По оценкам ФАО, распространенность серьезной продовольственной необеспеченности в общей численности населения в 2014–2016 гг. среди жителей Нигерии составляет 24,5%, то есть каждый четвертый житель страны имеет ограниченный физический или финансовый доступ к питанию [9]. На рисунке представлены и другие показатели, характеризующие недостаточность продовольственной безопасности Нигерии (см. рис. 5).

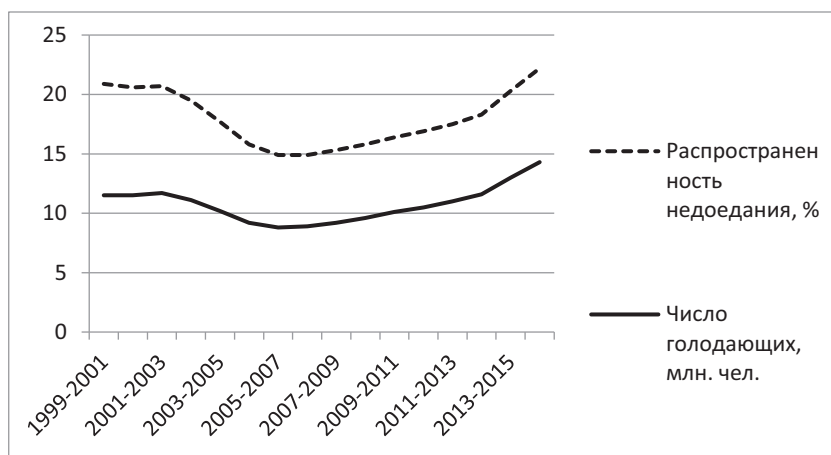


Рисунок 5 - Динамика некоторых индикаторов продовольственной безопасности Нигерии

Источник: [2, 9]

Далее, на рисунке 6 представлено соотношение норм потребления продуктов и существующего рациона нигерийцев (см. рис. 6).

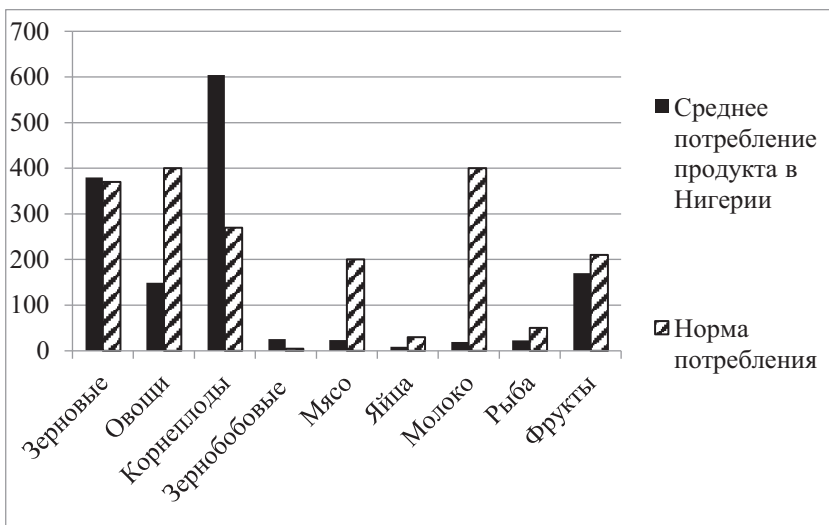


Рисунок 6. Средний рацион нигерийцев в сравнении с нормами, рекомендованными ВОЗ

Источник: [2, 9]

В Нигерии стремительными темпами увеличивается численность населения, с 1985 по 2016 г. рост составил 222% (с 83 млн человек до 186 млн человек) [3]. В соответствии с ростом населения растет и потребность в продовольствии. Наиболее дешевыми продуктами питания являются корнеплоды, за счет которых и обеспечивается калорийность рациона нигерийцев. Фактическое потребление корнеплодов в рационе жителей страны превышает норму более чем в 2 раза, что приводит к нарушению обмена веществ: избыток крахмала провоцирует развитие сахарного диабета и ожирение. Неправильный рацион вызывает нарушение здоровья у значительной части населения Нигерии, особенно у детей. На данный момент ситуация с голодом в Нигерии напоминает движение по кругу.

Из-за недоедания или несбалансированного питания каждый третий ребенок в возрасте до 5 лет (по данным ФАО 2014 г.) отстает в развитии; каждый тринадцатый – истощен; каждый пятидесятый имеет избыточный вес. Среди взрослого населения избыточный вес имеет каждый десятый человек, а каждая вторая

женщина репродуктивного возраста страдает от анемии. Недоедающие женщины производят на свет маловесных детей, передавая свои проблемы со здоровьем следующему поколению.

Истощенные дети страдают от непоправимой умственной отсталости и задержки физического роста, далее они не способны учиться и выпадают из системы образования, в лучшем случае оставаясь всю жизнь в группе неквалифицированной рабочей силы. Взрослое население страны, страдающее от недоедания, также не может считаться полноценными работниками. Например, дефицит железа у взрослых уменьшает производительность труда на 17% [7].

Все это влечет за собой огромные экономические последствия для страны в целом.

Например, экономистами ФАО подсчитано, что Нигерия из-за последствий несбалансированного или скудного питания населения ежегодно недополучает более 1,5 млрд долл. ВВП [9].

На данный момент в стране развернуты несколько программ Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), Всемирного Банка, Всемирной организации здравоохранения, также помощь осуществляют тысячи добровольцев со всего мира.

Помощь волонтеров заключается в следующем:

- прививки и нормализация питания населения (дополнительные витамины и пищевые добавки);
- ввоз качественного посевного материала для выращивания продукции растениеводства;
- борьба с эпидемиями среди скота (прививки от чумы лошадей, высокопатогенного гриппа птиц, африканской чумы свиней и др.).

Несомненно, на стабильность аграрного сектора оказывает влияние и политическая ситуация в стране. Действующая террористическая группировка «Бoko Харам» буквально остановила сельскохозяйственную деятельность на северо-востоке страны, в штатах Адамава, Йобе и Борно. Жители в этих штатах неоднократно подвергались нападениям боевиков, которые уничтожали целые деревни, сжигали посевы, угоняли скот и отбирали последние запасы продуктов питания. Во время

пожаров также уничтожались продуктовые запасы и посевные материалы. Жители деревень вынуждены были покинуть места своего проживания, получая статус беженцев и пополняя ряды голодающих [6].

Правительствами, много раз сменявшимися в период независимого развития Нигерии, предпринимались попытки реформирования аграрного сектора экономики, но результатов они практически не принесли.

Нынешнее правительство в лице Мухаммаду Бухари, пришедшего к власти в 2015 г., предложило План экономического восстановления и роста (ПЭВР), который рассчитан на период с 2017 по 2020 гг. План был принят в ситуации экономического кризиса, вызванного падением цен на нефть более чем в 2 раза. Целью Плана является возвращение страны на путь «устойчивого, ускоренного развития и экономического роста в среднесрочной перспективе». Программой предусматривается поощрение частных инвестиций в аграрный сектор, и результаты его реализации предполагают повышение объемов производства сельскохозяйственной продукции и стабилизацию продовольственной безопасности [4].

Так как Программа взяла свой старт недавно, результаты ее выполнения пока не поддаются оценке. Но, оценивая уровень государственного субсидирования аграрного сектора, следует отметить, что он является крайне недостаточным, всего 4,6%, тогда как минимальные международные стандарты предполагают хотя бы 10% от общего бюджета [7]. Такой уровень финансирования не сможет обеспечить быстрое развитие сельского хозяйства.

Чтобы разорвать порочный круг, проиллюстрированный выше, следует вернуть Нигерии статус аграрной страны. Нигерия обладает большим потенциалом развития в области сельского хозяйства: следует увеличивать приток инвестиций в сектор, а государство должно проводить грамотную последовательную аграрную политику с учетом ошибок предыдущих неудавшихся преобразований, повышая при этом уровень субсидирования аграрного сектора.

Список литературы:

1. Африка в контексте глобальной продовольственной безопасности. М., Институт Африки РАН, 2015. 288с.
2. Всемирная организация здравоохранения. <http://www.who.int/>
3. Всемирный Банк. The World Bank. <https://data.worldbank.org>
4. Денисова Т.С. Нигерия-2015: смена руководства // *Азия и Африка сегодня*. 2015, no.8. с. 12-17.
5. Денисова Т.С. Рабочий класс современной Нигерии. – Москва, издательство Наука, 1983. – 166 с.
6. Костелянец С.В. Терроризм в Африке: особенности, тенденции и перспективы// Пути к миру и безопасности, 2016. no. 2 (51). С. 101-113.
7. Макроэкономические исследования. <http://be5.biz/makroekonomika>
8. Нигерия. Справочно-монографическое издание. М.: ИАФРРАН, 2013.
9. ФАО ООН (Продовольственная и сельскохозяйственная организация объединенных наций) <http://www.fao.org/faostat>
10. Экономика Нигерии - Важнейшие отрасли экономики. 27.02.2016 - <http://economic-basic.ru/ekonomiki-stran-mira/ekonomika-nigerii/vazhneyshie-otrasli-ekonomiki.html> (доступ23.03.2018)
11. Global Forest Resources Assessment (FRA). Country report. Nigeria. Rome, 2014. <http://www.fao.org/3/a-au190e.pdf> (доступ 13.03.2018).
12. The Global Economy. <https://www.theglobaleconomy.com>

Сугаков Г.К., Фирова А.А.
**Протекционизм как инструмент решения аграрных
проблем в современной Тропической Африке**

Сугаков Г.К.

Студент-бакалавр, Санкт-Петербургский государственный
университет, Институт наук о Земле, Кафедра региональной
политики и политической географии
g.sugakov@gmail.com

Фирова А.А.

Студент-бакалавр, Санкт-Петербургский государственный
университет, Институт наук о Земле, Кафедра геоэкологии и
природопользования

Повышение благосостояния населения Тропической Африки и решение проблемы голода напрямую зависит от состояния аграрного сектора экономики этих стран. Индикатором чрезвычайной важности сельского хозяйства для данного региона являются, во-первых, данные о структуре занятости населения: по состоянию на 2017 г. [6], 55,6% занятого населения Тропической Африки заняты в сельском хозяйстве, причём эта доля в течение более 10 лет остаётся почти неизменной (57,9% в 2005 г., 57,4% в 2010 г. [там же]), хотя можно констатировать её незначительное уменьшение. Для сравнения, общемировой показатель занятости в сфере сельского хозяйства в 2017 г. составляет 28,8% [9] при ощутимой отрицательной динамике (36,0% в 2005 г., 32,4% в 2010 г. [там же]) за счёт увеличения доли двух других сфер, особенно сферы услуг (49,7% занятого населения мира в 2017 г. [там же]). Во-вторых, среди всех регионов мира доля товарного экспорта сельскохозяйственной продукции наиболее велика в Африке и составляет 16,7% (2016 г.) [4] от всех товарных групп, выделяемых ВТО, при среднемировом значении 10,3% [4].

Однако страны Тропической Африки пока далеки от полного решения как аграрных, так и многих других проблем. Мировое сообщество обеспокоено ситуацией в этом регионе уже не первый год, но он всё так же имеет имидж «самого

конфликтного», «самого голодного» и т. д. Таким образом, возникает вопрос: насколько верно была выбрана стратегия решения африканских проблем, силы на решение которых в течение многих десятилетий направляют развитые страны. Согласно А. М. Васильеву [1, с. 52-53, 57], «формирование экономической и социальной стратегии африканских стран шло и идёт под воздействием или при прямом участии Международного валютного фонда и Всемирного банка». Следование рекомендациям МВФ и ВБ ещё в 80-90-е годы было объявлено условием предоставления помощи. Суть данных рекомендаций заключается во вхождении африканских стран в мировой рынок без протекционистских мер и предоставление свободы игре рыночных сил, что фактически означает отказ от развития собственного хозяйства. По мнению А. М. Васильева [там же], практика показала, что для африканских стран «жёсткое следование неолиберальным идеям контрпродуктивно и просто опасно». Действительно, производительность труда американских или французских фермеров несравнимо выше, чем производительность труда эфиопского крестьянина, производящего такую же продукцию, хотя согласно данной неолиберальной модели они должны конкурировать. В результате вынужденно открытые всемирной конкуренции африканские производители неизбежно проигрывают из-за более низкой себестоимости продукции развитых стран и, по сути, вытесняются с рынка. Как пишет А. М. Васильев, «это всё равно что выпустить на ринг против тяжеловеса-профессионала недокормленного подростка и требовать, чтобы бой проходил по «справедливым» международным правилам».

Если говорить об историческом опыте решения подобной экономической задачи, то весьма красноречив пример Англии: вплоть до середины XVIII в. в этой стране принимались законы, запрещающие ввоз дешёвых индусских тканей, так как это подрывало важную шерстяную отрасль промышленности, и данные законы были отменены лишь с началом промышленной революции в 70-х годах XVIII в. в связи с резким изменением потребления хлопка и многократным возрастанием спроса на него [2]. Несмотря на то, что с тех пор прошло более 200 лет, ситуация, в сущности, очень напоминает ситуацию со многими

африканскими производствами, уничтоженными притоком дешёвой импортной продукции. Почему же Англия отменила протекционистские меры лишь в связи с коренным изменением конъюнктуры рынка, а африканские товары должны на равных конкурировать независимо от конъюнктуры?

В предлагаемой африканцам неолиберальной модели компенсировать проигрыш в конкурентной борьбе должны прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Однако география ПИИ такова, что наибольший их объём направляется в развитые страны, а не в развивающиеся, и тем более не в наименее развитые, к которым относятся многие страны Тропической Африки. Это связано с большими инвестиционными рисками и неблагоприятным инвестиционным имиджем этих стран. Таким образом, чтобы преодолеть отсталость, при неолиберальном подходе остаётся уповать лишь на ПИИ, но, чтобы привлечь ПИИ, необходимо иметь достаточно высокий уровень развития. В итоге получается замкнутый круг, выйти из которого Африка не может в течение многих десятилетий.

Говоря об аграрных проблемах региона, нельзя обойти стороной и исторический фактор, а именно роль колониального периода. Как пишет Э. Галеано [5], «международное разделение труда заключается в следующем: одни страны специализируются на победе, другие на поражении». Специализация колоний заключалась в гиперболизированной экспортоориентированности производимой в ней продукции (в т. ч. сельскохозяйственной), причём «чем больше тот или иной продукт ценится на мировом рынке, тем больше бед он приносит тому <...> народу, который, жертвуя собой, его производит» [там же]. По словам А. М. Васильева, при успешности производства некоторых экспортных культур (кокосовый орех, какао и т. д.), «производство продовольственных сельскохозяйственных культур, предназначенных для африканского потребителя, становится убыточным <...>, что приводит к разорению крестьянства, подрыву сельского хозяйства» [1, с. 57].

Для того, чтобы оценить, насколько изменилась ситуация в постколониальный период, авторами был проведён анализ структуры производства сельскохозяйственных культур по данным ФАО [3]. Анализовались две группы выращиваемых в

Африке культур: экспортоориентированные (какао, пальмовое масло, чай, кофе, фрукты, орехи и т. д.) и культуры внутреннего потребления (маниок, ямс, рис, кукуруза, пшеница и т. д.). Было произведено сравнение их соотношения в 1961 г. и в 2016 г. Выяснилось, что производство экспортоориентированных сельскохозяйственных культур в 1961 г. составляло 56,9%, а в 2016 г. – 46,9% (от общего объёма производства в тоннах). Таким образом, хотя доля экспортоориентированных культур и снизилась на 10%, они всё равно составляют почти половину от общего объёма производства, что очень много по мировым меркам. Если же оценить объём выращиваемых для внутреннего потребления сельскохозяйственных культур на душу населения, то в 1961 г. он составлял 294,9 кг/чел в год, а в 2016 г. 312,6 кг/чел в год. Данную динамику (увеличение на 17,7 кг/чел в год) нельзя считать удовлетворительной, поскольку с момента обретения большинством стран независимости прошло более полувека, но на 1 человека в день до сих пор приходится менее 1 кг сельскохозяйственной продукции (около 860 г), что очень мало.

При рассмотрении объёмов экспорта в стоимостном выражении (в долларах США) по данным WITS (World Integrated Trade Solution) [7], авторам удалось выяснить, что доля сельскохозяйственной продукции составляет всего 15,2% от общего объёма экспорта стран Тропической Африки (18 501 213,54 USD от 121 455 767,24 USD). Рационально ли вывозить почти половину своей сельскохозяйственной продукции (см. выше), если доля целого сектора экономики (сельского хозяйства) в структуре доходов от экспорта всего 15,2%? Становится очевидным, что производство лишь чуть более половины продукции для внутреннего потребления не только не позволяет обеспечить население достаточным количеством пищи, но и не приносит значительных доходов. Необходимо существенное сокращение производства экспортоориентированных культур с целью переориентации сельского хозяйства на производство культур для внутреннего потребления с помощью высвободившихся материальных и трудовых ресурсов.

Таким образом, по мнению авторов, ключевым фактором решения аграрных проблем в современной Тропической Африке является усиление протекционистских мер и отказ от

необоснованного экспорта в ущерб собственной продовольственной безопасности. Но, выбрав стратегию, важно суметь реализовать её на практике. Сельское хозяйство является таким сектором экономики, в котором помимо сугубо экономических вышеупомянутых мер чрезвычайно важна роль применяемых специфических технологий. Антропогенная нагрузка на африканские пашни одна из самых высоких в мире, поэтому говорить о каком-либо успехе африканского сельского хозяйства можно лишь в случае применения экологически безопасных технологий.

Обширный перечень таких технологий есть в новом докладе Римского клуба [8]. Например, в сельском хозяйстве Тропической Африки может использоваться новый подход, основанный на естественных взаимоотношениях между растениями и насекомыми. Когда учёные исследовали широкораспространённого в Восточной Африке вредителя, они обнаружили, что добавление особых кормовых растений на кукурузные поля значительнейшим образом увеличивает урожайность. Данная технология, получившая название «push-pull», основана на использовании естественных растительных химических веществ, которые отпугивают насекомых-вредителей от предполагаемого урожая и привлекают их к другим растениям, которые могут им противостоять. Кроме того, учёные обнаружили новые свойства такого кормового растения, как десмодиум (семейство бобовые). Десмодиум, с одной стороны, питателен для коров, с другой стороны, отталкивает насекомых-вредителей кукурузы и существенно уменьшает ущерб от стриги (сорняк). Технология «push-pull» настолько вдохновила учёных возможностью улучшить продовольственную безопасность африканских стран и повысить доходы местных ферм экологически безопасным способом, что её уже называют возможным решением проблемы голода в регионе. Крайне важно, что данная технология не потребует значительных материальных затрат. Отметим, что, поскольку этот метод в любом случае ограничен территориально и нацелен только на одну культуру (на кукурузу), необходима апробация и внедрение и других экологически безопасных методов, благо современная наука располагает относительно большим их набором (система

интенсификации производства риса, применяемая на Мадагаскаре, комплексный подход к управлению агроэкосистемами известного эколога Аллана Савори и т. д.). Нужно лишь желание двигаться в данном направлении.

Подводя итог, решение аграрных проблем в странах Тропической Африки едва ли возможно без установления протекционистских мер в отношении сельского хозяйства. Переход к неолиберальной модели возможен, но лишь в долгосрочной перспективе (в случае достижения сопоставимого развитым странам уровня развития). Отметим, что экономические меры важно совмещать с внедрением экологически безопасных решений, без которых агроэкосистемам региона грозит деградация.

Список литературы:

1. Васильев А. М. Африка и вызовы XXI в. / А. М. Васильев ; Ин-т Африки РАН. - М. : Вост. лит., 2012. - 374 с.
2. Витвер И. А. Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. - 2-е изд. - М. : Географгиз, 1963. - 366 с.
3. ФАОСТАТ: данные в области продовольствия и сельского хозяйства [электронный ресурс] // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединённых Наций : сайт. - URL: <http://data.un.org/en/reg/g202.html> (дата обращения: 12.03.2018)
4. Хохлов А. В. Справочные материалы по географии мирового хозяйства 2018 [электронный ресурс] // Российский экспортный центр: сайт. - URL: <https://api.exporthub.ru/api/documents/78/download> (дата обращения 11.03.2018)
5. Galeano E. Open veins of Latin America: Five centuries of the pillage of a continent. – NYU Press, 1997.
6. Sub-Saharan Africa: data [электронный ресурс] // UN data: сайт. - URL: <http://data.un.org/en/reg/g202.html> (дата обращения: 12.03.2018)
7. Sub-Saharan Africa product exports and imports 2016 [электронный ресурс] // WITS (World Integrated Trade

Solution) : сайт. - URL:

<https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/SSF/Year/LTST/TradeFlow/EXPIMP/Partner/WLD/Product/All-Groups>

(дата обращения: 12.03.2018)

8. Von Weizsäcker E. U., Wijkman A. Come On!: Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. – Springer, 2017.
9. World: data [электронный ресурс] // UN data: сайт. - URL: <http://data.un.org/en/reg/g1.html> (дата обращения: 12.03.2018)

РАЗДЕЛ IV.
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС В ИНДИИ, СТРАНАХ
ЮЖНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ульченко Н.Ю.
**Турция: проблема смены парадигмы экономического
роста**

Д.э.н. Ведущий научный сотрудник
Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока
Институт востоковедения РАН
ulchenko-n@rambler.ru

До последнего времени одна из особенностей экономического роста в Турции заключалась в том, что он прерывался систематическими финансовыми или валютно-финансовыми кризисами. При этом либерализация финансового рынка, к осуществлению которой Турция приступила в 1989 г., привела к определенным изменениям в этимологии этих кризисов: в результате роста финансовой субъектности Турции (в основном по причине более массового доступа резидентов к внешним займам, прежде всего краткосрочным, и значительных объемов средств, привлекавшихся извне) они стали возникать не столько под влиянием глобальных финансовых потрясений, сколько под воздействием экономической и политической дестабилизации в самой Турции.

К кризисам нового типа следует отнести финансово-экономические кризисы 1994 и 2001 гг.

При этом речь не идет о формировании собственного графика цикличности развития турецкой экономики. Ее динамизм по-прежнему в значительной мере опирается на внешние факторы, но характер их взаимодействия с турецким рынком начал определяться, в том числе, и реалиями его собственного развития,

в первую очередь, финансово-экономическими, но отчасти даже политическими.

Итак, к каким же последствиям привел рост субъектности Турции на международном финансовом рынке? Следует отметить, что осознать изменившийся характер взаимодействия Турции с международным финансовым рынком истеблишмент страны смог не сразу, а лишь после повторного кризиса условно нового типа, то есть после кризиса 2001 г. Как и предыдущий кризис 1994 г., он разразился на фоне высокого уровня зависимости экономического развития страны от использования внешних источников финансирования. Но пусковой механизм кризисов был связан не с дестабилизацией международного финансового рынка и сокращением возможностей Турции по привлечению средств извне. В 1994 г. роковую роль сыграло продиктованное стремлением к упорядочению в сфере госфинансов решение нового премьер-министра страны Т.Чиллер снизить доходность по государственным долговым обязательствам. Кризис 2001 г. стал результатом удара, нанесенного по хрупким попыткам финансовой стабилизации политическим скандалом в высших эшелонах власти. Связь кризисов 1994 и 2001 гг. с реалиями развития именно турецкой экономики обострила понимание необходимости собственных усилий в целях предотвращения их повторения. Как отмечали турецкие экономисты Д.Аджемоглу и М.Учер, «Кризис 2001 г. вынудил летаргическую и консервативную политическую систему Турции приступить к осуществлению радикальных структурных реформ, предложенных МВФ и Всемирным банком»¹. По их оценке, «эти реформы не только позволили взять под контроль высокую инфляцию и сократить бюджетный дефицит (см. табл.1), но также привнести дисциплину в бюджетный процесс и начать культивировать процесс принятия политических решений на основе установленных правил»².

¹ Acemoglu D., Üçer M. Why Turkish growth ended. An institutional perspective. 18 November 2015. P.2// URL: <http://voxeu.org/article/why-turkish-growth-ended>

² Ibid.

Таблица 1. Основные макроэкономические показатели Турции в 2001-2015 гг.

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Темпы роста ВВП (в базовых ценах 1998 г.)	6,1	5,3	9,5	8,4	6,9	4,7	0,7	-4,7	9,2	8,8	2,1	4,2	3,0	6,0	2,9
Дефицит бюджета/ВВП, %	14,6	11,3	7,1	1,3	0,6	1,6	1,8	4,8	3,6	1,4	2,1	1,2	1,1	1,0	1,1
Профицит пер-вичного бюджета*/ВВП, %	4,3	5,2	6,1	6,0	5,4	4,2	3,5	0,1	0,7	1,9	1,4	2,0	1,3	1,3	0,8
Среднегодовой уровень потребительской инфляции, %	45,0	25,3	8,6	8,2	9,7	8,8	10,4	6,3	8,6	6,5	8,9	7,5	8,9	7,7	7,8
Дефицит по счету текущих операций платежного баланса	0,6	7,6	14,2	21,0	31,2	36,9	39,4	11,4	44,6	74,4	48,0	63,6	44,0	32,1	32,6

Источник: İstatistik gostergeler 1923-2008. Ankara, TÜİK, Ekonomik Rapor 2005-2015. Ankara, TOBB. 2003-2016.

Примечание: *Соотношение доходов и расходов бюджета без учета выплат по обслуживанию государственного долга. Таким образом, профицит формирует реальный, то есть не связанный с новыми займами, источник обслуживания госдолга.

Под структурными реформами Д.Аджемоглу и М.Учер имеют в виду принятие в 2001 г. закона о независимости Центрального банка, а затем - ряд важных законодательных шагов, направленных на укрепление прозрачности и дисциплины в сфере государственных финансов¹, деполитизацию сферы принятия правительством экономических решений посредством учреждения по европейскому образцу независимых регулирующих агентств, которым и надлежало оградить рынок от влияния государства в высоко чувствительных сферах, задевающих определенные влиятельные группы интересов или же просто широкий круг избирателей.

Во многом именно с осуществлением структурных реформ Д.Аджемоглу и М.Учер связывают ускоренный экономический рост Турции в первые годы правления ПСР (см. табл.1). Однако впоследствии, по мнению тех же авторов, реформам был придан задний ход со все большей обратной переориентацией процесса принятия решений в сфере государственных финансов от установленных правил к дискреции. Аргументируя тезис о начавшемся процессе торможения реформ, Д.Аджемоглу и М.Учер упоминают такие факты, как выведение из-под действия закона о государственных закупках 2001 г. все большего числа отраслей промышленности и наименований товаров, урезание полномочий независимых регулирующих агентств, торможение переговорного процесса с ЕС². К этому ряду можно добавить и такие существенные факторы в экономическом развитии и экономической политике Турции, как прекращение в 2010 г. кредитного сотрудничества с МВФ, отказ от планировавшегося было принятия бюджетного правила, наступление исполнительной власти на пока еще формально независимый статус национального Центрального банка.

¹ В марте 2002 г. был принят закон № 4749 об упорядочении в сфере государственных финансов и управлении долгом, установивший объем предельно допустимых государственных займов, в декабре 2003 г. был принят Закон № 5018 об управлении и контроле за государственными финансами, предусматривавший использование новой соответствующей международным стандартам структуры бюджета, которая отныне должна была включать финансы всех органов системы государственного управления.

² Ibid. P.3.

Д.Аджемоглу и М.Учер, анализируя причины сворачивания реформ, относят к ним, во-первых, постепенное снижение важности экономической повестки для правящей Партии справедливости и развития по мере того, как укрепилось ее положение в качестве партии власти параллельно с ослаблением оппозиции и резком снижением угрозы очередного военного переворота благодаря целенаправленным реформам ПСР в правовой сфере. Во-вторых, в качестве важного фактора они отмечают торможение переговорного процесса с ЕС, что означало утрату якоря, обеспечивавшего привязку ПСР к процессу реформ, равно как снижение поддержки институциональных изменений среди значительной части турецких избирателей³.

Но легкость отказа от завершения начатых было структурных реформ, можно объяснить и иными причинами.

Во-первых, мера значимости структурных реформ в достигнутых Турцией в первые годы правления ПСР результатах может дискутироваться. Сами авторы концепции подобного рода положительной связи отмечают: «Мы, конечно, отдаем себе отчет в том, что невозможно утверждать с окончательной уверенностью, что период роста в Турции есть результат расцвета экономики в условиях новых экономических институтов и реформ...»⁴. «Мы далеки от мысли – пишут они ниже - что наши аргументы позволяют окончательно установить отмеченные взаимосвязи, равно как мы не надеемся убедить тех, кто придерживается скептического взгляда на роль институциональных факторов в макроэкономике»⁵. В этой связи представляется, что все же более значимым фактором экономического успеха первых лет правления ПСР стала большая интенсивность привлечения внешних источников финансирования к разогреву роста, о чем свидетельствует заметно выросший за этот период размер дефицита по счету текущих операций платежного баланса. С начала 2000-х годов в Турции происходил неуклонный рост дефицита по счету текущих операций платежного баланса (см.

³ См. подробнее: Ibid. P. 3.

⁴ Acemoglu D., Ucer M. The Ups and Downs of Turkish Growth, 2002-2015: Political Dynamics, The European Union and the Institutional Slide/URL:// <https://economics.mit.edu/files/11509> P. 2.

⁵ Ibid. P. 3.

табл.1). В 2002 г. он имел более чем скромные значения – около 600 млн долл. К 2008 г. он достиг 42 млрд долл.

Снизившись в кризисном 2009 г. в три раза, по итогам 2010 г. дефицит по счету текущих операций превысил предкризисный уровень Своего исторического максимума дефицит достиг в 2011 г., превысив 75 млрд долл., что соответствовало более 10% ВВП страны. По итогам 2012 г. дефицит по счету текущих операций платежного баланса сократился одновременно со снижением темпов роста. Следует отметить, что для турецкой экономики в силу значительной привязки развития к внешним источникам финансирования подобная обратная корреляция между темпами роста и величиной дефицита по счету текущих операций платежного баланса является устойчивой особенностью. Сокращение объемов использования внешних источников финансирования, что подтверждает и опыт 2009 и 2012 гг., прочно увязано со снижением темпов роста. Некоторое оживление экономики в 2013 г. вновь сопровождалось повышением дефицита по счету текущих операций. С 2014 г. Турция вступила в период его снижения: по итогам 2015 и 2016 гг. он несущественно превысил 30 млрд долл. (см. табл.1). При этом, феномен 2015 г. заключался в обеспечении довольно высоких темпов роста - 6%, несмотря на заметное сокращение текущего объема необходимого внешнего финансирования. Правда, стоит оговориться, что хотя показатель темпов роста турецкой экономики в 6% за 2015 г. в настоящее время является официальным, первоначально он оценивался в 4%⁶. Таким образом, «уточнение данных», возможно, является неслучайным результатом кампании, переживаемой в последние годы Турецким статистическим обществом и затронувшей широкий ряд показателей.

Во-вторых, сказанное позволяет предположить, что ментальный выбор турецкой элиты в пользу более высокого качества роста - структурных реформ без его обременения усугублением основных макроэкономических дисбалансов, по всей видимости, не является окончательным. Кстати, данное предположение вполне согласуется с тезисом Д.Аджемоглу и

⁶ Ekonomik Rapor 2015. S. 32.

М.Учера об отрицательной роли замедления переговорного процесса с ЕС как существенного фактора сворачивания реформ. Более того, замедление и даже частично обратный ход начавшихся структурных реформ обеспечили сохранение в экономике страны институциональной инфраструктуры, позволяющей в случае неблагоприятного развития сценария легко вернуться к инфляционным методам роста, в использовании которых Турция имеет, чуть ли, не беспрецедентно долгий опыт. Очевидно, именно в силу отмеченных обстоятельств ответом на ухудшение условий внешнего кредитования и снижения интереса международных инвесторов к растущим рынкам и связанное с этим замедление темпов роста, в том числе в Турции, стало не углубление структурных реформ, а более привычный для турецких элит возврат к мерам фискального стимулирования. Так, по итогам 2016 г. по сравнению с 2015 г. заметно повысились темпы роста государственного потребления (более, чем на три процентных пункта), продемонстрировав наивысшую динамику среди всех статей использования ВВП, при том, что темпы роста частного потребления снизились более, чем вдвое, а инвестиции в основной капитал – более, чем в три раза. Темпы роста экспорта оказались отрицательными. Следовательно, государственное потребление оказалось основным фактором, обеспечившим итоговый рост экономики на 3% (см. табл.2).

Таблица 2. Динамика основных статей использования ВВП (изменение по сравнению с предыдущим годом, %)

	2015	2016
Частное потребление	5,5	2,3
Государственное конечное потребление	4,1	7,3
Инвестиции в основной капитал	9,2	3,0
Запасы	-	-
Экспорт	4,2	-2,0
Импорт	1,7	3,9
ВВП	6,1	2,9

Источник: Ekonomik Rapor 2016. Ankara, TOBB, 2017. S.38.

Что касается 2017 г., то уровень напряженности в сфере государственных финансов обещает оказаться еще более высоким: объем государственных займов за первые пять месяцев года составил свыше 46 млрд лир, в результате чего объем внутренних займов относительно предстоящих выплат по госдолгу вырос с 87% в 2016 г. до 114% по итогам первого полугодия 2017. г. Если по итогам первого полугодия 2016 г. бюджет Турции продемонстрировал профицит в объеме 1 млрд долл., то по итогам первых шести месяцев 2017 г. дефицит уже составил 25 млрд долл.⁷ Все это предопределяет необходимость дальнейших государственных займов в объемах, превышающих допустимые ныне действующим законодательством и ставит вопрос о его пересмотре. Последнее обстоятельство – это уже прямой возврат к фискальной практике Турции периода «разгула» инфляции. Следовательно, есть основания предположить, скорее, косметический или кратковременный имиджевый характер заявленных структурных реформ, равно как и то, что в Турции пока не произошла смена привычного алгоритма развития, который заключается в балансировании между использованием для развития внешних источников финансирования и/или мер фискальной стимулирующей политики при неизбежном сопутствующем разгоне инфляции в случае ограниченности возможностей внешних заимствований.

Список литературы:

1. Acemoglu D., Üçer M. Why Turkish growth ended. An institutional perspective. 18 November 2015. // URL: <http://voxeu.org/article/why-turkish-growth-ended>
2. Ekonomik Rapor 2015, 2016. Ankara.
3. Demiröz D.M. Hazine Yönetimi, Bütçe Açığı ve Dışlama Etkisi. 28.07.2017// URL: <http://www.gazetebirlik.com/yazarlar/hazine-yonetimi-butce-acigi-ve-dislama-etkisi/>

⁷ Demiröz D.M. Hazine Yönetimi, Bütçe Açığı ve Dışlama Etkisi. 28.07.2017// URL: <http://www.gazetebirlik.com/yazarlar/hazine-yonetimi-butce-acigi-ve-dislama-etkisi/>

Матюнина Л.Х.
Особенности теневой банковской деятельности в Индии
(2011-2017 гг.)

К.э.н., Доцент, Кафедра МЭО
ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова
lianamtn@gmail.com

Индия имеет достаточно развитую, диверсифицированную финансовую систему. Активы финансовой системы достигают 136% ВВП. Основу финансового сектора составляют банки (60% совокупных финансовых активов), вторым по значимости является сектор страхования. Финансовые рынки представлены достаточно ликвидным денежным рынком, рынком акций, емким первичным рынком государственных облигаций, незначительным пока сегментом корпоративных долговых бумаг. Отличительной чертой индийской финансовой системы является заметное присутствие в ней государственной собственности. Позиции государства сильны не только в банковском секторе (до 72% активов банков), но и в страховых и в пенсионных компаниях. Деятельность иностранного капитала заметно ограничена.

Финансовая система страны претерпевает постепенную трансформацию, одним из проявлений которой стало возращение роли небанковского кредитного посредничества, которое в последнее время в экономической литературе обозначается термином «теневая банковская деятельность». Теневые банки стали предметом активного обсуждения последние 10 лет. При этом основная часть исследований посвящена изучению этого явления в США, в ряде европейских стран, на которые приходится львиная часть глобальных активов теневых банков. Нам достаточно мало известно об особенностях этого сложного явления в других странах, включая развивающиеся государства. Представляется интересным рассмотреть структуру, динамику развития, роль теневых банков в развивающихся странах (РС) на примере Индии, крупнейшей мировой и развивающейся экономики.

Общепринятым определением теневой банковской деятельности (ТБД), теневых банков (ТБ) стала формулировка, предложенная Советом по финансовой стабильности (Financial Stability Board, ФСБ), осуществляющий мониторинг теневой банковской деятельности на глобальном уровне по поручению большой двадцатки. ТБД – это «кредитное посредничество, охватывающее юридические лица и деятельность (полностью или частично) за пределами традиционной банковской системы.»¹

Основная часть активов ТБ сосредоточена в развитых государствах (РГ). На РС приходится не более 11-12% глобальных активов ТБД в широком измерении. При этом 8 из 11 трлн. долл. активов ТБ РС находятся в КНР, которая входит в число мировых стран-лидеров по масштабам ТБД². Среди РС Индию можно отнести к странам с достаточно крупным сегментом теневой банковской деятельности, по некоторым оценкам, на нее приходится около 1.3% глобальных активов ТБ, из РС только Китай (7.7%) и Бразилия (1.5%) опережают Индию по этому показателю³.

Но прежде, чем перейти к рассмотрению особенностей развития небанковской кредитной деятельности в Индии необходимо понять, что представляют из себя теневые банки в этой стране.

Если исходить из определения ФСБ, то теневые банки – это финансовые посредники, предоставляющие кредитование по типу банковского, но остающиеся при этом структурами очень непрозрачными, не подпадающими под надзор и регулирование, как банки. Трудно ответить на вопрос, есть ли ТБ в Индии, т.к. в стране есть финансовые посредники, предоставляющие услуги кредитования подобно банкам и находящиеся за пределами официальной банковской системы, но при этом они уже более 50 лет находятся в сфере достаточно ощутимого регулирования со стороны прежде всего Резервного Банка Индии⁴ (РБИ).

¹ Global Shadow Banking Monitoring Report 2016, p.1

² Ibid, p.17

³ RBI Bulletin October 2017, p. 92

⁴ В 1963 году Закон о РБИ от 1934 года был дополнен главой 3, предоставляющей РБИ мандат на надзор, контроль и регулирование небанковских финансовых институтов.

В Индии не используется термин ТБ. Небанковские финансовые структуры называются небанковскими финансовыми институтами (НФИ), их основная часть находится под надзором РБИ и подразделяется на три категории: небанковские финансовые компании (НФК), первичные дилеры и общеиндийские финансовые институты. Основной составляющей НФИ являются НФК, которые за редким исключением регулируются РБИ.

В настоящее время НФК классифицируются по трем критериям: по особенностям формирования пассивов, по размерам активов, по видам деятельности.

Исходя из принципов формирования пассивов, НФК делятся на две группы: НФК, принимающие депозиты (НФКД) и НФК, не работающие с депозитами населения (НФКНД). С учетом необходимости защиты интересов вкладчиков именно к НФКД с 1998 года стали применяться достаточно жесткие нормы регулирования, что привело к резкому сокращению их численности в первый же год после введения новых требований.

В 2006 для НФКНД был введен дополнительный критерий классификации по размеру активов компаний. Часть НФКНД была выделена в особую группу – системно значимые небанковские финансовые компании, не работающие с депозитами (НФКНДСЗ). К системно значимым НФКНД были первоначально отнесены компании с активами больше 1 млрд рупий, в 2014 году критерий отнесения НФК к особо значимым был повышен до 5 млрд рупий. К этой группе компаний применяются особые нормативы регулирования.⁵

С точки зрения форм деятельности все НФК разделены на 12 основных групп.⁶

⁵ RBI Bulletin October 2017, p. 94

⁶ Финансовые компании, занимающиеся финансированием производств в реальной экономике (АФК), включая продажи в рассрочку, лизинг оборудования (с 2006 г.), компании по кредитованию, кроме AFC, инвестиционные компании (торговля ценными бумагами), компании по финансированию инфраструктуры (выделены в отдельную группу в 2010 г.), системно значимые компании по целевому инвестированию, фонды по долгосрочному финансированию инфраструктурных проектов (призваны обеспечивать вливание долгосрочных средств в инфраструктурные проекты в рамках государственно-частного партнерства), институты, занимающиеся

В 2017 году в Индии действовало около 11,5 тыс. НФК. Самую многочисленную группу представляют НФКНД (11.1 тыс.), самую малочисленную – НФКД (178 компаний). Несмотря на малочисленность группа небанковских финансовых посредников, привлекающих депозиты населения, сохраняет свои позиции на рынке. Доля привлеченных ими депозитов в совокупных пассивах НФК даже несколько выросла за 2012 - 2017 гг. с 0,5% до 1,6%, составив 306 млрд рупий. Однако, отметим, что это не более 1% банковских депозитов.

По величине активов самой значимой группой являются НФКНДСЗ (218 компаний).

Изменение численности и значимости различных групп НФК во многом связано не только с экономическими факторами, но и пересмотром норм регулирования. Интересна также существующая в Индии практика перехода НФК в официальную банковскую систему. Например, переход нескольких крупных НФК, работающих с малым и средним бизнесом (МСБ), в статус небольших банков привел к отрицательным темпам роста этой группы небанковских посредников в 2016-17 гг., к заметному сокращению доли их активов в совокупных активах НФК.

Все НФК работают в соответствии с законом о компаниях 1956 года (и последующих его редакциях) и должны пройти регистрацию в РБИ для того, чтобы начать свою деятельность в качестве финансового посредника.

Небанковское финансовое посредничество – давняя и неотъемлемая часть финансового ландшафта Индии. Некоторые его формы сохранились еще с периода до получения страной независимости. Небанковское финансовое посредничество нередко формировалось на основе небольшого семейного бизнеса. В настоящее время в этой сфере действуют как небольшие и

микрофинансированием (с 2011 г.), компании, предоставляющие услуги факторинга, холдинговая финансовая компания, компании по предоставлению гарантий по ипотечным займам, финансовые компании, собирающие и предоставляющие агрегированные сведения о финансовых счетах клиентов по запросу, наконец, финансовые компании P2P (кредитование онлайн). НФКНДСЗ в значительной степени представлены компаниями по кредитованию, инфраструктурному финансированию, лизингу, работе с малым и средним бизнесом.

средние фирмы, так и крупные конгломераты, холдинги. Этому способствует установка регулирования, позиция РБИ по созданию устойчивой, надежно работающей системы НФК.

Деятельность НФК очень разнообразна: предоставление кредитов под залог собственности/ценных бумаг, финансирование жилищного строительства, предоставление золотых кредитов, розничное кредитование без залога, микрофинансирование, торговля ценными бумагами, финансирование продаж в рассрочку, лизинг оборудования, кредитование покупок коммерческого/ пассажирского видов транспорта, факторинг и др.

НФК работают в сегментах с разным уровнем риска. Для них характерна достаточно узкая область специализации на некоторых, иногда уникальных продуктах. Сосредотачиваясь на основном для себя направлении, НФК достигают достаточной компетентности и конкурентоспособности. Эти структуры, как правило, в меньшей степени бюрократизированы, могут проявлять большую гибкость, а также предлагать более приемлемые условия для клиентов по сравнению с банками. Отметим, однако, что узкая специализация приводит к высокой чувствительности НФК к событиям на соответствующем сегменте рынка. Так, например, НФК АФК, занимающиеся финансированием в рассрочку покупок автотранспорта и розничным кредитованием, очень пострадали из-за отложенных клиентами сделок в условиях неопределенности, возникшей накануне проведения демонетизации (РБИ, 2017).

Структурной особенностью небанковского финансового посредничества в Индии является преобладание в нем финансовых компаний, осуществляющих кредитование разных областей экономики. Это выделяет Индию на фоне других стран. В структуре глобальных ТБ, как и в структуре ТБД в РС, на первом месте по активам находятся взаимные фонды денежных рынков, инвестиционные компании, брокеры. Эти компании в разных формах реализуют главным образом схемы коллективного инвестирования. Финансовые компании по активам занимают только четвертое место в мировой теневой банковской системе, на них приходится около 8% глобальных активов ТБ в узком

измерении.⁷ Особенностью кредитного посредничества финансовых компаний является широкое привлечение краткосрочных заемных средств с последующим предоставлением их на более длительные сроки. Значительные риски такой деятельности вытекают именно из практики преобразования сроков/ликвидности. На активы финансовых компаний Индии приходится до 12% мировых активов указанных компаний, по этому показателю Индия занимает третье место в мире после Японии (18%) и США (39%).

Указанная структурная особенность деятельности индийских НФК сохраняется несмотря на заметное расширение состава НФК в 10-е годы 21 в. На компании по кредитованию (loan company) в период с 2012 по 2017 г. приходилось более трети активов всех НФК (2017 – 36.2%), за тот же период инвестиционные фонды переместились на четвертую позицию, уступив место НФК по инфраструктурному финансированию (выделены в отдельную группу в 2010 году, 32.5% активов) и АФК (сдача в аренду, лизинг оборудования, 13.7% активов). В целом на активы четырех названных типов НФК, приходится до 94% активов всех небанковских финансовых компаний, при этом на компании, осуществляющие кредитование 82.4%. На компании по микрофинансированию, несмотря на высокие темпы роста приходится пока не более 3%.⁸

Опыт Индии показывает, что роль ТБ в РС в настоящее время в значительной степени отличается от роли, которую ТБД играет в развитых государствах. В последних, как свидетельствуют многие исследования, деятельность небанковских финансовых посредников в значительной степени сфокусирована на создании «безопасных» видов обеспечения по транзакциям, дополнительной ликвидности, на снижение рисков.⁹ В Индии очевидна ориентация деятельности НФК на различные сферы реальной экономики.

⁷ Global Shadow Banking Monitoring Report 2016, p.51

⁸ RBI Bulletin October 2017, p. 96

⁹ What Is Shadow Banking? Stijn Claessens and Lev Ratnovski, IMF, WP/14/25, February 2014

В Индии НФК превратились в важного финансового посредника, деятельность которого весьма значима не только для финансовой системы, но и экономики в целом.

НФК в настоящее время являются третьим по значимости сегментом национальной финансовой системы после банков и страховых компаний: на них приходится 9% всех финансовых активов страны, что эквивалентно 436 млрд долл.¹⁰ НФК имеют сложную систему развитых взаимных отношений с другими участниками финансовых рынков, их развитие характеризовалось двузначными цифрами в период с 2011-15 гг., правда, отмечается их некоторое замедлении с 2015 г. По показателям эффективности, стабильности НФК, несмотря на ухудшение ситуации в последние годы, превосходят банки.

НФК, расширяя масштабы кредитования экономики, дополняя/замещая, а иногда и конкурируя с банками (по некоторым инструментам, в местностях, менее доступных по разным причинам банковским услугам), способствуют мобилизации сбережений, формированию дополнительных финансовых ресурсов, росту общего уровня финансовой включенности в стране.

В период с 2011-17 гг. НФКНДСЗ наращивали кредитование экономики темпами, заметно превосходившими темпы банковского кредитования, особенно по сравнению с госбанками. В результате значение НФК как поставщика финансовых ресурсов в экономике несколько выросло. Так, объем кредитования НФКНДСЗ за 2012 – 15 гг. вырос с 7.2% до 8.1% ВВП, кредиты всех НФК выросли за тот же период с 8.2 до 9.4% ВВП¹¹. Отметим также тенденцию к возрастанию роли НФК в кредитовании частного сектора, доля НФКНДСЗ в общем объеме кредитных ресурсов, предоставленных частному сектору за период с 2011 -17 гг., выросла с 7.5 до 8.8%. Немаловажную роль играет и отраслевая структура кредитной деятельности небанковских финансовых посредников. Основными сферами

¹⁰ НФК – основная часть ТБ в Индии, которая регулируется РБИ, но некоторые другие теневые структуры, находящиеся под надзором других регуляторов, в статье не рассматриваются. Из них важнейшие – взаимные фонды денежного рынка, которые регулируются Комиссией по ценным бумагам и биржам.

¹¹ IMF Country Report No. 16/76, p.17

кредитования являются промышленность и розничная торговля. При этом 2/3 всех кредитов направлялось в промышленность. В последние годы заметен рост кредитования розничной торговли, доля которого в совокупных кредитах НФКНДСЗ выросла за 15-17 годы с 3.4 до 17.7 %. Такой заметный рост может объясняться как диверсификацией деятельности НФК, так и изменением правил учета. В 2015 году в группу этих кредитов помимо кредитов на жилье, на приобретение ТДП и микрокредитов стали включаться автокредиты, кредитные карты, кредиты на образование, авансы с обеспечением депозитами, акциями/облигациями. Третьей по значимости отраслью выступает сфера услуг, доля кредитов в которую держится последние пять лет на уровне около 14%. Относительное значение кредитования сельского хозяйства не велико и снижается: 3,0% (2012) и 2.5% (2017). Однако, при этом НФК играют большую роль в распространении финансовых услуг в сельской местности, в небольших городках.

РБИ придает большое значение развитию малого и среднего предпринимательства в стране (МСП). Некоторые НФКНДСЗ специализируются на предоставлении кредитов МСП. Доля этих кредитов в общем объеме кредитов НФКНДСЗ выросла с 5.3% до 10.5% за 2012-17 гг.

Быстрые темпы роста НФК в известной степени связаны с рядом преимуществ, которые последние имеют перед банками: узкая специализация на некоторых классах активов, хороший уровень профессионализма в своей нише, более масштабное проникновение в сельские районы, арбитраж регулирования. И хотя НФК чаще действуют в сферах, не охваченных банками, присутствие многих игроков на рынке может приводить к конкуренции по отдельным продуктам и с банками. Необходимость снижения издержек для сохранения своей доли на рынке стимулирует НФК к внедрению инноваций. Так, они первыми на индийском рынке стали продвигать такие услуги, как кредитование под залог акций, маргинальное финансирование и др. НФК могут внести свой вклад в развитие секьюритизации, что будет способствовать решению задачи расширения финансирования жилищного строительства, инфраструктурных проектов в условиях отсутствия развитого рынка корпоративных

облигаций. Таким образом, НФК могут не только дополнять, замещать, но и конкурировать в некоторых случаях с банками.

Вместе с тем следует отметить, что трудности, которые переживает финансовая система Индии в последние годы, отразились на деятельности и важнейших показателях стабильности и эффективности НФК. Это нашло отражение в росте доли плохих долгов (с 2.9% в 2012 г. до 5% в 2017г.), в снижении нормы доходности активов (с 2.7% в 2013 до 1.8% в 2017 г.). Коэффициент достаточности капитала остается выше уровня, предписанного регулятором, но снизился по всем категориям НФК, хотя и в разной степени. При этом интересно отметить, что все эти показатели по группе небанковских финансовых компаниях и сейчас заметно выше, чем у банков.

В 2015-16 гг. заметно сократилось инфраструктурное кредитование со стороны специализирующихся на этом НФКНДСЗ. Это связано как с замедлением темпов роста промышленности, особенно в области энергетики, так и переходом некоторых НФКНДСЗ в статус универсальных банков. Интересно, что несмотря на отмеченные особенности темпы кредитования инфраструктуры со стороны специализированных небанковских финансовых институтов были выше банковских, хотя надо учитывать и низкий исходный уровень кредитования первых.

Важное и возрастающее значение НФК в Индии не снимает вопроса о рисках, возникающих в связи с деятельностью небанковских финансовых посредников.

Существуют два аспекта рисков, связанных с деятельностью ТБ: риски, вытекающие из особенностей самого кредитного посредничества за пределами традиционной банковской системы, а также риски, связанные со взаимными требованиями и обязательствами, возникающими между теневыми и другими сегментами финансовой системы, которые могут служить каналом распространения кризисных явлений на всю финансовую систему.

В Индии существуют значительные риски, связанные с деятельностью НФК¹². Преобладающая доля их активов, как

¹² Компании по кредитованию, инфраструктурному финансированию, по лизингу

отмечалось выше, принадлежит компаниям, которые осуществляют кредитование, для которого свойственна опора на значительное привлечение заемных (71% пассивов НФКНДСЗ), в том числе краткосрочных, ресурсов. Такое кредитование характеризуется риском дефолта заемщика, преобразованием более краткосрочных пассивов в более долгосрочные и менее ликвидные активы. В периоды повышающейся конъюнктуры такая бизнес модель часто приводит к избыточной долговой нагрузке, в условиях стресса – к кризисам ликвидности. Высокие темпы развития НФК в последние годы только усиливают потенциальные риски, присущие деятельности НФК в Индии. Примером кризиса, с которым столкнулись НФКНДСЗ, может служить кризис ликвидности на рынке НФК в 2008 на фоне резкого ухудшения финансово-экономической ситуации в стране.

Регулирование может только отчасти решить проблему возможного дестабилизирующего эффекта деятельности НФК. Введение норм по достаточности собственных ресурсов финансовых компаний, требований к созданию буферов на случай кризисных ситуаций направлено на повышение стрессоустойчивости ТБ, их более ответственное поведение, но не предполагает поддержку ТБ в кризис со стороны ЦБ. Так, Закон о Резервном Банке Индии запрещает последнему кредитовать не банки. Однако, интересно отметить, что РБИ изыскал возможность оказать поддержку НФК в трудных условиях 2008 года. Это еще раз подчеркивает своеобразие статуса и роли НФК в Индии, их особые отношения с регулятором.

Другим источником рисков в связи с деятельностью ТБ является система взаимоотношений, складывающихся между небанковскими кредитными посредниками и другими участниками финансовых рынков. Результаты исследований ФСБ в целом по миру свидетельствуют о том, что наибольшее взаимное влияние характерно для банков и ТБ. Оценка риска дестабилизации банковской системы в результате стрессовой ситуации на рынке услуг теневого банкинга оценивается с точки зрения значимости небанковских финансовых посредников для формирования пассивов/ активов банков. Аналогичным образом

и аренде оборудования, по работе с малым бизнесом.

оценивается уровень потенциальных рисков, исходящих от банков, для теневых банковских структур. В целом по миру риски банков, связанные с участием небанковских финансовых посредников в формировании банковских пассивов (около 10%), выше, чем риски, связанные с кредитованием банками ТБ (5.6%)¹³. Самый высокий риск банков в РС, связанный с участием ТБ в формировании банковских пассивов, отмечался на конец 2015 года в Бразилии 18%, Чили 13%, Ю. Африки 13-14%.

В Индии НФК и банки имеют очень прочные связи. Однако, уровень риска для индийских банков, который может возникнуть по линии взаимных требований/обязательств с НФК, оценивается ниже, чем в среднем по миру и по РС. Кроме того, риски индийских банков больше связаны с кредитованием НФК, а не привлечением средств последних для формирования своей ресурсной базы, как во многих других странах (соответственно 5% и 4%). Это означает, что доля кредитов, выданных банками НФК, в общих активах банков составляет 5%, и только 4% активов банков формируются за счет средств НФК, размещенных в банках. Эти данные говорят о достаточно низком уровне рисков для банковской системы страны в случае неблагоприятных событий в сегменте НФК. Однако, многое зависит от характеристик средств, размещаемых НФК в банках, нужны дополнительные сведения об их срочности, ликвидности.

Активы ТБ намного меньше активов банков, поэтому риски дестабилизации функционирования небанковских финансовый структур в результате событий в банковском секторе в большинстве стран выглядят более весомыми. При этом в целом по миру для ТБ риски больше связаны с кредитованием банков, а

¹³ Риск для банков по линии формирования пассивов: доля обязательств банков перед ТБ в активах банков; показывает, в какой степени активные операции банков зависят от средств, привлеченных у ТБ.

Риск банков по линии активных операций: доля кредитов, предоставленных ТБ, в общих активах банков.

Все эти показатели не учитывают многих важных характеристик: качества кредитов/обязательств, степень их рискованности и пр. Global Shadow Banking Monitoring Report 2016, p.33

не привлечением ресурсов банков для формирования своих пассивов.

В Индии дестабилизации деятельности НФК в результате ухудшения ситуации в банковском секторе также выше, чем потенциальные риски для банков, исходящие от НФК. Однако, в Индии, в отличие от многих стран, НФК в большей степени зависят от кредитов банков для формирования своей ресурсной базы, а не по линии размещения своих активов. Риск фондирования для НФК по Индии 15%, риск кредитования 10%. Однако, похоже, что зависимость НФК от кредитов банков постепенно снижается.

Как уже отмечалось выше, около 71% совокупных обязательств НФКНДСЗ представлены заимствованием. При этом основными кредиторами НФК выступали до последнего времени именно банки. В 2008 году индийские банки столкнулись с резким оттоком депозитов, что привело к сокращению их кредитной деятельности, в том числе и в отношении НФКНДСЗ. НФК, пережив кризис не без помощи РБИ, постарались диверсифицировать источники формирования своих ресурсов. В результате структура пассивов НФНДСЗ изменилась: в 2016-17 гг. около 49.2% обязательств были привлечены в форме долгосрочных долговых обязательств, 9.7% в форме коммерческих бумаг, доля банковских кредитов заметно снизилась, обеспечив около 21.6% пассивов. Это, безусловно, снизит риски/зависимость устойчивости деятельности НФК от состояния банковского сектора. Одновременно это показывает роль, которую могут сыграть НФК в развитии финансовой системы и рынков, формируя дополнительный спрос/предложение различных инструментов.

Сокращению роли банков в кредитовании НФНДСЗ будет способствовать и запрет со стороны РБИ практики, успешно применяемой банками долгое время. Как известно, в Индии банки должны предоставлять определенную часть активов в качестве кредитов на развитие целевых отраслей экономики. Если банки в силу каких-то обстоятельств не могли выполнить своих обязательств, например, по кредитованию сельского хозяйства, то они предоставляли кредиты соответствующим НФК, рассматривая последние как выполнение планов по кредитованию целевых

отраслей. Такая схема успешно функционировала до апреля 2011 года, пока РБИ не запретил эту практику.

Вместе с тем следует учитывать, что для отдельных НФК значение кредитования со стороны банков сохраняет свое значение, несмотря на шаги, направленные на расширение базы формирования ресурсов. Ярким, но единственным примером могут служить НФК, специализирующиеся на рынке кредитования под залог золота.

Как известно, в Индии существует традиционно высокий спрос на золото, которое выступает для бедного населения особенно сельских районов единственным активом на случай различных кризисных ситуаций. По данным РБИ, до 65% запасов золота в стране сосредоточено именно в сельских районах. Физическое золото/серебро (в виде украшений) выступает залогом при кредитовании и на неорганизованном рынке. В практике бедных и средних слоев населения золото закладывается, выкупается, перезакладывается для решения самых разных, в том числе повседневных, задач. РБИ прикладывает немало усилий для того, чтобы включить эти формы сбережений населения в оборот официальной финансовой системы. В настоящее время достаточно активно ведется банковское кредитование под залог золота. Наряду с банками в этой области работают и НФКНДСЗ. Эти НФК привлекают ресурсы для кредитования из разных источников, но основным из них являются банки. Снижение темпов и объемов банковского кредитования этой группы НФК ведет к заметному сокращению активности последних. С другой стороны, для НФК, имеющих узкую специализацию на предоставлении «золотых» займов, колебания цен на золото представляют большие риски. С учетом значимости банков для формирования пассивов указанной группы НФК стресс в этой зоне может оказать воздействие и на банковскую систему, особенно с учетом высокого финансового плеча у НФК, кредитующих под золото, а также высоких темпов роста их кредитования¹⁴. В указанном документе НФК рекомендуется расширить источники привлечения ресурсов и снизить долю банков в формировании пассивов, а также создавать

¹⁴ Report of the working group to study the issues related to gold import and gold loans NFFC in India, 2013, p 112-113.

фонды для страхования от рисков. В связи с этим обсуждается вопрос предоставления указанным НФК права привлекать часть пассивов через секьюритизацию.

Таким образом, деятельность НФК в Индии помимо многих плюсов несет и определенные риски, способные оказывать дестабилизирующее воздействие на важнейшие сегменты финансовой системы. В связи с этим отметим, что в Индии возрастает интерес пенсионных компаний к НФК, требования пенсионных компаний к ряду НФК имеют явную тенденцию к росту. Это, по всей видимости, отражает естественный процесс усиления взаимозависимости разных структур финансовой системы по мере ее развития и диверсификации.

Подводя итог, отметим, что небанковское финансовое посредничество в Индии – явление сложное, динамично развивающееся, имеющее яркие страновые особенности. Формы, масштабы, направления деятельности НФК в Индии указывают на потенциально большой вклад, которые эти структуры могут внести в экономическое и финансовое развитие страны, выступая альтернативными источниками ресурсов и ликвидности. Вместе с тем развитие и усложнение системы небанковского теневого посредничества будет приносить дополнительные риски, минимизации которых может способствовать сбалансированное регулирование сектора НФК.

Список литературы:

1. FSB. Global Shadow Banking Monitoring Report 2016. May 2017
2. IMF Country Report No. 16/76
3. RBI Bulletin October 2017
4. RBI Monthly Bulletin July 2014
5. Report of the working group to study the issues related to gold import and gold loans NFFC in India. RBI, 2013
6. Stijn Claessens and Lev Ratnovski. What Is Shadow Banking? IMF, WP/14/25, February 2014

Бойцов В.В.

Экономический рост в современной Малайзии: факторы и эффективность.

К.и.н., Доцент, Кафедра экономики и экономической
географии стран Азии и Африки,
ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова
v.boitsov@mail.ru

Малайзия является наиболее успешно развивающейся страной в Юго-Восточной Азии (ЮВА), за исключением Сингапура и может быть, отчасти, Брунея, располагающих невоспроизводимыми нигде больше в регионе факторами и обстоятельствами развития. Среднегодовые темпы роста ее валового внутреннего продукта (ВВП) с 1960 по 2016 гг. в ценах 2010 г. составили 6,3%, что выше среднего для мирового хозяйства (3,5%). В результате объем общественного производства в тех же ценах 2010 г. вырос здесь за период 1960 – 2016 гг. в 29,9 раза. Следствием этого явилось заметное (в 4 раза) увеличение вклада страны в мировое производство. Если в 1960 г. оно было менее 0,1%, то к 2016 г. возросло до 0,4%. Все это позволило Малайзии поднять производство ВВП на душу населения в 7,8 раза (в текущих ценах до 9 508 долл. США и по паритету покупательной способности валют (ППС) до 26 980 долл.) – самым высоким после Сингапура и Брунея показателям в регионе ЮВА. Благодаря этому к началу второго десятилетия XXI века Малайзия стала первой после все тех же Сингапура и Брунея страной региона, которой не только удалось преодолеть нарастающее отставание абсолютных показателей их ВВП на душу населения от средних для мирового хозяйства, но и превзойти их. Если в 1960 г. это отставание составляло в ценах 2010 г. 2284 долл., то в 2016 г. производство ВВП на душу населения превзошло здесь среднее для мирового хозяйства – на 613 долл.

Существенно изменилась и отраслевая структура малайзийской экономики. В ней заметно окрепли позиции обрабатывающих отраслей и услуг. Так, вклад обрабатывающей промышленности в производство ВВП, рассчитанному в ценах 2010 г., возрос с 1960 по 2017 гг. с 9,5% до 23,0%, а сферы услуг –

с 12,2% до 53,0%¹. Все то позволило снизить зависимость хозяйства страны от сырьевых отраслей и уменьшить долю природной ренты в ВВП с 17,0% в 1980 г., и с 37,0% в 1980 г. до 4,8% в 2017 г.²

В свою очередь, в отраслевой структуре обрабатывающей промышленности, а также в сфере услуг наибольшее развитие получили самые современные и производительные отрасли. Так, ведущие позиции в обрабатывающей индустрии заняли электротехника и электроника, производство компьютеров и оптический изделий, удельный вес которых в добавленной стоимости этой отрасли составил в 2015 г. 23,3%, а также общее и транспортное машиностроение (13,6 %), переработка нефти (13,3 %), химическая и фармацевтическая промышленность (10,2 %). В сфере услуг важнейшие позиции в общественном производстве сразу же вслед за оптовой и розничной торговлей (27,4%) заняли более современные ее виды – финансовые, страховые, риэлтерские и другие бизнес-услуги (20,9%), информация и связь (10,6%), а также образование (8,1%)³

Следствием сдвигов в динамике и структуре производства стали позитивные изменения в социальной сфере страны. Доходы домашних хозяйств выросли с 1970 по 2014 гг. с 264 до 6 141 малайзийских ринггит, или в 23,3 раза. Снизился уровень бедности: за тот же период с 49,3% до 0,6%. Численность лиц, получивших общее и профессиональное образование третьего уровня – в университетах и колледжах, а также прошедших техническую и другую специальную подготовку, к 2015 г. увеличилась по сравнению с 1980 г., в 4 раза. Более равномерным стало распределение доходов среди основных групп населения.

¹ Составлено и подсчитано по: The World Bank/World Data Bank/World Development Indicators. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source-world-development-indicators>.

² The World Bank. World Data Bank. World Development Indicators. Total natural resources rents (% of GDP) [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicators/NY.GDP.TOTAL.RT.Z?locations=M>.

³ Подсчитано по: Malaysia Productivity Corporation. 23-rd Productivity Report 2015/2016. Kuala Lumpur, 2016, P. 85, 86.

Коэффициент Джини за период 1970 – 2014 гг. уменьшился с 0,543 до 0,401⁴.

Основным фактором динамичного роста малайзийской экономики является высокий уровень инвестиций на протяжении практически всех лет независимого развития страны. Среднегодовые темпы роста инвестиций в основной капитал за 1960 – 2016 гг. составили здесь в ценах 2010 г. 7,8%, что превысило среднегодовые темпы роста совокупного общественного производства на 1,5 процентных пунктов (п.п.). Всего за указанный промежуток времени объем накопленных инвестиций в основной капитал увеличился до 87,2 млрд долл., или в 68,8 раза, а его годовой приток в сопоставлении с ВВП за рассматриваемый период возрос с 11,4% до 25,4%, достигая в отдельные годы еще больших значений, как например в 1990 г. (33,0%). Заметная часть этих капиталовложений была обеспечена за счет прямых иностранных инвестиций (ПИИ)⁵. Так, в 2011 г. ПИИ составили практически 44,0% всех инвестиций в малайзийскую экономику⁶.

Столь значительные масштабы инвестиционного процесса в Малайзии явились следствием привлекательности страны как для местного, так и для иностранного капитала. Его ускоренный приток стимулировался целым рядом разнообразных и разнородных факторов. Назовем только некоторые из них. Прежде всего – это высокая степень открытости малайзийской экономики и опережающий рост ее включенность в мировое хозяйство, в результате чего индекс глобализации экономики (KOF) в Малайзии возрос с 1970 по 2015 гг. на 19,7 п.п. и достиг 70,6 (следующий вслед за Сингапуром показатель в ЮВА), тогда как во всем мировом хозяйстве за указанное время он увеличился всего на 16,5 п.п.: с 39,7 до 56,2⁷.

⁴ Economic Planning Unit, Prime Minister Department, Malaysia. Executive Summary Eleventh Malaysia Plan 2016 – 2016. Kuala Lumpur, 2015, P. 4

⁵ Составлено и подсчитано по: The World Bank/World Data Bank/World Development Indicators. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source-world-development-indicators>.

⁶ Подсчитано по: Malaysia Productivity Corporation. 24-th Productivity Report 2016/2017. Kuala Lumpur, 2017, P. XII.

⁷ Составлено и подсчитано по: ETHzürich KOF. KOF Globalization Index. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kof.ethz.ch/forecasts-and->

Другим важным фактором, особенно привлекающим иностранный бизнес к инвестированию в малайзийскую экономику, является сравнительно высокое качество местной рабочей силы при относительно низкой ее стоимости. Малайзия располагает достаточно качественным человеческим капиталом, необходимым для успешного развития всех основных отраслей современного производства. Индекс человеческого капитала в этой стране является не только вторым, после Сингапура, в регионе, но и одним из наиболее высоких в мире, обеспечивая ей 33-ю позицию среди 130 экономик⁸. В то же время местная рабочая сила не требует здесь больших расходов. Достаточно сказать, что доля возмещения затрат на ее использование составляла в 2013 г. всего 33,6% ВВП, тогда как, например, в индустриальных, а также наиболее успешных развивающихся странах Азии, таких как, например, Республика Корея 50 – 60%⁹.

В целом, судя по авторитетным оценкам, в Малайзии сложились весьма благоприятные возможности для предпринимательской деятельности. Согласно индексу благоприятствования условий ведения бизнеса группы Всемирного банка, Малайзия занимает достаточно высокое – 33-е место в мире из 190 экономик, традиционно уступая первую позицию в регионе Сингапуру¹⁰.

Одним из следствий активного финансирования малайзийской экономики стало быстрое возрастание основных производственных фондов. Их величина в тех же ценах 2010 г., рассчитанных по остаточной стоимости, возросла за период 1960 – 2016 гг. с 2,9 до 633 млрд долл., или в 21 раз¹¹. Благодаря этому фондовооруженность на одного занятого только с 1990 по 2016 гг.

indicators/indicators/kof-globalization-index.html.

⁸ World Economic Forum. The Global Human Capital Report 2017. Geneva, 2017, P. 8.

⁹Economic Planning Unit, Prime Minister's Department, Malaysia. Executive Summary Eleventh Malaysia Plan 2016 – 2020, Strategy Paper 8: Labor Market for an Advanced Nation, Exhibit 8-4. Kuala Lumpur, 2015, P. 8-6.

¹⁰ World Bank Group. Doing Business 2017, Washington, 2017, P. 8.

¹¹ Составлено и подсчитано по: Department of Statistics, Malaysia, Official Portal. Economic Indicators. Capital Stock Statistics. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?column=csearch&search_keyword=capital%20stock%...

увеличилась здесь в 3,1 раза – с 10,0 до 30,6 тыс. долл. В то же время динамика эффективности использования ресурсов основного капитала не только заметно отстает от темпов его роста, но и имеет на протяжении последних десятилетий отрицательные значения. Так, предельная фондоотдача снизилась в Малайзии за период с 1970 по 2016 гг. в 2,8 раза¹².

Несмотря на общую тенденцию к понижению, наблюдавшуюся на протяжении последних более чем пятидесяти лет, вклад реальных капиталовложений в прирост ВВП, по сравнению с такими основными факторами экономического роста как применяемый труд и совокупная производительность, остается по-прежнему значительным, составив в 2015 г. в ценах 2010 г. 48,8%, т.е. всего лишь на 0,7 п.п. меньше, чем в 1996 – 2000 гг.

Более заметно, несмотря на неоднократную смену разнонаправленных трендов, происходит уменьшение вклада другого важнейшего фактора роста – применяемого труда. Если в 1996 – 2000 гг. он достигал 25,1%, то в 2011 – 2015 гг. сократился до 21,4%, или на 3,4 п.п.

По мере уменьшения роли экстенсивных факторов роста – реальных капиталовложений и применяемого труда, увеличивался, пусть медленно и не вполне устойчиво, вклад совокупной производительности. Только с 1996–2000 гг. по 2011–2015 гг. он вырос на 4,4 п.п. – с 25,4% до 29,8%, что свидетельствует о тенденции усиления интенсивных составляющих экономического роста в этой стране (см. табл.1)¹³.

Особенно велика роль совокупной производительности как фактора экономического роста в современной Малайзии в таких отраслях как строительство, сельское хозяйство и сфера услуг. Здесь ее вклад в хозяйственный рост, по сравнению с другими факторами, является наибольшим и достигает: в

¹² Составлено и подсчитано по: Department of Statistics, Malaysia, Official Portal. Economic Indicators. Capital Stock Statistics. [Электронный ресурс] URL: https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?column=csearch&search_keyword=capital%20stock%...; The World Bank/World Development Indicators. [Электронный ресурс.] URL: <https://www.databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>.

¹³ Составлено и подсчитано по данным табл. 1.

строительстве 153,1%, в сельском хозяйстве 53,3%, в сфере услуг 37,6%.

Таблица 1. Динамика ВВП и вклад реальных капиталовложений, примененного труда и совокупной производительности в темпы роста ВВП в Малайзии, %

Факторы производства	1996-2000 гг.	2001-2005 гг.	2006-2010 гг.	2011-2015 гг.	2016-2020 гг. (план)
Реальные капиталовложения	49,5	41,1	46,4	48,8	44,0
Применяемый труд	25,1	30,6	1,9	21,4	16,0
Совокупная производительность	25,4	28,3	34,7	29,8	40,0
ВВП	4,8	4,8	4,5	5,3	5,0-6,0

Источник: Economic Planning Unit, Prime Minister's Department, Malaysia. Executive Summary Eleventh Malaysia Plan 2016 – 2020, Chapter 2: Strengthening macroeconomic resilience for sustained growth, Exhibit 2-6. Kuala Lumpur, 2015, P. 2-10.

Примечание: В постоянных ценах 2010 г.

В обрабатывающей индустрии, где важнейшим фактором роста в 2000-х гг. утвердилось межотраслевое перемещение промежуточной продукции (в 2012 – 2016 гг. 65,1%), совокупная производительность оказалась оттесненной на вторую позицию (20,1%). Выдвижение межотраслевого перемещения промежуточной продукции в качестве ведущего фактора роста обрабатывающей промышленности связано с ускорением процесса общественного разделения труда и межотраслевой интеграции в стране и одновременно с все более активным включением местного производства в международные производственные цепочки (см. табл. 2). Не случайно, только в 2000 – 2014 гг. межотраслевое перемещение промежуточной продукции из года в год превышало половину всего малазийского товарного импорта¹⁴

¹⁴ Malaysia Productivity Corporation. 24-th Productivity Report 2016/ 2017. Kuala Lumpur, 2017, P. XII.

Таблица 2. Вклад реальных капиталовложений, примененного труда, межотраслевого перемещения промежуточной продукции и совокупной производительности в рост производства основных отраслей хозяйства в 2007 – 2016 гг., %

Отрасли хозяйства	Реальные капиталовложения	Примененный труд	Межотраслевое перемещение продукции	Совокупная производительность	Все производство
Сельское хозяйство	17,6	43,0	-13,9	53,3	100
Добывающая промышленность	82,4	10,9	-3,5	10,2	100
Строительство	34,7	26,5	-114,3	153,1	100
Обрабатывающая промышленность	11,7	3,1	65,1	20,1	100
Услуги	33,6	18,4	10,4	37,6	100

Источник: Malaysia Productivity Corporation. 24-th Productivity Report 2016/ 2017. Kuala Lumpur, 2017, P. 11

Динамика количественных параметров факторов роста в малайзийской экономике сопровождается изменениями в их качественных характеристиках. Хотя в технологической структуре основных фондов по прежнему преобладают здания и другие сооружения (в 2016 г. 64,7%), что свидетельствует о продолжающемся расширении отраслевого и территориального ареала хозяйственной деятельности и постепенном укреплении позиций новейших, наиболее эффективных составляющих их производительных элементов, прежде всего машин и оборудования (16,0%) ¹⁵.

¹⁵ Подсчитано по: Department of Statistics, Malaysia, Official Portal. Economic Indicators. Capital Stock Statistics. [Электронный ресурс]. URL.:/https://www.dosm.gov.my/v1/index.php?=column/csearch&search_ _keyword=capital%20stock%...

Особенно быстро растет сфера информационно-коммуникационного комплекса. Наиболее заметен его вклад в рост обрабатывающей промышленности (в 2012 – 2016 гг. 70,0%), строительства (50,2%), сферы услуг (32,3%) и сельского хозяйства (29,9%), что свидетельствует о переходе на новую технологическую основу важнейших и крупнейших отраслей экономики. Всего вклад информационно-коммуникационного комплекса в экономический рост страны увеличился с 14,4% в 2017 – 2011 гг. до 18,1% в 2012 – 2016 гг.

В то же время вклад применяемого труда, как фактора экономического роста, до сих пор предопределяется главным образом количественной составляющей (на 89,8%)¹⁶ Прежде всего это связано не столько с нехваткой квалифицированной рабочей силы, сколько с отсутствием на нее должного спроса со стороны народного хозяйства. Не случайно, 553 тыс. дипломированных лиц высокой и высшей квалификации были заняты в 2014 г. на низко- и среднеквалифицированной работе¹⁷. И в то же время в стране адаптируется огромное количество мигрантов, прибывающих из-за рубежа, главным образом из Индонезии, как правило, вообще без какой-либо квалификации. Так, только с 2000 по 2013 гг. количество мигрантов увеличилось здесь в 1,5 раза и достигло 2 млн человек, что составило 17,0% от общей численности занятых. В основном мигранты оказались сосредоточенными в обрабатывающей промышленности (36,0%), сельском хозяйстве (23,0%) и строительстве (20,0%). С учетом нелегальных мигрантов количество иностранных рабочих достигло в 2013 г. 27,0% от их общей численности¹⁸.

Еще больше увеличивает демографическую нагрузку на рынок труда активное включение в общественное производство женщин (лишь за 2010 – 2015 гг. доля занятых женщин среди всех

¹⁶ Malaysia Productivity Corporation. 24-th Productivity Report 2016/2017. Kuala Lumpur, 2017, P. 10.

¹⁷ Economic Planning Unit, Prime Minister's Department, Malaysia. Executive Summary Eleventh Malaysia Plan 2016 – 2020, Strategy Paper 8: Labor Market for an Advanced Nation, Exhibit 8-4. Kuala Lumpur, 2015, P. 8-7.

¹⁸ Составлено и gjlxbnfjy по: Economic Planning Unit, Prime Minister's Department, Malaysia. Executive Summary Eleventh Malaysia Plan 2016 – 2020, Strategy Paper 8: Labor Market for an Advanced Nation, Exhibit 8-4. Kuala Lumpur, 2015, P. 8-8.

женщин трудоспособных возрастов увеличилась с 46,8% до 55,0%¹⁹), а также все еще сохраняющийся источник избыточной рабочей силы в сельской местности, где в 2016 г. проживало около одной четверти всего населения страны²⁰. Наличие значительного и постоянно пополняемого резерва дешевой рабочей силы, позволяет поддерживать затраты на оплату труда, в особенности низко- и среднеквалифицированного, на относительно низком уровне и обеспечивать высокую конкурентоспособность малайзийских товаров как на внутреннем, так и в особенности на внешнем рынке. В целом, согласно совокупному индексу глобальной конкурентоспособности, Малайзия в 2017-2018 гг. занимает достаточно высокую 23 позицию среди 137 экономик мира, уступая по этому показателю в ЮВА только Сингапуру²¹.

Несмотря на наличие многочисленной недостаточно квалифицированной рабочей силы (количество рабочих мест, занятых низко- и среднеквалифицированными наемными работниками в 2015 г. оценивалось в 72,0% от общей численности всех занятых²²), производительность труда в стране только за последние годы заметно возросла. Так, в расчете на одного занятого почасовая производительность труда в Малайзии, рассчитанная по ППС, увеличилась с 2012 по 2016 гг. в 1,6 раза и достигла 31,5 долл. что многократно превышает аналогичные показатели в других, кроме Сингапура и Брунея, странах региона (например, в Таиланде – в 2,2 раза, в Индонезии – в 2,6 раза, на Филиппинах – в 3,4 раза), а также в КНР (в 2,3 раза) и тем более в Индии (в 4,3 раза)²³. Столь высокая производительность труда в

¹⁹ Economic Planning Unit, Prime Minister's Department, Malaysia. Executive Summary Eleventh Malaysia Plan 2016 – 2020, Strategy Paper 8: Labor Market for an Advanced Nation, Exhibit 8-4. Kuala Lumpur, 2015, P. 8-3.

²⁰ Подсчитано по: The World Bank/World Data Bank/World Development Indicators. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>.

²¹ World Economic Forum. The Competitiveness Report 2017-2018. Geneva, 2017, P. 326.

²² Составлено по: Economic Planning Unit, Department of Statistics, Malaysia. Eleventh Malaysia Plan. Appendix A5-4. Kuala Lumpur, 2015, P. A5-4

²³ Составлено и подсчитано по: Economic Planning Unit. The Malaysian Economy in Figures 2017. Kuala Lumpur, 2017, P. 51.

Малайзии обеспечивается прежде всего высокопроизводительной структурой производства, сложившейся там к началу XXI в.

Малайзия уже в ближайшем будущем видится ее политическим и экономическим руководителям как процветающее и благополучное сообщество²⁴. Темпы роста ее экономики, согласно одиннадцатому плану социально-экономического развития на 2016 – 2020 гг., определяются в 5-6% в среднем в год²⁵, а национальный доход на душу населения к концу этого периода – как минимум в 15 тыс. долл., что позволит Малайзии войти в группу стран с высоким уровнем доходов²⁶. В то же время долю возмещение затрат на использование рабочей силы в ВВП предполагается повысить с 34,9% в 2015 г. до 40,0% в 2020 г., что даст возможность заметно улучшить материальное положение населения занятого в производстве. Ожидается, что доходы домашних хозяйств возрастут за рассматриваемый период в среднем в 1,7 раза²⁷. Еще одной исключительно важной задачей текущего пятилетия является дальнейшее выравнивание распределения доходов между основными группами населения, что должно найти свое отражение в снижении коэффициента Джини с 0,401 в 2014 г. до 0,384 г. в 2020²⁸.

Основным драйвером решения поставленных перед страной задач в экономической и социальной сферах, в соответствие с планом развития, должен стать опережающий рост совокупной производительности. Так, среднегодовые темпы роста производительности труда, как предполагается, возрастут с 2,6% в 2011 – 2015 гг. до 3,7% в 2016 – 2020 гг.²⁹, а ее величина на одного

²⁴ См., например, Economic Planning Unit, Prime Minister Department, Malaysia. Executive Summary Eleventh Malaysia Plan 2016 – 2016. Kuala Lumpur, 2015, P. 1.

²⁵ Economic Planning Unit, Prime Minister Department, Malaysia. Executive Summary Eleventh Malaysia Plan 2016 – 2016. Kuala Lumpur, 2015, P. 9.

²⁶ Economic Planning Unit, Prime Minister Department, Malaysia. Executive Summary Eleventh Malaysia Plan 2016 – 2016. Kuala Lumpur, 2015, P. 8.

²⁷ Составлено и рассчитано по: Economic Planning Unit, Prime Minister Department, Malaysia. Executive Summary Eleventh Malaysia Plan 2016 – 2016. Kuala Lumpur, 2015, P. 9.

²⁸ Economic Planning Unit, Prime Minister Department, Malaysia. Executive Summary Eleventh Malaysia Plan 2016 – 2016. Kuala Lumpur, 2015, P. 24.

²⁹ Economic Planning Unit, Prime Minister Department, Malaysia. Executive Summary Eleventh Malaysia Plan 2016 – 2016. Kuala Lumpur, 2015, P. 28.

занятого увеличится в 1,2 раза – с 77 100 до 92 300 малайзийских ринггит³⁰. В результате ожидается, что вклад совокупной производительности возрастет с 29,8% в 2011 – 2015 гг. до 40,0%, т.е. на 10,8 п.п., тогда как вклад реальных капиталовложений и применяемого труда уменьшится – соответственно на 4,8 п.п. (с 48,8% до 44,0%) и на 5,4 п.п. (с 21,4% до 16,6%)³¹. Столь заметное предполагаемое усиление фактора совокупной производительности свидетельствует о намерении властей страны уже в самое ближайшее время переориентировать ее хозяйство с преимущественно экстенсивной фазы социально-экономического развития на интенсивную.

Список литературы:

1. Economic Planning Unit, Prime Minister Department, Malaysia. Executive Summary Eleventh Malaysia Plan 2016 – 2020. Kuala Lumpur, 2015.
2. Economic Planning Unit, Prime Minister's Department, Malaysia. Executive Summary Eleventh Malaysia Plan 2016 – 2020, Strategy Paper 8: Labor Market for an Advanced Nation, Exhibit 8-4. Kuala Lumpur, 2015.
3. Malaysia Productivity Corporation. 23-rd Productivity Report 2015/2016. Kuala Lumpur, 2016.
4. World Bank Group. Doing Business 2017, Washington, 2017.
5. World Economic Forum. The Competitiveness Report 2017-2018. Geneva, 2017.
6. World Economic Forum. The Global Human Capital Report 2017. Geneva, 2017.

³⁰ Составлено и подсчитано по: Economic Planning Unit, Prime Minister Department, Malaysia. Executive Summary Eleventh Malaysia Plan 2016 – 2020. Kuala Lumpur, 2015, Р. 9.

³¹ Составлено по данным табл.1.

Лукоянов А.К.
Транспортное обеспечение иранского Прикаспия

К.и.н., Старший научный сотрудник
Центр энергетических и транспортных исследований
Институт востоковедения РАН
lukaleksandr@ya.ru

Иранский Прикаспий (Прикаспийская зона Ирана) – это прежде всего три северные провинции страны, имеющие непосредственный выход к Каспийскому морю ¹: Гилян (цемлн.нтр – г. Решт), Мазендеран (центр - г. Сари) и Голистан (центр – г. Горган). Руководство Исламской республики Ирана (ИРИ) придаёт большое значение развитию этого региона.

Провинции иранского Прикаспия обладают большим ресурсным потенциалом, в том числе в акватории Каспийского моря. В этом регионе развито сельское хозяйство, рыбная индустрия, планируется добыча углеводородов и т.д.

По данным Министерства природных ресурсов РФ, потенциальные запасы нефти и газа в Каспийском регионе Ирана составляют 1 млрд у.т.

В 2011 г. губернатор провинции Гилян заявил, что Каспийское море обладает важным потенциалом для развития Ирана, который не использовался в должной степени.

Для обеспечения стабильного развития данного региона Иран реализует (с 2009 г.) проект полного его обеспечения собственным природным газом, постепенно отказываясь от газа туркменского, чтобы исключить возможные перебои в снабжении со стороны соседей в зимнее время года. В Иране учитывают свой опыт: помнят иранцы, как они сами перекрыли поставки газа в южные регионы СССР после исламской революции 1979 г.

Прикаспийская зона Ирана обладает большими возможностями с точки зрения логистики для использования местных ресурсов. Регион располагает хорошим транспортным потенциалом как непосредственно для собственного развития, так

¹ Персидское название этого моря – Хазарское море (Дарья-йе хазар)

и для связи Ирана с рынками Средней Азии, Кавказа, России и Европы.

Через эти районы по суше и по Каспийскому морю осуществляется товарооборот между Ираном и соседними государствами, реэкспорт товаров, сотрудничество в сферах экономики, науки и культуры.

Через Прикаспий осуществляется торговля Ирана с соседними государствами к северу от ИРИ, а также - реэкспорт товаров в ЕС.

Прикаспийская зона связана с четырьмя региональными транспортными коридорами: первый «Север – Юг» связывает Персидский залив с Черным морем; второй идёт через Турцию к Черному морю; третий - из иранского порта Амирабад на Каспии через территорию Грузии к Черному морю; четвертый проходит через Армению к грузинскому порту Поты на черноморском побережье. По словам министра дорог и городского строительства ИРИ, государство прилагает усилия к тому, чтобы максимально задействовать эти транспортные коридоры.

Специфика транспорта Прикаспийской зоны Ирана определяется её непосредственной близостью к Каспийскому морю и пограничным районам. На территории иранского Прикаспия имеется постоянно развивающаяся авто- и железнодорожная инфраструктура, которая опоясывает побережье Каспийского моря. Здесь проходит Северная железная дорога, заканчивается строительство последних железнодорожных участков, с введением которых в строй завершится создание железнодорожного кольца вокруг Каспийского моря; а также будет окончательно сформирован северный железнодорожный маршрут восточно-западного направления.

В рамках программы развития транспортных коммуникаций региона (являющейся частью общегосударственной программы), в регионе ведётся строительство двухуровневых мостов, дорожных развязок, модернизация дорог и асфальтирование дорог в сельской местности.

Большую роль в развитии Прикаспийской зоны играют традиционно автомобильные дороги и автотранспорт.

В конце 2010 г. губернатор провинции Гилян заявил о начале строительства приморской автомагистрали (которая пройдёт и

через эту провинцию) протяженностью около 1 тыс. км. Она должна пройти вдоль Каспийского моря (примерно в 150 м от побережья) и город Астару (на границе с Азербайджаном) с Горганом - административным центром провинции Голестан (30 км к востоку от побережья Каспия и в 400 км к востоку от Тегерана). Власти считают эту дорогу одним из крупнейших проектов в области благоустройства. Его реализация призвана способствовать развитию различных сегментов экономики региона.

Вдоль одного из участков этой автострადы должна проходить, по горной местности, железная дорога Решт – Сари, на строительство которой было запланировано в 2011 г. более 20 трлн. риалов (около 2 млрд долларов). Предполагалось, что это будет маршрут с интенсивным движением и, соответственно, с высокой экономической отдачей.

Эта железная дорога рассматривается Ираном не только как важная региональная коммуникационная структура, но и как важный элемент в структуре международных транзитных перевозок с применением комбинированных грузоперевозок автомобильным, железнодорожным и морским видами транспорта.

Строительство дороги осуществляется в рамках контракта Ирана с Китаем, в соответствии с которым китайские компании должны были построить в Иране около 5,3 тыс. км железных дорог. Переговоры по данному контракту иранская сторона вела с китайской компанией China Railway Construction Corp (CRCC), которая пообещала использовать самые передовые технологии при строительстве железной дороги Решт - Сари.

Сотрудничество с Китаем является для Ирана чрезвычайно важным. Китай, в частности, поставляет в ИРИ железнодорожный подвижной состав. В Иране полагают, что одной из главных проблем железнодорожного транспорта в стране является именно нехватка подвижного состава.

Роль железных дорог в экономике Ирана в последние годы постоянно возрастает. В 2004 г. в ИРИ приступили к строительству железнодорожных паромных комплексов для морских торговых перевозок (которые давно имели все страны бассейна Каспийского моря, кроме Ирана).

С целью ускоренного развития железнодорожной сети парламент ИРИ в октябре 2016 одобрил на период шестого пятилетнего плана экономического развития страны (2016-2021 гг.) законопроект об отчислении 1% доходов от продажи нефти на реализацию железнодорожных проектов.

Тем не менее, в стране пока относительно остро ощущается недостаток железных дорог, в том числе и портами Прикаспия, которые имеют хорошие перспективы выхода к Персидскому заливу именно через железные дороги. Иран настойчиво предлагает соседним странам даже осуществлять транзит нефти из района Каспия в район Персидского залива по своей территории, заявляя, что это самый безопасный и экономичный маршрут выхода каспийских углеводородов на мировые рынки.

Огромное значение Иран придаёт завершению строительства в иранском Прикаспии железной дороги Казвин - Решт – Астара, которая свяжет Иран (через Азербайджан и Россию) с железнодорожной сетью Европы.

Сначала предполагалось, что эта дорога будут полностью введена в эксплуатацию в 2016 году. Позднее была названа новая дата – март 2017 г., однако дата её окончательного введения в строй периодически переносилась. из-за проблем финансового и технического характера со строительством участка Казвин-Решт (165 км), и железнодорожной ветки Астра (Иран)-Астра (Азербайджан).

По словам представителя правительства Мохаммада Бакера Нобахта, железная дорога между городами Казвин и Решт является недостающим звеном в Международном транспортном коридоре Север-Юг (проект INSTC – International North-South Transport Corridor), и начнет функционировать к концу текущего финансового иранского года (20 марта 2018 года). Эту информацию озвучил в конце 2017 года и президент ИРИ. «Железная дорога Решт-Астара будет построена при участии Азербайджанской Республики. Грузы через Россию из Индии будут доставляться в Северную Европу через Бандар-Аббас и железную дорогу Решт-Астара», – сказал Роухани, президент Ирана. В январе 2018 года эти сведения подтвердил Джаббар Али Закери – член совета директоров Компании по строительству и развитию транспортной инфраструктуры, входящей в состав

Министерства дорог и городского развития. Позднее дата введения в эксплуатацию этой дороги была перенесена на май 2018 года.

При завершении строительства железной дороги Казвин – Решт она будет соединена с портом Энзели, который (через Азербайджан и Россию) свяжется с железнодорожной сетью Европы. Фактически данная железная дорога протянется от Казвина до порта Энзели и порта Астара на границе с Азербайджаном.

В России также особое внимание уделяется транспортному коридору «Север – Юг», который станет важной составляющей программы стратегического партнерства России со странами Прикаспийского региона, что отражено в Федеральной целевой программе «Модернизация транспортной системы России». Перспективный объем перевозок оценивается сегодня до 10 миллионов тонн в год. Развитие МТК «Север – Юг» предполагается при участии крупнейших частных транспортных компаний России, Германии и Ирана.

Международным транспортным коридором Север-Юг, проходящим по территории иранского Прикаспия, заинтересовалась и Япония. Её представители (политический атташе в Тегеране и экономический атташе в Баку) внимательно наблюдают за железнодорожным строительством в Иране и Азербайджане. В феврале 2018 года они прибыли в иранский город Астара, граничащий с Азербайджаном. Японские дипломаты интересовались работами по завершению строительства железнодорожного маршрута Астара (Азербайджан) – Астара (Иран). Этот маршрут длиной около 10 км (8 км из которых проходит по азербайджанской территории и 2 км – по иранской) входит в состав международного транспортного маршрута Север-Юг, и приграничного грузового терминала в иранской Астаре. Политический атташе посольства Японии в Иране Масамичи Сайто заявил, что «японские компании и бизнесмены очень заинтересованы в инвестировании в международную железную дорогу в Астаре, поскольку они смогут использовать возможности

железнодорожного пути для развития торговли между странами региона.²

По территории Прикаспия проходит Северная железная дорога, являющаяся частью МТК «Север-Юг». Северная железная дорога идёт из Мазендерана через город Горган (провинция Голестан) и заканчивается на железнодорожной пограничной станции Инче-Барун, которая связана с железнодорожной сетью Туркменистана. Протяженность этой железной дороги составляет более 400 км. На 2015 г. на Северной железной дороге насчитывалось около 30-ти железнодорожных станций, ежегодно перевозилось до 1,3 млн пассажиров и примерно 1,5 млн т грузов. Существуют планы по электрификации этой железнодорожной магистрали, в которых участвует Россия.

На побережье Каспия находятся порты и флот Исламской республики Иран (ИРИ), представленный торговыми, транспортными и пассажирскими судами, а также иранскими ВМС. Здесь же расположены и подразделения Корпуса стражей исламской революции (КСИР), обеспечивающие безопасность транспортных коммуникаций. Иран предполагает максимально задействовать порты на Каспийском море, которые также являются звеньями международного транзитного коридора Север-Юг, для развития Прикаспия и - страны в целом.

Иран предполагает максимально задействовать порты на побережье Каспия, которые являются звеньями международного транзитного коридора Север-Юг.

Правительство ИРИ уделяет большое внимание развитию этих портов и расположенных на их основе Свободных экономических зон (СЭЗ) и Особых экономических зон (ОЭЗ), которые призваны играть важную роль в планах экономического развития ИРИ.

На побережье Каспия находятся следующие порты: в провинции Гилян – порты Энзели и Астара; в провинции Мазендеран – порты Амирабад, Феридункенар, Ноушахр, Чалус; в провинции Голистан – порты Бандар-Торкаман, Бандар-Гяз.

² Япония заинтересовалась развитием транспортного коридора Север-Юг в Иране, 07 февраля 2018 <http://www.iran.ru/>

Наиболее крупные порты - Энзели (Анзели), Амирабад, Ноушахр, Нека.

Крупнейшим портом на берегу Каспийского моря является порт Энзели (бывший Бандар-е Пехлеви). Планируется увеличить потенциал погрузочных и разгрузочных мощностей порта Энзели и довести его до 11 миллионов тонн. Тем самым порт Энзели превратится в самый большой порт региона.

После завершения строительства железной дороги Казвин – Решт-Энзели порт Энзели будет связан (через Азербайджан и Россию) с железнодорожной сетью Европы. Фактически эта железная дорога протянется от Казвина до порта Энзели и порта Астара на границе с Азербайджаном.

Амирабад (Бандаре Хазар) – рассматривается как наиболее развивающий порт севера Ирана, представляет собой важное звено международного транзитного коридора Север-Юг, соединен с Северной железной дорогой Ирана. Амирабад является звеном третьего регионального транспортного коридора с выходом к Чёрному морю. Наличие складов и элеваторов позволяет использовать порт для перевозки зерновых, полезных ископаемых и горюче-смазочных материалов. В 2010 г. здесь был открыт зерновой терминал Казахстана. После строительства необходимых инфраструктурных объектов товары, производимые в провинции Мазендеран (в том числе цитрусовые и молочная продукция), экспортируются из этого порта в страны Центральной Азии. За 10 месяцев иранского 1395 года (с 21 марта 2016 г. по 20 марта 2017 г.), отсюда в страны Центральной Азии и Россию отправлено более 2 млн т грузов. Ранее, из-за отсутствия соответствующей инфраструктуры в портах провинции Мазендеран, цитрусовые из этой провинции отправлялись в центральноазиатские страны из порта Астара в провинции Гилян.

Ноушахр – ближайший порт к столице ИРИ, имеет важный нефтеналивной причал с производительностью более 1.5 млн тонн в год, поставляет нефть на НПЗ городов Табриз и Тегеран. Нефтяной причал порта Ноушехр, соединён трубопроводом с Чалусским нефтехранилищем. Порт расположен в 2 км от аэродрома с грунтовой ВВП, рядом с автотрассой Тегеран – Север, являющейся частью транспортного коридора Север-Юг. Здесь создан транспортно-логистический центр, при котором

формируется современный информационно-аналитический центр. Активно сотрудничает с казахстанским портом Актау, с которым давно имеет паромное сообщение. Иран выступил инициатором создания здесь транспортно-логистического центра и информационно-аналитического центра с единой базой данных о количестве и расположении грузов, об операционной обстановке в портах, о тарифах на услуги портов, железных дорог, судоходных компаний и иных участников логистического процесса, о логистических схемах и т.п.

Нека – считается крупнейшим нефтеналивным портом Ирана на Каспии наряду с Ноушахром. Как и Ноушахр, Нека поставляет по трубопроводам нефть на НПЗ Табриза и Тегерана (в 2008 г. – 200 тыс. баррелей/день нефти). После окончания работ по расширению порта, он должен, по проекту, обслуживать ежедневно до 16 танкеров водоизмещением 6000 т. В этом случае пропускная способность порта достигнет 672 тыс. баррелей в день (около 35 млн т. в год). На территории порта находится база КСИР (Корпус стражей исламской революции), призванная обеспечивать безопасность не только данного порта, но и всей Прикаспийской зоны. (Данный объект был открыто обозначен на иранской карте страны в её персоязычном варианте в 2014 году.)

Астара – торговый и таможенный центр, через который проходит большая часть не морского грузооборота между Россией и Ираном. В 2012 г. порт передан частному сектору. Располагает возможностями выхода к европейской сети железных дорог.

В рамках программы строительства 120 многоцелевых морских портов для дальнейшего развития прибрежных районов Ирана планируется создание еще трёх современных портов (Чамхал, Кияшехр и Чабуксер преимущественно для обслуживания туристов) севернее г. Ленгеруд.

На побережье Каспия в районах трёх портов созданы припортовые Специальные экономические зоны (СЭЗ) «Амирабад», «Энзели» и Особая экономическая зона (ОЭЗ) «Ноушахр».

СЭЗ «Энзели» – располагает необходимым потенциалом для сотрудничества с соседними странами в сферах промышленности, инвестиционной и коммерческой деятельности, торговли, туризма. Здесь зарегистрировано около 900 компаний,

эксплуатируется более 100 промышленных предприятий. Большую активность в СЭЗ проявляют китайские компании. Российские компании представлены слабо.

СЭЗ «Амирабад» спроектирована под порт на 34 причала, модернизация которых превратит порт в самый крупный и важнейший на побережье Каспийского моря. Причалы должны делиться на три группы по предназначению обработки грузов: для обработки нефтепродуктов, промышленной продукции и генеральных грузов.

ОЭЗ «Ноушахр» привлекает частные инвестиции, которые помогают создать новые инфраструктурные объекты. С их помощью в 2013 г. планировалось увеличить пропускную способность порта до 5 млн тонн грузов в год. До 2015 г. здесь предполагалось построить 12 причалов. ОЭЗ «Ноушахр» соединена с важными торгово-промышленными центрами ИРИ современными автодорогами «Кандаван», «Хазар», «Фирузкух», «Решт-Казвин»

Для контроля за развитием СЭЗ и ОЭЗ в Иране создан Координационный совет свободных и особых экономических зон (варианты названия – Координационный совет по делам свободных и особых экономических зон, Высший совет свободных и особых экономических зон). Секретарём этого совета на 2016 год был Акбар Торкан, являвшийся одновременно Советником президента Ирана, что свидетельствует об особой важности данного проекта.

Руководство Ирана продолжает принимать всесторонние меры для развития Прикаспийской зоны с целью обеспечения экспорта иранской продукции, реэкспорта промышленных товаров и сырья, и для развития экономики региона с использованием СЭЗ и ОЭЗ, которые президент ИРИ Хасан Рухани назвал «прочной основой экономического развития страны». По его словам, «такие зоны обладают необходимым потенциалом для воплощения в жизнь идеи создания и развития в Иране экономики сопротивления».³

³ Хасан Роухани: СЭЗ представляют собой основу экономического развития страны <http://www.iran.ru/news>

Стратегический курс экономического развития Ирана предполагает дальнейшее развитие Прикаспия, на который возлагаются большие надежды в плане реализации амбициозных геополитических планов руководства государства, которое успешно решает многие проблемы экономического характера, о чём свидетельствуют данные международных и иранских организаций.

Список литературы:

1. Авдаков И.Ю. Железные дороги Японии от вестернизации до глобализации. М.: ИВ РАН, 2012
2. Авдаков И.Ю. Японский железнодорожный транспорт: настоящее и будущее - Восточная аналитика, вып. 1-2, Институт востоковедения РАН, Москва, 2017
3. Акимов А.В. Влияние роботизации на перспективы развития стран Востока: основные тренды - Восточная аналитика, вып. 1-2, Институт востоковедения РАН, Москва, 2017
4. Внешнеторговый путеводитель для российских участников внешнеэкономической деятельности, ИРАН, Москва, 2013, <http://mert.tatarstan.ru>
5. Ивин А.В. Транспорт в Исламской Республике Иран, <http://www.iimes.ru/?p=19581>
6. Лукоянов А.К. Транспорт и транспортные коммуникации Ирана – «правление развитием крупномасштабных систем MLSD'2015. с. 69-71.
7. Лукоянов А.К. Транспортные системы иранского Прикаспия – Материалы Девятой междунар. конф., 3-5 окт.2016 г., Москва: М.: ИПУ РАН,2016. (т. II).
8. Лукоянов А.К. Развитие железнодорожного транспорта Ирана - Восточная аналитика, вып. 1-2, Институт востоковедения РАН, Москва, 2017
9. Растянников В. Г., Кузьмин С.А. Проблемы экономики Пакистана, Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. – Москва : Изд-во вост. лит., 1958.
10. СТЕК Система транспортных евразийских коридоров, Центр стратегической конъюнктуры, Пушкино, 2013

11. Материалы иранских информационных агентств и интернет-порталов организаций («Iran.ru/ news/economics» ,»The Railways of the Islamic Republic of Iran (RAI), Current status of RAI (15.02 2018) и др.)
12. Abrahamian Ervand. A History of Modern Iran. - Cambridge: Cambridge University Press, 2008
13. New rail route proposed from Urumqi to Iran By Zheng Yanpeng (China Daily) Updated: 2015-11-21
14. Rail lines (total route-km) Selected Countries and Economies, <https://data.worldbank.org>
15. Railway Transportation, Ministry of Roads and Transportation ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN, <http://www.unece.org>
16. Trans-Iranian Railway https://en.wikipedia.org/wiki/Trans-Iranian_Railway

Серебров С.Н.
Экономические аспекты йеменского кризиса.

К.э.н. Старший научный сотрудник
Центр арабских и исламских исследований
Институт Востоковедения РАН
sserebrov@mail.ru

К вопросу о специфике Йемена

Война в Йемене, начатая саудовской коалицией при поддержке США и Великобритании в марте 2015 г., не была направлена ни на сохранение целостности страны, ни на содействие восстановлению законного режима временного президента А.М.Хади, чей срок закончился 2015 г. Президент Хади оказался запертым в Эр-Рияде с начала конфликта, а ситуацию в зоне кризиса характеризуют ее промежуточные итоги – фактическая территориальная фрагментация Йемена, экономический коллапс, качественный скачок масштабов военных поставок в Аравию из США, Великобритании и Франции, нагнетание напряженности между КСА и Ираном, эрозия ССАГПЗ, растущие военно-политические риски для зоны международного пролива Баб эль-Мандеб и возникновение самого крупного на планете очага гуманитарной катастрофы, охватившего более 80% из 28 миллионного населения страны. Пытаясь спасти от поражения исламское объединение Ислах в Йемене, лидер коалиции Эр-Рияд, невольно способствовал одновременно разделению на фракции как самой коалиции, так и формированию новой конфигурации сил внутри Йемена. Ее стержнем на Севере стала консолидация альянса между сохранившим множество рычагов влияния в стране (через армию и партию ВНК) бывшим президентом А.А. Салехом и хуситским движением Ансарулла. Им в августе 2016 г. удалось создать полноценные органы власти в Санае, признавшие конституцию и законы страны и направившие борьбу населения на отпор агрессии. Даже после кровавой уособицы, вспыхнувшей между

верхушкой сторон альянса в Санае в декабре 2017 г. и убийства Салеха, альянс устоял и в конфликте не случилось перелома в пользу коалиции. На Юге соперничество Ислаха в партнерстве с исламистами с фракциями Мирного Движения Юга (Хирака) способствовало усилению хаоса, эрозии государственного управления и взлету влияния запрещенных экстремистских группировок. В итоге там усилилось влияние сепаратизма, выраженного в идее отделения Юга от Йемена в границах 1990 г. Признанный мировым сообществом законным временный президент Хади, заведомо переходная фигура в йеменской политической игре, остался статистом, лишенным возможности принятия решений и оказания влияния на ситуацию. Йеменский кризис, вопреки расхожим утверждениями пропагандистских источников, далеко не является гражданской войной, а представляет один из самых ярких примеров гибридных войн с участием иностранных акторов. Одним из череды войн, охвативших весь Ближний Восток.

Обострив все внутренние проблемы Йемена, но споткнувшись о мужество и решимость йеменцев, военный конфликт с участием многократно превосходящей силы альянса коалиции с первого дня начал генерировать все новые угрозы для самого Йемена и для безопасности всей Аравии. Он укрепил базу для роста террористических группировок на территории Юга, быстро оказавшегося под полным контролем саудовской коалиции. Беспрецедентное господство аль-Каиды Аравийского Полуострова (АКАП) почти над всеми крупнейшими портами Аравийского моря в период апрель 2015-апрель 2016 г. стало символическим результатом первого этапа войны.

Йемен превратился в грандиозную зону бедствия. При самом благоприятном прогнозе - успехе усилий ООН по переводу ситуации в русло политического урегулирования, не дожидаясь момента наступления гуманитарного коллапса с миллионными жертвами среди мирного населения от голода и болезней, борьба за доминирование в Йемене будет продолжена и изменятся лишь ее методы. Ее исход в конечном итоге определит не только политическая палитра йеменской сцены, претерпевшая радикальные изменения за три года войны, но и борьба иностранных доноров и инвесторов за контракты после

прекращения активной военной фазы конфликта. Выгодное геополитическое положение Йемена не оставляет никаких сомнений, что в ней примут участие ведущие глобальные акторы и крупнейшие мировые компании. Восстановлению в Йемене подлежит львиная доля инфраструктуры и экономики. Список банков и инвесторов из США, Западной Европы, соседних государств Залива, традиционно доминировавших в Йемене за последние четверть века до кризиса, по-видимому, претерпит кардинальные изменения. Конкуренция из Дальнего Востока, Ирана и России может радикально изменить формат участников и их роли в будущем развитии Йемена. Нужда в иностранном содействии развитию растянется на много лет.

Рост влияния экономических факторов соперничества в Йемене будет происходить параллельно с продолжением военно-политическое соперничества. Поэтому будущее этой страны будет одинаково зависеть от фундаментальных подходов ведущих участников соревнования к общей проблематике Йемена и от их возможностей обеспечить себе приоритет. В новой парадигме глобальной политики США Йемену была уготована роль клиента КСА - нового кандидата на региональное лидерство, на который США усилили ставку в связи с событиями арабской весны. Однако, неутешительные итоги конфликта показали, что эта концепция трудно достижима даже ценой невероятных катастроф, которые переживает Йемен (как и другие страны) сегодня.

Актуальность проблемы разработки альтернативной модели развития Ближнего Востока нарастает. Ее экономическая составляющая, опирающаяся на два столпа - социально ориентированное устойчивое развитие и рыночную конкурентоспособность для участия в международной интеграции, предполагает глубокие реформы в политической системе Йемена, направленные на гармоничное сочетание принципа централизма с федерализмом. Подобной модели, максимально учитывающей социальные и общественно-политические реалии Йемена, пока не создано даже на теоретическом уровне. Одной из причин является слабое представление научного сообщества о воздействии столь масштабных социальных катаклизмов на состояние общества, находящегося в процессе этногенеза, с одной стороны, а с другой

– неизученность практических возможностей современных технологий в решении задач превращения традиционного сектора, в котором в Йемене занято 70% рабочей силы, в привлекательный сегмент с устойчивыми характеристиками роста, ориентированный на внутренний рынок. Помимо этого, Йемен также нуждается в дополнительных исследованиях перспектив развития ряда неуглеводородных отраслей экономики, ориентированных на экспорт. Особая роль принадлежит также вопросу присутствия пока неоткрытых месторождений нефти и газа в Йемене, вокруг которых заранее бушуют страсти из-за грандиозных ожиданий участников и опасений конкурентов.

Одно из явных преимуществ Йемена в Аравии состоит в его исключительно выгодном географическом положении. Однако, большинство портов страны оказалось конкурентами крупных международных морских терминалов, созданных в КСА, ОАЭ и др. странах Залива. Накопленный негативный опыт передачи крупным инвестиционным компаниям Залива в оперативное управление некоторых йеменских портов показал отсутствие у них стимулов для их развития в Йемене в ущерб собственным национальным интересам. В результате, возможности Адена в качестве крупного коммерческого терминала были не реализованы, а тенденция замораживания йеменского кризиса на неопределенно длительное время может сделать его привлекательным объектом преимущественно для иностранных военных.

Аналогичная ситуация сложилась в рыночном сегменте аграрного комплекса Йемена и в производстве морепродуктов, т.е. в сферах, в которых эта страна обладает несомненным превосходством над странами Залива.

Транзит морских грузов через Баб-эль-Мандеб также остался оторванным от нужд развития экономики Йемена из-за политической нестабильности, которая сопровождает весь период существования объединенного Йемена с 1990 г.

Учет специфики Йемена в качестве серьезного экономического конкурента странам Залива и особенно - соседней КСА, претендующей на региональное лидерство, является, возможно, ключом к решению многих текущих и перспективных проблем развития этой дружественной России страны, которая со

временем начнет раскрывать свои экономические возможности, меняя все сложившиеся стереотипы.

Экономика Йемена и проблемы регионального сотрудничества.

Йемен занимает 138-е место в замыкающей части списка наименее развитых экономик мира, на порядок отставая по доходам населения от соседних богатых государств Аравии. Но это положение нельзя считать ни естественным, ни постоянным. В год объединения двух йеменских государств ЙАР и НДРЙ 1990 г. страна пострадала от санкций, введенных по инициативе США за голос ЙР в СБ ООН против военного вмешательства США в Ирак при голосовании Резолюции и лишилась большей доли поступлений от трудовых мигрантов и помощи из международных и аравийских источников. Более 800 тыс. йеменцев было депортировано из стран Залива, куда они начали направляться в поисках заработка еще в середине прошлого века. Лишь в 1996 г. этот режим санкций был снят и началось постепенное возвращение Йемена в систему международного сотрудничества. Однако, на экономические результаты этот процесс не оказал ожидаемого влияния. Следуя рекомендациям МВФ и МБ, структурная перестройка экономики в конце 1990-х гг. вылилась в полную утрату госсектора, что подорвало фундамент экономики Юга. Следующим шагом было урезание дотаций на топливо и основные продукты питания, вызвавшие социальную напряженность. И, наконец, втягивание Йемена в получившую странные очертания кампанию по противодействию терроризму под предводительством США, начиная с 2001 г., закончилось истощившей ресурсы милитаризацией бюджета и новыми политическими осложнениями внутри страны. В 2004-2010 гг. саадские войны против хуситов привели к образованию второй оси разлома в обществе после т.н. «проблемы Юга», возникшей в результате гражданской войны 1994 между Севером и Югом. Уже к концу 1990 г. стало ясно, что нефтяное процветание в Йемене не состоится не только по причине ограниченности разведанных запасов, но и в связи их специфического географического распределения, которое только подстегивало борьбу элит и сепаратизм внутри страны. Около 70% нефтяных запасов

оказалось локализованными в восточной провинции Хадрамаут. Перспективные зоны с крупными предполагаемыми запасами углеводородов в пустыне Руб аль-Хали так и не достигли уровня геологической разведки ввиду сгущавшихся политических проблем, в т.ч. с соседней Саудовской Аравией. Одной из них стало усиление террористических угроз на территории Йемена по мере включения этого фактора в политическую игру всеми ведущими акторами, как в самом Йемене, так и их региональными и глобальными партнерами.

Политическая ставка на ослабление Йемена отодвинула интересы его экономического развития на задний план, сделав власть синонимом богатства, ради которого правящими элитами были принесены в жертву все прочие национальные интересы. Именно эта парадигма, подготовившая народную революцию в Йемене в 2011 г. и последовавший затем катаклизм еще большего масштаба - иностранную военную интервенцию, поставила под угрозу само существование йеменского государства и требует радикального изменения.

Военный кризис, начавшийся в марте 2015 г. был не столько следствием провала направляемой ООН транзиции Йемена (его плавного вывода из глубокого политического кризиса) на основании принятого в ноябре 2011 г. международного плана мирного урегулирования (т.н. «Инициативы ССАГПЗ»), сколько попыткой сохранения прежней парадигмы целенаправленного ослабления и раздела Йемена. Ставка на братьев-мусульман в составе партии Ислах, потерпевшую неудачу в ходе реализации ООН этого уникального для международных отношений плана из-за явного превосходства двух других полярных по взглядам и интересам акторов североийеменской политической сцены - ВНК (во главе с А.А.Салехом) и Ансарулла (хуситами), оказалась тем инструментом, который и был использован Эр-Риядом для начала войны. За три года войны йеменский народ показал, что объединение Ислах осталось аутсайдером внутри страны и только непрекращающиеся военные удары по всем его оппонентам, как на Севере, так и на Юге, все еще поддерживают иллюзию у лидера коалиции, что Ислаху можно создать политическое будущее в Йемене с помощью силы.

Разработка альтернативного сценария для экономики

Йемена становится неотъемлемой частью задачи политического урегулирования всего комплекса проблем, связанных с йеменским кризисом. Создание проекта, ориентированного на раскрытие его экономического и политического потенциала, позволит установить, что только сохранение целостности государства способно гарантировать его постепенное превращение в важного прямого участника глобальной экономики, не опосредованного региональной системой отношений. При этом, он также покажет, что шаги к решению этой задачи невозможны без развития регионального партнерства с аравийскими соседями, с которым его исторически связывает не только экономическая, но и социокультурная составляющая в сложной системе отношений, переживающей кризис. Разработка комплексной альтернативной модели экономического развития для Йемена невозможна без участия востоковедов, способных обобщить накопленные ими знания для решения этой нелегкой задачи.

Панфиленко Э.Н.
Влияние энергетики на развитие экономики Египта

К.э.н., Научный сотрудник
Центр арабских и исламских исследований
Институт востоковедения РАН
Elvirabo@mail.ru

Развитие экономики Египта находится в прямой зависимости от состояния энергетической базы и производства энергоносителей. Министерство промышленности представило на рассмотрение правительству программу развития ТЭК страны на период до 2020 года, в которой основная ставка делается на атомную энергию и природный аз.

К 1952 г. производство электроэнергии было сконцентрировано, в основном на мелких тепловых электростанциях, общая установленная мощность которых составляла менее 400 Мвт. Топливом служил мазут, что значительно удорожало стоимость электроэнергии.

Начало подъему энергетики было положено первым пятилетним планом развития Египта на 1960-1965 годы. Государство ассигновало крупные суммы на развитие энергетики, включая строительство электростанций, электросетей высокого и низкого напряжения.

Несмотря на имевшиеся трудности и израильскую агрессию 1967 г. в 1968 г. был сделан очередной шаг в развитии энергетики страны.

Новым этапом в развитии энергетики Египта стал 2-ой план развития народного хозяйства, рассчитанный на 1965/66 – 1971/72 годы. Основные капиталовложения были направлены на завершение Высотной Асуанской плотины и дальнейшее строительство новых крупных и расширение действующих тепловых электростанций.

Установленные мощности позволили перейти к новому этапу – созданию объединенной энергосистемы в целях оптимизации использования энергетических ресурсов.

В начале 1990 г. построено 280 км ЛЭП 220 в Нижнем Египте, 190 км ЛЭП 132 в Верхнем Египте, 1250 км ЛЭП¹, главным образом в Нижнем Египте.

К достоинствам единой энергосистемы относится также возможность организации взаимодействия при чрезвычайных обстоятельствах, координация программ периодических ремонтных работ на электростанциях, а также на линиях электропередачи без их отключения.

Работы по объединению сетей продолжаются до сих пор с целью доставки электроэнергии во все города и деревни севера и юга. Большую часть этих работ в настоящее время проводит Египетская компания по строительству электростанций и подстанций.

В Египте активно происходил процесс передачи под контроль государства всех частных, муниципальных и смешанных электроэнергетических компаний.

Руководство энергетикой и электрификацией страны осуществляет министерство энергетики, куда входят египетская электрическая корпорация, Генеральное управление по сельской электрификации и Генеральное управление по строительству ВАП (Высотная Асуанская Плотины).

Участие СССР в создании современной объединенной энергосистемы Египта было решающим. На развитие энергетики Египта было вложено около 430 млн ег. фунтов, включая затраты на строительство ГЭС и ЛЭП Асуанского комплекса, которые составили около 160 млн ег. фунтов (из них 83,5 млн ег. фунтов составили советские кредиты. Если к этому добавить затраты советской стороны на сооружение теплоэлектроцентрали Суэц, то общие вложения СССР в энергетику Египта составили 90 млн ег. фунтов, то есть 20% от общих вложений Египта в эту отрасль экономики².

Большую роль в строительстве Высотной Асуанской плотины сыграл выдающийся политик и президент Египта Гамаль Абдель Насер, столетие со дня рождения (родился 15 января 1918 г.), которого торжественно отметили в Институте востоковедения.

¹ «Арабские страны Западной Азии и Северной Африки». Москва, 1997, стр. 115.

² 9.XI.1996 «Аль-Ахрал ад-Дувалий». Каир

Строительство Асуанского комплекса положительно отразилось на жизни египтян. В промышленной сфере возникли новые энергоемкие отрасли, такие как: выплавка стали, производство алюминия, строительство нефтеперерабатывающих заводов.

Египет – страна с самым многочисленным среди арабских государств населением, в 2017 г. численность населения составила 100 млн чел. (из них более 4 млн чел. работают за рубежом). Продолжительность жизни египтян увеличивается: египетские мужчины живут в среднем 68 лет, что касается женщин, то они живут на 3,5 года больше.

С ростом численности населения дефицит электроэнергии становится распространенным явлением, в Египте в целом значительные изменения произошли в структуре потребления всех видов энергии, они затронули сферу первичного производства электроэнергии, которая расширялась в большей степени за счет использования гидроэлектроэнергии.

Растет потребление электроэнергии на бытовые нужды. На эти цели в стране расходуется около 40 вырабатываемой в Египте электроэнергии, в то время как в среднем по другим странам мира этот показатель составляет от 10 до 12%.

Значительно увеличилось потребление электроэнергии для обогрева помещений и нагрева воды, особенно после повышения цен на мазут и газ в последние годы. По-прежнему сохраняется высокий уровень потерь электроэнергии, которые составляют около 10% от всей выработанной электроэнергии.

За последние 30 лет (включая 2017 г.) выросли цены на электроэнергию и топливо на 30%; ожидается, что рост цен в будущем будет продолжаться.

Правительство Египта потратило 64 млрд египетских фунтов (3,58 млрд долл. США) на субсидии на электроэнергию в течение 2017 г.

Египетские экономисты предсказывают, что с 2018 года рост цен продолжится, последует сокращение расходов на субсидии нуждающимся гражданам до 52,7 млрд фунтов в текущем (2017 году), а затем до 43,4 млрд фунтов³ в 2018 году.

³ <https://www.reuters/Egypt-electricity/egypt-announces-sharp-rises-inelectricity->

Обстоятельства диктуют меры жесткой экономии. В Египте любая экономия приводит к хлебным, электрическим, водным и прочим бунтам. Поэтому Египет будет экономить постепенно, выдавливая базу льгот в коммерческий сектор.

Египетская электроэнергетическая холдинговая компания (ЕЕНС) и ее дочерние ответвления всегда стремятся поддерживать надежную инфраструктуру энергосистемы и постоянно совершенствуют ее эффективность для обеспечения устойчивого снабжения электроэнергией быстро растущее население страны.

Несмотря на большие проблемы, с которыми сталкивается компания, в основном это субсидированный тариф на электроэнергию: дополнительно бремя, обусловленное высокими капиталовложениями, необходимыми для производства, передачи и распределения электроэнергии. Компания и ее дочерние подразделения преуспели в поставке электроэнергии в различные сектора с высокими технологическими характеристиками и преодолели нехватку электроэнергии, которая была отмечена в 2015–2016 гг.

В настоящее время в Египте довольно медленно строят новые энергетические объекты в связи с высокими затратами на их проектирование и возведение. Большинство проектов пока находится в стадии обсуждения, хотя Всемирный банк и выделил кредит в размере 220 миллионов долларов⁴ для строительства новых энергетических станций.

В Египте наметились планы по выработке энергии из возобновляемых (альтернативных) источников. Для поддержания сферы национальной энергетики этот шаг власти Египта считают необходимым на фоне постепенного истощения ископаемых ресурсов и их пагубного воздействия на экологическую обстановку в стране.

В 2012 году началось строительство крупной электростанции, использующей энергию солнца. Строительство нового энергетического объекта идет около существующей Асуанской электростанции.

[rrices-as it-aims-to-phase out subsidies-id USL8N1APSVR](#)

⁴ https://www.pravda.ru/world/restop_world/africa/01-09-2016

Страна к 2020 году должна производить 20 Мвт электроэнергии за счет солнца, это позволит Египту стать одним из лидеров в области развития альтернативной энергетики в Африке.

Список литературы:

1. «Арабские страны Западной Азии и Северной Африки». Москва, 1997.
2. «Аль-Ахрал ад-Дувалий». Каир. 9.XI.1996.

Соловьева З.А.
**Проблемы экономического развития и роль зеленой
экономики в странах Магриба.**

К.э.н., Младший научный сотрудник
Центр арабских и исламских исследований
Институт востоковедения РАН
zsolov@yandex.ru

Прошло три десятилетия с тех пор, как в докладе Программы ООН по окружающей среде в 1987 г. было сформулировано понятие устойчивого развития, отвечающего потребностям ныне живущих поколений и не наносящего ущерба возможности будущим поколениям удовлетворять их собственные потребности. Эта концепция, конкретизированная в Целях развития тысячелетия (2000 г.) и Целях устойчивого развития (2015 г.), находит все больше сторонников в мире. Основным положением устойчивого развития является равенство таких его составляющих как экономическое развитие, социальное благополучие и экологическое равновесие. То есть экономический рост не является самоцелью, а приобретает ценность лишь в том случае, если не сопровождается усилением бедности и социального неравенства, деградацией окружающей среды и истощением природных ресурсов.

К 2015 г. страны Северной Африки достигли заметных успехов по ряду показателей, поставленных в Целях развития тысячелетия и характеризующих общую социально-экономическую ситуацию. По значению Индекса человеческого развития Алжир и Тунис вошли в группу стран с высоким уровнем развития (83-е и 97-е места в рейтинге с показателями 0,745 и 0,725 соответственно), Марокко находилось среди государств со средним уровнем (123-е место и ИЧР 0,647) при средней величине ИЧР по арабскому миру 0,687.¹

Вместе с тем, стало очевидно, что существующие модели экономического роста, базирующиеся на интенсивной

¹ hdr.undp.org/en/composite/HDI/

эксплуатации природных ресурсов и сопровождающиеся процессом деградации окружающей среды, не способны решить ряд насущных проблем стран Магриба. Осознание этого факта находит свое выражение в принятии принципов устойчивого развития и их включении в планы и программы развития (в Тунисе и Марокко приверженность концепции устойчивого развития отмечается в последних редакциях Конституций), подписании соответствующих международных конвенций и соглашений, осуществлении организационных реформ (образование необходимых министерств и ведомств), а также приведении существующих законодательств в соответствие с экологическими требованиями.

В 2011-2016 гг. в странах Магриба наблюдалось снижение темпов роста ВВП по сравнению с предыдущим десятилетием 2000-2010 гг. Особенно заметное сокращение происходило в Тунисе (с 4,5 % до 1,7 %), где было связано с политической и социальной нестабильностью во внутренней обстановке, оказавшей воздействие на функционирование всего хозяйства. В Алжире и Марокко сокращение темпов экономического роста было не столь значительным (с 3,7 до 3,3 % в Алжире и с 4,9 % до 3,5 % в Марокко).

В структуре ВВП стран Магриба наблюдаются определенные различия. В Алжире удельный вес промышленности в 2006-2015гг. в среднем составил 46,7 %, в Тунисе и Марокко – 29,5 % и 29 % соответственно. Однако, если в двух последних странах подавляющая часть промышленного ВВП создавалась в обрабатывающих отраслях (около 17 %), то в Алжире их доля не превышала 4–6 %. Вклад сельского хозяйства в ВВП невелик во всех трех странах Магриба, его значение изменяется от 8,8 % в Тунисе до 10,8 % в Алжире и 13,8 % в Марокко.²

Алжирская экономика в высокой степени зависит от нефтегазового сектора, обеспечивающего до 40 % ВВП и 97-98 % стоимости экспорта. Подобная специализация вызывает сильную зависимость от высокой волатильности цен на мировых рынках

² databank.worldbank.org/data/

углеводородов и является серьезным вызовом для экономической стабильности и устойчивого роста Алжира.

Тунис и Марокко обладают более диверсифицированной структурой хозяйства. В экспорте обеих стран до 86 % составляет стоимость обработанных изделий и продовольствия. Причем, если в 2016 г. Алжир экспортировал высокотехнологичной продукции на сумму менее 5 млн долларов, то Марокко – почти на 600 млн долларов, Тунис – более, чем на 670 млн долларов.³ Это является очевидным свидетельством того, что Тунис и Марокко постепенно переходят на более высокие стадии в глобальных производственных цепочках, что теоретически делает их более устойчивыми к колебаниям товарных цен на мировых рынках.

Отличительной чертой стран Магриба, связанной как с природными особенностями, так и с историческими условиями развития, являются региональные диспропорции в развитии хозяйства. Большинство промышленных предприятий, населенных пунктов сосредоточены в узкой приморской полосе, тогда как обширные внутренние районы остаются малоразвитыми, отсталыми в экономическом и социальном плане.

Большую проблему для стран Магриба представляет безработица. Причем, если ее общий уровень не так велик и даже имеет некоторую тенденцию к снижению (составляя от 10,4 % в Марокко до 14,6 %) в Тунисе в 2017 г.), то среди лиц с высшим образованием этот показатель намного выше – 25 – 40 %.⁴ Выпускники ВУЗов не находят применения своим знаниям, между тем, как развитие высокотехнологичных секторов экономики является насущной необходимостью.

Страны Магриба сталкиваются также с серьезными проблемами, вызванными зависимостью хозяйства и условий жизни населения от ухудшающегося состояния окружающей среды.

Комплексным показателем, отражающим степень воздействия общества на окружающую среду, является экологический след. Особенно показательно сравнение экологического следа отдельной нации с биоемкостью,

³ databank.worldbank.org/data/

⁴ Там же.

показывающей емкость (площадь и качество) экосистем, производящих необходимую для человека биопroduкцию и способных поглощать загрязняющие вещества, которые выбрасываются в окружающую среду⁵. Несколько упрощая, можно сказать, что экологический след отражает спрос на природные ресурсы со стороны жителей данного государства, а биоемкость – располагаемый запас этих ресурсов.

По подсчетам специалистов Арабского фонда по окружающей среде и развитию, уже с 80-х годов прошлого века экологический след превысил биоемкость во всех странах Магриба. Так, за 1961-2008 гг. экологический след увеличился на 100 % в Алжире и Тунисе и на 44 % в Марокко, одновременно биоемкость сократилась на 60 % в Алжире, 36 % в Марокко, 17 % в Тунисе. В настоящее время экологический след во всех трех странах Магриба заметно выше биоемкости – в 2,6 раза в Алжире, в 1,9 раза в Марокко, в 1,8 раза в Тунисе.⁶

Увеличение экологического следа связано с ростом расходования природных ресурсов и объема отходов в результате развития промышленности и сельского хозяйства, повышением стандартов потребления населения. Вместе с тем, страны Магриба еще далеко не достигли уровня среднемирового душевого показателя экологического следа, который в 2008 г. был равен 2,7 гга (в Марокко он составил 1,3 гга, Алжире – 1,6 гга, Тунисе – 1,8 гга).

Дефицит биоемкости восполняется за счет импорта необходимых для хозяйства и существования населения ресурсов, преимущественно топлива и продовольствия. Одновременно он проявляется в ряде негативных явлений, свидетельствующих об ухудшении состояния природной среды. Это деградация почвенного покрова и земельных ресурсов, усиливающийся дефицит водных ресурсов, загрязнение и истощение подземных вод, исчезновение растительного покрова и сведение лесов, снижение биоразнообразия, накопление твердых отходов. По оценкам, потери ВВП стран Магриба от деградации природной среды составляют 2 – 5 %.

⁵ www.footprintnetwork.org.

⁶ Arab Atlas of Footprint and Biocapacity. AFED Report 2012, p.29. www.afed.org

В подобной ситуации перспективной моделью развития могла бы стать зеленая экономика, понимаемая как обеспечение экономического роста с учетом повышения благосостояния населения и социального благополучия, не оказывающее в то же время негативного воздействия на количество и качество природных активов. Основными направлениями, по которым осуществляется озеленение экономики, могут стать:

- Создание высокотехнологичных отраслей промышленности с минимальным негативным эффектом для окружающей среды;

- Энергетика на основе использования альтернативных возобновляемых источников энергии (ВИЭ);

- Органическое сельское хозяйство, основывающееся на консервирующих технологиях обработки почвы, снижении агрохимической нагрузки на окружающую среду;

- Управление водными ресурсами, повышение эффективности водопользования, очистка и вторичное использование сточных вод;

- Сокращение выбросов отходов в окружающую среду путем развития безотходных производств, переработки и вторичной утилизации материалов.

Озеленение экономики способно повысить занятость и доходы населения путем создания новых рабочих мест, причем, что немаловажно, и в сельской местности, где проживает 30-40 % населения стран Магриба и где преимущественно сосредоточено бедное население, способствовать снижению энергетической и продовольственной зависимости стран, разработке, передаче и применению новых технологий.

Страны Магриба активно работают над внедрением принципов зеленой экономики в хозяйственное развитие.

Руководство Алжира рассматривает зеленую экономику как способ достичь целей устойчивого развития на основе равномерного и ускоренного экономического роста путем диверсификации хозяйства, создания отраслей промышленности с высокой добавленной стоимостью, органического земледелия. Приоритеты зеленой экономики включены в планы развития страны на 2015-2019 гг. и долгосрочную стратегию развития на 2016 – 2030 гг.

Избыточный вес в экономике нефтегазового сектора, являющегося с одной стороны основным источником финансовых поступлений, с другой стороны порождает ряд проблем, требующих неотложного решения. Руководство страны осознает, что развитию отраслей обрабатывающей промышленности до сих пор уделялось не достаточное внимание. Мелкие и средние предприятия, составляющие до 95 % численности предприятий в указанных отраслях, не учитывали в своей работе принципы зеленой экономики (экономия сырья, снижение объемов промышленных отходов). Алжирская электроэнергетика до настоящего времени полностью базируется на сжигании ископаемого топлива (природного газа), ее доля в выбросах парниковых газов, загрязняющих атмосферу и вызывающих климатические изменения, составляет до 40% (при этом удельный вес в выбросах обрабатывающих отраслей и строительства – чуть более 8 %)⁷.

В 2016 г. в Алжире принята новая программа развития электроэнергетики на основе ВИЭ вплоть до 2030 г. В соответствии с ней планируется увеличить производство чистой электроэнергии до 27 % от общего производства (вместо 2 % в настоящее время). В структуре производства электроэнергии на основе альтернативных источников подавляющую величину будет давать солнечная энергия (более 70 %), 22,7 % - ветровая, остальное – геотермальная и др.⁸

Большие трудности для развития хозяйства страны представляет острый дефицит водных ресурсов, объем которых на душу населения – 289 куб метров в год – намного ниже уровня водного стресса, оцениваемого в 500 куб. метров в год на человека. До 60 % воды используется в сельском хозяйстве, которое на большей части территории невозможно без орошения. Внедрение принципов зеленой экономики предусматривает повышение эффективности ирригации, очистку и вторичное использование сточных вод, опреснение морских и минерализованных

⁷ databank.worldbank.org/data/

⁸ <https://oxfordbusinessgroup.com/news/la-strat%C3%A9gie-alg%C3%A9rienne-en-mati%C3%A8re-d%E2%80%99%C3%A9nergies-renouvelables-passe-%C3%A0-la-vitesse-sup%C3%A9rieure>

подземных вод. В 2015 г. в стране была разработана перспективная стратегия в области водных ресурсов вплоть до 2030 г. По плану орошаемые площади должны увеличиться с 1,2 до 2,5 млн га, низкоэффективное поверхностное орошение (сейчас 58 %) должно уступить место более прогрессивным методам. В настоящее время достигнуты заметные успехи использовании альтернативных источников воды.

Перспективным направлением озеленения экономики является развитие органического земледелия. Пока, по сравнению с Тунисом и Марокко, оно находится в зачаточном состоянии (700 га в Алжире, 20 тыс. га в Марокко, 330 тыс. га в Тунисе)⁹. Близость европейских рынков, на которых органические продукты пользуются повышенным спросом, может служить дополнительным стимулом подобной специализации.

В Тунисе принята Национальная стратегия в области зеленой экономики на 2016-2036 гг. В ней намечены основные секторы хозяйства, которые могут сыграть решающую роль в процессе озеленения: энергетика на основе ВИЭ, водное хозяйство, в том числе очистка и вторичное использование сточных вод, органическое сельское хозяйство, экотуризм, обрабатывающая промышленность и строительство.

Тунисская экономика является более диверсифицированной по сравнению с алжирской и марокканской, однако зависимость от использования природных ресурсов достаточно высока. Большое значение имеет туризм, 95 % объектов которого сосредоточены в прибрежной полосе, что усиливает нагрузку на водоснабжение и увеличивает объем стоков в этих и так густонаселенных районах. Основной вклад в загрязнение природной среды вносят добывающая промышленность, предприятия по переработке фосфатов, производству электроэнергии и работающие в сфере агробизнеса.

В Тунисе наблюдается значительный дефицит водных ресурсов, объем которых составляет 376,4 куб м/чел. в год¹⁰. До

⁹ The Green Economy in Algeria. UN Economic Commission for Africa. p.8. https://www.uneca.org/sites/default/.../egm_ge-_algeria.pdf

¹⁰ databank.worldbank.org/data/

80% воды используется в сельском хозяйстве, удельный вес орошаемых площадей достигает 9 % обрабатываемых земель. В стране успешно развивается органическое земледелие, продукция которого экспортируется в Европу.

Уже с начала 2000-х гг. в Тунисе проводятся различные программы по повышению эффективности использования водных ресурсов, увеличению удельного веса нетрадиционных источников водоснабжения, в том числе опресненной воды, очищенных сточных и дренажных вод.

Одним из важных направлений зеленой экономики реформирование энергетического комплекса. В 2015 г. подавляющая часть потребляемой в стране электроэнергии производилось на основе ископаемого топлива (природного газа), более половины которого импортировалось. 4 % производства электроэнергии обеспечивали альтернативные источники. В соответствии с Тунисским планом развития энергетики на основе ВИЭ на 2014–2030 гг. их доля должна возрасти до 30 %, в основном за счет гелиоэнергетики.¹¹

По оценкам, к 2010 г. в зеленых секторах хозяйства Туниса было создано более 100 тыс. рабочих мест. В последующее пятилетие планировалось организовать еще 300 тысяч, что составило бы 9 % от общего числа занятых.

Признанным лидером по развитию зеленой экономики в Северной Африке является Марокко. В последнее десятилетие здесь был принят ряд программ и законов, направленных на «озеленение» экономики.

Жизненно важным сектором для страны является водное хозяйство. В результате роста населения и развития промышленности и аграрного сектора ожидается значительное увеличение потребностей в воде. По расчетам специалистов, к 2025 г. на одного жителя Марокко будет приходиться 500 куб. м возобновляемых водных ресурсов, что в два раза ниже критического порога водообеспеченности¹².

¹¹ Industry and the Green Economy in North Africa: Challenges, Practices and Lessons Learned. UN Economic Commission for Africa. Addis Abeba, Sept. 2015, p.14. www.uneca.org

¹² M.H.El Badraoui, M.Berdai. Adaptation du systeme eau-energie au changement climatique. Rapport final. P.11. www.planbleu.org.

Национальная стратегия в области водных ресурсов Марокко представляет собой комплексную программу по рационализации водопользования. В качестве конкретных мер намечается: сокращение избыточной эксплуатации подземных вод, повышение эффективности орошения в сельском хозяйстве путем модернизации оросительных систем, сооружение крупных плотин и водохранилищ, использования нетрадиционных источников воды.

Реформирование водного хозяйства тесно связано с модернизацией сельского хозяйства, которое остается важнейшим сектором экономики Марокко и основным потребителем воды. Одной из основных проблем сельского хозяйства является высокая степень зависимости от погодных условий и, соответственно, резкие колебания валовых сборов основных продовольственных культур. В 2008 г. в Марокко был принят т.н. «Зеленый план», рассчитанный на период до 2020 г. и предусматривавший ряд кардинальных реформ в сельском хозяйстве, направленных на переход к устойчивому развитию.

Важнейший сектор экономики Марокко - энергетика. До последнего времени ее основой было ископаемое топливо в связи с чем 95 - 97% потребляемой в стране энергии импортировалось. Вместе с тем, страна обладает хорошими возможностями для развития солнечной и ветровой энергетики.

В 2008–2009 гг. в Марокко была принята Новая энергетическая стратегия. Она предусматривает увеличение к 2030 г. удельного веса установленных мощностей всех видов альтернативной энергетики до 52%.

В Марокко, также как в Алжире и Тунисе, в число важнейших приоритетов экономического развития входит диверсификация промышленности с целью повышения значения высокотехнологичных отраслей с высокой добавленной стоимостью. Так, в соответствии с планом ускоренного промышленного развития на 2014 – 2010 гг. удельный вес обрабатывающей промышленности в ВВП намечено увеличить до 23 %, а также создать в ней 500 тысяч новых рабочих мест,

преимущественно для молодежи с высоким образовательным уровнем.¹³

Итак, сильными сторонами зеленой экономики являются: снижение антропогенной нагрузки на окружающую среду и экономия природных ресурсов, возможность создания большого числа высокотехнологичных рабочих мест, диверсификация экономики за счет развития новых отраслей промышленности. С учетом конкретных проблем и условий каждой из стран Алжир, Тунис и Марокко включают принципы зеленой экономики в стратегии экономического развития.

Список литературы:

1. Arab Atlas of Footprint and Biocapacity. AFED Report 2012. www.afed.org
2. The Green Economy in Algeria. UN Economic Commission for Africa. p.8. https://www.uneca.org/sites/default/.../egm_ge-_algeria.pdf
3. Industry and the Green Economy in North Africa: Challenges, Practices and Lessons Learned. UN Economic Commission for Africa. Addis Abeba, Sept. 2015. www.uneca.org
4. M.H.El Badraoui, M.Berdai. Adaptation du systeme eau-energie au changement climatique. Rapport final. www.planbleu.org.
5. Industry and the Green Economy in North Africa: Challenges, Practices and Lessons Learned. UN Economic Commission for Africa. Addis Abeba, Sept. 2015. www.uneca.org

¹³ Industry and the Green Economy in North Africa: Challenges, Practices and Lessons Learned. UN Economic Commission for Africa. Addis Abeba, Sept. 2015, p.10. www.uneca.org

Замараева Н.А.
Специальные экономические зоны в проекте Китайско-пакистанского экономического коридора

К.и.н., Старший научный сотрудник
Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока
Институт востоковедения РАН
olunja@mail.ru

Создание Специальных экономических зон (СЭЗ) в проекте Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) власти Китая планировали изначально наряду с приоритетными энергетическими и инфраструктурными объектами. Основная цель СЭЗ для руководства Пакистана – привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ), в первую очередь, китайских для стимулирования роста экономики, экспортной продукции, создания новых рабочих мест в промышленности.

На стадии планирования КПЭК Пекин ставил две цели: локальная – стимулирование экономического развития Синьцзян-Уйгурского автономного района; стратегическая – выход на рынки Центральной Азии, Западной Азии, стран Персидского залива, Африки и Европы. КПЭК отводилась роль нового механизма для подключения западного крыла Китая к мировым товарным потокам. На карте коридор представляет собой несколько параллельных транспортно-инфраструктурных треков, стартующих от китайского Кашгара, далее по территории Пакистана до порта Гвадар на побережье Ормузского пролива. Каждый трек КПЭК – это сеть автомобильных, железных дорог и трубопроводных магистралей, сопровождаемых промышленными и социальными объектами. Планируется прокладка национальной оптово-волоконного кабеля для интернет-трафика и телевидения [1]. Эти логистические артерии предназначены для импорта в Китай в основном углеводородного сырья. Экспортными статьями китайского рынка являются товары промышленного и народного потребления.

Политика инвестирования Китая в экономику Пакистана имеет свою специфику. На шестом совещании Объединенного координационного комитета КПЭК в октябре 2017 г. были определены отрасли, которые планировалось перевести в Пакистан в первую очередь: сталелитейная, фармацевтическая, химическая промышленности, и одновременно проводилась работа по подготовке к созданию индустриальных парков в Пакистане по примеру подобных в Китае [2].

Китайские компании не заинтересованы в инвестировании в действующие крупные промышленные объекты Пакистана. Китай планирует перевести в страну частные неконкурентные предприятия или с целью сокращения производственных затрат на рабочую силу, или в связи с технологически устаревшей производственной базой. Еще одна причина входа на рынок Пакистана в том, что китайские компании заинтересованы инвестировать ближе к своим рынкам.

Но одновременно Пекин настаивал на дальнейшем проникновении государственного и частного китайского капитала в большинство секторов экономики Пакистана, расширении тех сегментов рынка, где компании из Поднебесной уже имеют прочные позиции. Например, Haier в бытовой технике, ChinaMobile и Huawei в области телекоммуникаций и China Metallurgical Group Corporation в горнодобывающей промышленности и добыче полезных ископаемых и т.д. [3].

Механизм долгосрочного китайско-пакистанского экономического сотрудничества диктовал необходимость разработки взаимовыгодных инвестиционных продуктов. Ставя эту цель, Пекин продвигал идею создания эксклюзивных зон в Пакистане, где он создаст или куда он переведет промышленные предприятия и отрасли (часто устаревшие), которым местные власти предоставят экономические привилегии. Государственный и частный бизнес Китая заинтересован в формировании благоприятной среды для инвестиций.

Уже на первом этапе строительства КПЭК Пекин настаивал (июль 2017 г.) на разработке проектной документации и определения мест СЭЗ вдоль маршрута коридора.

Подписывая пакет документов в 2015 г. на реализацию КПЭК, планировалось три этапа строительства объектов.

Первый этап (2015–2022/23 гг.) – энергетические и инфраструктурные (дорожные) объекты, порт Гвадар (аэропорт, причалы, промышленная площадка), социальные объекты (госпитали на 100 коек), различные программы тренингов для местного персонала.

Второй этап (2020/ 22–2025 гг.) – этап промышленного сотрудничества (строительство промышленных объектов, ремонт и укладка железнодорожного полотна, например, трассы Карачи – Пешавар, 160 км – двух/ одноколейный трек (на отдельных участках). Одним из ключевых пунктов второго этапа имплементации КПЭК и является создание индустриальных парков и СЭЗ.

Третий этап (2025–2030 гг.) – ввод в эксплуатацию всех промышленных и социальных объектов КПЭК.

Включение СЭЗ во второй этап строительства КПЭК продиктовано требованиями бесперебойного доступа к источникам воды и электроэнергии, развитой транспортной инфраструктуры, квалифицированной рабочей силы и т.д. Согласно Генеральному плану КПЭК, например, тысячи акров сельскохозяйственных земель планируется сдать в аренду китайским предприятиям первоначально для создания демонстрационных проектов, например, ирригационных технологий.

Китай имеет опыт создания и управления СЭЗ. Он эффективно оперирует четырьмя зонами, в которых развитие получили 14 прибрежных городов и 14 промышленных зон [4]. Наиболее привлекательным для пакистанцев является опыт первой в стране СЭЗ в Шеньчжэне. Некогда небольшая рыбацкая деревушка уже к 2015 г. «преобразилась» в крупный промышленный и финансовый центр на юге Китая с населением более 11 млн человек. В XXI веке Шеньчжень – один из загруженных контейнерных портов в мире и одновременно промышленно развитый, урбанизированный и модернизированный город, где работает фондовая биржа и расположены штаб-квартиры многочисленных высокотехнологичных компаний [5]. Большой опыт работы СЭЗ накоплен в странах Персидского залива. Например, «...в Эмиратах действуют 37 зон, при этом настолько успешно, что страна стала

лидером арабского мира с точки зрения привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Их объем в 2014 г. достигал 12 млрд долл. США, и они имеют тенденцию к росту» [6]. Имеется и неудачи, например, в штате Махараштра в Индии в 2005 г. [7].

Пакистан не совсем новичок в этой области. Он имеет опыт управления промышленными кластерами: производство хирургических инструментов в Сялоте; керамическое / гончарное производство в Гуджарате; предприятия швейной промышленности в Фейсалабаде и горнодобывающая мраморная промышленность в провинции Хайбер-Пахтунхва.

Для строительства СЭЗ на начальном этапе от властей требуется несколько составляющих: выделить конкретную площадь земли, предоставить специальные налоговые льготы и проводить сбалансированную экономическую политику. 2018 г. – переломный год, по результатам которого можно судить об успешности плана КПЭК. По заявлению властей в приоритетном энергетическом блоке уже два объекта введены в эксплуатацию, третий блок близок к завершению [8]. Таким образом, базовая энерго/ инфраструктурная часть проектов КПЭК уже подготовлена. Параллельно шла подготовка пакета документов и выделение земель для строительства СЭЗ [9].

Оперативное строительство ряда инфраструктурных объектов, частичный ввод их в эксплуатацию подтвердило, что в 2018 г. КПЭК вступил в новую стадию развития.

Учреждение и оперативное функционирование СЭЗ осуществляется в соответствии с Законом о СЭЗ 2012 г. Федеральное правительство и провинциальные правительства вправе создавать специальные экономические зоны сами по себе или в сотрудничестве с частными предприятиями в различных формах, в том числе в рамках государственно-частного партнерства или с частными лицами. Термин «Экономическая зона» означает географически определенную и ограниченную область, которая была одобрена Советом по одобрению для ведения экономической, промышленной и коммерческой деятельности.

Требования для всех заявленных СЭЗ включают: базовую бизнес-концепцию, план предварительной разработки зоны, метод приобретения земли и т.д. Центральное правительство при

поддержке Совета по инвестициям разработало критерии для СЭЗ. Например, минимальный размер зоны должен быть не менее 50 акров; не более 30 процентов ее площади используется для торговых площадей, инфраструктуры и жилых или промышленных построек; принадлежащие государству земли, предназначенные для ОЭЗ, сдаются в аренду на срок не менее пятидесяти лет. Одновременно пользователи СЭЗ обязуются соблюдать все природоохранные, трудовые и другие законы, действующие в Пакистане. Руководство предприятий в СЭЗ обязуется начать строительство объектов в течение шести месяцев и осуществлять регулярные бизнес-операции в течение двадцати четырех месяцев с момента их утверждения в качестве предприятий СЭЗ; юридические лица вправе регистрировать право собственности на землю только после шести месяцев хозяйственной деятельности в СЭЗ.

Федеральные и провинциальные власти Пакистана совместно определили

тридцать три экономические зоны в рамках КПЭК [10]. На начальном этапе таких площадок заявлено девять в качестве приоритетных объектов в рамках КПЭК в каждой из четырех провинций, а также на территории столичного округа Исламабада, в Гилгит-Балтистане (Могпондасс), в агентстве Моманд ТПФУ (Мраморный город), в Азад Кашмире (Бхимбер промышленная зона), в порту Касим близ Карачи (Индустриальный парк на Пакистанском сталелитейном заводе [11]. В Панджабе, например, создаются СЭЗ для строительства электростанций, работающих на солнечной энергии. Привлекательными также считаются машиностроительные малые и средние предприятия, а также предприятия пищевой промышленности. В Синде, учитывая его просторы и соответствующий рельеф местности, актуальны СЭЗ для установки ветряных мельниц и дальнейшего производства электроэнергии. Намечены планы по строительству объектов для нефтехимической, пластмассовой промышленности и производства упаковочной тары.

В Белуджистане помимо энергетических и транспортных проектов и порта Гвадар, СЭЗ актуальны для индустрии переработки и упаковки сухофруктов, технологий управления водными ресурсами и рыбной промышленности.

В провинции Хайбер-Пахтунхва СЭЗ востребованы для производства малых турбин и продукции смежных отраслей [12]. Выигрышная географическая локация Гилгит-Балтистана (расположен в северной части Кашмира, на древнем Шелковом пути и является воротами в Центральную, Восточную и Южную Азию) предоставляет дополнительные преимущества для строительства СЭЗ. Например, может выступать в качестве логистического центра и одновременно размещать объекты по деревообработке, переработке свежих фруктов и овощей, трав и рыбы форели.

Успех СЭЗ зависит от многих факторов, в основном от сочетания налоговых и тарифных стимулов, оперативной и упрощенной процедуры таможенной очистки товаров, связей с поставщиками, производителями, мировым рынком и т.д.

Для привлечения китайских инвестиций Исламабаду необходимо предоставить конкурентоспособные налоговые стимулы, эффективную инфраструктуру и благоприятную бизнес-среду для получения ими максимальных и устойчивых выгод.

Пакистанские СЭЗ предлагают налоговые и деловые стимулы для привлечения иностранных инвестиций и технологий. Например, «разработчики» (юридические или физические лица, развивающие СЭЗ) имеют право на ряд преимуществ: однократное освобождение от всех таможенных пошлин и налогов на машины, ввозимые в Пакистан, за некоторым исключением; освобождение от всех налогов на доходы сроком на пять лет, начиная с даты подписания Соглашения о развитии. Среди льгот для предприятий зоны наиболее привлекательными считаются однократное освобождение от таможенных пошлин и налогов на импорт машин и оборудования в СЭЗ; освобождение от всех налогов на доходы предприятий, начавших коммерческое производство к 30 июня 2020 г. и т.д. Также предоставляются долгосрочные государственные льготные кредиты, в отдельных случаях – кредиты с нулевой процентной ставкой.

Эйфория от получения крупнейшего в истории Пакистана инвестиционного контракта в 2015 г. быстро сменилась суровыми буднями. Исламабад был уверен, что, например, специальные экономические зоны будут стимулировать развитие инновационных отраслей в Пакистане. Но Китай на практике в

первую очередь выводит в Пакистан вредные производства и устаревшую технологию. И в дальнейшем риски для Исламабада только возрастают. Они связаны с неуверенностью - не будут ли направлены товары, произведенные китайскими компаниями на льготных условиях в СЭЗ, на внутренний рынок Пакистана и дальнейшее вытеснение местной промышленности.

Список литературы:

1. Exclusive: CPEC master plan revealed// URL: <https://www.dawn.com/news/1333101/exclusive-cpec-master-plan-revealed> (дата обращения 21.06.2017)
2. CPEC shifting gears to industrial parks // URL: <https://www.dawn.com/news/1363408/cpec-shifting-gears-to-industrial-parks> (дата обращения 13.10.2017)
3. 'CPEC has now become a reality,' says PM Abbasi at inauguration of two-day summit in Karachi // URL: <https://www.dawn.com/news/1403377/cpec-has-now-become-a-reality-says-pm-abbasi-at-inauguration-of-two-day-summit-in-karachi> (дата обращения 23.04.2018)
4. China pushes Pakistan on Special Economic Zones // URL: <https://www.dawn.com/news/1345155/china-pushes-pakistan-on-special-economic-zones> (дата обращения 14.07.2017).
5. CPEC SEZs: myth and reality // <https://www.dawn.com/news/1334589> (дата обращения 22.05.2017)
6. Филоник А.О. ОАЭ: свободные зоны как фактор сбалансированного роста // URL: <https://va.ivran.ru/articles?artid=6931> (дата обращения 17.02.2017)
7. CPEC SEZs: myth and reality // URL: <https://www.dawn.com/news/1334589> (дата обращения 22.05.2017)
8. 'CPEC has now become a reality,' says PM Abbasi at inauguration of two-day summit in Karachi // URL: <https://www.dawn.com/news/1403377/cpec-has-now-become-a-reality-says-pm-abbasi-at-inauguration-of-two-day-summit-in-karachi> (дата обращения 23.04.2018)

9. No military aim of CPEC in Pakistan: China // URL:
<https://nation.com.pk/22-Apr-2018/no-military-aim-of-cpec-in-pakistan-china> (дата обращения 22.04.2018)
10. 11 CPEC economic zones to be set up in Baluchistan // URL:
<http://nation.com.pk/national/31-Aug-2015/11-cpec-economic-zones-to-be-set-up-in-baluchistan> (дата обращения 31.07.2015)
11. CPEC SEZs: myth and reality // URL:
<https://www.dawn.com/news/1334589> (дата обращения 22.05.2017)
12. China pushes Pakistan on Special Economic Zones // URL:
<https://www.dawn.com/news/1345155/china-pushes-pakistan-on-special-economic-zones> (дата обращения 14.07.2017)

Имамкулиева Э.Э.

Рост населения в арабских странах: вызовы или новые возможности?

Младший научный сотрудник
Отдел экономических исследований
Институт востоковедения РАН
elmiracif@gmail.com

Арабские страны обладают как рядом сходств, так и различий и, безусловно, отличительной чертой региона в целом является большой человеческий потенциал. Арабские государства связывает богатая история, охватывающая тысячи лет, сильные культурные традиции, общий литературный арабский язык для более, чем 300 миллионов человек, проживающих на территории этих стран и разделяющих общие ценности. Одним из ключевых показателей любого государства является численность его населения тем более, что этот индикатор часто и быстро меняется в арабских странах. Стоит отметить, что население региона в целом неуклонно продолжает расти: в период с 1970 года население арабских стран почти утроилось, увеличившись с 128 до 359 миллионов человек, а по прогнозам ученых ожидается, что к 2050 году этот показатель еще возрастет, и будет достигать 598 миллионов жителей¹.

Самой многочисленной страной арабского мира является Египет. По данным Всемирного банка в 2015 году население этой страны превысило 95,7 млн человек², несмотря на то, что еще в 2012 году оценки данного индикатора сильно различались и составители The World Factbook, CIA оценивают население Египта в 86,9 млн человек³, а специалисты U.S. Department of Commerce

¹ Arab Human Development Report, Barry Mirkin, UNDP/ United Nations Development Programme Regional Bureau for Arab States Arab Human Development Report Research Paper Series 2010, p.10.

² <http://data.worldbank.org/country/egypt-arab-republic>, запрос 28.02.2018 г.

³ <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/eg.html>, раздел «People and society», запрос 30.06.2014 г.

полагали, что население этой страны составляло 85,2 млн человек⁴, но именно эта арабская страна остается самой многочисленной.

Необходимо отметить, что население Египта увеличилось в 2,8 раз в период с 1960 до 2010 года, но это отнюдь не является рекордом для арабского мира относительным показателем, но в абсолютном исчислении масштабы роста населения этой страны бьют все рекорды в арабском мире и прирост составил 50 млн человек за 4 десятилетия, что само по себе сопоставимо с населением отдельного независимого государства Европы. Стоит отметить, что арабский мир пережил экономический и социальный бум во второй половине XX-го века и численность населения всех арабских стран увеличилась за исследуемый период. В целом население арабского мира выросло в 3,7 раз, что соответствует 254 млн человек за полвека. По данным на начало 10-х гг. XXI века каждый 20-й человек на Земле жил в одной из 22 арабских стран⁵.

При этом лидерами по абсолютному приросту населения являются: вышеупомянутый Египет и Алжир⁶, на 50 и 25,8 млн соответственно. Однако абсолютный прирост населения Саудовской Аравии также достаточно высок и составляет 28,3 млн человек с 4 млн человек в 1960 году до 28,3 млн человек в 2012 году и 32,3 млн человек - в 2016 году. Таким образом, абсолютное значение прироста населения этой страны равняется 87% ее нынешней численности населения.

Нельзя не отметить, что глубокие демографические преобразования, происходящие в арабском регионе, влияют на фундаментальные столпы общества, в частности на формирование семьи, деторождение и воспитание детей, статус женщин в обществе, наделение их правами наравне с мужским населением, а также и уход за пожилыми людьми.

⁴ Census.gov. Country Rank. Countries and Areas Ranked by Population: 2013. U.S. Department of Commerce (2013), <http://www.census.gov/population/international/data/countryrank/rank.php>, запос 1.05.2013 г.

⁵ Arab Human Development Report, Barry Mirkin, UNDP/ United Nations Development Programme Regional Bureau for Arab States Arab Human Development Report Research Paper Series 2010, p.9.

⁶ Согласно расчетам на 2010 год Судан превзошел Алжир по показателю абсолютного прироста населения, тем не менее к этим данным необходимо отнестись осторожно, поскольку после отделения Южного Судана, эти данные будут скорректированы.

Важно отметить, что отличительной чертой региона в целом является демографическое, географическое, политическое и социально-экономическое разнообразие. Арабским мир мультиконфессионален и многоэтничен. Регион включает в себя страны как с большим населением, возглавляемые Египтом с населением в 95,7 млн человек⁷, так небольшие государства как Бахрейн с населением чуть меньше 1,5 млн человек. Помимо этого, коэффициент фертильности в ряде стран региона едва больше показателя воспроизведения населения или находится на его уровне (например, в таких странах, как Кувейт, Ливан, Тунис, Объединенные Арабские Эмираты), а в других странах и районах этот индикатор находится на высоком уровне, превышая показатель в 4,5 (например, Палестинская территория, Сомали, Судан и Йемен).

Демографические изменения в арабских странах не являются однозначными. С одной стороны, рост населения способствует увеличению рабочей силы и емкости рынка, но, с другой стороны, этот процесс провоцирует множество проблем и требует корректировки реформ от правительств этих стран. Среди основной угрозы неуклонного роста населения находится безработица и создание недостаточного количества рабочих мест, что, в свою очередь, провоцирует рост бедности. Борьба с данными последствия, а также программа реализации реформ были сформулированы в Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций⁸ и в пришедших им на смену Целях устойчивого развития (ЦУР)⁹. В данных документах большое

⁷ Данные Database Worldbank, Country profile, http://databank.worldbank.org/data/views/reports/reportwidget.aspx?Report_Name=CountryProfile&Id=b450fd57&tbar=y&dd=y&inf=n&zm=n&country=EGY от 11.03.2018.

⁸ Резолюция Генеральной ассамблеи ООН № A/RES/52/2, и сформулированные Цели развития тысячелетия направленные на улучшения социальных и экономических условий в странах мира. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml

⁹ Цели в области устойчивого развития (ЦУР) – сформулированные в рамках документа «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (англ. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development)». ЦУР пришли на смену Целям развития тысячелетия в 2015 года. Программа реализации ЦУР рассчитана на 15 лет до

внимание уделяется демографическим проблемам, обращается внимание на сопутствующие проблемы изменение климата, нехватки продовольствия и воды, стремительной урбанизации и равного доступа к получению образования и медицинской помощи – все перечисленные проблемы, безусловно, в полной мере характерны арабским странам. За тем лишь исключением, что некоторые из них они стоят более остро, чем - в соседних.

Становится очевидным, что в арабских странах происходят важные социальные изменения, оказывающие серьезное влияние на общество и экономику этих стран. Более «богатые» арабские страны переходят к новым моделям формирования семьи и отходят от патриархальных устоев, а соседние арабские страны не всегда могут контролировать демографические проблемы, возникающие в связи с постоянным ростом населения, не успевая формировать новые рабочие места, что приводит к политической напряженности и оттоку населения, преимущественно молодежи, за рубеж как в арабские страны Персидского залива, так и Европы.

Список литературы:

1. Arab Human Development Report, Barry Mirkin, UNDP/ United Nations Development Programme Regional Bureau for Arab States Arab Human Development Report Research Paper Series 2010.
2. Census.gov. Country Rank. Countries and Areas Ranked by Population: 2013. U.S. Department of Commerce (2013), <http://www.census.gov/population/international/data/countryrank/rank.php>, запос 1.05.2013 г.
3. Database Worldbank, Country profile, http://databank.worldbank.org/data/views/reports/reportwidget.aspx?Report_Name=CountryProfile&Id=b450fd57&tbar=y&dd=y&inf=n&zm=n&country=EGY от 11.03.2018.
4. Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (англ. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development).

Ганжа Н.С.

Влияние родоплеменных связей (асабийя) на систему хозяйствования в Ливии при Муаммаре Каддафи

Студент бакалавриата, НИУ ВШЭ, Факультет Мировой
Экономики и Мировой Политики,
nsganzha@edu.hse.ru

Поиск экономических моделей, которые бы эффективно функционировали в разных странах, где сформировались прочные формальные и неформальные институты, – актуальная проблема, над которой работают ученые из разных стран и экономических школ. Она находит свое отражение и на Ближнем Востоке – регионе, где практически все страны характеризуются большим влиянием традиционных неформальных институтов на экономическую жизнь. Кроме того, экономическая поляризация государств, а также проявление признаков «голландской болезни» в арабских странах-экспортерах нефти убеждают ученых в необходимости разработки новых экономических моделей, способствующих стабильному росту региона.

В ряде областей Северной Африки традиция настолько сильна, что формировавшиеся столетиями неформальные правила особым образом взаимодействуют с институтами, которые были заимствованы у западных обществ. Такое взаимодействие может выражаться в конфликте между неформальными и формальными институтами, в их слиянии или параллельном существовании.

В XIV вв. арабский ученый Абдуррахман Ибн Мухаммад Ибн Хальдун Абу Зейд (1332-1406 гг.) во введении к своему труду под названием «Книга назидательных примеров по истории арабов, персов, берберов и народов, живших с ними на земле», которое зачастую воспринимают как отдельный трактат, «Мукаддима» (ар. «введение», 1377 г.), описал и применил в отношении известных ему социальных структур и хозяйственных принципов концепцию *асабийи* – глубокой групповой солидарности, прочных родоплеменных связей. В рамках традиционных обществ Магриба *асабийя* и сегодня продолжает

оставаться важным фактором социально-экономической парадигмы. В этой работе ставится задача рассмотреть отражение характерных черт *асабийи*, в изложении Ибн Хальдуна, на экономике Ливии при Муаммаре Каддафи.

В 2017 году население Ливии составляло 6 375 тыс. человек [10], из которых в городах проживают около 79% [9]. Трайбализм в Ливии – распространенное явление, и племя является одним из основных элементов ливийского общества, а племена – ключевыми игроками в политической жизни страны. На территории Ливии сегодня живут представители ок. 140 племен, крупнейшими из которых являются Варфалла (более 1 млн человек) [3, с. 7], Магарха, ал-Авакир, Зувая, Абейдат, ал-Барааса. Стоит отметить, что многие эксперты указывают на то, что точный подсчет численности ливийских племен в настоящее время затруднителен по причине невозможности проведения детальной переписи населения [12]. Кроме того, Ливия примечательна тем, что в этой стране в настоящее время активно проходит трайбализация крупных населенных пунктов и деревень, включение их в сферы влияния тех или иных племен.

Муаммар Каддафи в своей внутренней политике широко использовал племена как прочный сформировавшийся социальный институт. Исследователи отмечают, что, будучи выходцем из племени Каддадфа, ливийский лидер активно назначал соплеменников на руководящие посты в правительстве и армии [6]. Выходцы из Каддадфы получали более высокое жалование по сравнению с представителями иных племен, а также ряд дополнительных привилегий. В «Мукаддимах» Ибн Хальдун пишет, что одним из естественных желаний человека является стремление обезопасить своих кровных родственников, вне зависимости от тесноты общения с ними [11, с. 207-208]. Анализируя эти действия с позиции, предложенной Ибн Хальдуном концепции *асабийи*, можно предположить, что Каддафи, принимая подобные кадровые решения, пытался не только защитить режим Джамахирии и собственную власть, но и обеспечить безопасность своего племени в условиях непрекращающихся межплеменных конфликтов.

В эпоху правления Муаммара Каддафи *асабийя* оказала значительное влияние не только на политические, но и на

экономические институты в Ливии. В большей степени это касалось механизмов перераспределения финансов, регулятором которых выступало государство. Исследователи отмечают, что количество выделяемых средств в последние годы правления Каддафи обусловлено лояльностью племен действующему режиму [4]. Государством поддерживались некоторые племена, жившие в богатых нефтью восточных районах Ливии – например, ал-Авакир и ал-Барааса, с которыми ливийского лидера связывали личные союзы с шейхами и брак с представительницей ал-Барааса, Сафией Фаркаш. В обмен на покровительство в конфликтах с другими крупными племенами региона, например, Абейдат, и фаворитизм при распределении нефтяных ресурсов, они выказывали высокий уровень поддержки Каддафи и содействовали сохранению стабильности на своих территориях. Ибн Хальдун утверждает, что *асабийя* слабеет, когда благополучие племени увеличивается [11, с. 228-229]. Если рассматривать каждое племя как носителя собственной, групповой *асабийи*, то включение других племен в государственную распределительную систему было намеренным шагом Каддафи, направленным на то, чтобы свести на нет их политическую активность и закрепить главенствующее положение Каддафых.

Следствием такой политики Муаммара Каддафи стал рост групповой идентичности среди представителей тех племен, которые в меньшей мере участвовали в распределении ресурсов, что, в свою очередь, вылилось в ряд конфликтов. Помимо того, пытаясь поддерживать солидарность в ливийском обществе на высоком уровне путем денежных дотаций, Каддафи свёл политические связи с племенными шейхами к торговому обмену: лояльность правительству продавалась за деньги. Как показывает опыт, такой метод не может работать бесконечно долго ввиду цикличности экономического развития. Примечательно, что бюджет Ливии и, соответственно, материальные привилегии племен, уменьшались с середины 2000-х гг. вплоть до 2011 г. Те племена, которые перестали получать дотации (либо получали слишком мало), во время волнений в городах зимой 2011 г. быстрее склонялись к прекращению поддержки действующего режима и переходили на сторону повстанцев, а затем стали активными сторонниками сформированного в стране

Национального переходного совета Ливии. Так, племя Магарха, некогда – второе по военной мощи в Ливии, перестало пользоваться поддержкой Каддафи в середине 90-х гг. после того, как некоторые из его членов, входившие в состав руководства страны, участвовали в попытке переворота. К революции 2011 г. из самого лояльного племени Магарха превратились в уверенных оппозиционеров. Подобная ситуация наблюдалась в Киренаике, где племя ал-Авакир поначалу выступило в поддержку режима (по инерции и в силу трений с оппозиционным племенем Абейдат), однако в течение короткого времени элита племени перешла на сторону повстанцев. Если рассматривать явление *асабийийи* как краеугольный камень социума в рамках целой страны, то логичным будет утверждать, что для того, чтобы общество было стабильным, принцип групповой солидарности должен распространяться на критическое большинство жителей этой страны. В «Мукаддиме» Ибн Хальдун пишет, что, хотя отдельные племена обладают собственным групповым чувством, должна существовать такая *асабийийя*, которая была бы сильнее всех остальных, и в которой все групповые *асабийийи* сливались бы воедино, объединяя людей [11, с. 226-227], иначе общество ждет отсутствие согласия и раскол. В Ливии подобной консолидации препятствовала искусственно созданная стратификация общества, которая была выражена разделением ливийских племен на привилегированные и непривилегированные.

С другой стороны, существует мнение, что Муаммар Каддафи, стремясь сохранить власть, намеренно стравливал влиятельные западные племена с восточными [7]. Фактически, в отношениях с племенами глава Ливии использовал метод «кнута и пряника». Поочередно предоставляя племенам материальную поддержку, принимая законы, направленные на снижение политического влияния племен (напр. 1997 г.), но, в то же время, поощряя межплеменные браки, Каддафи на некоторое время добился уменьшения политической активности почти всех племен в Ливии, кроме нескольких доминирующих, к которым традиционно относят племена Каддадфа, Варфалла, Магарха. Тем не менее, с прекращением субсидирования со стороны государства, в ходе вооруженного конфликта в Ливии большая часть представителей двух последних племен перешла на сторону

мятежников. Действия ливийского правительства по разрушению *асабийийи* отдельных племен при отсутствии мероприятий по созданию прочных политических и социальных институтов стали одной из причин критически низкого уровня общественного консенсуса в 2011 г. Ибн Хальдун пишет: «Чувство дома и честь присущи лишь тем группам, которые обладают *асабиййей*, другие же [группы понимают эти чувства] фигурально и образно» [11, с. 213-218]. Иными словами, только члены тех социальных групп, которые обладают *асабиййей*, по-настоящему испытывают привязанность к своей группе и готовы ее защищать. Именно отсутствием надплеменной связи, а также слабой групповой солидарностью среди первоначально верных Каддафи племен с высокой долей вероятности можно объяснить крах режима Джамахирии. Более того, Ибн Хальдун указывает на то, что лидером племени не может быть человек, не имеющий родства с этим племенем [11, с. 213-218]. Однако, по мнению автора работы, при проецировании концепции *асабийийи* на социум целой страны это условие может быть опущено.

Племенная элита всегда осведомлена о теневом бизнесе, который ведется на ее территории. В зависимости от политической ситуации, представители племен могут тайно или открыто покровительствовать теневым дельцам или, как минимум, извлекая материальную выгоду, регулировать их деятельность. Имеется достоверная информация о североафриканских контрабандных путях, функционировавших в конце 2000-х [8] гг. Часть их проходила через Триполитанию, регион на северо-западе Ливии, откуда контрабандный груз морем переправлялся в Италию. Судя по частоте сегодняшних заявлений о контролируемых местными элитами контрабандных сетях в этом районе, можно выдвинуть предположение, что и в первом десятилетии XXI в. ливийские племена являлись бенефициарами этого бизнеса.

После падения режима Каддафи и в условиях продолжающейся гражданской войны доля теневого бизнеса в Ливии увеличилась более чем на 40% [5, с. 65-73], по сравнению с 2010 г. При фактическом отсутствии центральной власти племена Киренаики завладели месторождениями и начали нелегальный экспорт нефти через порт Бенгази [1]. На западе страны процветает

контрабанда и работорговля. Например, сообщается [2], что в районе Бани Валид, который контролирует племя Варфалла, из-за нищеты и безработицы большая часть населения вовлечена в преступную деятельность, связанную с перевозкой контрафактных товаров и работорговлей. Пока политические институты Ливии остаются неразвитыми, а государство не может в полной мере отслеживать выполнение законодательства, можно ожидать дальнейшего роста теневой экономики, сопровождающегося еще большим обнищанием населения.

Кроме того, с ростом амбиций элит наиболее многочисленных и влиятельных племен, в будущем можно ожидать передел сфер влияния в приграничных районах, на средиземноморском побережье, а также на главных автодорогах страны, поскольку контроль именно над этими объектами позволяет племенам заниматься контрабандой, а также готовить к отправке суда с мигрантами.

Анализ влияния родоплеменных связей на социальные и экономические институты в Ливии при Муаммаре Каддафи через предложенную Ибн Хальдуном концепцию *асабийя* может представить многие недавние события в Ливии в новом свете, а также создать новую плоскость для исследования внутренней политики самого Муаммара Каддафи. В довершение всего, *асабийя* может быть принята в качестве основы при разработке экономической политики в Ливии после урегулирования вооруженного противостояния. Групповую солидарность и сплоченность нередко называют неотъемлемыми факторами корейского и японского экономического чуда, и есть все основания полагать, что *асабийя* может быть использована как центральная идея не только в Ливии, но и в других странах Северной Африки.

Список литературы:

1. Юлин М. Нефть отделилась от Ливии // Коммерсант.ru URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2259200> (дата обращения: 18.03.2018).
2. Fetouri M. How my hometown became major smuggling route in Libya // Al-Monitor URL: <https://www.al->

- monitor.com/pulse/originals/2018/02/libya-village-human-traffickers-smuggling-migrants.html (дата обращения: 18.03.2018).
3. Geha C. Civil Society and Political Reform in Lebanon and Libya: Transition and constraint. University of St. Andrews, Scotland: Routledge, 2016. 194 с.
 4. Ladjal T. Tribe and state in the history of modern Libya: A Khaldunian reading of the development of Libya in the modern era 1711–2011 // Cogent Arts & Humanities. 2016. №3.
 5. Medina L., Schneider F. Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years? // IMF Working Paper. 2018.
 6. Mokhefi M. Gaddafi's regime in relation to the Libyan tribes // Al Jazeera Centre for Studies, 2011.
 7. Tripoli witness: Tribalism and threat of conscription // BBC News URL: <http://www.bbc.com/news/world-africa-13380525> (дата обращения: 18.03.2018).
 8. Triandafyllidou A., Maroukis T. Migrant Smuggling. Palgrave Macmillan UK, 2012. 250 с.
 9. Urban population // The World Bank (Data) URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS?locations=LY> (дата обращения: 18.03.2018).
 10. World Population Prospects 2017 // United Nations Department of Economic and Social Affairs URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/DataQuery/> (дата обращения: 18.03.2018).
 11. الدار البيضاء: بيت الفنون والعلوم والأدب. الجزء. المقدمة. عبد الرحمن, ابن خلدون الأول, 2005. ص 395.
 12. يوميات الحرب الليبية (الحلقة الخامسة) خريطة ولاءات القبائل في الصراع مع المتطرفين دار الاخبار URL: <http://www.elmofeed.com/Id/123749901> (дата обращения: 18.03.2018).

Матросов В.А.
Экономика юга Ливии: актуальное состояние,
потенциалы, риски

Преподаватель
Школа востоковедения, НИУ ВШЭ
vam_179@mail.ru

Гражданские беспорядки, вспыхнувшие в Ливии в 2011 г. и усугублённые внешней интервенцией, экономической блокадой и исламистским фактором, нанесли экономике страны непоправимый урон. Все сферы хозяйственной жизни Ливии – кроме, возможно, теневой экономики, неформальной и не контролируемой государством (о ней будет подробнее сказано ниже), – испытали на себе тяжести гражданских конфликтов. И всё же, по прошествии семи лет можно констатировать, что ситуация в сфере экономики начинает постепенно стабилизироваться и даже улучшаться. В связи с этим, для дальнейших прогнозов необходимо приблизительно представлять себе не только современную ситуацию и масштабы ущерба, понесённого экономикой страны, но и те основные потенциалы и риски, которые будут выступать в качестве основных факторов дальнейшего развития ситуации.

Если закрыть глаза на социальные, политические и культурные факторы, Ливию можно было бы грубо поделить на два региона – прибрежный север, населённый арабо-берберскими племенами, и малообитаемый, погрязший в этнических распрях между арабами, берберами и негроидными народами юг. Экономика севера страны, включающего всю Триполитанию и северную часть Киренаики (прибрежная полоса и Зелёные горы) в значительной мере связана с двумя основными секторами: морской торговлей (в том числе, с экспортом углеводородов) и сельским хозяйством, причём последнее, несмотря на минимальную долю в экономических показателях страны, стало ключевым фактором развития регионе. То есть, экономика севера Ливии потенциально способна как почти полностью обеспечить население продуктами [5, р. 27] (уместно было бы упомянуть о

нехватке пресной воды, но это — тема для отдельного исследования), так и участвовать в интеграции в средиземноморскую хозяйственную систему.

Ливийский юг не обладает подобными преимуществами. За исключением редких оазисов, ни Феццан, ни юг Киренаики не в состоянии самостоятельно обеспечить своё население продовольствием, что, в свою очередь означает, что регион всегда связан торговыми отношениями с другими регионами и зависит от них. Этому способствует и изоляция южных районов страны от побережий и портов [8]. Кроме того, региональная интеграция на уровне официальных межправительственных отношений здесь осложнена политическими реалиями [4, pp. 264-277] — сложными отношениями между Ливией и окрестными странами, приграничные регионы которых схожи с Феццаном и Южной Киренаикой хозяйственной системой и укладом жизни.

Уже в монархический период (1951-1969) ливийский юг превратился в единую экономическую зону, хозяйственная политика в отношении которой диктовалась двумя факторами: консервативностью племенной иерархии региона и наличием сырьевых ресурсов. Последний фактор, впрочем, стал и источником конфликтов и роста значения теневой экономики для выживания местных племён: упор на промышленность предполагал перенесение экономических акцентов на города, тогда как города с их клановой структурой, во многом, были социально изолированы от племён. Для ливийской истории (как для юга страны, так и для севера), в целом, противопоставление города и племени было и остаётся одним из ведущих факторов социального и экономического развития.

В 1950-х гг. были разведаны месторождения железа и серы, нефти и воды, и последние два ресурса стали определять значение региона для жизни всей страны: Ливия мало-помалу начала превращаться в нефтяного экспортёра [1, с. 10-11]. До конца монархического периода эта тенденция была выражена не столь очевидна (в силу медленного строительства необходимых объектов инфраструктуры) и не приводила к социальным конфликтам (в силу сохранения племенной иерархии «сверху» путём предоставления средств и привилегий [1, с. 11]), однако в

эпоху правления Муаммара Каддафи она стала определять развитие региона.

Каддафи не только сумел быстро наладить переправку нефтяных ресурсов Феццана и бассейнов Южной Киренаики к побережью, откуда углеводороды экспортировались в Европу, но и выстроил (с 1984) Великую Рукотворную реку – проект по доставке грунтовых вод в прибрежные районы, который позволил максимально оптимизировать поливное земледелие и укрепить продовольственную безопасность портовых городов [12]. В этот период на юге Ливии строятся дороги и прокладываются трубы, а ключевыми экономическими центрами становятся инфраструктурные узлы, что оттеснило на второй план обитающие в регионе племена.

Такая политика имела два важных последствия, актуальных по сей день. Во-первых, чтобы не допустить формирования сильной оппозиции режиму на юге страны, правительство Каддафи воспользовалось племенными разногласиями и старалось поддерживать стабильный конфликт между арабами и негроидными тебу, арабами и берберами [7]. Во-вторых, чтобы выжить и прокормить себя, племена юга были вынуждены включаться в сети теневой экономики и обеспечивать контрабанду и нелегальные миграционные потоки, оказывая логистическую поддержку и укрывая преступников. Так юг Ливии стал частью куда более крупной сети, охватывающей все страны Сахеля и многих игроков, в числе которых – «Ал-Каида в странах Исламского Магриба» и ряд сепаратистских движений в малийском Азаваде и суданском Дарфуре [14].

Когда в 2011 г. вспыхнули гражданские беспорядки, пострадала, прежде всего, инфраструктура, связывавшая север и юг страны. Авиаудары НАТО повредили Великую Рукотворную реку, а в ходе конфликтов между различными бандформированиями, племенами и муниципалитетами разрушения затронули и нефтепроводы. То, что уцелело, перешло, во многом, под контроль племён [6]. В результате, север страны, зависящий от поставок нефти и воды, и юг страны, зависящий от поставок с севера продуктов питания и основных товаров, оба оказались в сложном положении.

Племена ливийского юга сумели приспособиться к новой ситуации, усилив свою роль в теневой экономике, особенно – в переправке потоков беженцев на север, к побережью. Параллельно росту миграционных потоков выросли и объёмы перевозимых контрабандой наркотиков и оружия.

Из трёх основных направлений таких потоков два тянутся с юга на север (через Куфру в сторону портов Киренаики, через Сабху – в Триполитанию), третий пересекает Сахару с востока на Запад. Основными партнёрами и помощниками ливийских племён являются племена и кланы приграничных районов соседних стран, причём сотрудничество между ними в первые годы конфликта росло без каких-либо препятствий со стороны правительств. Так, граница между Египтом и Ливией до казни силами ИГ 20 рабочих-коптов в 2015 г. оставалась открытой, и обитатели египетской провинции ал-Минья подрабатывали перевозкой беженцев из Египта и Судана через пограничные районы. В Ливии они передавали «клиентов» местным племенам и возвращались домой – причём, в силу открытости границ, всё происходило совершенно легально [11].

Подсчитать масштабы подобного явления невозможно. Даже на севере страны, где в контроле над границей усиленно участвуют сам Египет и европейские страны, в одной только ас-Саллуме ежедневно фиксируется от 50 до 100 египтян, возвращающихся из Ливии домой [11]. Возможность контроля над подобным маятниковым потоком снижена тем, что многие египтяне и суданцы работали в Ливии до начала беспорядков, и некоторые из них действительно возвращаются на постоянное место жительства.

Контроль над потоками на юге страны не осуществляется в принципе, статистического учёта здесь нет, и в ближайшее время ни то, ни другое не предвидится. Эпизодические проверки демонстрируют масштабы контрабанды: так, в городке-оазисе Джагбуб были разово конфискованы 330 млн таблеток, содержащих наркотические вещества, причём обнаружен был лишь один из тайников [9].

К настоящему времени можно говорить о создании сложной иерархии уровней контрабанды – так, «наиболее легальной» (вернее, настолько привычной и массовой, что

бороться с ней никто не пытается) оказывается перевозка беженцев. На втором «уровне легальности» стоит контрабанда нефти и прочих минеральных богатств, на третьем – торговля наркотиками и оружием [14]. Суть такой пирамиды проста: каждый «более легальный» уровень служит прикрытием для «менее легального», и в любом автобусе с беженцами, который, скорее всего, не станут останавливать и досматривать почти до самого побережья, могут оказаться партии гашиша или углеводов.

Ситуация усугубляется тем, что бороться с ней силовыми методами невозможно. В некоторых случаях, попытки борьбы с теневой экономикой инициируются оседлыми жителями приграничных городов и поселений – так, обитатели египетского оазиса Сива пытались перекрыть боевикам дорогу на Джагбуб. Однако конфликт вылился в поджоги пашен и рощ оазиса, и дальнейшие действия со стороны населения Сива могут привести к человеческим жертвам [13]. Попытки органов безопасности Египта перекрыть ряд приграничных пунктов также приводят к негативным последствиям: проводники ведут беженцев в обход дорог, и смертность в песках Сахары значительно возрастает.

Ливийские власти, по всей видимости, не намерены предпринимать решительных действий – Правительство Национального Единства в Триполи едва ли способно повлиять на ситуацию вне пределов столицы, а правительство в ал-Байде и Ливийская Национальная Армия (которые, кстати, формально контролируют юг Ливии через альянсы с племенными шейхами) с малой долей вероятности готовы пойти на риск ухудшения отношений с ключевыми племенами. Силы ЛНА, во многом, состоят из племён, которые сами по себе являются элементами общей экономической теневой сети [3].

В свете всего вышеуказанного можно сделать промежуточный вывод: резкое силовое приостановление контрабанды не является достаточным решением. Следствием такового был бы или поиск новых путей поставок, тем более что потоки беженцев не сокращаются, а окружающие Ливию страны едва ли готовы сами принять наплыв мигрантов, или же физическое вымирание ряда племён. Для некоторых из них участие в теневых сетях является единственным способом

обеспечить себя едой и водой, товарами первой необходимости. В условиях экономического коллапса на юге страны у них нет элементарной альтернативы.

В Ливии есть образцовые поселения, жители которых сумели наладить свою собственную экономическую модель и создать структуры, которые обеспечивают порядок и безопасность – например, Бени Валид на западе страны или Шаххат на востоке. Однако модели, лежащие в основе самовосстановления Бени Валида или Шаххата не могли бы работать в условиях ливийского юга: так, контроль над Шаххатом осуществляется силами муниципалитета, основанного на клановом, а не на племенном принципе [10], а Бени Валид был трайбализирован одним-единственным племенем варфалла [2]. Модели самостоятельного восстановления (или становления) экономики в Ливии связаны с отсутствием этнических и племенных конфликтов, с единством и централизацией локальной власти, что для юга вовсе не характерно.

То есть, для решения проблем Ливийского юга и для реализации его потенциала требуется внешнее вмешательство. Однако это вмешательство должно быть направлено не на силовое принуждение и насильственное пресечение теневой сети, а на выстраивание альтернативных предприятий – добывающих, обрабатывающих. Возможно, некоторые из племён смогут приспособиться к новому типу экономики и переделить ресурсы и мощности так, чтобы не пересекаться друг с другом.

Пути и дороги, проторенные контрабандистами, могли бы использоваться для торговли, нормальной международной торговли со странами Сахеля (при вхождении в Сообщество Стран Сахеля, CEN-SAD, в котором Ливия могла бы доминировать [4]), в рамках которой приграничные пункты, обслуживаемые и охраняемые представителями тех же племён, из КПП превратились бы в зажиточные транзитные поселения.

Словом, у Южной Киренаики и Фецана есть потенциал не только преодолеть нынешний кризис и восстановить прежнюю хозяйственную систему, при её усовершенствовании и ликвидации племенных конфликтов, но и стать во главе региональной интеграции, которая могла бы привести к

повсеместному улучшению обстановки во всём регионе, одном из самых нищих и конфликтных во всей Африке.

Список литературы:

1. Beswick T. et al. Revolution and its Discontents: State, factions and Violence in the New Libya // CRU report. The Clingendael Institute, 2013. 75 p.
2. Fetouri M. How a Small Libyan Town Insulated Itself from Surrounding Chaos. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/10/libya-bani-walid-town-security-safety-self-governance-chaos.html> (accessed on 15.03.2018).
3. Gazzini C. Traversing the Tribal Patchwork of Libya's South West. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/libya/traversing-tribal-patchwork-libyas-south-west> (accessed on 19.03.2018).
4. Karlberg E., Otman W. The Libyan Economy: Economic Diversification and International Repositioning. Springer Science & Business Media, 2007. 474 p.
5. Laytimi A. Agricultural Situation Report – Libya. URL: <http://medfrol.maich.gr/documentation/view/reports/wp1-asr/Libya.pdf> (accessed on: 19.03.2018). 41 p.
6. Libya – Political, Economy and Tribal Complexity. URL: <https://lecourrierdumaghrebetdelorient.info/focus/libya-political-economic-and-tribal-complexity/> (accessed on: 15.03.2018).
7. Libya: the Importance of Managing Southern Tribal Conflicts. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/libya-importance-managing-southern-tribal-conflicts> (accessed on 16.03.2018).
8. Wehrey F. Insecurity and Governance Challenges in Southern Libya // Carnegie Endowment for International Peace. URL: <http://carnegieendowment.org/2017/03/30/insecurity-and-governance-challenges-in-southern-libya-pub-68451> (accessed on: 19.03.2018).
9. الجغبوب: إعدام كمية هائلة من حبوب الترامدول. URL: <https://www.libyaakhbar.com/libya-news/517059.html> (accessed on 17.03.2018).

10. الحبل ي. بلدي شحات يصدر ميثاقاً للأهالي للمحافظة على «الأمن والسلام الاجتماعي». URL: <http://alwasat.ly/ar/news/libya/159880/> (accessed on: 19.03.2018).
11. ترصد «رحلة العطشة والتهيه» للمهاجرين في الصحراء ليبيا. URL: <https://aawsat.com/home/article/1045681/> (19.03.2018).
12. زعرب س. النهر الصناعي العظيم. URL: http://fezzan24.blogspot.ru/2016/09/blog-post_68.html (accessed on 15.03.2018).
13. سيوة. واحة الأساطير والإسكندر ومقبرة حنود قمبيز. URL: <http://www.elmawke3.com/> (17.03.2018).
14. سلامة ع. تحقيق استفضائي الأهرام في تورا بورا الصحراء ترصد قوافل المخدرات. URL: <http://www.ahram.org.eg/NewsPrint/630250.aspx> (accessed on 17.03.2018).

Захаров А.И.
**Условия ведения бизнеса в Индии: закономерный
прогресс?**

К.и.н. Научный сотрудник
Центр индийских исследований
Институт востоковедения РАН
aleksei.zakharof@yandex.ru

Индия стала одной из немногих стран, совершивших заметный рывок в рейтинге ежегодного аналитического доклада Всемирного банка (ВБ) об условиях ведения бизнеса¹, выпущенного в октябре 2017 года. Впервые за историю подготовки данного исследования Индия вошла в список 100 мировых экономик, преодолев сразу 30 позиций и улучшив показатели по 6 из 10 категорий, используемых для оценки бизнес-климата. В планах у правительства Нарендры Моди, внимательно следящего за рейтингом Всемирного банка, попасть в 50 лучших стран мира.

Согласно докладу, с 2003 года в Индии было проведено 37 реформ, но половина из них пришлась на период с 2014 по 2017 гг. Аналитики ВБ особо отметили позитивные изменения бизнес-климата Индии по трем индикаторам: «разрешение неплатежеспособности», «налогообложение» и «защита миноритарных инвесторов».

Представленные в отчете Всемирного банка данные, равно как и используемая для подсчета методология, часто подвергаются критике за необъективность и неточность. Один из значимых недостатков доклада Всемирного банка – выводы о бизнес-климате Индии на основе проведения исследования лишь в Дели и Мумбаи. Если бы в отчете учитывались трудности, с которыми бизнес сталкивается в других индийских городах, позиции Индии в рейтинге, вероятнее всего, были бы ниже.

При оценке ВБ не учитывалось влияние на инвестиционный климат демонетизации, проведенной в Индии в ноябре 2016 года. Также предпринимателям, принимавшим участие в опросе, не задавали вопрос о последствиях введения с июля 2017 года налога

1 Doing Business 2018. Reforming to Create Jobs. World Bank Group. URL: <http://www.doingbusiness.org/~/media/WBG/DoingBusiness/Documents/Annual-Reports/English/DB2018-Full-Report.pdf>

на товары и услуги (Goods and Services Tax, GST). По некоторым данным, именно эти два шага индийского правительства стали причиной снижения темпов экономического развития.

Тем не менее, международные рейтинговые агентства Moody's, Fitch и S&P единогласно прогнозируют рост индийской экономики, полагая, что введение GST имеет позитивный эффект для ее будущего развития. В ноябре 2017 года Moody's повысило суверенный рейтинг Индии, отметив проводимые в стране структурные реформы. По оценке агентства, реализация реформ будет «продвигать цели правительства по улучшению бизнес-климата, увеличению производительности, стимулированию зарубежных и внутренних инвестиций»².

При анализе условий ведения бизнеса в Индии необходимо учитывать такие важные индикаторы, как уровень экономической свободы и коррупцию. Согласно индексу экономической свободы, представленному американским консервативным фондом «Наследие» (The Heritage Foundation), Индия занимает лишь 130 место в мире. Исследование фонда показало, что «коррупция, неразвитая инфраструктура, ограничительная и обременительная нормативно-правовая среда <...> продолжают подрывать общее развитие страны»³.

Представляется, что несмотря на существующие в Индии трудности ведения бизнеса, правительство Нарендры Моди удалось достичь определенного прогресса в улучшении инвестиционной привлекательности страны. Дальнейшее развитие условий предпринимательской деятельности в Индии зависит от того, будет ли продолжен курс премьер-министра по проведению экономических реформ и каковы будут его результаты.

Список литературы:

1. Doing Business 2018. Reforming to Create Jobs. World Bank Group. URL: <http://www.doingbusiness.org/~media/WBG/DoingBusiness/Documents/Annual-Reports/English/DB2018-Full-Report.pdf>

2 S&P, Moody's, Fitch – all have this common thing to say about Modi's GST, but with small differences

Financial Express. 16 March 2018. URL: <http://www.financialexpress.com/economy/sp-moodys-fitch-all-have-this-common-thing-to-say-about-modis-gst-but-with-small-differences/1100993/>

3 2018 Index of Economic Freedom. India. The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/index/country/india>

2. S&P, Moody's, Fitch – all have this common thing to say about Modi's GST, but with small differences
3. Financial Express. 16 March 2018. URL: <http://www.financialexpress.com/economy/sp-moodys-fitch-all-have-this-common-thing-to-say-about-modis-gst-but-with-small-differences/1100993/>
4. 2018 Index of Economic Freedom. India. The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/index/country/india>

Рабей С.Л.

Регулирование виртуальных валют в Индии

Научный сотрудник
Центр индийских исследований
Институт востоковедения РАН
sergey.rabey@gmail.com

Быстрое развитие рынка виртуальных валют привлекло внимание Правительства Индии еще в 2013 году. Резервный банк Индии выпустил первый пресс-релиз по данной тематике в декабре 2013 г., в котором предостерегал от использования децентрализованных цифровых валют (или виртуальных валют), таких как биткоин, в связи с высокими рисками, среди которых регулятор называл волатильность курса, угрозу хищения средств, отсутствие какого-либо регулирования и механизма разрешения споров. В данном документе также выражалась обеспокоенность относительно анонимной природы подобных валют, и как следствие, их возможного использования в незаконных целях, таких как отмывание денег и финансирование терроризма¹.

В 2017 году центральный банк страны выпустил еще два пресс-релиза, в которых все более вкрадчиво разъяснял, что «пользователи, владельцы и торговцы виртуальными валютами... делают это на свой собственный страх и риск», и что «Резервный банк Индии не выдавал никаких лицензий или разрешений компаниям, которые предоставляют свои услуги на этом рынке»².

Однако цифровые валюты по-прежнему являлись пусть и рисковым, но легальным инструментом по принципу «что не запрещено, то разрешено», т.к. формально их правовой статус оставался не определен. В течение 2013–2017 гг. наблюдалось очень бурное развитие этого рынка в Индии. За этот период в стране появилось несколько десятков электронных бирж, которые

¹ Press Release: 2013-2014/1261. Department of Communication, Reserve Bank of India. 24.12.2013.

² Press Release: 2016-2017/2054. Department of Communication, Reserve Bank of India. 01.02.2017; Press Release: 2017-2018/1530. Department of Communication, Reserve Bank of India. 05.12.2017.

позволяют купить или обменять между собой различные виртуальные валюты. Волатильность курса на электронных торгах дает возможность получить высокий доход в короткие сроки, и это притягивает все новых клиентов на биржевые площадки. В различных индийских СМИ нередко можно услышать положительное мнение о новых возможностях для заработка, которые предоставляют виртуальные валюты. Выступающие эксперты в этой области почти единогласно предостерегают пользователей от чрезмерных вложений: «инвестируй ровно столько, сколько не боишься потерять». Очевидно, так была ими интерпретирована рекомендация Резервного банка.

Стоит отдельно отметить, что в рассматриваемый период отрасль показала хорошую способность к «ответственной» саморегуляции. Большинство индийских электронных бирж еще на заре своего существования стали регистрировать пользователей только по предъявлении копии идентификационных документов (паспорта и/или *Aadhar card*). В дальнейшем требования по деанонимизации клиентов становились все жестче: переводы стали приниматься с единственного личного банковского счета, исключались транзакции через платежные системы, начали блокироваться подозрительные переводы. В начале 2017 г. ведущие криптовалютные биржи совместно учредили Фонд цифрового капитала и блокчейн Индии (*Digital Asset and Blockchain Foundation of India (DABFI)*). Целями организации являются стандартизация механизмов регистрации и предоставления идентификационных данных клиента, формализация договоренностей с регулируемыми органами по вопросам налогообложения, а также ликбез населения. Один из сооснователей *DABFI*, директор биржи *Zebpay*, в интервью газете *Businessline* сообщил, что «*DABFI* намерен добиваться лицензирования деятельности электронных бирж наравне с коммерческими банками»³.

В конечном счете, покупка виртуальных валют за рупии или обратная операция по обналичиванию остались возможны только с участием электронной биржи и коммерческого банка. И

³ Srivats K.R. Panel on crypto-currency submits report to Jaitley // *The Hindu Businessline*, 07.08.2017.

если электронные биржи, как сказано выше, не были предметом регулирования, то коммерческие банки, обладающие полной информацией о своих клиентах, однозначно подотчетны Резервному банку. Таким образом, хотя бы теоретически, внутри страны могла быть отслежена любая подозрительная активность, связанная с денежными потоками в цифровых валютах.

Тем не менее, Резервный банк Индии был обеспокоен ростом популярности виртуальных валют, выпуск которых он не контролировал. В начале ноября 2017 г. глава регулятора сообщил на конференции в Мумбаи: «Наша нынешняя позиция по биткоином заключается в том, что мы не будем использовать их для каких-либо платежей и расчетов ... хотя технология, лежащая в основе криптоконверсий, не закончится»⁴. Также в ноябре 2017 г. выказал обеспокоенность относительно распространения виртуальных валют Верховный суд Индии. Он направил официальную петицию центральному банку Индии, налоговому департаменту и другим ответственным ведомствам, в которой призвал к регулированию отрасли. В петиции утверждалось, что виртуальные валюты можно использовать при осуществлении непрослеживаемых трансграничных переводов, что делает их привлекательным инструментом для уклонения от налогов и преступной деятельности⁵.

Сообщается, что в конце 2017 г. Резервный банк Индии дал негласную рекомендацию для коммерческих банков осторожнее работать с биржами цифровых валют, в результате чего у последних стали возникать сложности с выводом рупий на счета клиентов⁶. Неформальные ограничения вскоре были так или иначе преодолены, и биржи продолжили функционировать, однако опасения относительно скорого введения регулирования сохранились у участников рынка. Как показало время, эти опасения оправдались.

К 2018 г. тема виртуальных валют вышла на обсуждение в самых высоких эшелонах власти. Министр финансов А. Джайлти

⁴ Kettley S. Is bitcoin illegal in India? Bitcoin's complicated relationship with India explained // *Express (UK)*, 10.01.2018.

⁵ SC seeks govt's response on plea to regulate Bitcoin // *The Hindu*, 14.11.2017.

⁶ Kettley S. Is bitcoin illegal in India? Bitcoin's complicated relationship with India explained // *Express (UK)*, 10.01.2018.

в бюджетном послании 2018 г. заявил о недопустимости использования виртуальных валют в качестве платежного средства и средства обращения и пообещал, что официальное решение по регулированию рынка будет выпущено до конца года⁷. Заявление А. Джейтли сильно покачнуло курс цифровых валют на локальных площадках, но на глобальном рынке оно не отразилось. Действительно, рынок виртуальных валют в Индии сравнительно невелик в мировом масштабе, однако является одним из наиболее быстрорастущих. По сообщению лишь одной электронной биржи *Zebpay*, на ней регистрировалось более 200 тыс. новых пользователей ежемесячно⁸.

Таким образом, выполнение цифровыми валютами функции денег оказалось под запретом, однако возможности для их использования значительно шире:

- Как финансовый актив цифровые валюты демонстрируют устойчивый долгосрочный рост. Вкладчики, которые осуществили вложения в биткоин на момент выпуска первого пресс-релиза ЦБ в 2013 г., получили к началу 2018 г. доход свыше 1000%. Ежедневные колебания курса, достигающие 10–20%, позволяют при должных навыках и везении трейдера получить ощутимый краткосрочный доход.
- Промышленное производство криптовалют, т.н. «майнинг», требует задействования крупных вычислительных мощностей, что предъявляет высокий спрос на компьютерные комплектующие, электроэнергию и охлаждающее оборудование. Таким образом, майнинг можно рассматривать как составляющую реального сектора экономики.
- Наконец, важной функцией криптовалюты является привлечение венчурных инвестиций через *initial coin offering (ICO)*. К *ICO* часто прибегают молодые компании в *IT*-сфере, и несколько индийских стартапов уже провели *ICO* на площадках Сингапура и Японии⁹.

⁷ Shukla S. FM Arun Jaitley settles the Bitcoin issue for once and for all // *The Economic Times*, 02.02.2018.

⁸ Zebpay forecasts half a million users monthly by 2018 // *coinpedia.org*, 27.10.2017.

⁹ Pillai S. Indian startups raise funds via bitcoins // *The Times of India*, 07.03.2018.

Очевидно, что Правительство Индии тщательно взвешивало возможные дивиденды и риски от распространения виртуальных валют. С одной стороны, достаточно распространено мнение о том, что та страна, которая будет как активно включать виртуальные валюты в свое правовое поле, получит некие глобальные преимущества раннего старта по привлечению инвесторов и налогоплательщиков.

С другой стороны, и об этом прямо упоминает в своих пресс-релизах Резервный банк Индии, децентрализованные электронные валюты могут угрожать нормальному функционированию экономики. Виртуальные валюты могут быть задействованы в преступном бизнесе: торговля оружием, людьми и наркотиками. Также их удобно использовать для отмывания денег, сокрытия доходов и нелегального вывоза капитала. Наконец, неоднократно делалась ремарка о возможной связи виртуальных валют с финансированием терроризма: даже бездоказательное упоминание всегда однозначно сильно влияет на восприятие серьезности проблемы аудиторией. Несомненно, применение принципа «знай своего клиента» и обязательное привлечение коммерческих банков к конвертации фиатных денег в виртуальные валюты нивелирует или значительно сокращает большинство вышеописанных рисков. Но, пожалуй, основную озабоченность Правительства, хотя об этом и не говорится открыто, вызывает сам факт существования параллельной валютной системы, которая едва ли поддается регулированию ввиду своей децентрализованной природы. Цифровые валюты теоретически могли бы составить реальную конкуренцию рупии, а этого Нью-Дели никак не может допустить. Также возникает ряд вопросов, связанных с налогообложением в данной сфере, подачей финансовой отчетности, и т.д.

Для изучения проблем и перспектив виртуальных валют и выработки рекомендаций по регулированию этой сферы Правительством был учрежден междисциплинарный комитет¹⁰. Один из виднейших его членов, бывший министр финансов

¹⁰ Government constitutes an Inter- Disciplinary Committee chaired by Special Secretary (Economic Affairs) to examine the existing framework with regard to Virtual Currencies. Press Information Bureau, Government of India, Ministry of Finance.

Ш. Дас, впоследствии заявил о том, что считает эффективное регулирование отрасли невозможным, т.к. «невозможно проникнуть в каждый дом и выяснить, какие транзакции там проводятся»¹¹.

Окончательное решение по регулированию рынка виртуальных валют оказалось проще и жестче и последовало ранее, чем того ожидали участники. 5 апреля 2018 г. Резервный банк Индии официально объявил о следующем: «Принимая во внимание связанные с виртуальными валютами риски, было принято решение с немедленным вступлением в действие о том, что компании, регулируемые Резервным банком Индии, не будут заниматься или предоставлять услуги каким-либо физическим или юридическим лицам, которые связаны с торговлей виртуальными валютами. Регулируемые компании, уже предоставляющие такие услуги, должны выйти из отношений в течение определенного времени. Циркуляр в этом отношении будет выпущен отдельно»¹². Сопоставляя данное заявление со словами Ш. Даса, можно сделать вывод о том, что запрет на использование виртуальных валют был сочтен более простой мерой, чем попытка их регулирования.

В дальнейшем был конкретизирован срок для ликвидации отношений между коммерческими банками и электронными биржами – 06 июля 2018 г. До этого срока текущие отношения сохраняются, и пользователи имеют возможность для вывода средств в фиатных деньгах. Ввиду волны продаж виртуальных валют на индийских биржах они торгуются с дисконтом к рупии по сравнению с другими мировыми валютами.

Необходимо отметить, что новое регулирование не означает полный запрет на виртуальные валюты в стране. Ограничивается только связь банковского сектора с этой тематикой, но физические лица по-прежнему вольны искать пути конвертации фиатных денег в виртуальные. Новые правила конвертации не позволяют клиентам обменивать рупии на любую виртуальную валюту и совершать покупки на международных

¹¹ Sommerlad J. Cryptocurrencies should be banned because regulating them is too difficult, says Indian economic expert // Independent (UK), 12.03.2018.

¹² Press Release: 2017-2018/2642. Department of Communication, Reserve Bank of India. 05.04.2018.

биржах, однако не накладывают ограничений на владение, распоряжение или майнинг. Среди оставшихся вариантов – обмен одних виртуальных валют на другие между уже существующими инвесторами или покупка цифровых валют за наличные деньги в другой стране. В таких условиях функции электронных бирж сильно ограничиваются, и, скорее всего, выживут только наиболее крупные из них. Причем, для выживания им необходимо будет либо изменить бизнес-модель, адаптировав ее под требования регулятора, либо переместить бизнес за границу. Причем, последний вариант наиболее вероятен, т.к. позволит крупным игрокам осуществить выход на глобальную арену¹³.

Правительство Индии неоднократно подчеркивало, что технология распределенных вычислений, лежащая в основе цифровых валют, имеет потенциал для использования в различных отраслях экономики. Более того, Резервный банк Индии рассматривает возможность создания собственной «фиатно-цифровой» валюты по примеру аналогичных проектов центральных банков других стран. Данная мера позволила бы преодолеть технические барьеры при осуществлении переводов, сделав их быстрее и дешевле, но сохранив при этом государственный контроль над валютой в полном объеме. Для изучения целесообразности и осуществимости такого шага Резервным банком создана междепартаментская группа.¹⁴

Виртуальные валюты действительно имеют очевидные преимущества при выполнении ими функции денег, такие как низкая стоимость и высокая скорость обработки транзакций. Кроме того, биржевая инфраструктура и майнинг являются частью реального сектора экономики, обеспечивая занятость и спрос на оборудование и электроэнергию. С другой стороны, анонимность и децентрализация, ограниченные возможности государственного контроля способствуют их использованию в преступной или теневой деятельности. Возможен глобальный сценарий схлопывания пузыря на рынке виртуальных валют, что повлечет

¹³ Anand N. Why India's cryptocurrency exchanges may move to Singapore, Switzerland, or Malta // *Quartz (India)*, 17.04.2018.

¹⁴ Statement on Developmental and Regulatory Policies. Department of Communication, Reserve Bank of India. 05.04.2018.

резкое банкротство фирм и вкладчиков. Принятое Правительством решение в большей степени ориентировано на то, чтобы оградить население и предприятия от вышеназванных рисков. Упущенные экономические выгоды приносятся в жертву во имя регулируемости и предсказуемости на финансовых рынках.

В заключение следует упомянуть о том, что правовой статус виртуальных валют в странах Южной Азии имеет серьезные отличия. Пакистан пошел по индийскому пути, объявив об аналогичном решении на запрет банковских отношений с электронными биржами 9 апреля 2018 г. В соседнем Бангладеш владение или использование виртуальных валют объявлено незаконным еще в 2014 г., а нарушителям грозит тюремный срок. В долгосрочном сценарии нельзя исключать изменения отношения Правительства Индии к цифровым валютам, что может быть обусловлено изменением глобальных тенденций в этой сфере.

Список литературы:

1. Anand N. Why India's cryptocurrency exchanges may move to Singapore, Switzerland, or Malta // Quartz (India), 17.04.2018.
2. Government constitutes an Inter- Disciplinary Committee chaired by Special Secretary (Economic Affairs) to examine the existing framework with regard to Virtual Currencies. Press Information Bureau, Government of India, Ministry of Finance.
3. Kettley S. Is bitcoin illegal in India? Bitcoin's complicated relationship with India explained // Express (UK), 10.01.2018.
4. Pillai S. Indian startups raise funds via bitcoins // The Times of India, 07.03.2018.
5. SC seeks govt's response on plea to regulate Bitcoin // The Hindu, 14.11.2017.
6. Shukla S. FM Arun Jaitley settles the Bitcoin issue for once and for all // The Economic Times, 02.02.2018.
7. Sommerlad J. Cryptocurrencies should be banned because regulating them is too difficult, says Indian economic expert // Independent (UK), 12.03.2018.
8. Srivats K.R. Panel on crypto-currency submits report to Jaitley // The Hindu Businessline, 07.08.2017.

SUMMARY

In February 2018, the famous Russian scientist-orientalist Victor G. Rastyannikov would have turned 90 years old. Among the world's Indologists, he is best known as the author of the book «Agrarian Evolution in Multiform Structure Society. Experience of Independent India» (London: Routledge and Kegan Paul. 1981).

The scientific heritage of Victor G. Rastyannikov is diverse. This book presents articles in three scientific areas.

In the first section of the book the contribution of Victor G. Rastyannikov to the study of socio-economic processes in the East is noted. Reprint edition of the paper on the problems of scientific and technical revolution, written by V. G. Rastyannikov in the early 1990s, is included in this section. This allowed to trace the change in approaches that evolved in the Institute of Oriental Studies to study of scientific and technological revolution, to study the paradigm of concepts that was used to study the emerging phenomenon of the Fourth industrial revolution.

The second section presents papers on the development of innovative productive forces in Asia and Africa in the XXI century. In this section, two tasks were solved. First, the category system and general approaches to the study of the Fourth Industrial Revolution were determined and, secondly, the directions of the spread of innovative technologies in Japan, China, India were studied. There are alternative approaches to the definition of the Fourth Industrial Revolution. Having studied the approaches to the description of the modern stage of scientific and technological progress in the world, three category systems were identified: the Fourth Industrial Revolution, Industry-4.0 (Germany), the Digital Economy (Russia). On the one hand, they describe the same phenomenon – the spread of innovative technologies and modern scientific and technological progress, and on the other, have different economic significance. The following areas are distinguished by their novelty: the study of labor productivity as a system-forming category to assess the spread of innovative technologies of the Fourth Industrial Revolution, the study of labor-

saving technologies in countries with excess labor resources, the proliferation of new terms of employment and changes in the labor market during the scientific and technological progress. The issues of catching up and surpassing the development of the East, as well as evidence of the movement of economic growth centers from the West to Asia are of great interest.

The third section is devoted to the discussion of agricultural problems that have an acute impact on the socio-economic life of Asia and Africa at the beginning of the XXI century. In this section the example of India, Myanmar, Afghanistan, Sudan, Nigeria and other countries in Tropical Africa have been studied such issues as the impact of export orientation of agriculture on social indicators of development in the villages of the East. The resource potential of agricultural production and the impact of the ecological environment, the food situation in the least developed countries in Asia and Africa and possible ways to overcome the agricultural crisis in Sub-Saharan Africa were studied.

The fourth section analyses economic progress in India, South Asia and Central Asia. This section examines the impact of innovative technologies inherent in the Fourth Industrial Revolution on economic growth in various countries and sectors of the economy of the East. The greatest attention was paid to the change of economic growth trends in Turkey, Malaysia, Libya, Yemen, the Maghreb and some other Arab countries. Papers in this section also included analysis of the spread of innovative technologies in certain sectors of the economy of India, South and Central Asia, such as finance, transport, business management.

Научное издание

**Страны Азии и Африки в XXI веке: экономическое
развитие и научно-технический прогресс.
К 90-летию Виктора Георгиевича Растянникова**

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Формат 60х90/16. Усл.-печ. л. 23,9. Тираж 500 экз.
Подписано в печать 02.07.2018. Заказ № 129549.

Федеральное государственное бюджетное учреждение
Науки Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел. Рук.отдела А.В. Сарабьев
e-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии «ПАО Т8»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д.42, корп.5, ком. 6.
Тел. (499) 332-38-30. E-mail: info@T8print.ru